ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1876.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.
1876

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1876.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2. л., 7.
1876

(266)

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ОТДѢЛЪ I.

А. Высочайшія повелѣнія.

1.

По вопросу объ обязательномъ употребленіи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ гминныхъ судовъ, семейныхъ совѣтовъ и конкурсныхъ управленій, а также при совершеніи нотаріальныхъ актовъ въ губерніяхъ царства польскаго. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, разсмотрѣвъ представленіе министерства юстиціи по вопросу объ обязательномъ употребленіи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ гминныхъ судовъ, семейныхъ совѣтовъ и конкурсныхъ управленій, а также при совершеніи нотаріальныхъ актовъ, положилъ:

1. Разъяснить, что при разбирательствѣ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ въ гминныхъ судахъ можетъ быть, кромѣ русскаго языка, допускаемо употребленіе и того языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны и участвующія въ дѣлѣ лица не знаютъ языка русскаго. Но и въ сихъ случаяхъ, на точномъ основаніи 241-й статьи положенія 19-го февраля 1875 года, приговоры, рѣшенія, постановленія и опредѣленія суда и вообще всѣ письменные акты, отъ суда исходящіе, должны быть излагаемы на русскомъ языкѣ.

2. Разъяснить, что въ семейныхъ совѣтахъ, въ коихъ предсѣдательствуютъ мировые судьи или лавники, а также въ конкурс-

ныхъ управленіяхъ, сужденія могутъ происходить, при незнаніи членами оныхъ русскаго языка, на другомъ, имъ извѣстномъ мѣстномъ языкѣ; но постановленія семейныхъ совѣтовъ и конкурсныхъ управленій должны быть также излагаемы на русскомъ языкѣ, съ приложеніемъ, если члены совѣтовъ и конкурсныхъ управленій признаютъ нужнымъ, перевода постановленія на томъ языкѣ, на коемъ происходили сужденія.

3. Указанные въ ст. 3 правилъ 19-го февраля 1875 года о нотаріальной части частные акты, представляемые къ засвидѣтельствованію у мировыхъ судей и въ гминныхъ судахъ, могутъ быть составляемы, кромѣ русскаго языка, и на языкѣ, употребляемомъ мѣстнымъ населеніемъ, но съ тѣмъ, что въ случаѣ возникновенія по такому акту судебнаго разбирательства и представленія онаго въ судебное установленіе долженъ быть представляемъ, вмѣстѣ съ подлиннымъ актомъ, и засвидѣтельствованный переводъ онаго на языкъ русскій.

Предоставить лицамъ, совершающимъ нотаріальные акты, право получать, кромѣ русскаго текста (ст. 97 полож. о нот. части), изложеніе онаго на языкѣ, мѣстнымъ населеніемъ употребляемомъ, съ отвѣтственностью нотаріуса за вѣрность перевода и съ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ подлинникомъ считается русскій текстъ.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

2.

Объ увеличеніи состава варшавской судебной палаты. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго въ засѣданіи 18 мая 1876 года разсматривалъ представленіе министра юстиціи, отъ 27-го апрѣля 1876 года за № 6,480, объ усиленіи состава варшавской судебной палаты.

Комитетъ по дѣламъ царства, разсмотрѣвъ настоящее дѣло при участіи товарища министра юстиціи, согласно съ представленіемъ министра юстиціи и мнѣніемъ министра финансовъ, *полагалъ:*

1. Для успѣшнѣйшаго разрѣшенія дѣлъ, кои поступятъ въ варшавскую судебную палату изъ судебныхъ мѣстъ прежняго устройства, образовать въ сей палатѣ временно, со дня открытія оной на три года, четвертый департаментъ, усиливъ для сего штатъ палаты, согласно временному дополнительному штату,

проектъ коего всеподданнѣйше представить на высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе;—и

2. Исчисленный по означенному временному дополнительному штату расходъ, въ количествѣ 38,950 р. въ годъ, вносить, съ 1-го января 1877 года, въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства юстиціи; расходъ же, причитающійся по сему дополнительному штату въ текущемъ 1876 году, въ размѣрѣ 19,475 р., отнести на остатки отъ заключенныхъ смѣтъ.

Государь Императоръ на журналѣ комитета, 27-го мая 1876 года, соизволилъ написать собственноручно: „*исполнить*"; представленный же при ономъ проектъ временнаго дополнительнаго штата варшавской судебной палаты удостоенъ, въ тотъ же день, высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

Временный дополнительный штатъ варшавской судебной палаты.

(Высочайше утвержденъ 27-го мая (8-го іюня) 1876 г.).

	Число лицъ.	Оклады содержанія въ годъ. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирн.	Всего.
		Рубли.			
Предсѣдатель департамента	1	3,000	1,000	1,000	5,000
Членовъ.	5	2,000	750	750	17,500
Секретарь.	1	1,000	400	400	1,800
Помощниковъ секретаря.	2	400	200	200	1,600
Судебный приставъ.	1	300	150	150	600
Судебныхъ разсыльныхъ.	2	150	75	—	450
На содержаніе канцелярскихъ чиновниковъ и писцовъ и на канцелярскіе расходы . . .	—	—	—	—	3,000
Товарищей прокурора	2	2,000	1,000	1,000	8,000
На канцелярію прокурора.	—	—	—	—	1,000
Итого	14	—	—	—	38,950

3.

О дополненіи и измѣненіи изданныхъ 28-го іюня (10-го іюля) 1860 года правилъ о продажѣ заложенныхъ въ земскомъ кредитномъ обществѣ имѣній. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго

въ засѣданіи 1-го іюня 1876 года разсматривалъ представленіе министра финансовъ, отъ 30-го марта 1876 г. за № 4,549 (по особенной канцеляріи по кредитной части), по проекту правилъ о взысканіи недоимокъ и о продажѣ имѣній, заложенныхъ въ земскомъ кредитномъ обществѣ.

Комитетъ по дѣламъ царства, разсмотрѣвъ внесенный министромъ финансовъ проектъ правилъ о продажѣ имѣній за долгъ земскому кредитному обществу и признавая соотвѣтственнымъ ограничиться нынѣ постановленіемъ тѣхъ лишь измѣненій въ правилахъ 28-го іюня 1860 года, кои необходимы для дѣйствія сихъ правилъ при новомъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, по соглашеніи съ министромъ финансовъ и товарищемъ министра юстиціи, полагалъ: въ дополненіе и измѣненіе изданныхъ 28-го іюня (10-го іюля) 1860 года правилъ о продажѣ заложенныхъ въ земскомъ кредитномъ обществѣ имѣній постановить слѣдующее:

1. Купившій имѣніе обязанъ въ теченіе опредѣленнаго въ лит. *а* п. 2 ст. 5-й 20-ти-дневнаго срока внести, сверхъ-предложенной имъ за имѣніе цѣны, пошлины, взыскиваемыя при совершеніи договоровъ о продажѣ недвижимыхъ имѣній, на основаніи гербоваго устава, дѣйствующаго въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа (въ дополн. п. 2 ст. 5).

2. Для покупщика имѣнія обязательны всѣ права на земли и сервитуты крестьянъ, принадлежащія имъ, на основаніи указовъ 19-го февраля 1864 года, какъ внесенныя въ ипотечный указатель, такъ и признанныя за ними вошедшими въ законную силу рѣшеніями учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ или утвержденными законнымъ порядкомъ сдѣлками владѣльца имѣнія съ крестьянами (въ дополн. п. 3 ст. 5).

3. Указанныя въ ст. 6 обязанности писаря земской канцеляріи исполняются секретарями ипотечныхъ отдѣленій, учрежденныхъ на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ (въ измѣн. ст. 6).

4. Для врученія всякаго рода повѣстокъ по требованію и по дѣламъ управленій земскаго кредитнаго общества, о коихъ упоминается въ уставѣ общества и дополнительныхъ къ оному правилахъ, состоятъ при окружныхъ судахъ назначаемые предсѣдателемъ подлежащаго окружнаго суда особые разсыльные, одинъ или болѣе, по мѣрѣ надобности, для каждой губернской дирекціи изъ лицъ, имѣющихъ, на основаніи положенія 19-го февраля 1875 года, право занимать должность судебнаго разсыльнаго.

Означенные разсыльные получаютъ изъ суммъ земскаго кредитнаго общества жалованье по штату и вознагражденіе по таксѣ. Врученіе повѣстокъ, посылаемыхъ непосредственно главною или губернскою дирекціями черезъ означенныхъ разсыльныхъ, считается законнымъ (въ дополн. ст. 7).

5. Повѣстка вручается въ дѣйствительномъ или избранномъ мѣстѣ жительства владѣльцевъ имѣній и кредиторовъ, согласно правиламъ, указаннымъ въ ст. 282—289 устава гражд. суд. Въ случаѣ внесенія въ ипотечную книгу отмѣтки объ открывшемся, послѣ владѣльца и совладѣльцевъ или кредитора, наслѣдствѣ, ходъ взысканія со стороны земскаго кредитнаго общества не останавливается, но повѣстки пишутся на имя наслѣдниковъ вообще, безъ показанія ихъ имени и прозванія, и вручаются въ дѣйствительномъ или избранномъ мѣстѣ жительства лица, оставившаго наслѣдство. Въ случаѣ заявленія объ открывшемся наслѣдствѣ послѣ владѣльца или одного изъ совладѣльцевъ имѣнія, врученіе повѣстки должно послѣдовать кромѣ того и въ самомъ имѣніи, къ которому оно относится. Если повѣстка должна быть вручена въ предѣлахъ другаго окружнаго суда, то губернская дирекція распоряжается о семъ чрезъ посредство другой губернской дирекціи, находящейся въ округѣ того суда. Для извѣщенія кредиторовъ и иныхъ заинтересованныхъ лицъ, значащихся въ ипотекѣ, которые не избрали опредѣленнаго мѣста жительства, занесеннаго въ ипотечную книгу, припечатывается объявленіе одинъ разъ въ вѣдомостяхъ, указанныхъ въ ст. 10 правилъ 28-го іюня 1860 года, по крайней мѣрѣ за 120 дней до срока продажи (взамѣнъ ст. 8).

6. О продажѣ имѣнія за долгъ земскому кредитному обществу, крестьяне, получившіе изъ того имѣнія земли въ собственность, на основаніи высочайшаго указа 19-го февраля (2-го марта) 1864 года, не увѣдомляются (въ дополн. ст. 9).

7. На опредѣленіе ипотечнаго отдѣленія при окружномъ судѣ (ст. 14 правилъ 1860 года) можетъ быть, не позже двухъ недѣль со дня объявленія того опредѣленія, подана жалоба въ судебную палату губернскою дирекціею и тѣми заинтересованными въ томъ лицами, которыя заявили въ ипотечной книгѣ возраженіе о несоблюденіи предписанныхъ формальностей (взамѣнъ ст. 15).

8. Владѣлецъ или кредиторъ имѣнія, приносящій въ судебную палату апелляціонную жалобу на опредѣленіе ипотечнаго отдѣле-

нія, обязанъ представить таковую жалобу въ то же ипотечное отдѣленіе. Жалоба должна быть написана примѣнительно къ правиламъ и формамъ, указаннымъ въ ст. 745, 746 и 747 уст. гр. суд., съ означеніемъ избраннаго мѣста жительства въ городѣ, гдѣ находится судебная палата, и со внесеніемъ гербовыхъ и судебныхъ пошлинъ, а также денегъ, причитающихся на расходы по внесенію въ ипотечную книгу заявленія объ апелляціи. Управленія земскаго кредитнаго общества представляютъ при апелляціонной жалобѣ только деньги на внесеніе въ ипотечную книгу заявленія о принесеніи жалобы и, кромѣ того, уплачиваютъ канцелярскія пошлины. Законнымъ мѣстомъ пребыванія управленій земскаго кредитнаго общества, при веденіи всѣхъ дѣлъ и составленіи актовъ, совершаемыхъ въ предѣлахъ вѣдомства окружныхъ судовъ и ипотечныхъ отдѣленій при тѣхъ же судахъ, считается присутствіе губернской дирекціи, находящейся въ округѣ того окружнаго суда; въ дѣлахъ же по апелляціоннымъ жалобамъ, со времени передачи дѣла въ судебную палату, — законнымъ мѣстомъ пребыванія считается присутствіе главной дирекціи того же общества въ Варшавѣ (взамѣнъ ст. 16).

9. Опредѣленіе о возвращеніи или оставленіи безъ послѣдствій апелляціонной жалобы, на основаніи 755 и 756 ст. уст. гр. суд., должно быть постановлено ипотечнымъ отдѣленіемъ не позже пяти дней, и о таковомъ опредѣленіи сторона, принесшая жалобу, должна быть извѣщена въ послѣдующіе три дня, въ мѣстѣ жительства, избранномъ ею при внесеніи заявленія. Сторонѣ, увѣдомленной о непринятіи жалобы по причинамъ, исчисленнымъ во 2-мъ пунк. 755 и въ 1, 2 и 3 пунктахъ 756-й ст. уст. гр. суд., назначается новый семидневный срокъ со времени объявленія состоявшагося по сему предмету опредѣленія ипотечнаго отдѣленія. Обѣ стороны могутъ просить о возстановленіи права апелляціи, на основаніи ст. 778 — 782 уст. гр. судопр., въ теченіи 7 дней со времени объявленія опредѣленія, коимъ срокъ на принесеніе апелляціонной жалобы признанъ пропущеннымъ (взамѣнъ ст. 17).

10. По принятіи апелляціонной жалобы ипотечное отдѣленіе окружнаго суда постановляетъ о внесеніи въ ипотечную книгу отмѣтки о послѣдовавшей апелляціонной жалобѣ, причемъ сообщаетъ копію съ этой жалобы противной сторонѣ для представленія по ней объясненія въ судебную палату и о днѣ препровожденія жалобы въ палату увѣдомляетъ просителя. Подлинную же

апелляціонную жалобу, вмѣстѣ со всѣмъ дѣлопроизводствомъ, а также вторые экземпляры повѣстокъ, при коихъ вручены участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ копіи апелляціонной жалобы, ипотечное отдѣленіе окружнаго суда немедленно по полученіи отсылаетъ въ судебную палату. Все это должно быть исполнено въ теченіе 7 дней со времени полученія апелляціонной жалобы (взамѣнъ ст. 18).

11. На представленіе объясненія по апелляціонной жалобѣ противной сторонѣ назначается семидневный срокъ съ присовокупленіемъ, согласно 300 ст. уст. гражд. суд., поверстнаго—отъ мѣста нахожденія ипотечнаго отдѣленія до мѣста, гдѣ засѣдаетъ судебная палата. Объясненія эти немедленно вручаются принесшему апелляціонную жалобу, но никакихъ болѣе возраженій и опроверженій не принимается (взамѣнъ ст. 19).

12. По полученіи объясненія на апелляціонную жалобу, или по истеченіи установленнаго въ предъидущемъ пунктѣ, 11-мъ, срока на представленіе объясненія, предсѣдатель судебной палаты, преимущественно передъ другими дѣлами, назначаетъ день для доклада не позже какъ чрезъ 8 сутокъ, и о такомъ срокѣ извѣщаетъ заинтересованныя стороны. Рѣшеніе судебной палаты считается окончательнымъ, причемъ подача просьбъ не участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ о пересмотрѣ рѣшенія и о кассаціи не допускается. Въ теченіе семи дней со дня постановленія судебною палатою рѣшенія оно должно быть отослано, вмѣстѣ съ дѣломъ, въ ипотечное отдѣленіе, на рѣшеніе котораго послѣдовала жалоба, для надлежащаго исполненія ипотечнымъ порядкомъ. Ипотечное отдѣленіе обязано немедленно приступить къ исполненію рѣшенія и увѣдомить о томъ губернскую дирекцію, не позже восьми дней до назначеннаго для торговъ срока, подъ отвѣтственностію за послѣдствія проволочки (взамѣнъ ст. 20).

13. Если бы ипотечное отдѣленіе, безъ посторонняго требованія, само уничтожило послѣдовавшее производство, то губернская дирекція приноситъ въ судебную палату апелляціонную жалобу, причемъ не допускается къ дѣлу никто изъ заинтересованныхъ лицъ. Въ этомъ случаѣ соблюдается порядокъ, указанный выше, въ пунктахъ 7—10 и 12, съ слѣдующими измѣненіями: ипотечное отдѣленіе по внесеніи заявленія о послѣдовавшей жалобѣ прямо препровождаетъ дѣло въ судебную палату, безъ предварительнаго сообщенія противной сторонѣ, и предсѣдатель палаты,

получивъ апелляціонную жалобу, немедленно назначаетъ срокъ доклада дѣла (взамѣнъ ст. 21).

14. Никто изъ заинтересованныхъ лицъ не можетъ приносить жалобы на опредѣленіе ипотечнаго отдѣленія объ уничтоженіи начатаго производства, если главная дирекція изъявитъ согласіе на принятіе этого опредѣленія (взамѣнъ ст. 22).

15. Торги на продажу производятся въ присутствіи совѣтника губернской дирекціи, передъ нотаріусомъ, въ объявленіяхъ поименованнымъ, а въ случаѣ препятствія—въ его канцеляріи, передъ нотаріусомъ, который будетъ заступать его мѣсто. Торги должны начаться между 10 часами утра и 2 пополудни и производиться по правиламъ, предписаннымъ 1,156 и 1,158 статьями уст. гражд. суд. Предложившій высшую за имѣніе сумму обязанъ въ протоколѣ о торгахъ означить законное мѣсто жительства въ томъ городѣ, въ которомъ торги производились. Въ протоколѣ торговъ нотаріусъ отмѣчаетъ вкратцѣ объ исполненіи предшествовавшихъ продажѣ формальностей и о судебныхъ рѣшеніяхъ, если таковыя состоялись.

Примѣчаніе. Правило 13 ст. устава о выдачѣ ссудъ, 8-го (20) апрѣля 1853 года, относительно надбавки $^1/_4$ части выше предложенныхъ на торгахъ цѣны за назначенное въ продажу имѣніе, сохраняетъ свою силу (взамѣнъ ст. 29).

16. Если покупщикъ имѣнія предъявитъ доказательство, что всѣ торговыя условія имъ исполнены, или если, по несостоявшимся торгамъ, имѣніе должно поступить въ собственность земскаго кредитнаго общества, то ипотечное отдѣленіе постановляетъ опредѣленіе объ укрѣпленіи отчуждаемаго имѣнія за покупателемъ или за обществомъ, а копію съ этого опредѣленія выдаетъ новому владѣльцу, съ показаніемъ въ оной проданнаго имѣнія на основаніи ипотечнаго указателя. Если въ теченіе одного мѣсяца на такое опредѣленіе не будетъ принесена апелляціонная жалоба бывшимъ владѣльцемъ онаго, или кѣмъ-либо изъ кредиторовъ, и апелляція эта не будетъ заявлена указаннымъ выше въ пунктахъ 8, 9 и 10 порядкомъ въ ипотечной книгѣ, то опредѣленіе считается вошедшимъ въ законную силу и ипотечное отдѣленіе обязано, не ожидая просьбы заинтересованныхъ лицъ, исключить изъ ипотечнаго указателя всѣ долги, кромѣ долга земскому кредитному обществу и суммъ, предварительно вычтенныхъ изъ стоимости имѣнія, а также всѣ обремененія и охран-

тельныя отмѣтки, записанныя въ ипотекѣ послѣ ссуды земскаго кредитнаго общества, кромѣ записей о правахъ крестьянъ, внесенныхъ на основаніи высочайшаго указа 19-го февраля (2-го марта) 1864 года. Распредѣленіе между кредиторами вырученной отъ продажи имѣнія суммы производится въ томъ окружномъ судѣ, въ предѣлахъ котораго находится проданное имѣніе, порядкомъ, указаннымъ статьями 1,214—1,222 уст. гр. суд., безъ участія въ томъ земскаго кредитнаго общества. Копія распредѣленія съ удостовѣреніемъ, что опредѣленіе, коимъ утверждено это распредѣленіе, вошло въ законную силу, вносится, при подлежащемъ объявленіи со стороны покупщика, въ ипотечную книгу отчужденнаго имѣнія. Такія же копіи выдаются и тѣмъ кредиторамъ, которые по сему распредѣленію удовлетворяются изъ суммъ, внесенныхъ покупателемъ имѣнія въ депозитъ польскаго банка. Апелляціонная жалоба бывшаго владѣльца имѣнія, или его кредитора, на рѣшеніе ипотечнаго отдѣленія, коимъ опредѣлено укрѣпить за покупщикомъ право собственности, не останавливаетъ ввода его во владѣніе. Для подачи такой апелляціонной жалобы назначается мѣсячный срокъ со дня объявленія рѣшенія ипотечнаго отдѣленія; эта жалоба должна быть принесена въ то же ипотечное отдѣленіе. Дальнѣйшее разсмотрѣніе этой жалобы производится сокращеннымъ порядкомъ, указаннымъ въ уст. гр. суд. Дѣйствіе ст. 15, п. *d*, высочайшаго указа 9-го (21-го) апрѣля 1838 года прекращается (взамѣнъ ст. 30).

17. Указанная въ ст. 35 отвѣтственность собственника или временнаго владѣльца имѣнія за доходы съ описаннаго имѣнія опредѣляется на основаніи ст. 1,131 уст. гр. суд. (взамѣнъ ст. 35).

18. Купившій имѣніе вводится во владѣніе на основаніи ст. 5-й правилъ 28-го іюня (10-го іюля) 1860 года, и въ случаѣ препятствій со стороны бывшаго владѣльца или другихъ лицъ, обращается на основаніи рѣшенія, присудившаго ему имѣніе въ собственность, къ судебной власти, согласно правиламъ уст. гражд. суд. объ исполненіи судебныхъ рѣшеній (взамѣнъ ст. 39).

19. Имѣнія, заложенныя земскому кредитному обществу и назначенныя въ продажу до 1-го (13-го) іюля 1876 года, продаются на основаніи правилъ 28-го іюня (10-го іюля) 1860 года; по имѣніямъ же, подлежащимъ продажѣ по введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ въ варшавскомъ судебномъ округѣ,

хотя начатыя по правиламъ 1860 года взысканія не отмѣняются, но къ дальнѣйшему дѣлопроизводству относительно сихъ имѣній примѣняются и правила настоящаго постановленія. Первая и вторая продажи, предстоящія послѣ 1-го (13-го) іюля 1876 года, должны состояться въ опредѣленные дни, но, по крайней мѣрѣ за 15 дней до каждаго срока продажи, должны быть публикованы однократно объявленія порядкомъ, предписаннымъ въ ст. 10 правилъ 28-го іюня (10-го іюля) 1860 г., съ указаніемъ въ сихъ объявленіяхъ: 1) въ какомъ городѣ, у какого нотаріуса и въ присутствіи совѣтника какой губернской дирекціи производится продажа, и 2) что желающіе торговаться, бывшій владѣлецъ имѣнія и кредиторы, обязаны подчиниться настоящимъ правиламъ. Не позже пяти дней до назначеннаго для продажи срока, совѣтникъ дирекціи обязанъ представить, для приложенія къ ипотечной книгѣ, экземпляры вѣдомостей, въ которыхъ объявленіе напечатано (взамѣнъ ст. 47).

20. Ходатайствующій о выдачѣ изъ главной дирекціи дубликата взамѣнъ утраченнаго закладнаго листа или купона, обязанъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени полученія установленнаго въ п. *a* ст. 48 извѣщенія главной дирекціи, представить сей дирекціи удостовѣреніе подлежащаго судебнаго установленія о томъ, что имъ заявленъ искъ гражданскимъ или уголовнымъ порядкомъ. Копію же съ рѣшенія гражданскаго или приговора уголовнаго суда, вошедшихъ въ законную силу, обязанъ представить главной дирекціи въ теченіе трехъ лѣтъ по воспослѣдованіи рѣшенія, если дѣло производилось гражданскимъ порядкомъ, или въ продолженіе пяти лѣтъ, если дѣло разсматривалось порядкомъ уголовнымъ. Этого рода дѣла гражданскимъ порядкомъ разсматриваются по очереди дѣлъ, для коихъ назначается срокъ сокращенный, и дѣло можетъ быть внесено въ судъ отвѣтчикомъ вслѣдствіе уплаты пошлинныхъ денегъ истцомъ (взамѣнъ п. 6 ст. 48).

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

4.

Объ усиленіи канцелярскихъ средствъ мировыхъ съѣздовъ въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа и объ увеличеніи опредѣленнаго временными штатами, 19-го февраля 1875 года, числа этихъ съѣздовъ. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго въ засѣданіи

1-го іюня 1876 года, разсматривалъ представленіе товарища министра юстиціи, отъ 25-го мая 1876 года за № 8,441 (по деп. министерства юстиціи), объ усиленіи канцелярскихъ средствъ мировыхъ съѣздовъ въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа и объ увеличеніи опредѣленнаго временными штатами, 19-го февраля 1875 года, числа этихъ съѣздовъ. Комитетъ по дѣламъ царства, согласно съ представленіемъ товарища министра юстиціи, *полагалъ:*

1. Къ положеннымъ, по высочайше утвержденнымъ, 19-го февраля 1875 года, штатамъ судебныхъ установленій варшавскаго судебнаго округа, двадцати мировымъ съѣздамъ, прибавить еще одинъ мировой съѣздъ; а къ суммѣ, назначенной по тѣмъ же штатамъ на канцелярскіе и другіе расходы мировыхъ съѣздовъ, добавить по *семисотъ* рублей въ годъ на каждый съѣздъ (за исключеніемъ варшавскаго городскаго съѣзда)—и

2. Потребный на содержаніе прибавляемаго мироваго съѣзда и на усиленіе канцелярскихъ средствъ съѣздовъ расходъ, въ количествѣ *девятнадцати тысячъ ста пятидесяти* рублей въ годъ, вносить, съ 1-го января будущаго 1876 года, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства юстиціи; потребный же въ текущемъ году на означенные предметы расходъ отнести на общіе остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, въ государственной росписи не показанные.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

5.

О распространеніи дѣйствія высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1873 года положенія комитета по дѣламъ царства польскаго на гражданскія дѣла, подлежащія окончанію въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго округа. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго въ засѣданіи 8-го іюня 1876 года разсматривалъ представленіе министра юстиціи, отъ 30-го апрѣля 1876 года за № 6,822 (по деп. мин. юст.), о распространеніи дѣйствія высочайше утвержденнаго, 6-го апрѣля 1873 года, положенія комитета по дѣламъ царства польскаго на гражданскія дѣла, подлежащія окончанію въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго округа. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, находя, что изъ установленныхъ положеніемъ 6-го апрѣля 1873 года правилъ необходимо

примѣнить къ производству старыхъ дѣлъ только правило о дозволеніи чтенія на судѣ подлинныхъ документовъ, составленныхъ не на русскомъ языкѣ, — по соглашенію съ министромъ юстиціи, *полагалъ:* разъяснить, что при производствѣ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа гражданскихъ дѣлъ, кои поступятъ въ оныя для окончанія, на основаніи статьи 23-й положенія 1-го іюня 1875 года, о введеніи въ дѣйствіе законоположенія объ устройствѣ судебной части въ означенномъ округѣ, относящіеся къ симъ дѣламъ подлинные документы могутъ быть читаны на томъ языкѣ, на коемъ они составлены.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

6.

Относительно взиманія гербоваго сбора въ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа. Высочайше утвержденнымъ, 28-го іюня 1876 года, положеніемъ комитета по дѣламъ царства польскаго постановлено: относительно взиманія гербоваго сбора въ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа, по введеніи въ ономъ, съ 1-го іюля 1876 года, судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года и положенія о нотаріальной части 14-го апрѣля 1866 года, установить слѣдующія временныя правила:

1. По дѣламъ, возникшимъ въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ царства польскаго до 1-го іюля 1876 года и подлежащимъ окончанію въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ на основаніи ст. 23-й правилъ 1-го (13-го) іюня 1875 года о введеніи въ дѣйствіе законоположеній объ устройствѣ судебной части въ варшавскомъ судебномъ округѣ, примѣняются правила дѣйствующаго въ губерніяхъ царства устава о гербовомъ сборѣ 1863 года касательно взиманія такъ называемаго вписа, главнаго и добавочнаго, т.-е. пошлинъ, соотвѣтствующихъ судебнымъ пошлинамъ имперіи, а также о взиманіи гербоваго сбора съ прошеній и актовъ.

2. Къ дѣламъ, возникшимъ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ послѣ 1-го іюля 1876 года, примѣняются правила о гербовыхъ и судебныхъ пошлинахъ и о признаніи права бѣдности, содержащіяся въ уставѣ гражданскаго судопроизводства имперіи 20-го ноября 1864 года (ст. 844 и слѣд.), взамѣнъ правилъ гербоваго устава 1863 года о вписныхъ и препотаціонныхъ пошлинахъ.

3. Остаются по прежнему безъ измѣненія: а) установленный

ст. 49 устава о гербовомъ сборѣ 1863 года порядокъ взиманія наслѣдственныхъ пошлинъ, вслѣдствіе чего на нотаріусовъ, совершающихъ акты, относящіеся къ открытію и принятію наслѣдствъ, переходятъ обязанности, лежавшія, согласно означенной 49-й статьѣ, на чиновникахъ, составлявшихъ таковые акты; б) указанный постановленіемъ бывшаго совѣта управленія въ царствѣ польскомъ 30-го января (11-го февраля) 1842 года порядокъ наблюденія за выморочными имуществами; в) содержащіяся въ гербовомъ уставѣ 1863 г. правила взиманія гербовыхъ пошлинъ съ нотаріальныхъ актовъ, и г) установленный означеннымъ уставомъ способъ взиманія въ казну платежей по гербовому сбору не наличными деньгами, а посредствомъ гербовой бумаги.

7.

Объ упраздненіи правительственной коммисіи юстиціи царства польскаго. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, разсмотрѣвъ представленіе министерства юстиціи по вопросу объ упраздненіи правительственной коммисіи юстиціи царства, *положилъ:*

1. Правительственную коммисію юстиціи въ царствѣ упразднить съ 1-го іюля 1876 года, съ оставленіемъ служащихъ въ оной лицъ, которыя не получаютъ другаго назначенія, за штатомъ, на основаніи существующихъ объ этомъ правилъ.

2. Изъ числа дѣлъ, производящихся въ означенной коммисіи: а) дѣла по завѣдыванію суммами, назначенными для производства ссудъ низшимъ чинамъ судебнаго вѣдомства въ округѣ варшавской судебной палаты; б) переписку по представленіямъ къ эмеритальнымъ пенсіямъ и пособіямъ лицъ судебнаго вѣдомства, оставляемыхъ за штатомъ по случаю вводимаго въ царствѣ судебнаго преобразованія; в) засвидѣтельствованіе актовъ, совершенныхъ за границею и подлежащихъ исполненію въ губерніяхъ сего округа; г) составленіе статистическихъ свѣдѣній о движеніи дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ, и д) составленіе годоваго отчета о дѣйствіяхъ судебнаго вѣдомства,—возложить временно, на два года, на старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, предоставивъ въ его распоряженіе, для производства поименованныхъ дѣлъ, по *десяти тысячъ* рублей въ годъ.

3. Обязанности коммисіи юстиціи по отношенію къ прокураторіи возложить, также временно, на два года, на прокурора вар-

шавской судебной палаты, назначивъ на усиленіе средствъ канцеляріи онаго по *двѣ тысячи* рублей въ годъ.

4. Свидѣтельствованіе актовъ и рѣшеній, состоявшихся въ губерніяхъ царства до 1-го іюля 1876 года и подлежащихъ исполненію въ имперіи, возложить на мѣстные, по принадлежности, окружные суды варшавскаго округа.

5. На усиленіе центральнаго управленія министерства юстиціи, по случаю упраздненія коммисіи юстиціи, ассигновать нынѣ единовременно въ распоряженіе министра юстиціи *десять тысячъ* рублей, предоставивъ ему войти въ установленномъ порядкѣ съ представленіемъ о размѣрѣ суммы, потребной на усиленіе сего управленія на будущее время.

6. Потребный, согласно пп. 2 и 3, расходъ въ суммѣ *двѣнадцати тысячъ* рублей вносить, съ 1-го января 1877 г., въ смѣту министерства юстиціи, въ графу расходовъ временныхъ; въ текущемъ же году означенный расходъ въ половинномъ размѣрѣ, а также единовременный, согласно п. 5, кредитъ *въ десять тысячъ* рублей, на усиленіе средствъ центральнаго управленія министерства юстиціи, отнести на общіе остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, въ росписи непоказанные.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше утвердить соизволилъ.

8.

Объ упраздненіи варшавской временной военно-слѣдственной коммисіи и о порядкѣ производства дѣлъ по прошеніямъ польскихъ эмигрантовъ о дозволеніи имъ возвратиться въ отечество. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, разсмотрѣвъ представленіе министерства юстиціи по вопросамъ: а) настоитъ ли, по введеніи въ губерніяхъ царства польскаго судебнаго преобразованія, надобность въ дальнѣйшемъ существованіи учрежденной въ Варшавѣ временной военно-слѣдственной коммисіи, и б) въ какомъ порядкѣ должны быть на будущее время разрѣшаемы прошенія польскихъ эмигрантовъ о дозволеніи имъ возвратиться въ отечество, *положилъ:* 1) предоставить министру юстиціи, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ и варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, сдѣлать распоряженіе о передачѣ производящихся въ варшавской военно-слѣдственной коммисіи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ по принадлежности въ судебныя мѣста; по исполненіи сего означен-

ную коммисію закрыть, оставивъ чиновъ оной, на общемъ основаніи, за штатомъ, и 2) дѣла по прошеніямъ польскихъ эмигрантовъ о дозволеніи ихъ возвратиться въ отечество производить и впредь нынѣ дѣйствующимъ порядкомъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 18-го (30-го) іюня 1871 года и дополнительныхъ къ оному правительственныхъ распоряженій, съ тѣмъ, чтобы производство разслѣдованій о сихъ эмигрантахъ было возлагаемо на особую слѣдственную коммисію изъ чиновъ варшавскихъ генералъ-губернаторскаго и жандармскаго управленій, ближайшее опредѣленіе состава коей предоставить соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ и варшавскимъ генералъ-губернаторомъ.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

9.

О распространеніи на варшавскій судебный округъ высочайше утвержденной, 3-го іюля 1868 года, временной таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, въ засѣданіи 1-го іюня 1876 года, разсматривалъ представленіе товарища министра юстиціи, отъ 25-го мая 1876 года за № 8,440 (по департаменту министерства юстиціи), о распространеніи на варшавскій судебный округъ высочайше утвержденной, 3-го іюля 1868 года, временной таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, соглашаясь съ заключеніемъ товарища министра юстиціи, *полагалъ:* постановить, что дѣйствіе высочайше утвержденнаго, 3-го іюля 1868 года, мнѣнія государственнаго совѣта о таксѣ для вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ за хожденіе по дѣламъ гражданскимъ распространяется на варшавскій судебный округъ, съ слѣдующими измѣненіями: а) постановленіе пункта 1-го означенной таксы о размѣрѣ вознагражденія за хожденіе по дѣламъ цѣною выше 500 руб. и ниже 2,000 руб. распространяется и на дѣла, въ которыхъ цѣна иска выше 250 руб. и ниже 500 руб.; б) пунктъ 4-й помянутой таксы распространяется на дѣла, производящіяся какъ въ ипотечномъ порядкѣ, такъ и по уставу объ особыхъ производствахъ; в) пунктъ 5-й той же таксы замѣняется слѣдующимъ правиломъ: „По всѣмъ дѣламъ цѣною ниже 250 руб., производимымъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, за ходатайство въ двухъ инстанціяхъ, присяжный повѣренный получаетъ вознагражденіе, по усмотрѣнію суда, въ размѣрѣ до 25 рублей“.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

10.

О дополненіи ст. 10-й высочайше утвержденныхъ, 19-го мая 1871 года, правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго въ засѣданіи 1-го іюня 1876 года разсматривалъ представленіе министра юстиціи, отъ 25-го мая 1876 года за № 8,442 (по департаменту министерства юстиціи), о дополненіи ст. 10-й высочайше утвержденныхъ, 19-го мая 1871 года, правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, разсмотрѣвъ настоящее дѣло при участіи товарища главнаго начальника III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и товарища министра юстиціи, *полагалъ:* ст. 10-ю правилъ о порядкѣ дѣйствія чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій (прилож. къ ст. 2-й уст. угол. суд. 20-го ноября 1864 года, по прод. 1872 года) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Въ случаяхъ, указанныхъ въ первой половинѣ сей статьи, прокуроръ варшавской судебной палаты входитъ въ сношеніе съ начальникомъ варшавскаго жандармскаго округа".

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

11.

О порядкѣ предъявленія заключеній лицами прокурорскаго надзора и составленія рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, подлежащимъ окончанію въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго. въ засѣданіи 8-го іюня 1876 года разсматривалъ: 1) представленіе министра юстиціи, отъ 20-го апрѣля 1876 года за № 6,823 (по департаменту министерства юстиціи), объ измѣненіи порядка предъявленія заключеній лицами прокурорскаго надзора, а равно порядка изложенія рѣшеній въ окончательной формѣ по дѣламъ гражданскимъ, подлежащимъ окончанію въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, и 2) отзывъ по сему предмету управляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по дѣламъ царства польскаго отъ 18-го мая 1876 года за № 415. Комитетъ по дѣламъ

царства, соглашаясь съ представленіемъ товарища министра юстиціи, *полагалъ:* въ разрѣшеніе возникшихъ вопросовъ относительно производства въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ гражданскихъ дѣлъ, начатыхъ въ нынѣшнихъ судахъ и подлежащихъ окончанію въ судахъ новаго устройства, на основаніи ст. 23-й правилъ 1-го іюня 1875 года, о введеніи въ варшавскомъ судебномъ округѣ законоположеній объ устройствѣ судебной части, разъяснить, что: 1) лица прокурорскаго надзора обязаны давать по означеннымъ дѣламъ свои заключенія лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 343 устава гражданскаго судопроизводства 20-го ноября 1864 года и въ ст. 146 положенія 19-го февраля 1875 года, о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ варшавскому судебному округу, причемъ заключенія сіи могутъ быть даваемы словесно, и 2) дѣйствіе статьи 710 устава гражданскаго судопроизводства, на основаніи коей рѣшенія и частныя опредѣленія суда изготовляются однимъ изъ членовъ суда, по назначенію предсѣдателя, распространяется и на составленіе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, подлежащимъ окончанію въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ.

Государь Императоръ положеніе комитета Высочайше соизволилъ утвердить.

12.

Объ образованіи особой коммисіи для разбора поземельныхъ споровъ башкиръ каратабыно-баратабынской и сызгинской волостей съ златоустовскими заводами. Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, разсмотрѣвъ представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ объ образованіи особой коммисіи для разбора поземельныхъ споровъ башкиръ каратабыно-баратабынской и сызгинской волостей съ златоустовскими заводами, *полагалъ:* для разрѣшенія возникшихъ между башкирами каратабыно-баратабынской и сызгинской волостей, оренбургской губерніи, и златоустовскими заводами поземельныхъ споровъ принять слѣдующія мѣры:

1. Образовать на мѣстѣ особую коммисію, въ составъ коей назначаются: предсѣдатель — съ высочайшаго соизволенія, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ; члены — одинъ отъ главнаго управленія оренбургскимъ краемъ, одинъ отъ горнаго вѣдомства, одинъ отъ судебнаго вѣдомства, по назначенію министра юстиціи, и мѣстный мировой посредникъ. Сверхъ того, въ составъ коммисіи входятъ, съ правомъ совѣща-

тельнаго голоса, уполномоченные: одинъ отъ башкиръ и одинъ отъ управленія златоустовскими заводами. Канцелярію комиссіи составляютъ — одинъ дѣлопроизводитель и вольнонаемные писцы, опредѣляемые предсѣдателемъ комиссіи.

2. Въ распоряженіе комиссіи назначить партію межевыхъ чиновъ, по соглашенію оренбургскаго генералъ-губернатора съ межевою канцеляріею и предсѣдателемъ комиссіи.

3. Предсѣдателю и членамъ, а также межевымъ чинамъ комиссіи, какъ получающимъ жалованье по настоящимъ мѣстамъ служенія, особаго содержанія не полагается. Содержаніе дѣлопроизводителю, жалованье писцамъ и канцелярскіе расходы опредѣляются оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, по соглашенію съ предсѣдателемъ комиссіи.

4. На указанные въ предыдущихъ статьяхъ 2 и 3 расходы по содержанію киммисіи въ распоряженіе оренбургскаго генералъ-губернатора отпустить изъ государственнаго казначейства 6,000 руб. и, сверхъ того, на разъѣзды комиссіи 1,000 руб., всего *семь тысячъ рублей* единовременно, съ тѣмъ, что если бы этой суммы оказалось недостаточно, то генералъ-губернаторъ входитъ съ представленіемъ объ открытіи добавочнаго кредита; но если бы отъ ассигнованной суммы оказался остатокъ, то таковой подлежитъ обращенію въ казну.

5. Комиссія состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

6. Мѣстныя власти обязываются исполнять безъ замедленія всѣ законныя требованія комиссіи и всѣми мѣрами содѣйствовать успѣху ея дѣйствій.

7. Въ порядкѣ сношеній комиссіи предоставляются права губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

8. Комиссія должна подробно разсмотрѣть всѣ спорныя дѣла, возникшія изъ договоровъ башкиръ съ заводчиками Мосоловыми 1751 г. и Лучининымъ 1775 г., а также изъ договоровъ съ башкирами сызгинской волости, и уяснить желаніе обѣихъ спорящихъ сторонъ; для сего комиссія должна вытребовать всѣ неоконченныя спорныя между заводами и башкирами дѣла, гдѣ бы они ни производились, въ судебныхъ или административныхъ мѣстахъ.

Комиссія обязана стараться достигнуть разрѣшенія какъ общаго о взаимныхъ правахъ заводовъ и башкиръ на спорную мѣст-

ность вопроса, такъ и всѣхъ частныхъ по сему предмету споровъ и претензій путемъ взаимныхъ между обѣими сторонами соглашеній, для чего ей предоставляется требовать отъ уполномоченныхъ со стороны какъ заводовъ, такъ и башкиръ, всѣ тѣ свѣдѣнія и данныя, кои необходимы для достиженія таковыхъ соглашеній.

10. При соглашеніяхъ коммисія обязана имѣть въ виду, чтобы ни башкиры съ припущенниками, ни заводы не были лишены необходимыхъ для нихъ угодій, и вообще стремиться къ тому, чтобы ни одна сторона, по возможности, не потеряла тѣхъ поземельныхъ выгодъ, какими должна пользоваться по принадлежащимъ ей правамъ владѣнія и пользованія, на основаніи приведенныхъ выше договоровъ и высочайше утвержденнаго 4-го января 1835 г. мнѣнія государственнаго совѣта.

11. При безуспѣшности соглашеній, коммисія сама изыскиваетъ наиболѣе удобный и справедливый, по ея убѣжденію, способъ разрѣшить дѣло, стараясь при этомъ сообразоваться, насколько возможно, съ заявленіями той и другой стороны и не упуская изъ вида необходимыхъ условій заводскаго производства и хозяйственнаго быта башкиръ и припущенниковъ.

12. Въ своемъ заключеніи коммисія обязывается подробно указать всѣ документы, относящіеся къ дѣлу, сдѣлать имъ оцѣнку, изложить всѣ предъявленныя ей требованія и заявленія какъ башкиръ, такъ и заводовъ, а равно основанія, по которымъ коммисія признала справедливымъ уважить одни требованія и не согласиться съ другими, и, наконецъ, проектировать примѣрныя границы, которыя будутъ отдѣлять владѣнія заводскія отъ башкирскихъ съ припущенниками, съ обозначеніемъ урочищъ и съ приложеніемъ плановъ на земли, составляющія предметъ споровъ.

13. Заключеніе свое коммисія предъявляетъ уполномоченнымъ отъ обѣихъ сторонъ; причемъ, если бы послѣдовали возраженія, еще не бывшія въ виду коммисіи, послѣдняя входитъ въ обсужденіе оныхъ и постановляетъ свое окончательное мнѣніе.

14. При распредѣленіи спорныхъ земель и угодій между башкирами и заводами, коммисія старается избѣгнуть переселеній какъ башкиръ, такъ и заводскихъ крестьянъ. Но если бы переселеніе оказалось неизбѣжнымъ для правильнаго разрѣшенія дѣла, въ такомъ случаѣ коммисія должна указать тѣ мѣстности, куда могутъ быть переселены какъ башкиры съ припущенниками, такъ

и заводскіе крестьяне, опредѣливъ притомъ и условія переселенія. Нужныя для сего свѣдѣнія доставляются коммисіи оренбургско-уфимскимъ управленіемъ государственными имуществами.

15. По объявленіи обѣимъ сторонамъ окончательныхъ предположеній коммисіи о раздѣлѣ земель, коммисія дѣлаетъ распоряженіе о проектированіи нарѣзокъ въ натурѣ, съ обозначеніемъ ихъ временными межевыми знаками.

16. Въ случаѣ разногласія въ мнѣніяхъ, коммисія постановляетъ заключеніе по большинству голосовъ, прилагая къ дѣлу и мнѣнія меньшинства. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

17. О ходѣ занятій коммисіи предсѣдатель оной доноситъ ежемѣсячно оренбургскому генералъ-губернатору и министрамъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ. По окончаніи же всего дѣла и по составленіи спеціальнаго и уменьшеннаго плановъ спорныхъ мѣстностей, съ показаніемъ количества и качества земель и проведенныхъ въ натурѣ временныхъ межъ, коммисія представляетъ все дѣлопроизводство, вмѣстѣ съ подробнымъ отчетомъ о своихъ дѣйствіяхъ и израсходованныхъ ею суммахъ, оренбургскому генералъ-губернатору.

18. Оренбургскій генералъ-губернаторъ, по разсмотрѣніи дѣла, вноситъ оное, съ своимъ заключеніемъ, въ общее собраніе первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената.

19. Общее собраніе сената, истребовавъ заключенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, разрѣшаетъ споры башкиръ съ заводами въ качествѣ верховнаго совѣстнаго суда. При рѣшеніи дѣла въ общемъ собраніи присутствуютъ министры внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ.

20. Рѣшеніе общаго собранія сената, постановленное узаконеннымъ большинствомъ голосовъ, при соглашеніи съ онымъ министра юстиціи, представляется имъ на Высочайшее утвержденіе чрезъ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія; въ случаѣ же разногласія—дѣло по установленному порядку вносится въ государственный совѣтъ.

21. Окончательное по дѣлу рѣшеніе приводится въ исполненіе чрезъ оренбургскаго генералъ-губернатора.

Государь Императоръ положеніе главнаго комитета высочайше соизволилъ утвердить.

13.

О временномъ усиленіи суднаго отдѣленія уральскаго областнаго правленія. Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о временномъ усиленіи двумя членами отъ министерства юстиціи суднаго отдѣленія уральскаго областнаго правленія, не встрѣтилъ препятствія къ приведенію въ исполненіе предположенной министромъ юстиціи мѣры. При этомъ, государственный совѣтъ, въ виду производящагося пересмотра положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, считалъ, однако, нужнымъ оговорить, что вышеозначенное усиленіе суднаго отдѣленія уральскаго областнаго правленія двумя членами отъ министерства юстиціи должно сохраняться въ силѣ лишь впредь до утвержденія новаго положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ. Вслѣдствіе сего, государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

1. Для временнаго, впредь до утвержденія проекта новаго положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, усиленія суднаго отдѣленія уральскаго областнаго управленія, командировать въ сіе правленіе двухъ чиновниковъ отъ министерства юстиціи, съ предоставленіемъ имъ участвовать, на правахъ членовъ, въ разрѣшеніи дѣлъ судебнаго свойства и съ назначеніемъ имъ содержанія по 1,200 руб. въ годъ и

2. Потребный на содержаніе означенныхъ двухъ лицъ расходъ, въ количествѣ *двухъ тысячъ четырехсотъ рублей*, отнести, въ теченіе 1876 года, на § 11 смѣты министерства юстиціи, а на будущее, засимъ, время, вносить оный въ подлежащее подраздѣленіе означенной смѣты.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, 4-го мая 1876 года, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

14.

Объ измѣненіи правилъ о наказаніи нижнихъ чиновъ за оскорбленіе присутствія суда, одного изъ членовъ онаго или лица военно-морскаго прокурорскаго надзора. Государь Императоръ, въ измѣненіе правилъ 2-го декабря 1871 года, объявленныхъ въ приказѣ по морскому вѣдомству, отъ 11-го того же декабря за № 139, согласно заключенію соединеннаго собранія главныхъ военнаго и

военно-морскаго судовъ, 22-го апрѣля сего года, высочайше повелѣть соизволилъ:

„Впредь до устройства военныхъ тюремъ и преобразованія учрежденій для содержанія ссыльно-каторжныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый нижній чинъ осмѣлится произнести оскорбительныя выраженія противъ присутствія экипажнаго суда, или одного изъ членовъ онаго, или дозволитъ себѣ неприличное и дерзкое съ ними обращеніе, судъ, по удаленіи подсудимаго, на основаніи ст. 101 воен.-морск. суд. устава, изъ присутствія, постановляетъ приговоръ по обвиненіямъ, за которыя онъ преданъ суду, и по утвержденіи приговора экипажнымъ командиромъ, приводитъ оный въ исполненіе и затѣмъ уже представляетъ по начальству, для зависящаго распоряженія, о преслѣдованіи виновнаго за нанесенное суду оскорбленіе, по 2 ч. ст. 282 улож. о наказ., въ установленномъ судебномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ, относительно самаго наказанія, правила, указаннаго ниже. Если же подобное преступленіе совершено будетъ подсудимымъ нижнимъ чиномъ противъ присутствія военно-морскаго суда, одного изъ членовъ онаго, или лица военно-морскаго прокурорскаго надзора, то судъ, по удаленіи преступника изъ присутствія, немедленно постановляетъ приговоръ по существу какъ прежняго, такъ и вновь совершеннаго имъ преступленія, по правиламъ о наказаніи по совокупности преступленій и, когда при этомъ подсудимый не будетъ подлежать ссылкѣ въ каторжныя работы, присуждаетъ его къ слѣдующему по закону наказанію, съ присовокупленіемъ къ оному предварительнаго одиночнаго заключенія въ военно-исправительныхъ ротахъ прежняго устройства, на срокъ отъ 1 года до 3 лѣтъ.

Правила эти распространить и на дѣла по означеннымъ выше преступленіямъ, не получившія еще окончательнаго разрѣшенія“.

15.

О преобразованіи варшавскаго коммерческаго трибунала въ варшавскій коммерческій судъ. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, въ засѣданіи 22-го іюня 1876 г., разсматривалъ представленіе министра юстиціи отъ 18-го іюня за № 9231 о преобразованіи варшавскаго коммерческаго трибунала въ варшавскій коммерческій судъ съ проектомъ временнаго штата сего суда.

Комитетъ по дѣламъ царства, соглашаясь, по существу, съ

представленіемъ министра юстиціи и не встрѣчая препятствій, согласно съ заключеніемъ министра финансовъ, къ назначенію на содержаніе варшавскаго коммерческаго суда исчисленной временнымъ штатомъ онаго суммы, нашелъ лишь, что такъ какъ производство дѣлъ въ этомъ судѣ будетъ происходить на русскомъ языкѣ, и посему установленное высочайшимъ повелѣніемъ 1835 года правило объ избраніи въ составъ варшавскаго коммерческаго трибунала особыхъ судей исключительно для дѣлъ русскихъ торговцевъ подлежитъ уже само собою, какъ и объяснено въ настоящемъ представленіи, отмѣнѣ, то не представляется затѣмъ необходимости въ особомъ постановленіи объ отмѣнѣ означеннаго высочайшаго повелѣнія. На сихъ основаніяхъ комитетъ *полагалъ:*

I. Впредь до разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ общаго вопроса о преобразованіи коммерческихъ судовъ, постановить нижеслѣдующія правила объ устройствѣ варшавскаго коммерческаго суда.

1. Варшавскій коммерческій судъ составляютъ: а) предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя, назначаемые высочайшею властію, по представленіямъ министра юстиціи, изъ лицъ, кои могутъ быть, на основаніи положенія 19-го февраля 1875 г. о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ варшавскому судебному округу, опредѣляемы на должности: первый—члена судебной палаты, а второй—члена окружнаго суда, и б) члены, избираемые мѣстнымъ купечествомъ, въ числѣ соотвѣтствующемъ потребности, но не болѣе восьми, изъ лицъ, имѣвшихъ право быть избираемыми въ судьи варшавскаго коммерческаго трибунала, или въ заступающіе ихъ мѣсто, и владѣющихъ русскимъ языкомъ; выборы кандидатовъ производятся порядкомъ, существовавшимъ при выборѣ судей означеннаго трибунала, утвержденіе же оныхъ предоставляется министру юстиціи.

2. Канцелярія коммерческаго суда состоитъ изъ секретарей и помощниковъ ихъ въ числѣ, штатомъ опредѣленномъ, архиваріуса, переводчика и канцелярскихъ чиновниковъ.

3. При коммерческомъ судѣ состоятъ: судебные пристава для исполненія рѣшеній и судебные разсыльные для сообщенія тяжущимся повѣстокъ и бумагъ, а также для исполненія, по порученію предсѣдателя, другихъ дѣйствій, не относящихся къ исполненію судебныхъ рѣшеній.

4. Должности секретаря, помощника секретаря и архиваріуса замѣщаются, на основаніи общихъ правилъ, изъ числа лицъ, служащихъ по судебному вѣдомству, по назначенію министра юсти-

ціи. Переводчикъ, судебные пристава и судебные разсыльные назначаются предсѣдателемъ суда, на основаніи соотвѣтственныхъ постановленій учрежденія судебныхъ установленій и положенія 19-го февраля 1875 г.

5. Въ коммерческомъ судѣ докладъ дѣлъ и редакція судебныхъ опредѣленій или рѣшеній возлагаются на секретарей суда или ихъ помощниковъ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ предсѣдателя суда и его товарища.

II. Потребный на содержаніе варшавскаго коммерческаго суда расходъ, въ количествѣ *тридцати одной тысячи ста пятидесяти* руб. въ годъ, вносить, съ 1-го января 1877 г., въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства юстиціи; причитающійся же на содержаніе означеннаго суда расходъ съ 1-го іюля текущаго года по 1-е января 1877 г., въ половинномъ размѣрѣ, *пятнадцать тысячъ пятьсотъ-семьдесятъ-пять* руб. отнести на общіе остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, въ росписи непоказанные; и

III. Проектъ временнаго штата варшавскаго коммерческаго суда представить къ высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

Государь Императоръ, на журналѣ комитета, 30-го іюня 1876 г., соизволилъ написать собственноручно: „*исполнить*“; представленный же при журналѣ проектъ означеннаго штата удостоенъ въ тотъ же день высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

Временный штатъ варшавскаго коммерческаго суда.

(Высочайше утвержденъ 30-го іюня 1876 года).

НАИМЕНОВАНІЕ ДОЛЖНОСТЕЙ.	Число лицъ.	Оклады ежегоднаго содержанія каждаго рублями серебромъ.					Классы и разряды.		
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Итого одному.	Всѣмъ.	По должности.	По шитью на мундирѣ министерства юстиціи.	По пенсіи.
Предсѣдатель	1	2.000	750	750	3.500	3.500	V	V	III 1-й ст.
Товарищъ предсѣдателя	1	1,200	500	500	2.200	2.200	V	V	III 1-й ст.
Секретарей	3	600	300	300	1.200	3.600	VIII	VIII	VI
Помощниковъ секретаря	6	300	150	150	600	3.600	IX	IX	VII
Архиваріусъ	1	300	150	150	600	600	IX	IX	VII
Переводчикъ	1	300	150	150	600	600	IX	IX	VII
Судебныхъ приставовъ	8	300	150	150	600	4.800	X	X	VII
Судебныхъ разсыльныхъ	10	150	75	—	225	2.250			
На содержаніе канцелярскихъ чиновниковъ и писцовъ и на канцелярскіе расходы	—	—	—	—	—	10.000	—	—	—
Итого	31	—	—	—	—	31.150	—	—	—

16.

О предоставленіи переведеннымъ на службу въ имперію чиновникамъ судебныхъ установленій въ губерніяхъ царства польскаго, въ томъ числѣ и бывшей правительственной коммисіи юстиціи, права участвовать въ эмеритальномъ въ царствѣ обществѣ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра юстиціи докладу, 1-го іюля 1876 года, высочайше повелѣть соизволилъ: тѣмъ изъ переведенныхъ на службу въ имперію чиновникамъ судебныхъ установленій въ губерніяхъ царства польскаго, въ томъ числѣ и бывшей правительственной коммисіи юстиціи, которые пожелаютъ по прежнему принадлежать къ эмеритальному въ царствѣ обществу,— предоставить право продолжать участвовать въ таковомъ и вносить опредѣленные уставомъ сего общества платежи, съ освобожденіемъ ихъ отъ установленныхъ въ имперіи вычетовъ изъ оклада жалованья въ пенсіонный и эмеритальный капиталы.

17.

Объ отложеніи, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, передачи въ ипотечные архивы варшавскаго судебнаго округа актовъ, документовъ и книгъ прежнихъ нотаріусовъ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, 1-го іюля сего года, высочайше повелѣть соизволилъ: отложить, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, передачу въ ипотечные архивы варшавскаго судебнаго округа актовъ, документовъ и книгъ прежнихъ нотаріусовъ, предоставивъ старшему предсѣдателю мѣстной судебной палаты поручить временно храненіе нотаріальныхъ архивовъ вновь назначеннымъ нотаріусамъ, съ возложеніемъ на сихъ послѣднихъ обязанности выдавать выписи и копіи съ находящихся у нихъ на храненіи нотаріальныхъ актовъ.

18.

О таксахъ вознагражденія судебныхъ приставовъ и разсыльныхъ, состоящихъ при судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, въ засѣданіи 22-го іюня 1876 г., разсматривалъ представленіе министра юстиціи отъ 14-го іюня за № 9236, о таксахъ вознагражденія судебныхъ приставовъ и разсыльныхъ въ варшавскомъ судебномъ округѣ.

Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, согласно съ пред-

ставленіемъ министра юстиціи и заключеніемъ министра финансовъ и управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, *полагалъ:* проекты таксъ вознагражденія состоящихъ при судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа: 1) судебныхъ приставовъ и 2) судебныхъ разсыльныхъ, предоставить министру юстиціи ввести въ дѣйствіе.

Государь Императоръ, на журналѣ комитета, 30-го іюня 1876 г. соизволилъ написать собственноручно „*исполнить*“; представленные же при журналѣ проекты означенныхъ таксъ удостоены въ тотъ же день высочайшаго Его Императорскаго Величества разсмотрѣнія.

Такса вознагражденія судебныхъ приставовъ, состоящихъ при судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа.

1. За написаніе доставляемыхъ чрезъ судебнаго разсыльнаго тяжущимся, свидѣтелямъ, должникамъ, взыскателямъ и другимъ лицамъ повѣстокъ, вызововъ и всякаго рода сообщеній, судебному приставу полагается 10 к.

Когда же повѣстка, вызовъ или сообщеніе вручены судебнымъ приставомъ лично, то 25 к.

2. За всѣ дѣйствія по производству описи движимаго имущества:

а) Когда произведена вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнка имущества, или цѣна онаго опредѣлена, то приставу полагается:

За опись имущества, цѣна коего не превышаетъ 5,500 р.

	25 р.	—	— р.	25 к.
	50 „	—	— „	50 „
	100 „	—	1 „	— „
	200 „	—	2 „	— „
	300 „	—	3 „	— „
	400 „	—	4 „	— „
	500 „	—	5 „	— „
сверхъ	500 „	—	— „	50 „

За опись имущества, цѣна коего не превышаетъ:

25,000 р. за каждые	1,000 р.	—	— „	— „
сверхъ	5,000 „	—	2 „	— „
Свыше 25,000 р. за каждые	1,000 „	—	— „	— „
сверхъ	25,000 „	—	1 „	— „

б) когда опись произведена безъ оцѣнки и самая оцѣнка описаннаго имущества не приведена въ извѣстность, то приставу полагается:

Съ каждаго описаннаго подъ особымъ нумеромъ предмета, когда описанныхъ предметовъ будетъ:

не болѣе 50-ти, по	5 к.
до 100 „	4 „
болѣе ста „	3 „

Предметы, совершенно одинаковые, подлежатъ внесенію въ опись подъ однимъ общимъ нумеромъ, и въ такомъ случаѣ приставу полагается за внесеніе въ опись цѣлой партіи однородныхъ предметовъ опредѣленная выше плата за каждый нумеръ партіи, какъ за нумеръ особаго предмета, и, сверхъ того, особое вознагражденіе за счетъ съ каждаго десятка по 1 к., а съ вещей, подлежащихъ вѣсу или мѣрѣ, съ каждаго десятка пудовъ или саженъ по 3 к.

3. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судебный приставъ, не составляя описи, свѣряетъ только имущество съ прежде составленною описью, ему полагается:

а) Когда цѣна имущества извѣстна и притомъ не превышаетъ:

	25	р.	—	р.	10 к.
	50	„	—	„	15 „
	100	„	—	„	25 „
	200	„	—	„	50 „
	300	„	—	„	75 „
	400	„	1	„	— „
	500	„	1	„	25 „
5,000 руб. за каждые	100	„	—	„	— „
сверхъ	500	„	—	„	12½ „
25,000 руб. за каждые	1,000	„	—	„	— „
сверхъ	5,000	„	—	„	50 „
свыше 25,000 руб. за каждые	1,000	„	—	„	— „
сверхъ	25,000	„	—	„	25 „

б) Когда цѣна имущества не приведена въ извѣстность, то приставу полагается съ каждаго предмета, когда таковыхъ описано будетъ:

не болѣе пятидесяти, по	5 к.
до ста	4 „
болѣе ста	3 „

4. За снятіе печатей при освобожденіи движимаго имущества отъ ареста, а равно и за приложеніе печатей въ тѣхъ случаяхъ, когда опечатаніе или снятіе печатей производится отдѣльно отъ описи имущества, приставъ получаетъ за каждую снятую или приложенную печать и ярлыкъ, когда число печатей или ярлыковъ будетъ:

не болѣе пятидесяти, по	3 к.
до ста	2 „
болѣе ста по	1 „

5. При описи недвижимыхъ имѣній, за каждое имѣніе или участокъ, описанные отдѣльно, судебному приставу полагается, когда цѣна имѣнія не превышаетъ:

	500 р.	2 р.	50 к.
	1,000 „	5 „	— „
	2,000 „	6 „	— „
	3,000 „	7 „	— „
	4,000 „	8 „	— „
	5,000 „	9 „	— „
свыше 5,000 р. полаг. за каждые	1,000 „	— „	— „
сверхъ	5,000 „	— „	50 „

Примѣчаніе. За опись находящейся при недвижимомъ имѣніи движимости, приставу полагается особое вознагражденіе на основаніи 2-й и 3-й статей настоящей таксы.

6. За передачу арестованнаго имущества или за распоряженіе о перенесеніи его въ особое помѣщеніе судебному приставу полагается, когда цѣна имущества не превышаетъ:

	500 р.	— р.	25 к.
	2,000 „	— „	50 „
	5,000 „	— „	75 „
а свыше 5,000 р. за каждые	5,000 „	1 „	— „
а когда цѣна имущества неизвѣстна			50 „

7. За переписку съ казначействомъ и съ другими присутственными мѣстами и должностными лицами о числящихся на описываемомъ имѣніи недоимкахъ, государственныхъ податяхъ, общественныхъ и городскихъ повинностяхъ, а также за переписку съ ипотечнымъ отдѣленіемъ окружнаго суда, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, судебному приставу полагается: когда цѣна имущества не превышаетъ: . . . .

500 р.	— — р.	50 к.
2,000 „	— 1 „	— „
5,000 „	— 1 „	50 „
свыше 5,000 „	— 2 „	— „

8. За производство публичнаго торга на продажу движимости или недвижимаго имущества приставу полагается:

Когда цѣна, за которое имущество продано, не превышаетъ:

25 р.	— — р.	25 к.
50 „	— — „	50 „
100 „	— 1 „	— „
250 „	— 2 „	— „
500 „	— 3 „	— „
свыше 500 „	— 4 „	— „

Если отъ продажи имущества на торгахъ выручено было болѣе 500 р., то приставъ получаетъ съ суммы, вырученной имъ свыше пятисотъ рублей, по $^1/_4$ процента.

Примѣчаніе. Положенное въ сей статьѣ вознагражденіе полагается судебному приставу и за отдачу недвижимаго имѣнія въ аренду съ публичнаго торга.

9. За переписку о взысканіи штрафныхъ денегъ съ неисправнаго покупщика, не внесшаго установленнаго задатка, приставъ получаетъ съ него 50 к.

10. За отобраніе отсужденнаго движимаго имущества, находившагося подъ арестомъ, невозвращеннаго владѣльцу въ назначенный срокъ и невыданнаго приставу по первому его требованію, приставу назначается съ каждаго отобраннаго предмета или описанной особой партіи, когда число предметовъ не болѣе десяти, по 25 коп.
сверхъ десяти, по 10 коп.

11. За личное задержаніе должника и отправленіе его въ мѣсто заключенія приставу полагается 4 р.

12. За выдачу судебнымъ приставомъ взыскателю, должнику, хранителю арестованнаго имущества, смотрителю мѣста заключенія должниковъ, или кому-либо другому, выписокъ или копій съ журнала или описи имущества, или удостовѣренія о посылкѣ должнику повѣстки объ исполненіи, судебному приставу полагается съ каждаго листа выданнаго документа 20 к.

За неполный листъ полагается какъ за полный, если исписано болѣе двухъ страницъ; если же написано не болѣе двухъ страницъ, то приставу полагается 10 к.

Примѣчаніе. Каждыя двадцать-пять строкъ считаются за страницу листа.

За сдѣланіе на исполнительномъ листѣ надписей о неудовлетвореніи должникомъ взыскателя и т. п., приставу полагается 10 коп.

Сверхъ того, за приложеніе къ описи и другимъ документамъ печатей, судебному приставу съ каждаго документа полагается по 5 коп.

13. За совершеніе ввода во владѣніе приставу полагается 2 р.

14. За совершеніе предложенія платежа и взноса на храненіе судебному приставу полагается:

если сумма не превышаетъ 250 р. — 1 р. — к.
свыше 250 р. — 1 р. 50 к.

15. Если повѣстка должна быть вручена или другое какое-либо дѣйствіе должно быть совершено приставомъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ жительство, то онъ получаетъ прогонныя и суточныя деньги на точномъ основаніи правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 858 и 864 уст. гражд. судопр., причемъ время, употребленное на проѣздъ судебнаго пристава, исчисляется по поверстному сроку, опредѣленному статьею 300 уст. гражд. судопр., и суточныя деньги выдаются приставу, когда онъ на проѣздъ употребитъ и менѣе сутокъ.

Примѣчаніе. Деньги эти не входятъ въ счетъ общей суммы вознагражденія, полагаемаго судебнымъ приставамъ, и выдаются каждому изъ нихъ отдѣльно.

16. Положенное по сей статьѣ вознагражденіе судебные пристава могутъ получать и имѣютъ право взыскать съ того лица, по требованію котораго какое-либо дѣйствіе приставомъ исполнено.

Такса вознагражденія судебныхъ разсыльныхъ, состоящихъ при судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа.

1. За доставленіе тяжущимся, свидѣтелямъ, должникамъ, взыскателямъ и другимъ лицамъ повѣстокъ, вызововъ и всякаго рода сообщеній, какъ отъ судебныхъ мѣстъ, такъ и отъ судебныхъ приставовъ, полагается разсыльному 15 коп.

2. Если врученіе повѣстки, вызова и всякаго другаго сообщенія должно быть произведено судебнымъ разсыльнымъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ жительство, то онъ получаетъ прогонныя деньги въ оба пути съ версты по 8 к. и суточныя деньги въ сутки по 25 коп.

При этомъ употребленное на проѣздъ судебнаго разсыльнаго время исчисляется по поверстному сроку, опредѣленному ст. 300 устава гражданскаго судопроизводства, и суточныя деньги выдаются разсыльному, когда онъ проѣдетъ и менѣе сутокъ.

3. Положенное по настоящей таксѣ вознагражденіе взыскивается въ пользу разсыльнаго судебнымъ мѣстомъ или судебнымъ приставомъ, доставляющимъ повѣстку, вызовъ или сообщеніе черезъ него, съ лица, въ интересахъ котораго это дѣйствіе совершается.

4. Вознагражденіе, взысканное въ пользу судебнаго разсыльнаго, составляетъ общую принадлежность всѣхъ разсыльныхъ того судебнаго мѣста, при которомъ онъ состоитъ, и распредѣляется между ними соразмѣрно ихъ трудамъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, по усмотрѣнію судебнаго мѣста.

19.

О мѣрахъ къ устраненію недоразумѣній, возникшихъ вслѣдствіе отказа нѣкоторыхъ гминъ отъ производства выборовъ на должности лавниковъ и гминныхъ судей. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи объ устраненіи недоразумѣній, возникшихъ вслѣдствіе отказа нѣкоторыхъ гминъ отъ производства выборовъ на должности лавниковъ и гминныхъ судей, — *положилъ:* впредь до производства означенными гминами таковыхъ выборовъ, установить слѣдующія мѣры:

1. Если какая-либо гмина не пожелаетъ избрать кандидата на должность гминнаго судьи, въ другихъ же гминахъ того же гминнаго судебнаго округа такіе кандидаты избраны, то утверждать въ должности гминныхъ судей изъ числа кандидатовъ сихъ послѣднихъ гминъ.

2. При отказѣ гмины отъ выборовъ лавника, губернаторъ можетъ или ограничиться сохраненіемъ въ составѣ суда того же числа лавниковъ, которые уже избраны другими гминами того округа, или назначить въ лавники одного изъ кандидатовъ на сію должность, избранныхъ другими гминами округа.

3. Если отъ выборовъ лавниковъ и гминныхъ судей откажутся всѣ гмины, входящія въ составъ гминнаго судебнаго округа, то такой округъ временно, по соглашенію варшавскаго генералъ-губернатора съ старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты, или присоединить въ полномъ составѣ къ одному изъ сосѣднихъ окру-

говъ, или составляющія его гмины распредѣлить между нѣсколькими сосѣдними округами; — и

4. Причитающіеся на содержаніе гминнаго суда, сообразно предназначенному для него составу, денежные сборы производить, во всякомъ случаѣ, въ опредѣленныхъ раскладкою размѣрахъ, и съ отказавшихся отъ производства выборовъ гминъ.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше утвердить соизволилъ.

20.

По вопросу о дополненіи 4, 23 и 33 статей, высочайше утвержденныхъ, 1-го (13-го) іюня 1875 года, правилъ о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ варшавскомъ судебномъ округѣ. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, въ засѣданіи 22-го іюня 1876 года, разсматривалъ представленіе министра юстиціи отъ 18-го іюня 1876 года, за № 9235, о дополненіи 4, 23 и 33 статей высочайше утвержденныхъ, 1-го (13-го) іюня 1875 года, правилъ о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ варшавскомъ судебномъ округѣ. Комитетъ по дѣламъ царства, по соглашенію съ министромъ юстиціи и статсъ-секретаремъ Набоковымъ, *полагалъ:* въ разрѣшеніе вопросовъ, возникшихъ относительно примѣненія постановленій, заключающихся въ статьяхъ 4, 23 и 33-й правилъ 1-го іюня 1875 года, о введеніи въ дѣйствіе законоположеній объ устройствѣ судебной части въ варшавскомъ судебномъ округѣ, разъяснить:

1. Установленнымъ тяжущимися сторонами до 1-го іюля 1876 г. защитникамъ, состоявшимъ при упраздняемыхъ въ губерніяхъ царства польскаго судебныхъ мѣстахъ, хотя бы защитники эти и не были назначены къ новымъ судебнымъ установленіямъ варшавскаго судебнаго округа въ званіи присяжныхъ повѣренныхъ, предоставляется ходатайствовать по тѣмъ изъ дѣлъ, поступившихъ въ новыя судебныя учрежденія, по коимъ они имѣли хожденіе въ упраздняемыхъ судебныхъ мѣстахъ.

2. Всѣ дѣла, переданныя въ варшавскую судебную палату, какъ изъ апелляціоннаго суда, такъ и изъ правительствующаго сената, производятся въ оной по правиламъ, установленнымъ для апелляціоннаго суда.

3. Окончаніе исполненія рѣшеній упраздняемыхъ судебныхъ мѣстъ, а также оффиціальныхъ актовъ, если къ оному приступ-

лено до 1-го іюля 1876 года, возлагается на тѣхъ судебныхъ приставовъ, состоящихъ при новыхъ судебныхъ установленіяхъ, которые будутъ къ сему назначены предсѣдателями окружныхъ судовъ и мировыхъ съѣздовъ;—и

4. Врученіе бумагъ по дѣламъ, производящимся въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ прежнимъ порядкомъ, поручается состоящимъ при этихъ учрежденіяхъ судебнымъ разсыльнымъ.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

21.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаря графа Палена, 8-го іюля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: преступниковъ, присужденныхъ судами губерній царства польскаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ, высылать на поселеніе или въ каторжныя работы, безъ исполненія надъ ними установленнаго 963 ст. уст. угол. суд. обряда публичной казни.

22.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 9-го іюля сего года, высочайше повелѣть соизволилъ: дѣйствія 1-го и 2-го пп. 2 примѣч. къ 1081 ст. уст. о сод. подъ страж., по прод. 1871 года, общаго свода гражд. законовъ имперіи, изд. 1857 года, коимъ постановлено осуждаемыхъ за бродяжничество въ исправительныя арестантскія роты или отдѣленія гражданскаго вѣдомства высылать въ Сибирь на водвореніе безъ предварительнаго содержанія въ какихъ-либо мѣстахъ заключенія, распространить на осуждаемыхъ за то же преступленіе, по 648 ст. особаго улож. о наказ., дѣйствующаго въ губерніяхъ царства польскаго, о чемъ и постановить соотвѣтствующее правило въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній.

23.

О распространеніи на ссыльно-каторжныхъ дѣйствія прим. 3-го къ ст. 602-й уст. о ссыльн. по прод. 1871 года, а также высочайшаго повелѣнія 22-го мая 1875 года. По всеподданнѣйшему докладу, 21-го мая сего года, высочайше повелѣно:

1. Дѣйствіе постановленнаго 3 примѣч. къ 602 ст. уст. о ссыл., по прод. 1871 года, правила, по силѣ коего время содержанія ссыльно-каторжныхъ въ особо учрежденныхъ для сего тюрьмахъ въ европейской части имперіи зачитается симъ преступникамъ въ опредѣленный судомъ срокъ пребыванія въ каторжныхъ работахъ, распространить и на тѣхъ арестантовъ означенной категоріи, которые, взамѣнъ упомянутыхъ особыхъ тюремъ, содержатся въ иныхъ мѣстахъ заключенія, впредь до надлежащаго распредѣленія, а самый срокъ наказанія такимъ преступникамъ исчислять со времени вступленія въ законную силу состоявшихся о нихъ судебныхъ приговоровъ.

2. Примѣнить къ этимъ преступникамъ высочайшее повелѣніе 22-го мая 1875 года, коимъ постановлено ссыльно-каторжныхъ означеннаго разряда, подлежащихъ дѣйствію 577 ст. уст. о ссыльн., по истеченіи указываемыхъ этою статьею сроковъ, высылать въ Сибирь, для поступленія съ ними въ семъ краѣ на основаніи правилъ, существующихъ въ отношеніи каторжныхъ разряда исправляющихся вообще.

24.

О порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, переданныхъ изъ IX департамента правительствующаго сената въ варшавскую судебную палату. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, въ засѣданіи 20-го іюля 1876 года, разсматривалъ представленіе министра юстиціи, отъ 28-го іюня 1876 года, за № 10,293, по вопросу о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, переданныхъ изъ IX департамента правительствующаго сената въ варшавскую судебную палату. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, соглашаясь съ представленіемъ министра юстиціи относительно назначенія крайняго срока для внесенія въ реестръ къ слушанію въ варшавской судебной палатѣ дѣлъ, переданныхъ изъ IX департамента правительствующаго сената на основаніи 23-й и послѣдующихъ статей положенія 1-го іюня 1875 года, о введеніи законоположеній объ устройствѣ судебной части въ варшавскомъ судебномъ округѣ, нашелъ лишь, что предположенный для сего трехлѣтній срокъ удобнѣе было бы опредѣлить не со дня послѣдней публикаціи списка переданныхъ изъ IX департамента сената дѣлъ, но со дня введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ варшавскомъ судебномъ округѣ, и что означенный списокъ дѣлъ, кромѣ повременныхъ изданій, указан-

ныхъ въ представленіи, надлежитъ публиковать и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. На семъ основаніи комитетъ, по соглашенію съ управляющимъ министерствомъ юстиціи, *полагалъ*:

1. Всѣ дѣла, поступившія въ IX департаментъ правительствующаго сената со времени открытія его по 1-е іюля 1876 года, но невнесенныя въ реестры дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію означеннаго департамента или его отдѣленій, вносятся въ особый списокъ, въ которомъ обозначается: а) время подачи жалобы по каждому дѣлу въ отдѣльности; б) имена, фамиліи, званіе и мѣсто жительства сторонъ и ихъ защитниковъ; в) число, мѣсяцъ и годъ постановленія апелляціоннымъ судомъ обжалованнаго въ сенатъ рѣшенія; г) краткое, но точное и ясное изложеніе предмета спора.

2) По разсмотрѣніи и утвержденіи этого списка, варшавская судебная палата опредѣляетъ о троекратномъ опубликованіи его, припечатаніемъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, „Варшавскомъ Дневникѣ“ и трехъ другихъ, по указанію палаты, варшавскихъ повременныхъ изданіяхъ. Публикаціи эти слѣдуютъ одна за другою чрезъ десять дней, и въ каждой изъ нихъ объявляется, что если до 1-го іюля 1879 года дѣло, въ томъ спискѣ значащееся, не будетъ внесено въ реестръ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію варшавской судебной палаты, въ порядкѣ прежняго гражданскаго судопроизводства, то жалоба, поданная въ IX департаментъ, теряетъ свое дѣйствіе;—и

3. По истеченіи срока, означеннаго въ пунктѣ 2-мъ, варшавская судебная палата постановляетъ опредѣленіе о прекращеніи и сдачѣ въ архивъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, показанныхъ въ опубликованномъ спискѣ, которыя окажутся невнесенными въ означенные выше реестры палаты. Опредѣленія палаты по сему предмету признаются окончательными.

Государь Императоръ на журналѣ комитета, 6-го августа сего года, соизволилъ написать собственноручно: „*исполнить*“.

25.

По вопросу объ упраздненіи правительственной коммисіи юстиціи царства польскаго. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи по вопросу объ упраздненіи правительственной коммисіи юстиціи царства, положилъ:

1. Правительственную коммисію юстиціи въ царствѣ упразд-

нить съ 1-го іюля 1876 г., съ оставленіемъ служащихъ въ оной лицъ, которыя не получаютъ другаго назначенія, за штатомъ, на основаніи существующихъ объ этомъ правилъ.

2. Изъ числа дѣлъ, производящихся въ означенной коммисіи: а) дѣла по завѣдыванію суммами, назначенными для производства ссудъ низшимъ чинамъ судебнаго вѣдомства въ округѣ варшавской судебной палаты; б) переписку по представленіямъ къ эмеритальнымъ пенсіямъ и пособіямъ лицъ судебнаго вѣдомства, оставляемыхъ за штатомъ по случаю вводимаго въ царствѣ судебнаго преобразованія; в) засвидѣтельствованіе актовъ, совершенныхъ за границею и подлежащихъ исполненію въ губерніяхъ сего округа; г) составленіе статистическихъ свѣдѣній о движеніи дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ, и д) составленіе годоваго отчета о дѣйствіяхъ судебнаго вѣдомства, — возложить, временно, на два года, на старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, предоставивъ въ его распоряженіе, для производства поименованныхъ дѣлъ, по *десяти тысячъ* рублей въ годъ.

3. Обязанности коммисіи юстиціи по отношенію къ прокураторіи возложить, также временно, на два года, на прокурора варшавской судебной палаты, назначивъ на усиленіе средствъ канцеляріи онаго по *двѣ тысячи* рублей въ годъ.

4. Свидѣтельствованіе актовъ и рѣшеній, состоявшихся въ губерніяхъ царства до 1-го іюля 1876 года и подлежащихъ исполненію въ имперіи, возложить на мѣстные, по принадлежности, окружные суды варшавскаго округа.

5. На усиленіе центральнаго управленія министерства юстиціи, по случаю упраздненія коммисіи юстиціи, ассигновать нынѣ единовременно въ распоряженіе министра юстиціи *десять тысячъ* рублей, предоставивъ ему войти, въ установленномъ порядкѣ, съ представленіемъ о размѣрѣ суммы, потребной на усиленіе сего управленія на будущее время.

6. Потребный, согласно пп. 2 и 3, расходъ въ суммѣ *двѣнадцати тысячъ* рублей, вносить, съ 1-го января 1877 года, въ смѣту министерства юстиціи, въ графу расходовъ временныхъ; въ текущемъ же году означенный расходъ въ половинномъ размѣрѣ, а также единовременный, согласно п. 5-му, кредитъ въ *десять тысячъ* руб. на усиленіе средствъ центральнаго управленія министерства юстиціи, отнести на общіе остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, въ росписи непоказанные.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше утвердить соизволилъ.

26.

Правила о распредѣленіи между судебными установленіями и должностными лицами варшавскаго судебнаго округа нѣкоторыхъ обязанностей прежнихъ судовъ и судебныхъ чиновъ губерній царства польскаго.

(Высочайше утверждены 6-го августа 1876 года).

1. Съ упраздненіемъ существовавшихъ, до 1-го іюля 1876 года, въ губерніяхъ царства польскаго судебныхъ установленій, тѣ обязанности оныхъ, равно какъ состоящихъ при нихъ должностныхъ лицъ, кои были возложены на сіи установленія и лица узаконеніями, сохраняющими свою силу и по введеніи въ варшавскомъ судебномъ округѣ судебныхъ уставовъ на основаніи высочайше утвержденнаго, 19-го февраля 1875 года, положенія и дополнительныхъ къ нему постановленій, переходятъ къ подлежащимъ по степени власти и предметамъ вѣдомства новымъ судебнымъ установленіямъ и должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ.

2. Скрѣпа и повѣрка книгъ гражданскаго состоянія для христіанскихъ вѣроисповѣданій, за исключеніемъ римско-католическаго, а также для всѣхъ нехристіанскихъ исповѣданій, производятся мировыми судьями, при коихъ состоятъ уѣздныя ипотечныя отдѣленія. Эти же мировые судьи совершаютъ засвидѣтельствованіе выписей изъ книгъ гражданскаго состоянія, а равно исполняютъ предписанныя закономъ дѣйствія относительно сообщенія подлежащимъ чиновникамъ гражданскаго состоянія актовъ о послѣдовавшей смерти уроженцевъ царства польскаго за границею, или во время нахожденія ихъ въ военной службѣ. Ежегодная чрезвычайная ревизія книгъ гражданскаго состоянія въ нѣкоторыхъ приходахъ, на основаніи дѣйствовавшихъ досслѣ по сему предмету узаконеній, какъ за текущій, такъ и за истекшіе годы, возлагается на предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ.

3. Прокурорскій надзоръ въ главной и частныхъ дирекціяхъ земскаго кредитнаго общества на чиновъ новыхъ судебныхъ установленій не возлагается.

4. Впредь до особаго распоряженія прокурорскія обязанности

по дѣламъ брачнымъ, производящимся въ духовныхъ римско-католическаго вѣроисповѣданія судахъ 1-й степени, исполняются прокурорами мѣстныхъ окружныхъ судовъ; по дѣламъ же, производящимся въ духовныхъ судахъ 2-й степени сего исповѣданія и въ консисторскихъ судахъ евангелическо-аугсбургскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій, возлагаются на прокурора варшавской судебной палаты, съ сохраненіемъ сему послѣднему, а также прокурору варшавскаго окружнаго суда, особаго вознагражденія за исполненіе означенныхъ обязанностей, которое присвоено было прокурорамъ апелляціоннаго суда и варшавскаго гражданскаго трибунала.

5. Сообщеніе повѣстокъ и бумагъ отъ евангелическихъ аугсбургскаго и реформатскаго консисторскихъ судовъ можетъ быть возлагаемо на состоящихъ при окружныхъ судахъ судебныхъ разсыльныхъ, по назначенію предсѣдателя подлежащаго суда.

6. Обязанности предсѣдателя варшавскаго гражданскаго трибунала, по отношенію къ мѣсту заключенія несостоятельныхъ должниковъ, ввѣряются предсѣдателю варшавскаго окружнаго суда.

7. Засвидѣтельствованіе явки собственноручныхъ незапечатанныхъ завѣщаній, а равно разрѣшеніе просьбъ общихъ легатаріевъ о вводѣ во владѣніе, производятся предсѣдателемъ окружнаго суда, мировымъ судьею или гминнымъ судомъ, на основаніи законовъ о подсудности дѣлъ о наслѣдствѣ по роду и цѣнѣ завѣщаннаго имущества, съ тѣмъ, что предсѣдатель окружнаго суда производитъ засвидѣтельствованіе и въ томъ случаѣ, если при представленіи завѣщанія къ явкѣ невозможно опредѣлить родъ и цѣну сего имущества. Засвидѣтельствованіе явки, вскрытіе и описаніе состоянія собственноручныхъ запечатанныхъ и тайныхъ завѣщаній производятся во всѣхъ случаяхъ предсѣдателемъ окружнаго суда.

8. Впредь до окончательнаго устройства архивовъ древнихъ актовъ обязанность свидѣтельствованія копій документовъ, выдаваемыхъ изъ таковыхъ архивовъ, лежавшая на предсѣдателяхъ трибуналовъ, переходитъ къ предсѣдательствующимъ въ ипотечномъ отдѣленіи мѣстныхъ окружныхъ судовъ.

9. Дѣла о нарушеніи правилъ объ отчужденіи, отдачѣ въ залогъ и дробленіи усадебъ, поступившихъ въ собственность сельскихъ жителей на основаніи высочайшихъ указовъ 19-го февраля (2-го марта) 1864 г., подчиняются вѣдѣнію вновь учреж-

денныхъ гминныхъ судовъ и начинаются ими какъ вслѣдствіе просьбы о томъ заинтересованныхъ лицъ, такъ и по требованію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, либо чиновъ прокурорскаго надзора. Опредѣленія гминнаго суда по означенному предмету могутъ подлежать обжалованію на основаніи общихъ правилъ объ обжалованіи рѣшеній мировыхъ судебныхъ установленій, изложенныхъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Если при разсмотрѣніи гминнымъ судомъ подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ имъ замѣчены будутъ случаи нарушенія упомянутыхъ въ семъ пунктѣ правилъ, то гминный судъ обязанъ сообщать о такихъ случаяхъ мѣстнымъ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія.

10. Дѣла о нарушеніи правилъ объ охотѣ 17-го іюля 1871 г. вѣдаются, на основаніи правилъ о подсудности, мировыми или общими судебными установленіями, съ соблюденіемъ особыхъ постановленій по наложенію взысканій, изложенныхъ въ главѣ V означенныхъ правилъ.

11. Обязанности чиновъ судебныхъ мѣстъ по ревизіи мѣстъ заключенія, на основаніи тюремной инструкціи 1859 года, возлагаются на чиновъ прокурорскаго надзора, по принадлежности.

12. Разбирательство споровъ между хозяевами и прислугою и наложеніе взысканій за нарушеніе правилъ о слугахъ и рабочихъ подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей и гминныхъ судовъ, по принадлежности, причемъ мировые судьи и гминные суды, при разбирательствѣ и рѣшеніи дѣлъ этого рода, руководствуются правилами главы IX книги 3-й устава 24-го мая 1860 года о сельскихъ гминныхъ судахъ (ст. 516—559 и 561—589), съ тѣмъ, что назначеніе рода и мѣры взысканія за каждый проступокъ предоставляется мировымъ судьямъ и гминнымъ судамъ, въ предѣлахъ предоставленной имъ закономъ власти.

Б. Распоряженія по министерству юстиціи.

1.

Высочайше утвержденнымъ, 6-го (18-го) мая 1874 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта, по проекту правилъ о торговлѣ

охотничьимъ порохомъ, храненіи и перевозкѣ пороха (п. IV), министру юстиціи предоставлено, по соглашенію съ министрами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ и съ главноуправляющимъ вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, изданіе особаго списка нарушеніямъ постановленій о предосторожностяхъ при храненіи и перевозкѣ пороха, виновные въ коихъ должны подлежать отвѣтственности на основаніи упомянутыхъ правилъ (ст. 23). Во исполненіе сего, министръ юстиціи, признавъ необходимымъ составить, по соглашенію съ означенными министрами и съ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ, прилагаемый при семъ списокъ нарушеніямъ сказанныхъ постановленій, предложилъ правительствующему сенату о распубликованіи настоящаго списка установленнымъ порядкомъ.

Списокъ нарушеніямъ постановленій о предосторожностяхъ при храненіи и перевозкѣ пороха, виновные въ коихъ должны подлежать отвѣтственности на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 6-го (18-го) мая 1874 года, правилъ о торговлѣ охотничьимъ порохомъ, храненіи и перевозкѣ пороха (ст. 23).

Подъ наказанія, опредѣленныя первою частію ст. 23-й означенныхъ правилъ, подходятъ слѣдующіе поступки:

1. Храненіе пороха въ лавкахъ, изъ коихъ производится продажа его, въ количествѣ болѣе 30 фунтовъ. Храненіе пороха въ гостиныхъ и торговыхъ рядахъ. Продажа пороха малолѣтнимъ; порученіе его продажи лицамъ, не достигшимъ совершеннолѣтія (21 года), а равно лицамъ нетрезваго поведенія. Храненіе и продажа пороха розсыпью, а не въ установленныхъ жестянкахъ съ бандеролью, въ которыхъ онъ отпускается изъ казенныхъ складовъ. Продажа пороха въ пороховыхъ складахъ не при дневномъ свѣтѣ. Храненіе въ пороховыхъ складахъ вмѣстѣ съ порохомъ фейерверковъ, капсулей и вообще предметовъ, выдѣлываемыхъ изъ ударнаго пороха и другихъ взрывчатыхъ составовъ, нефти, керосина, зажигательныхъ спичекъ, лаковъ и вообще всякихъ удобовоспламеняющихся веществъ, а также внесеніе въ означенныя помѣщенія какъ названныхъ веществъ, такъ и огня; равнымъ образомъ разведеніе въ упомянутыхъ помѣщеніяхъ огня и куреніе табаку. Перевозка на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и въ общественныхъ экипажахъ частными лицами принадлежащаго имъ пороха въ количествѣ болѣе трехъ фунтовъ или не въ тѣхъ же-

стянкахъ, въ которыхъ порохъ отпущенъ изъ склада, и не въ металлическихъ пороховницахъ (ст. 8, 9—14 и 18 Высочайше утвержденныхъ, 6-го (18-го) мая 1874 года, правилъ).

2. Устройство въ складахъ какихъ-либо иныхъ, кромѣ деревянныхъ, половъ и употребленіе при настилкѣ ихъ желѣзныхъ, чугунныхъ и стальныхъ гвоздей или болтовъ; отсутствіе въ складахъ прочныхъ деревянныхъ стелажей съ нарами или полками для помѣщенія ящиковъ съ порохомъ; несоблюденіе предписанныхъ правилъ предосторожности относительно углубленія въ дерево употребленныхъ для скрѣпленія стелажей или самаго склада желѣзныхъ гвоздей или болтовъ, а также употребленіе задвижекъ, крючковъ, затворовъ, пробоевъ, петель, и т. п., не изъ мѣди, а изъ означенныхъ выше металловъ, или безъ покрытія листовою латунью; оставленіе половъ и наръ безъ устилки чистыми рогожами или цыновками и оставленіе на полу неубранными просыпавшагося пороха или пороховой пыли; храненіе въ складѣ чего либо кромѣ пороха или его укупорки, а около склада чего либо кромѣ укупорки (ст. 1-я особыхъ дополнительныхъ постановленій къ ст. 17-й Высочайше утвержденныхъ, 6-го (18-го) мая 1874 года, правилъ).

3. Несоблюденіе правила относительно надѣванія при входѣ въ склады, устроенные для храненія болѣе 30 фун. пороха, кенегъ или валенокъ безъ желѣзныхъ гвоздей или шпилекъ; неимѣніе при складѣ, кромѣ кенегъ или валенокъ, деревяннаго или мѣднаго молотка, мѣдной отвертки, надежныхъ деревянныхъ лѣстницъ и веревочныхъ носилокъ; производство исправленій въ складѣ, когда въ немъ находится порохъ; перевозка на тачкахъ въ складѣ или внѣ онаго, а также бросаніе, перекатываніе и волоченіе по полу или по землѣ ящиковъ съ порохомъ (ст. 2 и 3 дополн. постан.).

4. Оставленіе безъ осмотра, при пріемѣ пороха изъ казенныхъ складовъ, прочности укупорки, а равно цѣлости бандеролей на пороховыхъ жестянкахъ. Несоблюденіе при перевозкѣ пороха установленныхъ правилъ относительно укладки жестянокъ съ порохомъ въ ящики, укупорки сихъ ящиковъ кожею, войлокомъ или цыновкою, устраненія, при установкѣ ихъ на телѣги или возы, тренія и шатанія посредствомъ наполненія оказывающихся между ящиками промежутковъ мочалами или рогожами. Несоблюденіе (при перевозкѣ пороха на лошадяхъ) такихъ же правилъ относительно нормы общаго вѣса ящиковъ съ укупоркою не свыше 30

пудовъ, помѣщенія на повозку какой-либо другой клади, кромѣ пороха, если таковаго везется болѣе 15 пудовъ, и выставленія впереди повозки краснаго флага. Неимѣніе при транспортѣ съ порохомъ, перевозимымъ на одной или нѣсколькихъ конныхъ повозкахъ, особаго благонадежнаго повѣреннаго отъ хозяина или хозяевъ транспорта для наблюденія, чтобы возчики находились при повозкамъ; несоблюденіе правилъ о предупрежденіи всѣхъ встрѣчающихся, чтобы ѣхали мимо транспорта шагомъ; несоблюденіе упомянутымъ довѣреннымъ отъ хозяина лицомъ установленныхъ правилъ слѣдованія повозокъ, какъ-то: слѣдованія ихъ всегда правою стороною дороги по одной въ рядъ, съ оставленіемъ средины пути свободнымъ для проѣзда. Куреніе табаку или разведеніе огня на разстояніи менѣе 100 саженъ, а также имѣніе при себѣ лицами, сопровождающими транспортъ, кромѣ лица, коему ввѣренъ главный надзоръ за ними, спичекъ и другихъ легко воспламеняющихся веществъ. Несоблюденіе предписаннаго порядка слѣдованія повозокъ шагомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, а при спускѣ транспорта съ горъ на разстояніи не ближе 50 саженъ; несоблюденіе установленныхъ правилъ о порядкѣ исправленія повозокъ въ случаѣ порчи во время пути, объ объѣздѣ городовъ и селеній стороною, или же, въ случаѣ проѣзда чрезъ нихъ, о надлежащемъ предувѣдомленіи мѣстныхъ властей, и о томъ, чтобы при проходѣ чрезъ полотно желѣзной дороги или же при приближеніи къ линіи желѣзной дороги, повозки съ порохомъ находились на разстояніи не ближе 100 саженъ отъ поѣзда или паровоза. Неисполненіе правилъ предосторожности, опредѣленныхъ на случай, когда во время слѣдованія пороховаго транспорта произойдетъ гроза, или же когда замѣченъ будетъ впереди, по пути слѣдованія транспорта, огонь или пожаръ. Остановка для ночлега или прокормокъ на разстояніи ближе 100 саженъ отъ желѣзной дороги, отъ дороги проѣзжей или отъ жилья; остановка на постоялыхъ дворахъ; оставленіе повозокъ во время остановокъ безъ присмотра (ст. 4, 5, 6, 7—17 дополн. постан.).

5. Нижеслѣдующія нарушенія правилъ перевозки пороха водою, не на пароходахъ, по рѣкамъ, озерамъ, каналамъ и моремъ:

Употребленіе для сего судовъ тяжелыхъ на ходу и неудобныхъ для управленія, а равно снабженныхъ металлическими флюгарками; укладка пороха, хотя бы надлежащимъ образомъ укупореннаго и покрытаго, не въ отдѣльномъ помѣщеніи, которое на

парусныхъ мореходныхъ судахъ должно находиться вдали отъ корабельнаго очага, устраиваемаго непремѣнно на верхней палубѣ; оставленіе въ этомъ отдѣленіи посторонней клади, невыставленіе днемъ краснаго флага, а ночью фонаря съ краснымъ стекломъ; употребленіе на суднѣ огня (исключая сигнальнаго фонаря) и имѣніе судорабочими при себѣ какихъ бы то ни было средствъ къ добыванію огня; несообщеніе мѣстному начальнику дистанціи о предполагаемой нагрузкѣ судна порохомъ и неизвѣщеніе его о времени отвала судна, о пути и мѣстѣ выгрузки; неизвѣщеніе мѣстныхъ начальствъ о проходѣ судна чрезъ города и селенія. Неисполненіе правилъ объ употребленіи въ мѣстахъ, гдѣ существуетъ бечевая тяга, двойнаго комплекта судорабочихъ и тягловыхъ лошадей, на двѣ смѣны тягловой силы; несоблюденіе правилъ предосторожности, предписанныхъ на случай грозы, а также нарушеніе постановленій о слѣдованіи нѣсколькихъ судовъ съ порохомъ въ разстояніи не менѣе 200 саженъ одно отъ другаго, и о выборѣ мѣста стоянокъ для варенія пищи, ночлеговъ и другихъ надобностей съ навѣтряной стороны, не ближе ¼ версты отъ жилья или другихъ судовъ, а равно отъ разведеннаго для варки пищи огня; несоблюденіе, въ случаѣ значительной порчи судна, при выгрузкѣ пороха для исправленія судна, мѣръ предосторожности, касающихся переноски пороховыхъ ящиковъ и помѣщенія оныхъ за чертою города или селенія, не ближе узаконеннаго разстоянія отъ жилья и отъ фабрикъ и заводовъ (ст. 18-й пп. *а—м*, ст. 19, 20 и 22 дополн. постан.).

6. Нижеслѣдующія нарушенія правилъ перевозки пороха на пароходахъ:

Перевозка пороха въ помѣщеніи, не отдѣленномъ отъ посторонней клади и не въ достаточномъ отдаленіи отъ огня, подъ палубою; оставленіе огня гдѣ-либо, кромѣ машиннаго отдѣленія, у карты и въ камбузѣ (корабельномъ очагѣ); неимѣніе на мачтахъ вполнѣ исправныхъ громоотводовъ, а на трубахъ металлическихъ сѣтокъ; невыставленіе днемъ краснаго флага, а ночью фонаря съ краснымъ стекломъ; несообщеніе мѣстному начальнику дистанціи о предполагаемой нагрузкѣ парохода порохомъ и неизвѣщеніе его о времени отвала парохода, пути его и мѣстѣ выгрузки; несообщеніе мѣстному начальству о проходѣ парохода чрезъ городъ или селеніе; несоблюденіе правилъ предосторожности, предписанныхъ на случай грозы, а также въ отношеніи

стоянокъ для варенія пищи, ночлеговъ и другихъ надобностей; несоблюденіе, въ случаѣ значительной порчи парохода, при выгрузкѣ пороха, для исправленія парохода, мѣръ предосторожности, касающихся переноски пороховыхъ ящиковъ и помѣщенія оныхъ за чертою города или селенія, не ближе узаконеннаго разстоянія отъ жилья и отъ фабрикъ и заводовъ; нарушеніе тѣхъ изъ приведенныхъ выше правилъ перевозки пороха не на пароходахъ, которыя, по свойству указываемыхъ оными предосторожностей, должны быть одинаково соблюдаемы при перевозкѣ пороха на всѣхъ вообще судахъ, независимо отъ ихъ устройства и способа передвиженія (ст. 18-й пп. *б*, *в*, *д*, *е*. *ж*, *и*, *к*, *м* и ст. 21 дополн. постан.).

7. Несоблюденіе на судахъ, буксируемыхъ пароходомъ, сихъ же общеобязательныхъ для всѣхъ судовъ правилъ и, кромѣ того, неимѣніе на трубѣ буксирующаго парохода металлической сѣтки; употребленіе въ качествѣ буксируемыхъ судовъ такихъ, которыя не снабжены палубами, тяжелы на ходу, неудобны для управленія и не имѣютъ причаловъ достаточной длины; помѣщеніе пороха на буксирныхъ судахъ не подъ палубою; допущеніе на такія суда пассажировъ; оставленіе на нихъ огня, а у судорабочихъ— средствъ для добыванія его; непокрытіе прочнымъ, смоченнымъ водою брезентомъ люковъ на пароходахъ, нагруженныхъ порохомъ, и на буксируемыхъ судахъ съ порохомъ; неимѣніе на палубѣ буксируемаго судна брандспойта, ведеръ съ водою и мокрыхъ швабръ; несоблюденіе правила относительно вывѣшиванія днемъ краснаго флага, а ночью фонаря съ красными стеклами, во время перевозки и нагрузки, перегрузки и выгрузки пороха (ст. 18-й пп. *б*, *в*, *д*, *е*, *ж*, *и*, *к*, *м* и ст. 21-й пп. *а*—*ж* дополн. постан.).

8. Несоблюденіе при транспортированіи пороха на морскихъ и рѣчныхъ судахъ, а также на пароходахъ общихъ существующихъ законоположеній, изложенныхъ въ уставѣ торговомъ, а равно пересылка пороха по какимъ бы то ни было путямъ, въ видѣ обыкновенной клади, безъ заявленія о томъ, что отправляется именно порохъ (ст. 23 и 24 дополнит. постановл.).

2.

Руководствуясь прим. къ 41-й ст. I т. учр. прав. сената по прод. 1868 года, и признавъ необходимымъ всѣ поступающія въ правительствующій сенатъ уголовныя дѣла по губерніямъ вилен-

ской и гродненской, подвѣдомыя 2-му отдѣленію 5-го департамента правительствующаго сената, отнести къ вѣдѣнію 1-го отдѣленія того же департамента сената, за министра юстиціи, товарищъ министра предложилъ правительствующему сенату сдѣлать о семъ зависящее распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы изъ 2-го отдѣленія въ 1-е отдѣленіе 5-го департамента сената были переданы всѣ дѣла по означеннымъ губерніямъ, уже поступившія въ сенатъ, но по существу еще неразрѣшенныя.

3.

О размѣрѣ залоговъ нотаріусовъ въ губерніяхъ, входящихъ въ округъ варшавской судебной палаты. На основаніи 8 ст. высочайше утвержденнаго, 14-го апрѣля 1866 года, положенія о нотаріальной части, размѣръ залога, который нотаріусы обязаны представить въ окружный судъ для обезпеченія взысканій на случай неправильныхъ ихъ по должности дѣйствій, опредѣляется, по соображенію мѣстныхъ условій, министромъ юстиціи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ виду сего составлено въ министерствѣ юстиціи, по надлежащемъ соглашеніи съ означеннымъ министромъ, росписаніе размѣра залоговъ нотаріусовъ въ губерніяхъ, входящихъ въ округъ варшавской судебной палаты.

Росписаніе размѣра залоговъ нотаріусовъ въ губерніяхъ, входящихъ въ округъ варшавской судебной палаты.

1. Для нотаріусовъ, состоящихъ при ипотечной канцеляріи варшавскаго окружнаго суда . . . . 6.000 р.
2. Для нотаріусовъ, состоящихъ при ипотечныхъ канцеляріяхъ калишскаго, петроковскаго, радомскаго, кѣлецкаго, люблинскаго, сѣдлецкаго, плоцкаго, ломжинскаго и сувалкскаго окружныхъ судовъ . . . . 3.000 „
3. Для нотаріусовъ, состоящихъ при ипотечныхъ канцеляріяхъ мировыхъ судей города Варшавы и уѣзднаго города Лодзи. . . . . 3.000 „
4. Для нотаріусовъ, состоящихъ при ипотечныхъ канцеляріяхъ мировыхъ судей во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ царства польскаго. . . . . 1.500 „

4.

На основаніи высочайше утвержденнаго, 14-го апрѣля 1866 г.,

мнѣнія государственнаго совѣта, составлены были въ министерствѣ юстиціи, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, распубликованныя въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“ 1867 года, 18-го апрѣля № 33, ст. 322, правила: 1) о храненіи залоговъ, представляемыхъ нотаріусами; 2) о наблюденіи за пополненіемъ залоговъ; 3) о заготовленіи и веденіи книгъ для записыванія сборовъ, взимаемыхъ нотаріусами; 4) о ревизіи книгъ для записыванія сихъ сборовъ; 5) объ отчетности нотаріусовъ, и 6) о передачѣ упомянутыхъ сборовъ. Нынѣ, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, министръ юстиціи призналъ необходимымъ распространить правила, распубликованныя въ № 33 „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“ 1867 года, на варшавскій судебный округъ, за исключеніемъ статей, касающихся старшихъ нотаріусовъ, и притомъ съ измѣненіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанными:

I. Свидѣтельство книгъ нотаріусовъ производится: а) въ городахъ—командированнымъ отъ городоваго магистрата чиновникомъ; б) въ мѣстечкахъ — бургомистромъ и в) въ селеніяхъ—гминнымъ войтомъ и сборщикомъ податей или солтысомъ (*въ измѣненіе ст. 20*).

II. Къ свидѣтельству должны быть, между прочимъ, представляемы: подлинныя книги какъ для записыванія сборовъ, такъ и подлинные акты, а равно и реестры (ст. 26 и 47 пол. о нот. части). Для свидѣтельства срочнаго, книги для записыванія сборовъ должны быть заключены согласно 50 и слѣдующимъ статьямъ общаго устава счетнаго (т. VIII ч. 2) (*въ измѣненіе 1-го п. ст. 23-й*).

III. При свидѣтельствѣ, между прочимъ, повѣряются: д) всѣ ли статьи приходовъ записаны сходно съ подлинными актами и реестрами; въ свое ли время, въ томъ ли числѣ показанъ остатокъ капиталовъ отъ предыдущаго періода, въ какомъ найдено было при учиненномъ тогда свидѣтельствѣ, а къ настоящему свидѣтельству вѣрно ли выведенъ наличный остатокъ капиталовъ; е) въ свое ли время внесенъ сборъ въ казначейство, подлежащее гминное или сельское управленіе, и есть ли квитанція во взносѣ онаго (*въ измѣненіе пп. д и е ст. 25*).

IV. Нотаріусы и заступающіе ихъ мѣсто въ первое число каждаго мѣсяца доставляютъ въ подлежащіе городовые магистраты или гминныя и сельскія управленія, по приложенной къ сей статьѣ

формѣ (№ 6-й), вѣдомости о количествѣ сбора, поступившаго къ нимъ на основаніи высочайше утвержденнаго 11-го декабря 1870 года положенія комитета по дѣламъ царства польскаго (*въ измѣненіе ст. 34-й*).

V. Собранныя на основаніи высочайше утвержденнаго, 11 декабря 1870 г., положенія комитета по дѣламъ царства польскаго, суммы передаются, въ полной цифрѣ ихъ поступленія, въ концѣ мѣсяца, при означенной въ ст. 34-й вѣдомости, въ мѣстныя городскую кассу или гминное и сельское управленія, смотря по тому, въ массу какихъ доходовъ суммы эти должны поступить (*въ измѣненіе ст.* 43-й).

VI. Въ измѣненіе приложенной къ ст. 34-й формы (№ 6) озаглавить оную: «Мѣсячная вѣдомость нотаріуса (мироваго или гминнаго судьи) такого-то".

5.

Временныя правила о порядкѣ отчетности по дѣламъ уголовнымъ, возникающимъ и производящимся въ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа.

(Высочайше утверждены 1-го іюля 1876 года).

1. Съ 1-го (13-го) іюля 1876 года высочайше утвержденныя, 11-го ноября 1871 года, правила о порядкѣ судебно-уголовной отчетности распространяются на варшавскій судебный округъ съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что отчетность эта, впредь до особаго распоряженія, сосредоточивается въ канцеляріи варшавской судебной палаты, подъ главнымъ наблюденіемъ старшаго предсѣдателя сей палаты.

2. Независимо отъ примѣненія правилъ 11-го ноября 1871 года въ варшавскомъ судебномъ округѣ вводятся съ 1-го (13-го) іюля 1876 года особыя правила объ отчетности по дѣламъ уголовнымъ въ мировыхъ установленіяхъ и гминныхъ судахъ, утверждаемыя министромъ юстиціи.

3. Ежегодно, не позже 1-го іюля, канцелярія старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты обязана доставлять въ департаментъ министерства юстиціи, обработанный по формамъ, установляемымъ министромъ юстиціи, статистическій матеріалъ для включенія въ издаваемые министерствомъ судебно-статистическіе „Своды" и въ общій по имперіи судебный отчетъ.

4. Старшему председателю варшавской судебной палаты предоставляется право требовать необходимыя по исполненію правилъ о судебной отчетности свѣдѣнія отъ председателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, председателей мировыхъ съѣздовъ, мировыхъ и гминныхъ судей, равно какъ и лицъ прокурорскаго надзора и судебныхъ слѣдователей, для представленія таковыхъ въ случаѣ необходимости министру юстиціи.

5. Мировыя и гминныя судебныя установленія варшавскаго судебнаго округа доставляютъ въ канцелярію старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, на точномъ основаніи правилъ, которыя имѣютъ быть по сему предмету установлены министромъ юстиціи, особые статистическіе листки о личности подсудимыхъ, приговоренныхъ мировыми установленіями и гминными судами къ наказаніямъ не ниже тюремнаго заключенія.

6.

О дополненіи 12-й, 35-й и 44-й статей правилъ, къ нотаріальной части относящихся. Высочайше утвержденнымъ, 14-го апрѣля 1866 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта предоставлено было министру юстиціи, по сношенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, составить правила: а) о храненіи залоговъ нотаріусовъ; б) о заготовленіи и ревизіи книгъ для записыванія нотаріальныхъ сборовъ, и в) о наблюденіи за исполненіемъ постановленія ст. 210 положенія о нотаріальной части. На указанномъ основаніи были составлены въ министерствѣ юстиціи, по надлежащемъ сношеніи съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, и затѣмъ республикованы указомъ правительствующаго сената, отъ 10-го апрѣля 1867 года, правила: 1) о храненіи залоговъ, представляемыхъ нотаріусами; 2) о наблюденіи за пополненіемъ залоговъ нотаріусовъ; 3) о заготовленіи и веденіи книгъ для записыванія сборовъ, взимаемыхъ нотаріусами, заступающими ихъ мѣсто и старшими нотаріусами; 4) о ревизіи и свидѣтельствѣ книгъ для записыванія сборовъ; 5) объ отчетности нотаріусовъ, заступающихъ ихъ мѣсто и старшихъ нотаріусовъ, и 6) о передачѣ сборовъ.

Нынѣ, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, за министра юстиціи товарищъ министра призналъ необходимымъ дополнить статьи 12, 35 и 44 упомянутыхъ выше правилъ постановленіями слѣдующаго содержанія:

1. Въ дополненіе статьи 12-й: „младшіе нотаріусы и заступающіе ихъ мѣсто лица, имѣющіе конторы свои въ селеніяхъ, или въ городахъ, въ которыхъ введено городовое положеніе 16-го іюня 1870 года, представляютъ книги для записыванія взимаемыхъ ими сборовъ, предъ наступленіемъ каждаго года, для засвидѣтельствованія и приложенія печати, — первые въ мѣстную уѣздную земскую управу, а послѣдніе—въ мѣстную городскую управу".

2. Въ дополненіе статей 35-й и 44-й: „младшіе нотаріусы и заступающіе ихъ мѣсто лица, имѣющіе конторы свои въ селеніяхъ, или въ городахъ, въ которыхъ введено городовое положеніе 16-го іюня 1870 года, представляютъ книги для записыванія взимаемыхъ ими сборовъ по истеченіи года на ревизію—первые въ мѣстную уѣздную земскую управу, а послѣдніе—въ мѣстную городскую управу".

7.

О разъясненіи 452 ст. уст. гражд. судопр.

(30-го іюля 1876 года).

По поводу предположеннаго министерствомъ юстиціи дополненія ст. 452 уст. гражд. судопр. правиломъ о томъ, чтобы подлинные межевые документы высылались въ судъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда особымъ опредѣленіемъ судебнаго мѣста признано будетъ нужнымъ имѣть оные въ виду въ подлинникѣ, государственный совѣтъ, сообразивъ это правило съ приведенною 452 ст. и съ рѣшеніями гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената (1870 г. № 210 по дѣлу Миролюбова, № 854 по дѣлу Макроплío и друг.), нашелъ, что сенатомъ статья эта объяснена уже въ томъ самомъ смыслѣ, который предполагается ей придать въ заключеніи министерства юстиціи, а именно, что при выдачѣ свидѣтельства на истребованіе подлиннаго документа, находящагося въ правительственномъ учрежденіи или у должностнаго лица, судебное мѣсто не только вправѣ, но и обязано входить въ оцѣнку поводовъ къ такому требованію, и въ случаѣ непризнанія необходимости и существенной для дѣла важности въ предъявленіи документа въ подлинникѣ, отказывать въ заявленномъ по сему предмету ходатайствѣ.

Въ виду такого разъясненія, обязательнаго для всѣхъ судебныхъ установленій, образованныхъ по уставамъ 20-го ноября 1864 г. (ст. 813 и 815 уст. гражд. судопр.), государственный совѣтъ, не

разрѣшая въ законодательномъ порядкѣ изъясненнаго предположенія, мнѣніемъ положилъ: предоставить министру юстиціи о приведенныхъ соображеніяхъ относительно истиннаго смысла ст. 452 уст. гр. суд. поставить въ извѣстность судебныя учрежденія для надлежащаго съ ихъ стороны руководства.

8.

Въ пунктѣ 8-мъ высочайше утвержденнаго 15-го (27-го) мая сего года мнѣнія государственнаго совѣта о возложеніи на московскій коммерческій судъ производства взысканій по протестованнымъ векселямъ предоставлено министру юстиціи опредѣлить, особою инструкціею, порядокъ внутренняго дѣлопроизводства въ учреждаемомъ, въ составѣ сего суда, особомъ отдѣленіи для производства взысканій по протестованнымъ векселямъ, сохраняющимъ силу вексельнаго права, примѣнительно къ порядку, соблюдаемому въ семъ отношеніи управою благочинія.

Во исполненіе сего, составивъ инструкцію о порядкѣ внутренняго дѣлопроизводства въ особомъ отдѣленіи московскаго коммерческаго суда, учрежденномъ для производства взысканій по всѣмъ вообще протестованнымъ векселямъ, сохраняющимъ силу вексельнаго права, съ лицъ, имѣющихъ пребываніе въ городѣ Москвѣ и его уѣздѣ, управляющій министерствомъ юстиціи предложилъ о томъ правительствующему сенату.

Инструкція о порядкѣ внутренняго дѣлопроизводства въ особомъ отдѣленіи московскаго коммерческаго суда, учрежденномъ для производства взысканій по всѣмъ вообще протестованнымъ векселямъ, сохраняющимъ силу вексельнаго права, съ лицъ, имѣющихъ пребываніе въ городѣ Москвѣ и его уѣздѣ.

1. Засѣданія особаго отдѣленія московскаго коммерческаго суда происходятъ ежедневно, кромѣ праздничныхъ и табельныхъ дней, въ назначенные часы.

2. Особое отдѣленіе суда засѣдаетъ въ составѣ не менѣе трехъ членовъ, въ томъ числѣ предсѣдательствующаго (158 ст., т. II, ч. I общ. губ. учр.).

3. Предсѣдатель коммерческаго суда, какъ главный блюститель порядка въ судѣ, имѣетъ высшій надзоръ за отдѣленіемъ и можетъ, по своему усмотрѣнію, предсѣдательствовать въ ономъ (1331 и 1318 ст., т. XI, ч. 2 уст. торг.).

4. Товарищъ предсѣдателя имѣетъ общій надзоръ за канцеляріею отдѣленія и предсѣдательствуетъ въ засѣданіи онаго. Въ небытность товарища предсѣдателя, мѣсто его, со всѣми его обязанностями и правами, занимаетъ старшій изъ присутствующихъ членовъ (1328 ст., т. XI, ч. 2 уст. торг.).

5. Предсѣдателю суда предоставляется, въ случаѣ необходимости, замѣнять члена особаго отдѣленія однимъ изъ членовъ прочихъ отдѣленій коммерческаго суда и наоборотъ.

6. Канцелярія отдѣленія раздѣляется на столы. Каждый столъ состоитъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ одного изъ членовъ, который имѣетъ надзоръ за правильностью дѣлопроизводства по столу, докладываетъ въ засѣданіи дѣла и изготовляетъ состоявшіяся по нимъ опредѣленія.

7. Секретарь, какъ ближайшій начальникъ канцеляріи, отвѣтствуетъ за правильность дѣлопроизводства въ канцеляріи и за исполненіе ею всѣхъ распоряженій суда.

8. Помощникъ секретаря занимается дѣлопроизводствомъ по состоящему въ его вѣдѣніи столу, отвѣтствуетъ за порядокъ въ производящихся у него дѣлахъ, за цѣлость дѣлъ и за точное исполненіе всѣхъ распоряженій суда и ведетъ настольный реестръ и алфавитный указатель находящихся въ его столѣ дѣлъ.

9. По назначенію предсѣдателя на одного изъ присяжныхъ приставовъ возлагается завѣдываніе кассою, а на другаго завѣдываніе регистратурою и исполненіе особыхъ порученій предсѣдательствующаго въ отдѣленіи.

10. Завѣдывающій кассою принимаетъ, хранитъ и выдаетъ, въ установленномъ порядкѣ, поступающія въ кассу деньги и документы; отправляетъ по назначенію всѣ исходящія изъ отдѣленія денежныя бумаги; сдаетъ въ казначейство накопившіяся въ кассѣ суммы; раздаетъ содержаніе должностнымъ лицамъ и ведетъ, по установленной формѣ, всѣ приходо-расходныя книги и книгу для записки документовъ.

Примѣчаніе. Относительно пріема и расходованія суммъ соблюдается порядокъ, установленный для общихъ судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи уставовъ 20-го ноября 1864 года.

11. Завѣдывающій регистратурою принимаетъ и распредѣляетъ, по принадлежности, вступающія бумаги; отправляетъ исходящія

бумаги, и ведетъ реестры входящихъ и исходящихъ бумагъ и алфавитный указатель.

12. Секретарь и всѣ прочіе чиновники канцеляріи опредѣляются предсѣдателемъ суда.

13. Особое отдѣленіе суда сносится съ другими присутственными мѣстами и должностными лицами непосредственно.

14. Всѣ пакеты, присылаемые въ отдѣленіе, вскрываются секретаремъ и заключающіяся въ нихъ бумаги представляются имъ предсѣдательствующему для просмотра.

15. Вексель съ протестомъ представляется ко взысканію въ отдѣленіе суда отъ истца или его повѣреннаго (185 и 195 ст., т. X, ч. 2 зак. суд. гражд.) лично или по почтѣ при прошеніи (645 ст., т. XI, ч. 2 уст. вексел.), которое должно быть составлено согласно 2-й статьѣ приложенія къ ст. 14 (примѣч. 2) т. X ч. 2 зак. суд. гражд.

При прошеніи должны быть представлены копіи со всѣхъ доментовъ по числу отвѣтчиковъ и судебныя пошлины по 50 к. съ каждыхъ 100 руб. цѣны иска, а за неполныя сотни: съ суммы не свыше 50 руб.—25 к., а свыше 50 руб.—50 к. (п. 5 высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 15-го (27-го) мая 1876 года).

16. Прошенія, лично подаваемыя, принимаются однимъ изъ членовъ, по установленной очереди, въ назначенные часы, ежедневно, кромѣ праздничныхъ и табельныхъ дней.

17. О прошеніи, не подлежащемъ принятію, членъ докладываетъ предсѣдательствующему (см. ниже ст. 31).

18. Если прошеніе оказывается подлежащимъ принятію, то членъ, по повѣркѣ разсчета судебной пошлины, выдаетъ просителю приходный ордеръ, по которому проситель вноситъ судебную пошлину въ кассу. По представленіи просителемъ квитанціи кассы, прошеніе записывается въ особую книгу.

19. При принятіи прошенія къ производству членъ назначаетъ срокъ для вызова отвѣтчика въ ближайшее засѣданіе съ такимъ разсчетомъ, чтобы между врученіемъ повѣстки и явкою въ судъ прошло не менѣе однихъ сутокъ. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, членъ можетъ назначить срокъ для явки отвѣтчика на слѣдующій или тотъ же самый день.

20. Повѣстка о вызовѣ отвѣтчика должна заключать въ себѣ: а) званіе, имя, отчество, фамилію и мѣстожительство истца и

отвѣтчика, б) цѣну иска и в) день и часъ, въ который отвѣтчикъ долженъ явиться въ судъ. При повѣсткѣ прилагаются копіи съ представленныхъ истцомъ документовъ.

21. Повѣстка о вызовѣ отвѣтчика отсылается въ мѣстную, по пребыванію отвѣтчика, полицію въ двухъ образцахъ, изъ коихъ одинъ вручается полиціею отвѣтчику, а другой, съ роспискою отвѣтчика въ полученіи перваго, возвращается полиціею въ отдѣленіе суда не позже назначеннаго въ повѣсткѣ срока. Доставленіе отвѣтчику повѣстки о вызовѣ, по усмотрѣнію предсѣдателя, можетъ быть возложено и на одного изъ присяжныхъ приставовъ, который поступаетъ согласно вышеизложенному.

При доставленіи повѣстки соблюдаются правила, изложенныя въ ст. 276 т. X ч. 2 зак. суд. гражд.

22. Если полиція или приставъ донесутъ суду, что отвѣтчикъ не проживаетъ въ показанномъ истцомъ мѣстѣ, то судъ пріостанавливаетъ производство дѣла до указанія истцомъ новаго мѣстожительства отвѣтчика. Если же полиція донесетъ суду, что отвѣтчикъ изъ указаннаго истцомъ мѣстопребыванія неизвѣстно куда скрылся, то судъ сообщаетъ о семъ московскому оберъ-полиціймейстеру или губернатору, для распоряженія о сыскѣ отвѣтчика, согласно 649 ст. т. XI ч. 2 уст. вексел.

23. Членъ передаетъ принятое имъ прошеніе, вмѣстѣ съ приложенными къ оному документами, по установленной очереди, одному изъ помощниковъ секретаря подъ росписку въ книгѣ.

24. Относительно обезпеченія взысканія судъ руководствуется 5, 6, 7, 9—13 статьями приложенія къ ст. 14-й (примѣч. 2) т. X ч. 2 зак. суд. гражд. съ тѣмъ, что правила, изложенныя въ 6 и 9 статьяхъ, распространяются на всѣ взысканія и что въ случаѣ, указанномъ въ 7-й статьѣ, обезпеченіе можетъ быть разрѣшено собственною властью предсѣдательствующаго.

25. Въ день, назначенный для явки отвѣтчика, дѣло докладывается въ публичномъ засѣданіи однимъ изъ членомъ, причемъ неявка, по какимъ бы то ни было причинамъ, сторонъ, не останавливаетъ ни производства дѣла, ни постановленія по оному опредѣленія.

26. Возраженія и объясненія должны быть заявлены отвѣтчикомъ или его повѣреннымъ въ самомъ засѣданіи суда; при разсмотрѣніи ихъ судъ руководствуется 651—652 ст. т. XI ч. 2 уст. вексел.

27. Состоявшаяся по дѣлу резолюція немедленно излагается на письмѣ, подписывается предсѣдательствующимъ и членами и въ томъ же засѣданіи провозглашается словесно предсѣдательствующимъ.

28. По каждому опредѣленію составляется особый протоколъ, который подписывается предсѣдательствующимъ и членами не позже слѣдующаго засѣданія и скрѣпляется секретаремъ.

29. О каждомъ засѣданіи составляется общій журналъ, въ коемъ означаются:

1) годъ, мѣсяцъ, число и часъ начатія засѣданія;

2) кто изъ членовъ въ ономъ присутствовалъ;

3) какія дѣла доложены.

Журналъ подписывается предсѣдательствующимъ и членами не позже слѣдующаго засѣданія и скрѣпляется секретаремъ.

30. Предъявленіе просителю, по просьбѣ его, документа, находящагося въ судѣ, принятіе какой-либо бумаги къ свѣдѣнію, пріобщеніе ея къ дѣлу, распоряженіе о разсмотрѣніи дѣла, о докладѣ бумаги вмѣстѣ съ дѣломъ, о наведеніи по входящей бумагѣ справки и докладѣ съ оною—исполняются по резолюціямъ, отмѣчаемымъ однимъ изъ членовъ на самыхъ бумагахъ безъ записки въ журналъ (п. 9 прилож. къ ст. 2443 (примѣч.) т. II ч. 1 общ. губ. учр. по продолженію 1868 года).

31. По резолюціямъ предсѣдательствующаго, безъ записки въ журналъ, производятся:

а) возвращеніе прошеній по причинамъ, указаннымъ въ пунктахъ 3, 5, 6, 10, 11, 13—15 и 17 ст. 267 т. X ч. 2 зак. суд. гражд.;

б) доставленіе документовъ, подлинныхъ производствъ, справокъ и свѣдѣній изъ дѣлъ суда по требованію присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, и

в) выдача копій, удостовѣреній, документовъ и справокъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и ихъ повѣреннымъ.

Резолюціи предсѣдательствующаго пишутся имъ собственноручно на тѣхъ бумагахъ, которыми вызвано распоряженіе, съ означеніемъ времени, когда написана резолюція.

33. Жалобы на опредѣленія суда приносятся въ мѣсячный срокъ (58 ст. прилож. къ 14 ст. (прим. 2) т. X ч. 2 зак. суд. гражд.) со дня провозглашенія резолюціи, причемъ принесеніе

жалобы не пріостанавливаетъ ни производства дѣла, ни приведенія въ исполненіе обжалованнаго опредѣленія.

33. На приведеніе въ исполненіе опредѣленія суда выдается исполнительный листъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ 926—932 ст. устава гражданскаго судопроизводства (7 п. высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 15-го (27-го) мая 1876 года).

34. Исполнительный листъ можетъ быть выданъ судомъ вслѣдъ за провозглашеніемъ резолюціи, не ожидая подписанія протокола.

35. Жалобы на неправильное исполненіе опредѣленій и всѣ споры по исполненію, за исключеніемъ касающихся толкованія опредѣленій, не подлежатъ разсмотрѣнію коммерческаго суда (962 ст. уст. гражд. судопр.).

36. Коммерческому суду предоставляется войти къ министру юстиціи съ представленіемъ о тѣхъ измѣненіяхъ или дополненіяхъ настоящей инструкціи, которыя окажутся необходимыми согласно указаніямъ опыта.

9.

По вопросу объ оплатѣ гербовыми марками являемыхъ къ нотаріусамъ для засвидѣтельствованія довѣренностей, неустоечныхъ записей и другихъ домашнихъ документовъ. Однимъ изъ нотаріусовъ былъ возбужденъ вопросъ: какъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда являемые къ нотаріусамъ для засвидѣтельствованія довѣренности, неустоечныя записи и другіе домашніе документы оплачены гербовыми марками не тѣмъ порядкомъ, который указанъ въ распубликованномъ при указѣ правительствующаго сената 4-го марта 1876 года дополненіи къ инструкціи объ употребленіи гербовыхъ марокъ. Особая коммисія для разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 года, принявъ въ соображеніе, что при проектированіи помянутаго дополненія къ инструкціи имѣлось въ виду установить правило о порядкѣ погашенія марокъ частными лицами при самомъ написаніи актовъ, совершаемыхъ ими домашнимъ порядкомъ, и что правила эти не относятся къ актамъ нотаріальнымъ и являемымъ къ засвидѣтельствованію, при совершеніи и засвидѣтельствованіи каковыхъ актовъ за надлежащею оплатою гербовымъ сборомъ слѣдятъ должностныя лица—журналомъ, утвержденнымъ 17-го апрѣля сего года министромъ финансовъ,

положила, что правила о порядкѣ погашенія гербовыхъ марокъ, указанныя въ распубликованномъ при указѣ правительствующаго сената отъ 4-го марта 1876 года дополненіи къ инструкціи объ употребленіи гербовыхъ марокъ, относятся собственно къ актамъ, совершаемымъ домашнимъ порядкомъ частными лицами; погашеніе же должностными лицами гербовыхъ марокъ на актахъ нотаріальныхъ и являемыхъ къ засвидѣтельствованію должно быть производимо порядкомъ, указаннымъ въ ст. 87 герб. уст. 17-го апрѣля 1874 года. О вышеизложенномъ, на основаніи зак., товарищъ министра финансовъ представилъ правительствующему сенату. Сообразивъ настоящій рапортъ товарища министра финансовъ съ распубликованнымъ при указахъ сената отъ 4-го марта 1876 года дополненіемъ къ инструкціи о храненіи, употребленіи и погашеніи гербовыхъ марокъ, правительствующій сенатъ и съ своей стороны нашелъ, что правила о порядкѣ погашенія гербовыхъ марокъ, указанныя въ помянутомъ дополненіи къ инструкціи, относятся собственно къ актамъ, совершаемымъ домашнимъ порядкомъ частными лицами; погашеніе же гербовыхъ марокъ на актахъ нотаріальныхъ и являемыхъ къ засвидѣтельствованію должно быть производимо должностными лицами, и притомъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 87 герб. уст. 17-го апрѣля 1874 года; посему, признавая состоявшееся въ этомъ смыслѣ разъясненіе министерства финансовъ правильнымъ, правительствующій сенатъ опредѣлилъ означенное разъясненіе утвердить.

10.

Высочайше утвержденнымъ, 11-го октября 1865 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта предоставлено министру юстиціи право дѣлать всѣ тѣ измѣненія въ порядкѣ внутренняго дѣлопроизводства въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ прежняго устройства, которыя окажутся на опытѣ необходимыми и не противорѣчатъ какъ судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года, такъ и правиламъ 11-го октября 1865 года, объ измѣненіи и дополненіи статей свода законовъ, касающихся судопроизводства и дѣлопроизводства въ означенныхъ судебныхъ мѣстахъ. Вслѣдствіе сего министромъ юстиціи были составлены особыя правила о порядкѣ внутренняго дѣлопроизводства въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ первой и второй степени (прил. къ прим. къ ст. 2.433 т. II, свод. общ. губ. учр., по прод. 1868 года), въ коихъ, между

прочимъ, указано (ст. 7), что по всѣмъ резолюціямъ, касающимся существа дѣла, составляются протоколы. Между тѣмъ, изъ представленія нѣкоторыхъ предсѣдателей соединенныхъ палатъ въ девяти западныхъ губерніяхъ усматривается, что при огромномъ числѣ дѣлъ, производящихся въ сихъ палатахъ, главною причиною медленнаго дѣлопроизводства въ оныхъ служитъ обязательное составленіе по всѣмъ резолюціямъ, касающимся существа дѣла, протоколовъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, значенія для дѣла не имѣютъ, а лишь, по пропускѣ ихъ губернскимъ прокуроромъ, подшиваются къ подлиннымъ дѣламъ, вмѣстѣ съ которыми и сдаются въ архивъ. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что упрощеніе дѣлопроизводства соединенныхъ палатъ, въ особенности въ девяти западныхъ губерніяхъ, въ настоящее время представляется безусловно необходимымъ, такъ какъ возможно-скорое окончаніе дѣлъ, производящихся въ нихъ, оказывается весьма желательнымъ, въ виду предстоящаго введенія въ западномъ краѣ въ дѣйствіе уставовъ 20-го ноября 1864 года въ полномъ ихъ объемѣ, — управляющій министерствомъ юстиціи призналъ необходимымъ ст. 7-ю правилъ о порядкѣ внутренняго дѣлопроизводства въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ первой и второй степени (особое приложеніе къ прим. къ ст. 2.433 т. II свод. зак. общ. губерн. учрежденій по прод. 1868 года) изложить слѣдующимъ образомъ: „протоколы составляются только по резолюціямъ, касающимся существа дѣла. Въ протоколахъ палатъ уголовнаго и гражданскаго суда не требуется изложенія обстоятельствъ дѣла, кромѣ дѣлъ сложныхъ, по которымъ сама палата признаетъ такое изложеніе необходимымъ, а указываются лишь годъ, мѣсяцъ и число, когда дѣло слушано, соображенія суда, основанныя на обстоятельствахъ дѣла и законахъ, и рѣшеніе суда". О вышеизложенномъ управляющій министерствомъ юстиціи предложилъ правительствующему сенату для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

11.

О порядкѣ продажи недвижимаго имущества Ходоловскаго. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали частное дѣло по рапорту кіевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда о порядкѣ продажи недвижимаго имущества Ходоловскаго. Приказали: кіевская палата уголовнаго

и гражданскаго суда испрашиваетъ разрѣшенія правительствующаго сената по вопросу о томъ, какимъ порядкомъ, за введеніемъ въ кіевской губерніи мировыхъ судебныхъ учрежденій, должны быть продаваемы недвижимыя имущества при приведеніи въ исполненіе судебныхъ рѣшеній? Означенный вопросъ, какъ изъ дѣла сего усматривается, возникъ въ виду того, что высочайше утвержденнымъ, 29-го апрѣля 1867 года, положеніемъ комитета министровъ, публичные торги на продажу въ западномъ краѣ имѣній лицамъ русскаго происхожденія временно сосредоточены были въ кіевскомъ и виленскомъ губернскихъ правленіяхъ, каковое правило введено въ текстъ примѣчанія 2 къ ст. 2.063 т. X ч. 2 по прод. 1868 года. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ того, что статья эта измѣнена была впослѣдствіи (по прод. 1871 г.) подчиненіемъ общеустановленнымъ законамъ продажи имѣній въ нѣкоторыхъ изъ западныхъ губерній, при разрѣшеніи изъясненнаго вопроса, въ настоящее время необходимо принять въ надлежащее вниманіе, на ряду съ упомянутымъ положеніемъ комитета министровъ 29-го апрѣля 1867 года, постановленія воспослѣдовавшаго затѣмъ 23-го іюня (5-го іюля) 1871 года именнаго Высочайшаго указа правительствующему сенату о введеніи въ западныхъ губерніяхъ мировыхъ судебныхъ установленій, — ибо эти послѣднія постановленія, распространяясь на весь западный край, какъ новая по отношенію къ нему правительственная мѣра, само собою разумѣется, отмѣнили всѣ предшествующія относительно того же края распоряженія, несогласныя съ вновь изданными для него правилами судопроизводства. Такимъ образомъ и установленныя 29-го апрѣля 1867 г. временныя правила о производствѣ публичной продажи недвижимыхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ исключительно административнымъ порядкомъ, съ сосредоточеніемъ оной въ кіевскомъ и виленскомъ губернскихъ правленіяхъ, должны считаться отмѣненными въ той части, которая касается продажи сихъ имѣній по судебнымъ рѣшеніямъ, возложенной нынѣ на обязанность судебныхъ установленій, какъ это точно выражено въ постановленіяхъ дѣйствующаго закона, на кои въ означенномъ высочайшемъ указѣ сдѣланы ссылки. По силѣ п. 2 этого указа, мировыя судебныя установленія открыты въ западномъ краѣ на точномъ основаніи уставовъ 20-го ноября 1864 г., съ примѣненіемъ лишь, впредь до введенія земскихъ учрежденій, утвержденныхъ тогда же временныхъ правилъ, въ коихъ,

однако, не содержится никакихъ изъятій относительно судопроизводства, въ томъ числѣ и порядка продажи недвижимыхъ имуществъ по судебнымъ рѣшеніямъ. Затѣмъ дѣла, изъятыя изъ вѣдѣнія мировыхъ судебныхъ установленій, съ открытіемъ послѣднихъ производятся въ западныхъ губерніяхъ, на основаніи п. 4 приведеннаго указа, въ соединенныхъ палатахъ уголовнаго и гражданскаго суда по правиламъ, установленнымъ въ высочайше утвержденномъ, 11-го октября 1865 года, мнѣніи государственнаго совѣта и въ изданныхъ въ дополненіе къ нему узаконеніяхъ. Разсмотрѣніе же, согласно этой ссылкѣ, узаконеній 10-го марта 1869 г. (ст. 5 разд. II высочайше утв. этого числа мнѣнія госуд. совѣта), изданныхъ, какъ и выражено въ нихъ, въ дополненіе къ упомянутому высочайше утвержденному, 11-го октября 1875 г., мнѣнію государственнаго совѣта показываетъ, что рѣшенія соединенныхъ палатъ и правительствующаго сената по гражданскимъ дѣламъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе мировыя судебныя установленія отдѣльно отъ общихъ, должны быть приводимы въ исполненіе по исполнительнымъ листамъ, на точномъ основаніи правилъ, изложенныхъ въ соотвѣтственныхъ статьяхъ уст. гражд. судопр. и учр. суд. устан. Наконецъ, въ перечнѣ этихъ послѣднихъ статей, содержащемся въ ст. 5-й разд. II зак. 10-го марта 1869 года, между прочимъ, прямо приведены ст. 1133 и слѣд. уст. гражд. судопр., содержащія указанія мѣстъ, въ коихъ должна быть производима продажа, лицъ, производящихъ оную, сроковъ, порядка и послѣдствій торговъ на имѣнія, продаваемыя по судебнымъ рѣшеніямъ. Независимо отъ сего, нельзя не замѣтить, что изложенныя соображенія вполнѣ подтверждаются рѣшеніемъ общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, состоявшимся 28-го октября 1874 года по возникшему между волынскою соединенною палатою и житомірскимъ съѣздомъ мировыхъ судей пререканію о томъ, при которомъ изъ этихъ установленій должна производиться продажа имѣній, хотя бы оцѣненныхъ ниже 500 руб., но лежащихъ въ чертѣ губернскаго города. Разрѣшая это пререканіе и руководствуясь упомянутыми, высочайше утвержденнымъ, 10-го марта 1869 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайшимъ указомъ 23-го іюня (5-го іюля) 1871 года и ст. 1133 уст. гражд. суд., общее сената собраніе въ изъясненномъ опредѣленіи признало, что имѣнія въ западномъ краѣ, стоимостью въ 500 руб. и выше, а также всѣ имѣнія, ле-

жащія какъ въ уѣздѣ того города, гдѣ находится палата, такъ и въ самомъ этомъ городѣ, продаются при соединенной палатѣ. Въ виду сего, приходя къ заключенію, что смыслъ изданныхъ для западнаго края постановленій не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что торги на недвижимыя имѣнія въ этомъ краѣ, оцѣненныя для продажи ихъ по судебнымъ рѣшеніямъ въ 500 р. и выше, должны производиться въ мѣстныхъ соединенныхъ палатахъ, а ниже этой суммы—въ мировыхъ съѣздахъ, за исключеніемъ случаевъ, упомянутыхъ въ 1132 и 1133 уст. гражд. судопр., правительствующій сенатъ опредѣляетъ: разъяснить этотъ порядокъ кіевской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, а для устраненія недоразумѣній по сему предмету, могущихъ представиться въ другихъ мѣстностяхъ западнаго края, распубликовать настоящее разъясненіе во всеобщее свѣдѣніе, установленнымъ порядкомъ, о чемъ для исполненія кіевской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда предписать указомъ, а для вѣдѣнія въ департаменты правительствующаго сената сообщить свѣдѣніями и для припечатанія настоящаго постановленія, въ установленномъ порядкѣ, сообщить извѣстіемъ въ с.-петербургскую сенатскую типографію.

12.

О порядкѣ вызова, въ качествѣ свидѣтелей, смотрителей почтовыхъ станцій.

Изъ имѣющихся въ министерствѣ юстиціи свѣдѣній усматривается, что по поводу вызова смотрителей нѣкоторыхъ почтовыхъ станцій, въ качествѣ свидѣтелей, на значительныя разстоянія отъ мѣста ихъ служебной дѣятельности и безъ извѣщенія ихъ объ этомъ повѣстками заблаговременно, возникали важныя неудобства и затрудненія, вслѣдствіе невозможности, по недостатку времени, командировать на мѣсто вызываемаго другое лицо для исполненія непрерывныхъ обязанностей, возложенныхъ на смотрителей почтовыхъ станцій по принятію, освидѣтельствованію и отправкѣ переходящихъ почтъ и по принятію, выдачѣ и постоянному охраненію страховой корреспонденціи.

Сообразивъ вышеизложенное съ законами, я, по соглашенію съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и исправляющимъ должность главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, нахожу, что по-

добныя указанному затрудненія происходятъ отъ не вполнѣ точнаго соблюденія, при вызовѣ свидѣтелей, предписанныхъ закономъ правилъ, на основаніи коихъ судебныя мѣста обязаны принимать въ надлежащее соображеніе и служебное положеніе вызываемыхъ лицъ. Такимъ образомъ, согласно статьямъ 433 и 437 уст. угол. судопр., для явки свидѣтелей должно назначать, по возможности, время, въ которое они свободны отъ занятій, и допрашивать ихъ на мѣстѣ жительства, когда есть причины, препятствующія ихъ явкѣ, или же выжидать прекращенія такихъ препятствій. Затѣмъ, на основаніи п. 1 ст. 386 уст. гражд. суд., судебное мѣсто можетъ поручить допросъ свидѣтелей внѣ суда одному изъ своихъ членовъ, когда, по обязанностямъ службы, свидѣтель не можетъ явиться въ судъ.

ОТДѢЛЪ II.

Измѣненія въ личномъ составѣ.

Приказомъ по министерству юстиціи, отъ 23-го іюня, УВОЛЕНЪ *отъ должности:* членъ новгородскаго окружнаго суда **Гафферберіъ**, согласно прошенію. УМЕРШІЙ *исключенъ изъ списковъ*, членъ пензенскаго окружнаго суда **Соболевъ**. ПРИЧИСЛЕНЫ *къ министерству:* участковый мировой судья бѣльскаго округа, гродненской губерніи, надворный совѣтникъ **Александровъ** и товарищъ минскаго губернскаго прокурора, титулярный совѣтникъ **Витовичъ**, съ увольненіемъ отъ занимаемыхъ ими должностей, послѣдній согласно прошенію. ПЕРЕВЕДЕНЫ: участковый мировой судья, надворный совѣтникъ **Мезенцевъ** — изъ овручскаго округа, волынской губерніи — въ житомірскій округъ, той же губерніи; товарищъ предсѣдателя оренбургской судебной палаты, коллежскій ассессоръ **Вестенрикъ** — товарищемъ предсѣдателя подольской палаты уголовнаго и гражданскаго суда.

— 2 августа: по департаменту министерства, НАЗНАЧЕНЪ столоначальникъ статистическаго отдѣленія департамента министерства юстиціи, титулярный совѣтникъ **Мартыновъ** — старшимъ столоначальникомъ того же отдѣленія — съ 26-го іюля 1876 года. По губернскимъ учрежденіямъ: НАЗНАЧЕНЫ: участковый мировой судья житомірскаго округа, волынской губерніи, **Давыдовскій** — предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей того же округа, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; отставной поручикъ **Ягодынскій** — почетнымъ мировымъ судьею радомысльскаго округа, кіевской губерніи; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: 2-го участка хорольскаго уѣзда, полтавскаго окружнаго суда, титулярный совѣт-

никъ **Павловъ** и орловскаго уѣзда, округа вятскаго окружнаго суда, губернскій секретарь **Кульчицкій**—товарищами прокуроровъ окружныхъ судовъ: первый — лубенскаго, а послѣдній — казанскаго; участковый мировой судья виленскаго округа, коллежскій секретарь **Филипповъ** и состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, губернскій секретарь **Маркевичъ** — членами палатъ уголовнаго и гражданскаго суда, Филипповъ — виленской, а Маркевичъ — могилевской; членъ ковенской дворянской опеки, коллежскій секретарь **Еленскій** — троицкимъ, оренбургской губерніи, уѣзднымъ судьею; ПЕРЕВЕДЕНЫ: мировые судьи: Иванъ **Станюковичъ** — изъ Гарволинска, перваго округа сѣдлецкой губерніи — въ Грубешовъ, 2-го округа люблинской губерніи; **Минцловъ**—изъ Щучина, перваго округа ломжинской губерніи—въ Кольно и **Беттихеръ**—изъ Кольно—въ Щучинъ, того же округа и той же губерніи; товарищи прокурора полтавскаго окружнаго суда, коллежскіе ассессоры: **Манжевскій** и **Левашевъ** и коллежскій секретарь **Дейкунъ** — товарищами прокурора лубенскаго окружнаго суда; ОПРЕДѢЛЕНЫ *въ службу:* отставной губернскій секретарь **Станюковичъ** — гарволинскимъ мировымъ судьею 1-го округа сѣдлецкой губерніи; отставной коллежскій ассессоръ **Ежовъ** — товарищемъ минскаго губернскаго прокурора.

— 11 августа: УВОЛЕНЪ, *согласно прошенію, за болѣзнію, отъ службы,* состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, статскій совѣтникъ **Лейченко.** По правительствующему сенату, НАЗНАЧЕНЪ товарищъ прокурора новгородскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Огаревъ** — чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ 1-е отдѣленіе 5-го департамента правительствующаго сената, съ откомандированіемъ къ исправленію должности ковенскаго губернскаго прокурора. По губернскимъ учрежденіямъ, НАЗНАЧЕНЫ: мировой судья города Варшавы **Подгородниковъ** — предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей 2-го округа варшавской губерніи, съ 30-го іюля 1876 года; исправляющій должность судебнаго слѣдователя ковельскаго уѣзда, волынской губерніи, **Голембіовскій** и состоящій при министерствѣ юстиціи, губернскій секретарь **Вальтеръ**—участковыми мировыми судьями: Голембіовскій—овручскаго округа, волынской губерніи, а Вальтеръ — бѣльскаго округа, гродненской губерніи; участковый мировой судья ливенскаго уѣзда, орловской губерніи, коллежскій секретарь **Прибытковъ** и состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи, исправляющіе должности судебныхъ слѣдователей: 12-го участка округа симферопольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Матковскій** и 2-го участка краснослободскаго уѣзда, округа пензенскаго окружнаго суда, губернскій секретарь **Ефановъ** — товарищами прокуроровъ окружныхъ судовъ: Прибытковъ — нѣжинскаго, Матковскій — симферопольскаго, а Ефановъ — пензенскаго; состоящій при министерствѣ юстиціи, титулярный совѣтникъ **Арсеньевъ** — товарищемъ минскаго губернскаго прокурора; старшій помощникъ секретаря 1-го отдѣленія 3-го департамента правительствующаго сената, коллежскій секретарь **Харичковъ** — членомъ могилевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда; ПЕРЕВЕДЕНЫ: участковый мировой судья динабургскаго округа витебской губерніи **Кони** — мировымъ судьею города Варшавы; старшій чиновникъ особыхъ порученій

при военномъ губернаторѣ акмолинской области, коллежскій секретарь **Протопоповъ** — семипалатинскимъ областнымъ прокуроромъ.

— 12-го августа: НАЗНАЧЕНЫ: помощникъ оберъ-прокурора X департамента правительствующаго сената и ординарный профессоръ уголовнаго права Императорскаго варшавскаго университета **Будзинскій** — членомъ варшавской судебной палаты, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности профессора варшавскаго университета; товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ: бѣлозерскаго — **Сурковъ**; пермскаго — **Богдановичъ**; товарищъ виленскаго губернскаго прокурора — **Камковъ**; подпрокуроръ апелляціоннаго суда — **Зеленскій**; чиновникъ для доклада дѣлъ въ X департаментѣ правительствующаго сената — **Бѣльскій**; судебный слѣдователь города Новгорода, округа новгородскаго окружнаго суда — **Марковъ** и исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1-го участка города Таганрога, округа таганрогскаго окружнаго суда, **Сѣкеринъ** — членами окружныхъ судовъ: Сурковъ — владимірскаго, Богдановичъ — пермскаго, Камковъ — пензенскаго, Зеленскій — саратовскаго, Бѣльскій — тамбовскаго, Марковъ — новгородскаго и Сѣкеринъ — таганрогскаго. УТВЕРЖДЕНЪ *по выборамъ*: въ должности ассессора иллукстскаго гауптманскаго суда дворянинъ **Гаудрингъ** — съ 23-го іюля 1876 г. ОПРЕДѢЛЕНЪ *въ службу:* отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ **Бѣлозерскій** — членомъ варшавской судебной палаты. УМЕРШІЙ *исключенъ изъ списковъ* судебный слѣдователь 1-го участка медынскаго уѣзда, округа калужскаго окружнаго суда, **Сумароковъ**.

— 17-го августа: по губернскимъ учрежденіямъ, НАЗНАЧЕНЫ: состоящій при департаментѣ министерства юстиціи и командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 2-го участка кирсановскаго уѣзда, округа тамбовскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Бырдинъ** и исправляющій должность судебнаго слѣдователя 2-го участка витебскаго уѣзда, витебской губерніи, надворный совѣтникъ **Пожарскій**—участковыми мировыми судьями: Бырдинъ — могилевскаго округа, могилевской губерніи, а Пожарскій — минскаго округа, минской губерніи; товарищъ подольскаго губернскаго прокурора, титулярный совѣтникъ **Виноградовъ**—товарищемъ прокурора новгородскаго окружнаго суда.

— 22-го августа. *На основаніи ст. 5 высочайше-утвержденныхъ 1-го (13-го) іюня 1875 года правилъ объ устройствѣ судебной части въ варшавскомъ судебномъ округѣ, оставлены за штатомъ съ 1-го (13-го) іюля 1876 г.:* члены правительствующаго сената, IX департамента: дѣйствительные статскіе совѣтники: Амвросій **Заборовскій**, Феликсъ **Имбра**, Владиславъ **Новаковскій** и Станиславъ **Пухальскій**; статскіе совѣтники: Осипъ **Слупскій**, Викентій **Прокоповичъ**, Владиміръ **Гробовскій** и Романъ **Козицкій**; коллежскіе совѣтники: Иванъ **Хобржинскій**, Константинъ **Мончевскій** и Александръ **Яблонскій**; X департамента: дѣйствительные статскіе совѣтники: Ипполитъ **Хвалибогъ** и Карлъ **Клещинскій** и статскій совѣтникъ Станиславъ **Бялосукня**; оберъ-прокуроръ IX департамента правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй **Лукьяновъ**; членъ правительственной коммисіи юстиціи, управляющій гражданскимъ отдѣленіемъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Өеофилъ **Полякскій**; предсѣдатель варшавскаго уголовнаго суда, статскій совѣтникъ Карлъ **Но-**

водворскій и предсѣдатель варшавскаго гражданскаго трибунала Леонардъ **Янчевскій**. УВОЛЕНЪ, *согласно прошенію, отъ службы* членъ нижегородскаго окружнаго суда **Баршевъ**.

— 28-го августа: ПРИЧИСЛЕНЫ *къ министерству*: членъ витебской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, надворный совѣтникъ баронъ **Фитингофъ**—съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ должности, согласно прошенію, за болѣзнію; УМЕРШІЙ *исключенъ изъ списковъ*, состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, коллежскій ассессоръ **Шильднеръ-Шульднеръ**. По губернскимъ учрежденіямъ: УТВЕРЖДЕНЫ *въ должностяхъ*: предсѣдателя астраханской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, исправляющій эту должность, коллежскій совѣтникъ **Антоновъ** и астраханскаго губернскаго прокурора, надворный совѣтникъ **Матвѣевъ**. НАЗНАЧЕНЫ: исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1-го участка бѣлостокскаго уѣзда, гродненской губерніи, надворный совѣтникъ **Чемолосовъ** — участковымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей кобринскаго округа, той же губерніи; секретарь московской судебной палаты, титулярный совѣтникъ **Ермолаевъ** — товарищемъ предсѣдателя московскаго коммерческаго суда, съ 1-го сентября 1876 года; секретари коммерческихъ судовъ: московскаго — коллежскій ассессоръ **Постниковъ** и с.-петербургскаго — титулярный совѣтникъ **Ржондковскій** и помощникъ секретаря московской судебной палаты, титулярный совѣтникъ **Леоновъ** — членами московскаго коммерческаго суда, съ 1-го сентября 1876 г.; ПЕРЕВЕДЕНЫ: участковый мировой судья, коллежскій секретарь **Дьячковъ** — изъ свенцянскаго округа, виленской губерніи, въ виленскій округъ той же губерніи.

— 3-го сентября: по губернскимъ учрежденіямъ: НАЗНАЧЕНЫ: предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей 1-го округа кѣлецкой губерніи, **Добровольскій** — почетнымъ мировымъ судьею бобруйскаго округа, минской губерніи, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; секретарь сосницкаго съѣзда мировыхъ судей, черниговской губерніи, титулярный совѣтникъ **Бѣлецкій** — участковымъ мировымъ судьею заславско-острогскаго округа, волынской губерніи; исправляющій должность временнаго судебнаго слѣдователя по кіевской губерніи, коллежскій секретарь **Булыгинъ** — товарищемъ виленскаго губернскаго прокурора; исправляющій должность судебнаго слѣдователя холмогорскаго уѣзда, архангельской губерніи, коллежскій ассессоръ **Русецкій**—архангельскимъ губернскимъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ. ПЕРЕВЕДЕНЫ: членъ могилевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, титулярный совѣтникъ **Шульцъ** — членомъ витебской палаты уголовнаго и гражданскаго суда; УМЕРШІЙ *исключенъ изъ списковъ*, участковый мировой судья заславско-острогскаго округа, волынской губерніи, титулярный совѣтникъ **Языковъ**.

Замѣтки о вопросахъ, возникающихъ изъ договора объ отдачѣ на сохраненіе.

(Продолженіе [1]).

XV. *О формѣ договоровъ вообще.— Постановленія иностранныхъ законодательствъ о формѣ договора отдачи на сохраненіе.*

По системѣ, принятой нами при разсмотрѣніи вопросовъ, возникающихъ изъ договора объ отдачѣ на сохраненіе, намъ слѣдуетъ перейти къ вопросу о формѣ этого договора.

Предварительно считаемъ нужнымъ изложить нѣсколько соображеній о формѣ договоровъ вообще.

Основаніемъ всякаго договора служитъ соглашеніе между сторонами. Подобное соглашеніе предполагаетъ изъявленіе каждою изъ договаривающихся сторонъ своей воли. Для дѣйствительности изъявленія воли необходимо, чтобы оно получило надлежащее внѣшнее выраженіе. Воля можетъ быть выражена или безмолвно, или словесно, или, наконецъ, письменно; кромѣ того, каждый изъ приведенныхъ способовъ выраженія воли можетъ усложняться различными подробностями: воля можетъ быть выражаема или безъ свидѣтелей, или при свидѣтеляхъ; письменный актъ, выражающій волю, можетъ быть или домашнимъ

[1]) См. №№ 3-й и 4-й 1875 г.

актомъ, или явленнымъ въ нотаріальномъ или иномъ государственномъ установленіи и т. п.

Въ силу этой возможности изъявлять волю различнымъ образомъ законодательства обыкновенно обращаютъ особое вниманіе на то, какими формальностями должно быть обставлено соглашеніе между договаривающимися сторонами въ каждомъ данномъ договорѣ.

Общимъ правиломъ для опредѣленія момента, когда договоръ долженъ почитаться заключеннымъ и когда онъ дѣлается обязательнымъ для сторонъ, слѣдовало бы признавать то простое начало, что договоръ заключается съ того момента, когда послѣдуетъ взаимное соглашеніе контрагентовъ. Это начало, бывъ проведено весьма послѣдовательно въ римскомъ правѣ, перешло отчасти во всѣ новыя законодательства.

Но затруднительность—опредѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда послѣдовало соглашеніе между контрагентами, и въ чемъ оно заключалось, если воля ихъ не была изъявлена такъ, чтобы относительно ея не было сомнѣній, привела къ искаженію упомянутаго общаго начала въ законодательной практикѣ. Явились ограниченія въ способахъ изъявленія воли для нѣкоторыхъ юридическихъ актовъ. Законодательствами установлены подробныя правила для изъявленія воли въ различныхъ случаяхъ соглашенія между вступающими въ юридическія сдѣлки.

При этомъ, какъ принадлежность всякаго законнаго требованія, явилось и то правило, что несоблюденіе требованія закона о формѣ изъявленія воли влечетъ за собою недѣйствительность подобнаго изъявленія и, слѣдовательно, ничтожность основанной на немъ юридической сдѣлки.

Такимъ образомъ, если законъ ничего не говоритъ о формѣ изъявленія воли для совершенія какого-либо договора, то послѣдній можетъ быть совершаемъ, по желанію договаривающихся сторонъ, или словесно, или письменно. Но если законъ прямо предписываетъ письменную форму для какого-либо договора, то отсюда слѣдуетъ, что словесное соглашеніе между контрагентами о заключеніи сего договора, основываясь на такомъ

изъявленіи воли, которое по закону признается ничтожнымъ, не можетъ имѣть никакого юридическаго дѣйствія, т.-е. не можетъ присвоивать договору силы производить тѣ юридическія послѣдствія, которыя для него установлены въ законѣ.

Причину обязательности для нѣкоторыхъ договоровъ письменной формы слѣдуетъ искать исключительно въ практическихъ цѣляхъ законодательной практики.

Письменная форма не вытекаетъ, само-собою, изъ какого-либо свойства юридической природы того или другаго договора, но составляетъ элементъ посторонній, такъ сказать присвоиваемый договору требованіемъ положительнаго закона. Обязательность письменной формы для нѣкоторыхъ договоровъ выражаетъ только убѣжденіе законодателя о необходимости оградить заключеніе этихъ сдѣлокъ отъ неопредѣленности и злоупотребленій, возможныхъ при словесной формѣ.

Если письменная форма признается, по закону, безусловно обязательною для какого-либо договора, то совершеніе акта, удостовѣряющаго заключеніе договора, должно почитаться такимъ дѣйствіемъ, которое входитъ, можно сказать, въ *самый составъ договорнаго соглашенія.* Въ случаѣ нарушенія подобнаго требованія закона, договоръ признается несостоявшимся.

Поэтому никакія доказательства не могутъ быть приняты на судѣ въ подтвержденіе дѣйствительности подобнаго договора. Будучи ничтожнымъ въ самомъ основаніи, словесное соглашеніе контрагентовъ въ подобномъ случаѣ не порождаетъ для нихъ *никакихъ обязательныхъ отношеній.*

Намѣреніе закона обезпечить несомнѣнность и твердость заключенія договора посредствомъ изложенія его въ письменной формѣ достигается иногда особымъ образомъ.

Законъ, не требуя прямо, чтобы соглашеніе между контрагентами выражалось непремѣнно на письмѣ и, слѣдовательно, не дѣлая письменную форму безусловно обязательною для договора, можетъ, однако же, косвенно принуждать контрагентовъ къ употребленію этой формы. Подобный способъ регулированія договорныхъ отношеній выражается въ томъ, что законъ, не поражая недѣйствительностью сдѣлки, заключенной

словеснымъ порядкомъ, закрываетъ или затрудняетъ контрагентамъ доступъ къ суду, на случай спора. Это достигается тѣмъ, что процессуальныя правила не допускаютъ въ подобномъ случаѣ иныхъ доказательствъ, кромѣ письменныхъ, такъ что контрагенты, не обезпечившіе себя письменнымъ актомъ, лишаются судебной защиты и такимъ образомъ рискуютъ потерять возможность пользованія правами, проистекающими изъ договора.

Отсюда возникаетъ вопросъ о томъ, въ чемъ заключается практическое различіе между двумя указанными выше способами установленія письменной формы для договоровъ? Различіе очевидно.

Въ одномъ случаѣ, когда письменная форма отнесена закономъ къ числу существенныхъ принадлежностей договора, нарушеніе этой формы влечетъ за собою признаніе сдѣлки безусловно недѣйствительною. Въ подобномъ случаѣ послѣдовавшее на судѣ, или внѣ суда и доказанное на судѣ, собственное сознаніе отвѣтчика не можетъ придать силы договору, недѣйствительному съ самаго момента соглашенія сторонъ. Несмотря на признаніе отвѣтчика, судъ, въ случаѣ возникновенія судебнаго дѣла изъ договора, признаваемаго закономъ несостоявшимся, долженъ отказать въ искѣ. Такъ, не могутъ быть признаны на судѣ ни купля и продажа недвижимаго имущества, ни залогъ, ни закладъ, если истцомъ не представлено письменныхъ актовъ о сихъ договорахъ, хотя бы отвѣтчикъ и не оспоривалъ дѣйствительности договора.

Иными являются послѣдствія нарушенія письменной формы договора, когда она установлена закономъ какъ процессуальное правило, не допускающее, въ случаѣ спора о договорѣ, иныхъ доказательствъ въ подтвержденіе дѣйствительности заключенія сдѣлки, кромѣ письменныхъ, такъ что контрагенты, не обезпечившіе себя формальнымъ актомъ, *лишаются судебной защиты*. Въ такихъ случаяхъ, несмотря на заключеніе договора словеснымъ порядкомъ, онъ почитается дѣйствительнымъ и можетъ быть признанъ въ полной силѣ на судѣ, если подобное признаніе

окажется совмѣстнымъ съ соблюденіемъ процессуальныхъ правилъ.

Именно, правила гражданскаго процесса въ нѣкоторыхъ случаяхъ освобождаютъ истца, вполнѣ или частію, отъ обязанности доказывать дѣйствительность тѣхъ фактовъ, на которыхъ основываются предъявленныя имъ къ отвѣтчику требованія. Это имѣетъ мѣсто въ случаѣ собственнаго сознанія отвѣтчика, которое можетъ имѣть, смотря по обстоятельствамъ каждаго даннаго дѣла, различный характеръ. Сознаніе можетъ послѣдовать какъ на судѣ, такъ и внѣ суда. Можетъ случиться, что отвѣтчикъ на судѣ будетъ отвергать требованія истца, но истецъ докажетъ, что внѣ суда онъ сознавалъ справедливость этихъ требованій. Сознаніе можетъ быть безусловное и условное. Отвѣтчикъ можетъ признать заявленія истца въ одной части правильными, а въ другой неправильными. Отвѣтчикъ, сознаваясь, что имъ дѣйствительно было принято какое-либо обязательство въ отношеніи къ истцу, можетъ заявить, что обязательство это уже исполнено. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ возникаетъ рядъ спорныхъ вопросовъ о томъ, въ какой степени данное отвѣтчикомъ сознаніе подтверждаетъ заявленія, сдѣланныя истцомъ, и на комъ изъ тяжущихся, за сдѣланнымъ отвѣтчикомъ сознаніемъ, должна лежать обязанность представленія доказательствъ по спорнымъ между ними пунктамъ.

Во всякомъ случаѣ отъ суда зависитъ признать, что данное отвѣтчикомъ сознаніе освобождаетъ истца отъ представленія доказательствъ въ подтвержденіе *дѣйствительности сдѣлки*, изъ которой возникъ споръ, подлежащій судебному разрѣшенію. Въ такомъ случаѣ, если законъ не установляетъ для сдѣлки письменной формы въ смыслѣ безусловной ея принадлежности, а требуетъ лишь представленія письменныхъ доказательствъ на случай спора, судъ, несмотря на то, что сдѣлка заключена словесно, можетъ признать ее дѣйствительною и обязательною для сторонъ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ различать понятіе о письменной формѣ, какъ о существенной принадлежности договора, нарушеніе которой влечетъ за собою безусловную недѣйстви-

тельность договора, и о письменномъ актѣ, требуемомъ по закону на случай спора, какъ доказательство дѣйствительности, или, говоря точнѣе, существованія договора.

Все вышеизложенное относится равнымъ образомъ и къ тѣмъ дополнительнымъ формальностямъ, которыя установляются положительнымъ закономъ для совершенія договоровъ на письмѣ. Къ нимъ принадлежатъ правила о совершеніи или явкѣ актовъ въ судебныхъ мѣстахъ и у нотаріусовъ, правила, опредѣляющія самое содержаніе актовъ, правила о написаніи актовъ при свидѣтеляхъ, о засвидѣтельствованіи подписей безграмотныхъ, объ употребленіи гербовой бумаги и т. п. При опредѣленіи послѣдствій нарушенія подобныхъ формальностей необходимо прежде всего опредѣлить: установлены ли онѣ закономъ, какъ необходимая принадлежность акта, упущеніе которой влечетъ за собою безусловно недѣйствительность договора, или какъ тѣ условія, которымъ должны удовлетворять письменныя доказательства, требуемыя на судѣ на случай спора, или же, наконецъ, какъ правила, соблюденіе которыхъ оставлено на произволъ контрагентовъ.

Приведенныя общія понятія о значеніи формы договоровъ вообще облегчаютъ анализъ постановленій иностранныхъ законодательствъ, касающихся формы договора объ отдачѣ на сохраненіе.

По кодексу Наполеона, договоръ этотъ почитается совершеннымъ передачею поклажи дѣйствительною или мнимою. Мнимой передачи достаточно, когда поклажеприниматель уже владѣетъ, на какомъ-либо другомъ основаніи, тою вещью, которую ему предполагается передать на храненіе (ст. 1919). Добровольная отдача на сохраненіе устанавливается посредствомъ взаимнаго согласія отдающаго и принимающаго поклажу (ст. 1921).

Въ подтвержденіе дѣйствительности отдачи на сохраненіе должны быть представляемы письменныя доказательства, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ поклажа не превышаетъ цѣнностью своею 150 франковъ (ст. 1923). Если въ подтвержденіе передачи поклажи цѣною болѣе 150 франковъ не можетъ быть

представлено письменныхъ доказательствъ, то слѣдуетъ вѣрить на слово показаніямъ лица, къ которому предъявленъ искъ о поклажѣ, относительно факта передачи вещи, существа вещи, а также и факта возвращенія вещи (ст. 1924). Наконецъ, по ст. 1341 кодекса Наполеона о всякой сдѣлкѣ на сумму свыше 150 франковъ, даже объ отдачѣ поклажи долженъ быть составленъ актъ нотаріальный или домашній.

Слѣдуетъ прибавить, что по толкованію судебной практики приведенныя постановленія не примѣняются безусловно. И въ дѣлахъ о поклажѣ, превышающей 150 франковъ, могутъ быть допущены свидѣтельскія показанія въ подтвержденіе дѣйствительности отдачи на сохраненіе, если истцомъ будетъ представленъ письменный документъ, составленный отвѣтчикомъ и который подтверждаетъ вѣроятность доказываемаго событія (un commencement de preuve par écrit, ст. 1346 кодекса Наполеона). Далѣе, правило о необходимости письменныхъ доказательствъ въ дѣлахъ о поклажахъ не имѣетъ примѣненія, если документъ, который долженъ былъ служить доказательствомъ, окажется утраченнымъ вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а также, если имущество было отдано на сохраненіе или во время пожара, погибели и кораблекрушенія, или путешественникомъ, проживающимъ въ гостинницѣ (ст. 1347 код. Нап.). Наконецъ, дѣла о поклажахъ подлежатъ разрѣшенію посредствомъ присяги, независимо отъ цѣнности поклажи (Zachariae, 447).

Итальянское уложеніе, сохраняя въ существѣ правила наполеонова кодекса (статьи 1837 и 1839 ит. гражд. улож.), требуетъ представленія письменныхъ доказательствъ по всѣмъ дѣламъ, гдѣ предметъ иска на сумму выше 500 лиръ (тамъ же, ст. 1343—1348).

По австрійскимъ и баварскимъ законамъ, совершеніе договора объ отдачѣ на сохраненіе сводится исключительно къ моменту передачи поклажи, причемъ не установлено особыхъ правилъ для доказыванія на судѣ дѣйствительности этого договора. Въ ст. 957 австрійскаго гражданскаго уложенія выражено слѣдующее: «Договоръ поклажи возникаетъ, когда кто-

либо приметъ на сохраненіе чужую вещь. Данное обязательство принять на сохраненіе чужую, еще не переданную, вещь, хотя связываетъ обязавшееся лицо, но еще не установляетъ договора поклажи».

По прусскому праву, по мнѣнію Фёрстера, обязательство поклажепріемщика относительно храненія поклажи возникаетъ не изъ самаго факта передачи поклажи, но изъ договора о сохраненіи. Въ силу подобнаго договора, хозяинъ вещи вправѣ требовать пріема этой вещи на храненіе тѣмъ лицомъ, которое къ сему обязалось. Напротивъ, передача вещи, сама по себѣ, не установляетъ ни обязанности возвратить вещь, ни обязанности хранить ее: и то и другое можетъ быть основано лишь на взаимномъ соглашеніи сторонъ (Förster, S. 276).

По прусскимъ законамъ, для договоровъ на сумму свыше 50 талеровъ обязательна письменная форма. Юристы различно толкуютъ значеніе письменнаго акта въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ требуется для отдачи вещи на сохраненіе. Кохъ видитъ въ такихъ актахъ лишь способъ доказывать дѣйствительность передачи поклажи. По мнѣнію Фёрстера, письменная форма необходима для договора на сумму выше 50-ти талеровъ не только въ смыслѣ доказательства, но и для дѣйствительности самаго договора (Förster, S. 137, прим. 8).

Въ саксонскомъ гражданскомъ уложеніи выражено, что договоръ отдачи на сохраненіе заключается (ein Hinterlegungsvertrag wird geschlossen) передачею чужой движимой вещи для безвозмезднаго храненія, и что равносильнымъ подобной передачѣ почитается, если владѣлецъ вещи выразитъ свое согласіе на то, чтобы означенная вещь почиталась отданною ему на сохраненіе (S. 1260). Обязавшійся принять вещь на сохраненіе не имѣетъ права требовать передачи вещи, но можетъ искать вознагражденія за расходы, сдѣланные въ ожиданіи этой передачи. Напротивъ того, онъ обязанъ принять передаваемую ему, согласно условію, вещь, за исключеніемъ лишь того случая, когда обнаружатся такія непредвидѣнныя обстоятельства, при существованіи которыхъ онъ не могъ бы обязаться къ принятію вещи на сохраненіе (S. 1261).

По ст. 3778 гражд. зак. губ. остз., договоръ поклажи считается заключеннымъ съ того времени, когда предметъ поклажи врученъ принимающему его на сохраненіе. Что же касается необходимости письменной формы для сего договора или необходимости письменныхъ доказательствъ на случай спора объ отдачѣ вещи на сохраненіе, то въ законахъ, дѣйствующихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, объ этомъ предметѣ не упоминается.

XVI. *Общіе выводы по вопросу о формѣ договора отдачи на сохраненіе.*

Обзоръ приведенныхъ нами постановленій иностранныхъ законодательствъ о формѣ договора отдачи на сохраненіе убѣждаетъ прежде всего въ томъ, что ни одно изъ нихъ не устанавливаетъ для этого договора письменной формы въ смыслѣ *безусловной необходимости принадлежности договора.*

Вездѣ на первомъ планѣ стоитъ общее начало, по которому совершеніе договора обусловливается соглашеніемъ между договорившимися сторонами и передачею поклажи.

Правила французскаго и итальянскаго законодательствъ о необходимости письменныхъ актовъ для подтвержденія факта отдачи на сохраненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда поклажа превышаетъ цѣнностію своею 150 франковъ, очевидно должны быть понимаемы лишь въ смыслѣ правилъ процессуальныхъ, затрудняющихъ, но не преграждающихъ вовсе возможность доказывать на судѣ иски о возвращеніи поклажи, отданной на сохраненіе по словесному договору.

Выше было указано значеніе и практическія послѣдствія подобныхъ процессуальныхъ правилъ, которыя, не поражая недѣйствительностью сдѣлку, заключенную словесно, затрудняютъ доступъ къ суду на случай спора. Оба кодекса, какъ итальянскій, такъ и французскій, не только не говорятъ о ничтожности словесныхъ договоровъ объ отдачѣ на сохраненіе поклажи, превышающей цѣнностью 150 франковъ, но заключаютъ въ себѣ рядъ постановленій, существо которыхъ сводится къ облегченію исковъ по договорамъ этого рода. Законъ

относится лишь съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ показаніямъ свидѣтелей въ подобныхъ дѣлахъ и по возможности требуетъ другихъ дополнительныхъ доказательствъ, при существованіи которыхъ допросъ свидѣтелей или представляется излишнимъ, или же можетъ служить только къ разъясненію обстановки и дополнительныхъ подробностей факта передачи поклажи.

Этимъ объясняется совмѣстное примѣненіе французскою судебною практикою статей 1923 и 1924, а также статей 1346 и 1347 кодекса Наполеона.

Точно также и прусскій законъ, установляя обязательность письменной формы для договоровъ на сумму свыше 50 талеровъ, не заключаетъ въ себѣ прямаго указанія на то, чтобы письменный актъ въ подобныхъ случаяхъ надлежало признавать необходимою принадлежностью самаго договора. Мнѣніе Фёрстера, приведенное выше, представляется намъ неправильнымъ.

Наше личное мнѣніе, по существу разсматриваемаго вопроса, совпадаетъ съ тѣми началами, которыя, какъ выше указано, проведены въ иностранныхъ законодательствахъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что стѣсненіе договоровъ письменною формою въ смыслѣ безусловной принадлежности сдѣлки представляется всегда несправедливымъ. Фактъ соглашенія двухъ контрагентовъ, хотя бы и не былъ облеченъ въ форму письменнаго акта, всегда останется фактомъ, т.-е. событіемъ, дѣйствительно состоявшимся, несмотря на отрицаніе его юридическаго значенія постановленіями положительнаго закона.

Въ случаѣ признанія на судѣ обѣими сторонами дѣйствительности подобнаго факта, странно со стороны закона продолжать отрицать его юридическое значеніе и обязательныя послѣдствія для контрагентовъ. Между тѣмъ именно таково отношеніе закона къ сдѣлкѣ, для которой письменная форма безусловно обязательна. По X-му тому свода законовъ, напримѣръ, несмотря на признаніе обѣими сторонами дѣйствительности купли-продажи недвижимаго имѣнія, соглашеніе продавца и покупщика по этому предмету признается не имѣющимъ никакого значенія.

Точно также, еслибы письменная форма была признана безусловно обязательною для договора отдачи на сохраненіе, то ни сознаніе отвѣтчикомъ факта принятія поклажи на сохраненіе, ни представленіе письменныхъ актовъ, если не прямо, то косвенно удостовѣряющихъ дѣйствительность отдачи поклажи на сохраненіе, не могло бы служить законнымъ поводомъ къ признанію на судѣ дѣйствительности договора и обязательности его для контрагентовъ. Между тѣмъ, подобная строгость въ отношеніи къ формѣ договора отдачи на сохраненіе немыслима по самому существу этого договора, въ виду тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, при которыхъ въ практической жизни нерѣдко вызывается потребность въ отдачѣ имущества на сохраненіе.

Въ ряду случаевъ, въ которыхъ заключаются сдѣлки объ отдачѣ на сохраненіе, видное мѣсто занимаютъ случаи такъ называемой необходимой поклажи. Въ обычной жизни человѣкъ обыкновенно самъ хранитъ свое добро. Но когда, по особымъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, является необходимость покинуть домъ и имущество, или же представляется невозможность сберечь имущество иначе, какъ отдавъ его другому (внезапный отъѣздъ, пожаръ, наводненіе, нашествіе непріятеля и т. п.), тогда отдача на сохраненіе безусловно необходима. Но въ этихъ именно чрезвычайныхъ случаяхъ, конечно, невозможно стѣснять контрагентовъ письменною формою соглашенія, которая требуетъ времени и удобствъ, несовмѣстныхъ съ обстоятельствами, вынуждающими необходимую поклажу.

Точно также немыслимо стѣснять письменною формою случаи отдачи путешественниками своихъ вещей на сохраненіе въ гостинницахъ.

Но, съ другой стороны, нельзя не признать разумности тѣхъ ограниченій, которыя установлены нѣкоторыми законодательствами для доказательствъ въ подтвержденіе дѣйствительности передачи имущества на сохраненіе, въ случаѣ иска о возвращеніи поклажи.

Договоръ объ отдачѣ на сохраненіе сопряженъ, въ случаѣ его нарушенія, съ послѣдствіями, столь важными для обязав-

шагося сохраненіемъ поклажи (уголовная отвѣтственность за растрату), что естественно стремленіе законодательства обезпечить для суда возможность удостовѣриться несомнѣннымъ образомъ въ дѣйствительности факта отдачи на сохраненіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ оградить владѣльца чужой вещи не въ силу договора о поклажѣ, а на другомъ какомъ-либо основаніи отъ несправедливыхъ притязаній со стороны хозяина вещи.

Договоръ объ отдачѣ на сохраненіе близко граничитъ съ договорами: личнаго найма, найма имуществъ, ссуды и займа, отличаясь отъ нихъ нѣкоторыми, иногда тонкими особенностями.

Опредѣлить, на основаніи показаній свидѣтелей, содержаніе подобнаго договорнаго соглашенія, нерѣдко совпадающаго по своему характеру съ другими договорами, весьма затруднительно. Вотъ почему разумно избѣгать, по возможности, употребленія свидѣтельскихъ показаній для удостовѣренія юридическаго значенія сдѣлки объ отдачѣ имущества на сохраненіе, ограничивая допущеніе свидѣтелей въ дѣлахъ о возвращеніи поклажи лишь тогда, когда, по обстоятельствамъ дѣла, отказъ истцу въ допросѣ указываемыхъ имъ свидѣтелей былъ бы равносиленъ отказу въ правосудіи.

Затѣмъ возникаютъ слѣдующіе три вопроса:

1) надлежитъ ли требовать отъ истца, ходатайствующаго о возвращеніи поклажи, непремѣнно представленія письменнаго акта, прямо удостовѣряющаго пріемъ поклажи, или вообще всякаго рода письменныхъ доказательствъ, могущихъ подтвердить достовѣрность доказываемаго истцомъ событія передачи поклажи;

2) надлежитъ ли установить въ отношеніи допущенія свидѣтельскихъ показаній, въ подтвержденіе отдачи поклажи, различіе между цѣнностію поклажи, и

3) въ какихъ затѣмъ случаяхъ необходимо дозволять доказываніе отдачи поклажи не только посредствомъ письменныхъ доказательствъ, но и свидѣтельскими показаніями.

Первый вопросъ слѣдовало бы разрѣшить, по нашему мнѣнію, въ смыслѣ допущенія въ подтвержденіе дѣйствительности

передачи поклажи всякаго рода письменныхъ доказательствъ. Ограниченіе сихъ доказательствъ только такими актами, которые прямо удостовѣряютъ отдачу поклажи, или, по терминологіи нашего закона, сохранными росписками, было бы въ практическомъ отношеніи почти равносильно установленію для договора объ отдачѣ на сохраненіе обязательной письменной формы. Различіе французскаго закона между доказательствомъ (preuve) и началомъ доказательства (commencement de preuve) заключаетъ въ себѣ излишнюю тонкость, которой можно легко избѣгнуть.

Второй вопросъ мы разрѣшаемъ въ смыслѣ примѣненія одного общаго правила о доказательствахъ ко всѣмъ поклажамъ независимо ихъ цѣнности.

Слишкомъ часто вообще допускается въ гражданскомъ процессѣ вліяніе цѣнности предмета тяжбы на порядокъ судебнаго разбирательства, каковое вліяніе по существу своему несправедливо.

Во-первыхъ, цѣнность предметовъ тяжбы относительна, смотря по матеріальнымъ средствамъ тяжущихся. Съ другой стороны, трудность разрѣшенія дѣла зависитъ не отъ цѣнности предмета тяжбы, а отъ существа самаго спора и юридическихъ отношеній, до которыхъ онъ касается. Если трудно удостовѣриться въ юридическомъ характерѣ сдѣлки тамъ, гдѣ отыскиваемая поклажа болѣе 150 франковъ (во Франціи), или 500 лиръ (въ Италіи), то столь же затруднительно подобное удостовѣреніе и въ дѣлахъ на меньшую сумму.

Наконецъ, по третьему вопросу слѣдуетъ замѣтить, что исключенія изъ общаго правила о необходимости представленія письменныхъ доказательствъ въ подтвержденіе дѣйствительности отдачи поклажи сводятся къ слѣдующимъ основаніямъ: 1) невозможности въ извѣстныхъ случаяхъ составить письменный актъ; 2) особымъ обычаямъ въ извѣстной средѣ при отдачѣ имущества на сохраненіе; 3) невозможности представить письменный актъ къ суду, и 4) отсутствію надобности въ какомъ-либо доказательствѣ на судѣ вслѣдствіе прямаго или условнаго сознанія отвѣтчика.

Подъ первый пунктъ слѣдуетъ подвести отдачу имущества на сохраненіе во время пожара, наводненія, нашествія непріятеля и всякаго общественнаго бѣдствія. Подъ второй пунктъ подойдутъ сдѣлки о поклажѣ въ торговомъ и крестьянскомъ сословіяхъ, гдѣ, въ этомъ отношеніи, существуютъ несомнѣнные обычаи; сюда же относятся случаи оставленія вещей путешественниками въ гостинницахъ. Подъ третій пунктъ подходитъ потеря письменнаго акта, послѣдовавшая вслѣдствіе особыхъ, непредвидимыхъ и неотвратимыхъ событій. Наконецъ, значеніе исключеній, упомянутыхъ въ четвертомъ пунктѣ, было разъяснено выше.

XVII. *Значеніе передачи поклажи.*

Затѣмъ мы переходимъ къ вопросу о томъ, съ какого именно момента сдѣлка объ отдачѣ имущества на сохраненіе должна почитаться окончательно совершенною, вступившею въ силу.

Въ иностранныхъ законодательствахъ, какъ видно изъ вышеупомянутаго, почти повсемѣстно проводится то начало, по которому сдѣлка объ отдачѣ на сохраненіе оканчивается совершеніемъ съ момента передачи поклажи принимающему ее на сохраненіе. Однако, по мнѣнію Фёрстера, обязательство поклажепріемщика относительно храненія поклажи должно почитаться установленнымъ не со времени факта передачи поклажи, но съ момента заключенія договора о сохраненіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не обратить вниманія на то, что и въ тѣхъ законодательствахъ, въ которыхъ проведено начало заключенія договора о сохраненіи посредствомъ передачи поклажи, содержатся отдѣльныя правила, нѣсколько отступающія отъ строгаго примѣненія указаннаго начала.

Такъ, ст. 1921 кодекса Наполеона говоритъ, что добровольная отдача на сохраненіе устанавливается посредствомъ взаимнаго согласія отдающаго и принимающаго поклажу. По ст. 957 австрійскаго гражданскаго уложенія, данное обязательство принять на сохраненіе чужую, еще не переданную,

вещь связываетъ обязавшееся лицо, но еще не установляетъ договора поклажи. По ст. 1261 саксонскаго гражданскаго уложенія, обязавшійся принять вещь на сохраненіе обязанъ принять передаваемую ему, согласно условію, вещь, за исключеніемъ лишь того случая, когда обнаружатся такія непредвидѣнныя обстоятельства, при существованіи которыхъ онъ не могъ бы обязаться къ принятію вещи на сохраненіе.

Спрашивается: слѣдуетъ ли признавать передачу поклажи за моментъ вступленія сдѣлки о сохраненіи имущества въ силу, и если слѣдуетъ, то какое юридическое значеніе должна имѣть сдѣлка, по которой стороны условились о сохраненіи такого имущества, которое въ моментъ заключенія сдѣлки не предполагается передать поклажехранителю, а только въ будущемъ должно быть ему передано?

Наука гражданскаго права учитъ, что составныя части сдѣлки могутъ быть подраздѣлены на три рода: необходимыя (essentialia), обыкновенныя (naturalia) и случайныя (accidentalia). Практическое различіе составныхъ частей сдѣлки чрезвычайно важно: безъ необходимой части сдѣлка не существуетъ; обыкновенная предполагается въ ней; случайная зависитъ отъ воли участниковъ.

Чтобы опредѣлить, слѣдуетъ ли передачу поклажи отнести къ числу необходимыхъ составныхъ частей сдѣлки объ отдачѣ имущества на сохраненіе, необходимо имѣть въ виду, что существо обязательства, возникающаго въ силу договора объ отдачѣ на сохраненіе, заключается именно въ сохраненіи поклажи.

Нельзя начать хранить такую вещь, которая еще не получена для храненія. До передачи поклажи не можетъ быть, слѣдовательно, рѣчи о сохраненіи ея лицомъ, къ тому обязавшимся.

Не можетъ быть также рѣчи, до вступленія поклажепріемщика въ фактическое владѣніе поклажею, объ отвѣтственности за ея цѣлость, — отвѣтственности не только гражданской, но и уголовной.

Такимъ образомъ, до передачи поклажи стороны, заклю-

чившія сдѣлку о сохраненіи имущества, поставлены въ фактическую невозможность осуществить сдѣлку. Отсюда вытекаетъ, что передача поклажи составляетъ *необходимую составную часть сдѣлки* объ отдачѣ имущества на сохраненіе, и что, слѣдовательно, *до передачи поклажи* самая сдѣлка *не можетъ почитаться вошедшею въ силу.*

Нѣтъ сомнѣнія, что одна передача вещи, сама по себѣ, не установляетъ обязанности хранить ее, и что обязанность эта можетъ быть основана лишь на взаимномъ соглашеніи сторонъ, какъ справедливо замѣчено Фёрстеромъ. Но начало, признающее передачу поклажи за необходимую принадлежность сдѣлки объ отдачѣ на сохраненіе, и не вытекаетъ изъ того предположенія, чтобы одинъ фактъ передачи вещи устанавливалъ уже обязанность хранить ее.

Центръ тяжести договора всегда заключается въ соглашеніи сторонъ, которое опредѣляетъ и самый родъ договора. При заключеніи же договора объ отдачѣ имущества на сохраненіе, кромѣ договорнаго соглашенія, необходима и самая передача поклажи для того, чтобы договоръ почитался вступившимъ въ силу.

Что касается соглашенія объ отдачѣ на сохраненіе такого имущества, которое только впослѣдствіи имѣетъ быть передано обязавшемуся принять поклажу, то это соглашеніе можетъ имѣть значеніе самостоятельной юридической сдѣлки и быть сопряжено съ извѣстными послѣдствіями для контрагентовъ, но не составляетъ еще договора о сохраненіи поклажи, какъ это правильно выражено въ ст. 957 австрійскаго кодекса.

Разница между этими двумя сдѣлками та, что по одной устанавливливается обязанность *хранить* поклажу, т.-е. уже принятую вещь, а по другой — обязанность *принять на сохраненіе* вещь, имѣющую быть переданною впослѣдствіи.

Въ первомъ случаѣ съ момента принятія вещи примѣняются всѣ правила объ отвѣтственности поклажехранителей. Во второмъ случаѣ представляется лишь обязательство вступить въ будущемъ, по требованію другой стороны, въ отправ-

леніе обязанности хранителя поклажи. Иначе сказать, въ семъ послѣднемъ случаѣ имѣетъ мѣсто договоръ о договорѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и во второмъ изъ приведенныхъ нами случаевъ, со времени принятія имущества, къ сохраненію котораго принявшій обязался особою предварительною сдѣлкою, договоръ о сохраненіи поклажи долженъ почитаться совершеннымъ, хотя бы и не было между сторонами новаго по сему предмету соглашенія.

Подобное новое соглашеніе излишне потому, что принятіе вещи въ указанномъ выше случаѣ выражаетъ собою согласіе пріемщика вещи на исполненіе обязанностей хранителя, предположенное въ первоначальной сдѣлкѣ, которая, вслѣдствіе сего, съ момента передачи поклажи какъ-бы обновляется и получаетъ значеніе договора отдачи на сохраненіе.

Но затѣмъ возникаетъ вопросъ: какъ поступить, если обязавшійся предварительнымъ договоромъ принять имущество на сохраненіе впослѣдствіи откажется отъ принятія поклажи?

Нѣтъ сомнѣнія, что всякое обязательство должно быть выполняемо, и потому уклоненіе отъ обязанности принять поклажу должно имѣть послѣдствіемъ отвѣтственность за убытки, причиненные подобнымъ нарушеніемъ договора.

Но можно ли принудить въ семъ случаѣ неисправнаго контрагента къ принятію поклажи?

Прусское и саксонское законодательства упоминаютъ о правѣ хозяина вещи требовать принятія поклажи на сохраненіе тѣмъ, кто къ сему обязался. Но подъ этимъ нельзя разумѣть насильственной передачи поклажи.

Общее юридическое начало, по которому нельзя никого принудить къ заключенію договора, такъ какъ всякій договоръ составляется по добровольному соглашенію контрагентовъ, вполнѣ примѣнимо и къ данному случаю.

Немыслимо, въ случаѣ отказа отъ принятія поклажи лицомъ, обязавшимся къ сему по особому договору, прибѣгать къ водворенію поклажи насильно въ мѣстѣ жительства обязавшагося лица и затѣмъ признавать его отвѣтственнымъ за цѣлость поклажи. Поэтому, слѣдуетъ придти къ выводу, что от-

казавшійся, при указанныхъ обстоятельствахъ, отъ принятія поклажи долженъ быть признаваемъ нарушившимъ договоръ и подвергается всѣмъ послѣдствіямъ нарушенія договора, какъ въ немъ самомъ указаннымъ, такъ и вытекающимъ изъ общихъ постановленій о вознагражденіи за вредъ и убытки, но не можетъ быть, вопреки его волѣ, принуждаемъ къ принятію поклажи.

Если, такимъ образомъ, передача поклажи составляетъ необходимое условіе для осуществленія договора объ отдачѣ на сохраненіе, то, спрашивается, какъ примѣнить это начало къ случаю, предусмотрѣнному въ ст. 1919 код. Нап., когда вещь, назначенная къ отдачѣ на сохраненіе, уже находится во владѣніи хранителя, на другомъ какомъ-либо основаніи?

По ст. 1919 код. Нап., въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто мнимая передача (la tradition feinte). Статья 1837 ит. гражд. улож. постановляетъ, что въ этомъ случаѣ передача производится простымъ соглашеніемъ.

И въ той и въ другой статьяхъ проведена одна и та же правильная мысль, но редакція итальянскаго закона лучше. Правило статьи 1919 код. Нап. содержитъ отвлеченное юридическое понятіе, но не положительный законъ.

Всего лучше было бы, кажется, прямо выразить, что, въ случаѣ нахожденія вещи, отдаваемой на сохраненіе, у того лица, кто долженъ ее получить, договоръ объ отдачѣ на сохраненіе почитается совершеннымъ съ момента соглашенія по сему предмету. Подобное правило было бы ясно само по себѣ и очевидно не противорѣчило бы общему началу о юридическомъ значеніи передачи поклажи, такъ какъ въ вышеозначенномъ случаѣ соглашеніе и передача, очевидно, совпадаютъ.

Затѣмъ возникаетъ еще вопросъ: если хозяинъ вещи, отдаваемой на сохраненіе, не лично передаетъ ее хранителю, но предоставляетъ ему получить вещь изъ третьихъ рукъ, какъ опредѣлить въ такомъ случаѣ моментъ совершенія договора? Французская судебная практика не признаетъ вовсе за подобною сдѣлкою юридическаго значенія договора объ отдачѣ на

сохраненіе (Zachariae, 445). Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія безусловно.

Примѣняя вышеизложенныя общія соображенія къ настоящему частному случаю, слѣдуетъ, кажется, придти къ тому выводу, что съ момента полученія вещи изъ третьихъ рукъ договоръ объ отдачѣ на сохраненіе долженъ почитаться вступившимъ въ силу, но что до принятія поклажи дѣйствительно обязавшійся подобнымъ договоромъ къ полученію вещи для храненія изъ третьихъ рукъ не можетъ быть признаваемъ хранителемъ поклажи.

XVIII. *Источники дѣйствующихъ постановленій о формѣ договора отдачи на сохраненіе (статьи 2104, 2111—2113, 2124 ч. 1 т. X св. зак.).*

Мы уже имѣли случай замѣтить, что дѣйствующія у насъ постановленія объ отдачѣ имущества на сохраненіе (статьи 2100—2124 гражд. зак.) содержатъ цѣльную законодательную работу. Въ 1846 году были одновременно пересмотрѣны во 2-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи дѣйствовавшія дотолѣ узаконенія объ отдачѣ и пріемѣ на сохраненіе, измѣнены во многихъ отношеніяхъ и изложены въ формѣ систематическаго положенія, которое и было внесено главноуправлявшимъ графомъ Д. Н. Блудовымъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Съ тѣхъ поръ, кромѣ нѣсколькихъ дополненій къ отдѣльнымъ статьямъ сего положенія, какъ-то: примѣч. къ ст. 2100 (по прод. 1868 г.), дополненія къ ст. 2108 (по прод. 1863 г.) перваго примѣч. къ ст. 2111, втораго примѣч. къ ст. 2111 (по прод. 1868 г.) и ст. 2124 по прод. 1863 г., — въ первоначально изданныхъ въ 1846 году постановленіяхъ о поклажахъ не сдѣлано никакихъ рѣшительно измѣненій.

Вслѣдствіе сего, понятно, насколько представляется важнымъ, для уразумѣнія точнаго смысла 2111 и слѣд. статей 1 ч. X т. св. зак., ознакомиться съ содержаніемъ представленія графа Блудова государственному совѣту 1846 года.

Мы изложимъ здѣсь подробно содержаніе какъ этого представленія, такъ и постановленныхъ по оному заключеній государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи 4 октября 1843 г., при разсмотрѣніи дѣла о двухъ сохранныхъ росписках, выданныхъ умершею дѣвицею Темяшевою, обратясь къ существовавшимъ въ законахъ постановленіямъ на счетъ актовъ отдачи и пріема на сохраненіе движимаго имущества, замѣтилъ, что постановленія сіи, заимствованныя главнѣйше изъ уложенія 1649 г., представляя большую неопредѣленность и неясность, подавшія поводъ къ разногласіямъ и по разсматриваемому дѣлу, не во всемъ, можетъ быть, соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ настоящаго времени, а устраненіемъ формальностей могутъ раскрыть путь къ подлогамъ между частными лицами и къ злоупотребленіямъ въ ущербъ государственныхъ доходовъ, возможностію, подъ предлогомъ отдачи денегъ на сохраненіе, совершать, безъ употребленія гербовой бумаги и платежа пошлинъ, и самые займы. Посему, государственный совѣтъ, признавая необходимымъ, въ видахъ какъ частныхъ интересовъ, такъ и пользы казны, подвергнуть упомянутыя узаконенія общему пересмотру, единогласно положилъ: испросить высочайшее соизволеніе поручить предметъ сей II отд. собст. Е. В. канц., съ тѣмъ, чтобы оно предположенія свои внесло въ свое время на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Въ исполненіе такого порученія главноуправлявшій II отдѣленіемъ графъ Блудовъ, 9 февраля 1846 года, внесъ въ государственный совѣтъ проектъ постановленій для исправленія и дополненія главы XVII, разд. III, кн. 3 св. зак. гражд. (ст. 1805—1821) объ отдачѣ и пріемѣ на сохраненіе или поклажахъ.

Вотъ мотивы, которыми графъ Блудовъ объяснялъ свой проектъ.

«Главнымъ поводомъ возникшаго по вышеозначенному дѣлу разногласія было самое изложеніе настоящихъ о томъ постановленій и именно статей 1808 и 1809 св. зак. гражд. Въ

первой изъ нихъ, т.-е. 1808, сказано, что договоръ объ отдачѣ и пріемѣ на сохраненіе совершается передачею поклажи по письменному акту и съ роспискою пріемщика или безъ оной; а въ началѣ слѣдующей статьи, 1809, что не требуется ни актовъ, ни росписокъ въ принятіи на сохраненіе.... Изъ сихъ словъ можно заключить, что, въ случаѣ споровъ, надлежитъ, въ доказательство отдачи на сохраненіе, представлять и актъ объ отдачѣ ввѣряемаго имущества и росписку въ полученіи онаго. Но, для опредѣленія точнаго смысла сихъ постановленій надобно обратиться къ источникамъ, на коихъ оныя основаны. Сіи источники суть: во-1-хъ, уложеніе царя Алексѣя Михайловича, именно главы X статьи: 189: «А которые люди всякихъ чиновъ учнутъ бити челомъ па кого въ заемныхъ деньгахъ или въ поклажахъ, или въ какой-нибудь ссудѣ, а въ тѣхъ долгѣхъ и въ тѣхъ поклажеяхъ и въ ссудѣ на то кабалъ и заемныхъ памятей и иныхъ никакихъ крѣпостей па тѣхъ людей, на которыхъ они учнутъ бити челомъ, въ челобитьѣ своемъ и въ приставныхъ памятѣхъ не напишутъ: и имъ па тѣхъ людей суда и зазывныхъ грамотъ въ такихъ искѣхъ не давати и приставовъ не посылати». 190: «А которые служилые люди будутъ на государевѣ службѣ въ полкѣхъ, а полки по государеву указу будутъ въ городѣхъ, и учнутъ бити челомъ ратные люди на кого въ поклажеяхъ тѣхъ городовъ, гдѣ они будутъ на государевѣ службѣ: и тѣмъ людемъ въ поклажахъ па тѣхъ людей, на кого они учнутъ бити челомъ, судъ давати и безъ письма для того, что служилые всякихъ чиновъ люди бываютъ па государевыхъ службахъ въ городѣхъ, и запасы свои и служилую и всякую рухлядь кладутъ на дворѣхъ у тѣхъ людей, у кого они стоятъ, и бываютъ ратнымъ людемъ на государевыхъ службахъ посылки скоры и они въ тѣ поры всякую свою рухлядь и запасы оставливаютъ послѣ себя у тѣхъ людей, гдѣ они стоятъ. Да будетъ по суду и по сыску, на которыхъ городовыхъ людѣхъ доведется поклажей ратныхъ людей взяти: и па нихъ то поклажее по суду и по сыску доправя отдати истцомъ; а будетъ сыскати нечѣмъ: и въ томъ истцу со отвѣтчикомъ учинити вѣра, крестное цѣ-

лованіе». 191: «А будетъ кто служилые люди въ такихъ поклажеяхъ учнутъ къ кому приставливати поклепавъ напрасно, а сыщется про то допряма: и тѣмъ служилымъ людемъ, кто учнетъ клепати напрасно, по сыску чинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ нещадно». 192: «А опричь службы на Москвѣ и въ городѣхъ въ поклажеяхъ ни кому ни на кого безъ письма суда не давати, чтобы въ томъ никому ни отъ кого въ поклепныхъ искѣхъ напрасныя продажи не было». Во-2-хъ, указъ Петра Великаго 26 мая 1718 г. (полн. собр. № 3204). По п. 1 онаго «поставленные въ описныхъ дворахъ постороннихъ людей пожитки для сбереженія освидѣтельствовать: есть ли на сундукахъ или ящикахъ и коробьяхъ ярлыки съ надписью, чьи они; а буде есть, то у тѣхъ челобитчиковъ взять тѣмъ пожиткамъ росписи; а буде ярлыковъ и нѣтъ, то по томужъ имая росписи и по онымъ, ежели явится истина и прямо такъ, то отдавать имъ съ росписками».

«Изъ текста сихъ постановленій видно, что какъ въ уложеніи, такъ и въ приведенномъ выше сего указѣ Петра Великаго доказательствомъ поклажи признается составленный пріемщиками домашній актъ, свидѣтельствующій о пріемѣ предмета на сохраненіе. Все различіе состоитъ лишь въ томъ, что въ уложеніи сей актъ названъ просто письмомъ, а въ указѣ 1718 года росписью или роспискою. Посему кажется ясно, что употребленіе въ сводѣ сихъ обоихъ словъ, т.-е. и письменнаго акта и росписки, произошло единственно отъ недостаточнаго соображенія источниковъ, служившихъ основаніемъ 1808 статьи X тома. Трудно составить себѣ понятіе, что̀ можетъ значить, сверхъ росписки пріемщика въ полученіи предмета на сохраненіе, упоминаемый въ сводѣ законовъ письменный актъ, тѣмъ болѣе, что поклажа совершается собственно не черезъ актъ, но черезъ отдачу предмета на руки лицу, принимающему оный на сохраненіе, и черезъ принятіе имъ сего предмета, ибо почитать себя обязаннымъ къ сохраненію вещи или же иного какого-либо предмета можетъ только тотъ, кто дѣйствительно получилъ его, и, пока вещь не передана, она не можетъ быть признаваема поступившею на сохраненіе.

Сія мысль выражается въ самомъ названіи сего договора—*отдачи и пріема* на сохраненіе».

«По симъ причинамъ и въ законодательствахъ иностранныхъ, между прочимъ и въ кодексѣ французскомъ, положительно сказано: «le dépot n'est parfait que par la tradition réelle de la chose déposée (art. 1919)».

«Поклажа совершается, какъ мы замѣтили выше, отдачею и принятіемъ предмета на сохраненіе, а росписка доказываетъ только, что поклажа дѣйствительно учинена, и представляется въ такомъ лишь случаѣ, когда принявшій поклажу въ томъ запирается. Впрочемъ, хозяинъ предмета не передаетъ никакихъ изъ принадлежащихъ ему правъ на отданный для сохраненія предметъ, какъ напримѣръ въ случаѣ продажи, дара, отдачи въ наемъ, въ аренду и т. п. Въ семъ отношеніи не можетъ быть, по мнѣнію графа Блудова, никакого сомнѣнія, ка́къ должно понимать постановленія свода законовъ, ибо статьи 1808 и 1809 заключаютъ въ себѣ одинъ лишь плеоназмъ. Графъ Блудовъ думаетъ, однакоже, что сіи постановленія неполны и сбивчивы, въ особенности же весьма неудовлетворительны для огражденія интереса частныхъ лицъ. Принимая за правило, чтобы поклажа была доказываема роспискою, надобно имѣть въ виду не только пользу того, кто утверждаетъ, что отдалъ вещь на сохраненіе, но въ равной мѣрѣ и права тѣхъ, противъ коихъ представляется росписка. Если не будетъ установленъ порядокъ законнаго совершенія росписокъ сего рода, то можно и легко, составляя фальшивыя, учинить симъ кому-либо не малый, даже невозвратимый убытокъ».

«Въ семъ именно, по мнѣнію моему, и оказывается недостатокъ постановленій нашего свода законовъ».

«Не только статьи 1808 и 1809 не опредѣляютъ, какія формы должны быть соблюдаемы при составленіи росписокъ въ принятіи поклажи, но и другія постановленія законовъ гражданскихъ, означенныя въ статьяхъ 746, 747 и 748, не разрѣшаютъ сего сомнѣнія. Въ статьѣ 746 сказано, что акты домашніе раздѣляются на три рода».

«Къ актамъ перваго рода статья 747 причисляетъ тѣ, для дѣй-

ствительности коихъ достаточно одной подписи дающаго актъ, каковы суть росписки, счеты и другіе подобные, коихъ, однакожъ, сводъ съ точностію не означаетъ; къ актамъ втораго рода статья 748 относитъ тѣ, въ коихъ, сверхъ подписи дающаго, требуется еще и подпись свидѣтелей; таковы суть, по словамъ сей же статьи, домовыя заемныя письма съ закладомъ движимаго имущества и вѣрющія письма на бытіе при генеральномъ межеваніи. Наконецъ, къ третьему роду актовъ домашнихъ принадлежатъ духовныя завѣщанія».

«Вѣроятно, что росписки въ пріемѣ на сохраненіе должны быть причислены къ актамъ перваго рода, но какъ сіе въ законѣ положительно не постановлено, то могутъ возникать и по сему предмету сомнѣнія; мы видѣли, что сіе было уже поводомъ нѣкотораго недоумѣнія въ государственномъ совѣтѣ при разсмотрѣніи дѣла дѣвицы Темяшевой. Впрочемъ, предположивъ даже, что росписки въ поклажѣ должны быть отнесены къ актамъ втораго рода, нельзя будетъ и симъ еще достигнуть желаемой цѣли; пользы и права давшаго будто бы росписку нисколько не ограждаются подписью свидѣтелей, ибо, къ сожалѣнію, не трудно находить людей, готовыхъ къ подписанію всякаго и лживаго акта. По мнѣнію моему, было бы гораздо болѣе ручательства для пріемщика, еслибы постановить, что актъ пріема на сохраненіе долженъ быть не только подписанъ, но и весь писанъ рукою пріемщика, съ точнымъ описаніемъ принятаго имъ предмета; когда-жъ отдаются на сохраненіе деньги, то съ означеніемъ не цифрами, а прописью количества принятой суммы и рода полученныхъ на сохраненіе монеты или кредитныхъ бумагъ. Нѣтъ сомнѣнія, что гораздо легче поддѣлать подпись, нежели написать отъ начала до конца цѣлый актъ подложный. Посему и въ кодексѣ французскомъ, для дѣйствительности заемнаго письма, требуется, чтобъ дающій не только подписалъ сей актъ, но еще собственноручно и прописью вписалъ въ немъ сумму занятыхъ имъ денегъ».

«Для вящшаго огражденія правъ и пользъ частныхъ лицъ, можетъ быть, было бы нужно постановить, сверхъ того, что,

въ случаѣ, когда отдаваемыя на сохраненіе деньги превышаютъ нѣкоторую опредѣленную сумму, напр. 2,000 или 3000 руб. сер., то актъ о пріемѣ на сохраненіе долженъ быть всегда явленъ у нотаріуса или въ гражданской палатѣ, или уѣздномъ судѣ. Равномѣрно надлежало бы предусмотрѣть и случаи, когда принимающій на сохраненіе не знаетъ грамотѣ, или по другимъ причинамъ не можетъ дать требуемой собственноручной росписки. На случай сего рода надлежало бы установить нѣкоторыя особыя предосторожности и обряды, положивъ, напримѣръ, чтобы, сверхъ написанія и подписанія акта о пріемѣ поклажи одною и тою же рукою, съ означеніемъ, что сей актъ писанъ по порученію и въ присутствіи пріемщика, оный былъ подписанъ по крайней мѣрѣ двумя свидѣтелями и признавался дѣйствительнымъ только тогда, когда подписавшіеся свидѣтели имѣютъ качества, требуемыя закономъ для свидѣтельства предъ судомъ. Сія предосторожность необходима, дабы, по возможности, предупредить противозаконныя преступныя стачки».

«Но, умножая такимъ образомъ формы, нужныя для дѣйствительности актовъ сего рода, можно, кажется, съ другой стороны, дозволить доказывать о поклажѣ маловажныхъ предметовъ не только посредствомъ письменныхъ актовъ, но и чрезъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Кодексъ французскій предоставляетъ доказывать принятіе поклажи черезъ свидѣтелей на сумму до 150 (ст. 1923), а сардинскій на сумму до 300 франковъ (ст. 1407)».

«По мнѣнію моему, сіе изъятіе можетъ быть допущено и у насъ, только въ меньшемъ размѣрѣ, напр. до 30 руб. сер., ибо законы наши вообще стараются уменьшить число случаевъ, въ коихъ пріемлются доказательства черезъ свидѣтелей, замѣняя ихъ, гдѣ лишь возможно, доказательствами письменными. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ надлежитъ представить по крайней мѣрѣ двухъ свидѣтелей, вполнѣ достовѣрныхъ. Обезпечивая такимъ образомъ принимающаго поклажу, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе и на права лица, отдающаго что-либо на сохраненіе. Вслѣдствіе предначертан-

ныхъ выше сего предположеній, тотъ, кто не имѣетъ формальнаго письменнаго акта о принятіи отъ него предмета, отданнаго на сохраненіе, или же не будетъ въ состояніи доказать сего черезъ свидѣтелей, не долженъ быть допускаемъ къ требованію возврата поклажи, кромѣ лишь случаевъ, означенныхъ въ ст. 1809: въ сихъ случаяхъ, на основаніи постановленій ст. 2740, споръ долженъ рѣшиться присягою. Оставляя сіе правило по прежнему въ дѣйствіи, надлежитъ, кажется, объяснить, что къ присягѣ сего рода можетъ быть обязано только то именно лицо, которое, по увѣренію истца, получило поклажу, а не наслѣдники онаго, ибо нерѣдко быть можетъ, что наслѣдники не знаютъ вовсе о семъ принятіи поклажи и о томъ, что съ нею послѣдовало. При разсмотрѣніи сего дѣла, государственный совѣтъ имѣлъ въ виду еще другой вопросъ: не слѣдуетъ ли постановить, чтобы акты о поклажѣ были всегда совершаемы на гербовой бумагѣ. Смѣю думать, что введеніе такого правила было бы не совсѣмъ удобно. Цѣна гербовой бумаги для обязательствъ опредѣляется цѣною имущества, составляющаго предметъ оныхъ, а едва ли возможно сіе примѣнить къ актамъ о поклажѣ, ибо они не принадлежатъ къ числу такихъ, посредствомъ коихъ владѣніе имуществомъ или самое право собственности переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Поклажа есть нѣкоторымъ образомъ обязательство одностороннее принявшаго оную; въ отношеніи къ дающему на сохраненіе она есть дѣйствіе не столько доброй воли, сколько необходимости, и никогда не бываетъ слѣдствіемъ какихъ-либо для пріобрѣтенія выгоды разсчетовъ. Ни хозяинъ отдаваемой вещи, ни принимающій на себя обязанность хранить ее, не получаютъ отъ того никакой прибыли (ст. 1814 и 1817 св. зак. гражд.»).

«Можно бы, конечно, положить, чтобы для писанія актовъ о поклажѣ была употребляема гербовая бумага самаго низшаго разбора, хотя могущій быть отъ того для казны доходъ былъ бы самый ничтожный, но уже ни въ какомъ случаѣ невозможно дѣйствительность акта сдѣлать зависящею отъ цѣны бумаги для написанія его употребленной; между прочимъ и

потому, что новыми къ актамъ о поклажѣ примѣненіями такого правила мы какъ будто бы хотѣли утвердить одно изъ самыхъ, по моему мнѣнію, неудобныхъ, даже вредныхъ постановленій нашихъ законовъ, которое необходимо при первой возможности исключить изъ нихъ. Впрочемъ, было бы вѣроятно не безполезно установить на случай, когда при спорѣ о поклажѣ обнаружится, что сія поклажа была подложная и деньги, принятыя будто бы на сохраненіе, взяты въ заемъ, то судъ, опредѣляя возвратъ сихъ денегъ, долженъ приговорить заимодавца къ платежу цѣны надлежащей гербовой бумаги вдвое или даже и втрое. Можно также постановить, что при представленіи въ судъ акта о поклажѣ, составленнаго домашнимъ порядкомъ, присужденный къ возврату поклажи долженъ быть приговариваемъ, сверхъ вознагражденія за судебныя издержки, еще къ платежу одного процента съ цѣны предмета. Сіе правило можетъ, какъ и прочія гражданскія взысканія, служить предупрежденіемъ неправыхъ споровъ и запирательства».

«Приготовляя для представленія государственному совѣту проектъ надлежащихъ о семъ постановленій, я не могъ не замѣтить, что необходимо съ симъ вмѣстѣ пересмотрѣть, исправить и дополнить и нѣкоторыя другія, состоящія въ тѣсной съ настоящимъ предметомъ связи, и между прочимъ: правила о доказательствѣ поклажи, учиненной на основаніи статьи 1809, ибо въ сей статьѣ сказано только, что въ случаяхъ, означенныхъ въ ней, не требуется ни актовъ, ни росписокъ въ принятіи на сохраненіе».

Департаментъ законовъ, соглашаясь во всѣхъ главныхъ основаніяхъ съ предположеніями графа Блудова и находя, что «оныя послужатъ къ устраненію встрѣчающихся нынѣ недоумѣній объ истинномъ смыслѣ узаконеній касательно отдачи имуществъ на сохраненіе, остановился, между прочимъ, на слѣдующихъ замѣчаніяхъ: 1) для устраненія споровъ о подлинности и дѣйствительности тѣхъ сохранныхъ росписокъ, кои, по безграмотству, болѣзни или слѣпотѣ принимателя, подписаны вмѣсто него другимъ лицомъ, слѣдуетъ постановить, что подписи сіи, равно какъ и подписи на помянутыхъ роспискахъ

свидѣтелей, должны всегда быть засвидѣтельствованы мѣстною полиціею, и 2) такъ какъ предполагаемыя нынѣ формы и условія для сохранныхъ росписокъ могутъ, на основаніи общаго закона, быть примѣняемы къ будущему только времени, не касаясь росписокъ, доселѣ уже выданныхъ, то, для отвращенія всякаго о томъ недоразумѣнія, не безполезно присовокупить въ семъ смыслѣ подлежащее къ статьѣ примѣчаніе» [1]).

Въ такомъ видѣ дѣло это было внесено въ общее собраніе государственнаго совѣта, который, послѣ предварительныхъ разсужденій, остановился на слѣдующихъ двухъ замѣчаніяхъ: «1) не должно ли о дѣйствительности всякой поклажи, какъ бы ни была она незначительна, требовать письменныхъ доказательствъ, не допуская о томъ показаній, и 2) для преграждения средствъ къ отдачѣ денегъ въ заемъ подъ видомъ сохраненія оныхъ, и въ особенности для устраненія подлоговъ сего рода при банкротствѣ, не представится ли возможнымъ постановить, чтобы взятыя на сохраненіе деньги, когда сумма ихъ превышаетъ 300 рублей, были въ особыхъ пакетахъ запечатываемы печатьми гражданскихъ палатъ или уѣздныхъ судовъ, какъ отдающій, по мѣсту жительства своего и другимъ обстоятельствамъ, признáетъ болѣе для себя удобнымъ. Замѣчанія сіи государственный совѣтъ призналъ тогда нужнымъ предоставить предварительному соображенію департамента законовъ, который, вслѣдствіе сего, обращаясь къ первому изъ означенныхъ выше вопросовъ, принялъ на видъ, что по духу нашего законодательства свидѣтельскія показанія въ дѣлахъ гражданскихъ допускаются вообще весьма рѣдко, за недостаткомъ лишь другихъ доказательствъ и съ различными притомъ ограниченіями, а по уставамъ торговымъ (ст. 1491-я св. зак. т. XI-го) показанія сіи и вовсе не пріемлются, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ право должно быть основано на письменномъ документѣ. По сему уваженію и для того, чтобы не дать повода къ неправильнымъ требованіямъ о возвращеніи будто бы отданнаго на сохраненіе иму-

[1]) Примѣчаніе это составляетъ нынѣ первое примѣчаніе къ статьѣ 2111-й ч. 1 т. X св. зак. (высочайше-утвержденное 9 ноября 1853 года мнѣніе государственнаго совѣта).

щества, конечно, можно въ ст. 12-й внесеннаго изъ II-го отдѣленія проекта правилъ постановить, что иски о поклажахъ должны быть всегда основаны на означенныхъ въ оной письменныхъ доказательствахъ, за изъятіями, указанными въ статьѣ 13-й».

«Что касается до втораго вопроса—о наложеніи на отдаваемыя для храненія деньги печатей гражданскихъ палатъ или уѣздныхъ судовъ, то нельзя не замѣтить, что мѣра сія, бывъ во многихъ случаяхъ тягостна для частныхъ лицъ и обременивъ присутственныя мѣста новыми еще занятіями, едва ли бы привела и къ главной предполагаемой здѣсь цѣли, т.-е. къ устраненію подлоговъ при банкротствѣ. Напротивъ, тогда должникъ, предвидя свою несостоятельность, могъ бы, предъ самымъ открытіемъ оной, съ намѣреніемъ явиться въ гражданскую палату или уѣздный судъ, и тамъ, по соглашенію съ близкимъ родственникомъ или пріятелемъ, принять отъ него собственныя свои деньги, будто бы ввѣряемыя ему для храненія, дабы такимъ образомъ лишить на оныя права настоящихъ своихъ кредиторовъ и передать ихъ, какъ поклажу, кредитору подставному. Слѣдственно предлагаемая нынѣ мѣра не только не пресѣкла бы злоупотребленій, но скорѣе послужила бы, такъ-сказать, къ обезпеченію ихъ безопасности, поставивъ присутственное мѣсто какъ бы порукою, что деньги отдаются точно на сохраненіе, и оградивъ тѣмъ и отдающаго и принимающаго оныя отъ всякаго преслѣдованія незаконныхъ ихъ дѣйствій. Къ устраненію, по возможности, подобныхъ подлоговъ, въ ст. 20-й внесенныхъ главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ правилъ постановлено, что отъ банкрота нельзя требовать возвращенія ввѣренной ему поклажи иначе, какъ представивъ самыя достовѣрныя на то доказательства. Хотя сія мѣра предосторожности, по мнѣнію департамента, весьма уже достаточна, но для бо́льшаго еще огражденія правъ кредиторовъ можно къ сему присовокупить, что имъ предоставляется, какъ отдѣльно каждому своимъ лицомъ, такъ и въ общемъ составѣ конкурса, предъявлять противъ дѣйствительности упомянутыхъ поклажъ надлежащія опроверженія. Относительно же того, что съ постановленіемъ правилъ, преимущественно

обезпечивающихъ возвращеніе принятаго на сохраненіе имущества, многіе, подъ видомъ такого сохраненія, будутъ отдавать деньги въ займы, надлежитъ замѣтить, что сила означенныхъ правилъ примѣняется единственно и исключительно къ тѣмъ поклажамъ, которыя *окажутся на лицо*, и употребленіемъ коихъ, по точнымъ словамъ ст. 9-й сихъ правилъ, приниматель пользоваться не можетъ. Если же взятыя имъ на сохраненіе деньги израсходованы, то онъ входитъ уже въ общій разрядъ должниковъ, и тогда истецъ во взысканіи сихъ денегъ не только никакими особыми правами не пользуется, но при обнаруженіи, что росписка о поклажѣ составлена вмѣсто заемнаго обязательства, подвергается еще, на основаніи ст. 15-й правилъ, взысканію слѣдовавшей по количеству суммы гербовой бумаги и пошлинъ втрое. А отсюда совершенно уже очевидно, что отдача денегъ въ займы подъ предлогомъ сохраненія, бывъ сопряжена и съ опасностію лишиться капитала, не обезпеченнаго законнымъ долговымъ документомъ, и съ немаловажною въ случаѣ открытія такого поступка отвѣтственностію, можетъ имѣть мѣсто весьма лишь рѣдко, и именно тогда, когда, по особому другъ къ другу довѣрію, обѣ стороны не считаютъ за нужное взаимныхъ своихъ обязательствъ ограждать законными формами. Въ общемъ же собраніи, по разсмотрѣніи дѣла сего, государственный совѣтъ остановился лишь на вопросѣ касательно того, чтобы подъ видомъ сохраненія не были, въ ущербъ казеннаго интереса, отдаваемы деньги въ займы по простымъ роспискамъ, безъ совершенія установленныхъ на гербовой бумагѣ долговыхъ обязательствъ. Для предупрежденія сего, въ дополненіе къ предложеннымъ уже главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи и департаментомъ законовъ мѣрамъ предосторожности, представляются, по мнѣнію государственнаго совѣта, еще два средства: 1) поставить въ обязанность принимающему на сохраненіе деньги въ выдаваемой имъ о томъ роспискѣ означать, — если сіи деньги заключаются въ ассигнаціяхъ, государственныхъ кредитныхъ билетахъ, или билетахъ кредитныхъ установленій, нумера оныхъ, а если въ звонкой монетѣ, то сверхъ названія

ся и годъ чекана; 2) когда доказано будетъ, что деньги отданы были не на сохраненіе, а въ заемъ, то, сверхъ взысканія предполагаемаго съ виновнаго въ томъ штрафа, удовлетвореніе по такой роспискѣ производить послѣ уже удовлетворенія всѣхъ прочихъ долговъ принимателя по векселямъ, заемнымъ письмамъ и другимъ законнымъ обязательствамъ».

XIX. *Сенатская практика по вопросу о юридическомъ значеніи сохранныхъ росписокъ.*

Ожиданія графа Блудова и государственнаго совѣта, высказанныя въ 1846 году, не сбылись. Новыя правила о сохранныхъ роспискахъ послужили поводомъ къ многочисленнымъ недоумѣніямъ со стороны судебной практики.

До введенія судебной реформы 1864 года въ судебныхъ мѣстахъ преобладало толкованіе вышеозначенныхъ статей въ тѣсномъ смыслѣ; иначе сказать, письменная форма признавалась *обязательною для договора поклажи* и притомъ *для дѣйствительности* сохранной росписки требовалось *строгое соблюденіе въ ней формы, указанной въ 2111 статьѣ.*

Но въ рѣшеніяхъ гражданскихъ департаментовъ сената, опубликованныхъ за послѣднее время, проводятся иные, болѣе широкіе взгляды.

Въ журналѣ мин. юстиціи находимъ между прочимъ въ рѣшеніи по дѣлу Яскульскаго съ Кикиною слѣдующія соображенія: «По разсмотрѣніи дѣла палата, не входя въ обсужденіе правильности заявленнаго Яскульскимъ спора о подлогѣ сохранной росписки, признала оную недѣйствительною только потому, что она составлена не по правиламъ, изображеннымъ въ 2111 ст. X тома 1-й части, именно подписана только Гавердовскою, но не написана ею отъ начала до конца. Но въ 2111 ст. сказано: «если принявшій на сохраненіе какое-либо имущество будетъ запираться въ полученіи онаго и дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, то истецъ обязанъ представить росписку пріемщика, и сія росписка въ такомъ лишь случаѣ составляетъ полное противъ давшаго оную доказательство,

когда она имъ вся отъ начала до конца писана и подписана рукою пріемщика, или, если приниматель не умѣетъ, либо по болѣзни, или другимъ причинамъ не можетъ писать, то росписка, вмѣсто него, должна быть также вся отъ начала до конца писана довѣреннымъ отъ него лицомъ съ означеніемъ, что сіе учинено по просьбѣ пріемщика, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, и что онъ самъ лично находился при составленіи оной. Въ послѣднемъ случаѣ подписываютъ и поименованные въ оной свидѣтели, коихъ подпись, а равно и довѣреннаго лица, писавшаго росписку, должна быть засвидѣтельствована мѣстною полиціею». Точный смыслъ приведенной 2111 ст. показываетъ, что сохранная росписка, составленная съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ этой статьѣ, составляетъ полное доказательство въ томъ случаѣ, когда пріемщикъ запирается въ полученіи поклажи, но эта статья не лишаетъ представившаго росписку, составленную не по правиламъ, установленнымъ 2111-ю ст., законной возможности доказывать другими, допускаемыми закономъ, доказательствами, что означенное въ роспискѣ имущество дѣйствительно отдано было на сохраненіе, а напротивъ въ 2104 ст. X тома 1-й части сказано: что договоръ объ отдачѣ или пріемѣ на сохраненіе совершается или чрезъ письменный актъ, или же просто передачею поклажи, съ роспискою въ томъ, или и безъ росписки. Кромѣ того, хотя Гавердовская умерла прежде представленія Кикиною сохранной росписки, но во всякомъ случаѣ въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ въ виду запирательства Гавердовской въ пріемѣ отъ Кикиной на сохраненіе денегъ, и слѣдовательно 2111-й ст. X-го тома 1-й части, относящаяся къ случаю, когда дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, вслѣдствіе спора пріемщика объ отдачѣ ему на сохраненіе имущества, не можетъ имѣть прямаго приложенія къ настоящему дѣлу».

Изъ смысла приведеннаго рѣшенія сената вытекаютъ три общихъ вывода: 1) что юридическое значеніе формальной сохранной росписки сводится не къ безусловно обязательной письменной формѣ для договора о принятіи поклажи, но къ предоставленію подобной роспискѣ силы полнаго доказательства

на случай запирательства пріемщика въ полученіи поклажи; 2) что ст. 2111 не лишаетъ возможности, въ случаѣ неформальности сохранной росписки, доказывать другими, допускаемыми закономъ доказательствами, что поклажа дѣйствительно была передана пріемщику, и 3) что ст. 2111 вовсе не примѣнима къ тѣмъ случаямъ, когда нѣтъ въ виду запирательства пріемщика въ полученіи поклажи.

Въ другомъ рѣшеніи общаго собранія сената по дѣлу Гартунга съ Чапіевскою (указатель вопросовъ гражд. права, разрѣшавшихся на консультаціи, при мин. юст. учрежденной, 1873) еще болѣе подробно и точно высказано то мнѣніе, что письменная форма, по закону, не составляетъ безусловной принадлежности договора объ отдачѣ на сохраненіе. Рѣшеніе это слѣдующаго содержанія: «по ст. 2104 ч. 1 т. X договоръ объ отдачѣ и пріемѣ на сохраненіе совершается или чрезъ письменный актъ, или же просто передачею поклажи съ роспискою въ томъ, или безъ росписки. Такимъ образомъ въ законѣ не указано, чтобы для договора поклажи была безусловно обязательна письменная форма. Передача поклажи даже безъ росписки можетъ, по смыслу закона, имѣть послѣдствіемъ установленіе между отдавшимъ и принявшимъ имущество на сохраненіе тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя обусловливаются формальнымъ совершеніемъ договора поклажи. Общее положеніе, заключающееся въ приведенной 2104 ст., разъясняется въ ст. 2111 и 2112 ч. 1 т. X. По точному смыслу приведенныхъ постановленій обнаруживается: 1) что законъ требуетъ представленія росписки пріемщика лишь въ томъ случаѣ, когда принявшій имущество на сохраненіе будетъ запираться въ полученіи онаго; 2) что формальная росписка, удовлетворяющая указаннымъ въ законѣ условіямъ, составляетъ полное противъ давшаго оную доказательство, и 3) что въ нѣкоторыхъ указанныхъ въ законѣ случаяхъ, и при запирательствѣ принявшаго имущество на сохраненіе въ полученіи онаго, не требуются указанныя въ ст. 2111 доказательства въ дѣйствительности поклажи. Такимъ образомъ, законъ не придаетъ формальной сохранной роспискѣ значенія самаго акта договора поклажи,

обусловливающаго собою дѣйствительность или недѣйствительность договора, а относится къ ней, какъ къ такому акту, который, въ случаѣ запирательства въ полученіи имущества на сохраненіе, принимается за полное противъ выдавшаго актъ доказательство. Отсюда слѣдуетъ съ одной стороны, что когда принявшій имущество на сохраненіе не запирается въ полученіи поклажи, а отвергаетъ искъ по сохранной роспискѣ на другихъ какихъ-либо основаніяхъ, то представленіе формальной сохранной росписки необязательно и договоръ поклажи можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ и обязательнымъ для сторонъ на основаніи иныхъ доказательствъ; а съ другой стороны, что вообще законодательствомъ не установлено письменной, указанной въ 2111 ст., формы для совершенія договора поклажи въ смыслѣ безусловной принадлежности договора, отсутствіе которой дѣлало бы самый договоръ недѣйствительнымъ. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію юридическаго значенія тѣхъ постановленій о доказательной силѣ формальныхъ сохранныхъ росписокъ, которыя заключаются въ ст. 2111 и 2112 ч. 1 т. X, сенатъ нашелъ, что законъ, не установивъ для договора поклажи письменной формы, тѣмъ не менѣе призналъ нужнымъ ограничить въ практическомъ примѣненіи обязательную силу заключаемыхъ между частными лицами сдѣлокъ о поклажѣ. Въ этихъ видахъ и постановлено въ ст. 2111 ч. 1 т. X., что, въ случаѣ запирательства въ полученіи имущества на сохраненіе, истецъ обязанъ представить сохранную росписку, которая принимается полнымъ противъ давшаго ее доказательствомъ тогда лишь, когда она написана съ соблюденіемъ всѣхъ указанныхъ въ ст. 2111 условій. Такимъ образомъ, значеніе выраженнаго въ ст. 2111 правила сводится къ тому, что въ дѣлахъ о возвращеніи поклажи закономъ, на случай запирательства отвѣтчика въ полученіи имущества на сохраненіе, точно указаны тѣ доказательства, которыя могутъ быть приняты судомъ въ удостовѣреніе отдачи имущества на сохраненіе. Непредставленіе въ подобномъ случаѣ указанныхъ закономъ доказательствъ должно, по смыслу закона, имѣть послѣдствіемъ признаніе иска недоказаннымъ и, согласно ст. 313 ч. 2 т. X, освобожденіе

отвѣтчика отъ суда. Примѣненіе вышеизложеннаго къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла обнаруживаетъ, что въ виду выраженнаго Чапіевскимъ запирательства въ полученіи отъ Гартунга на сохраненіе денегъ, послѣдній обязанъ былъ представить, при судебномъ разбирательствѣ, формальную росписку, написанную согласно ст. 2111 ч. 1 т. X свод. зак. Между тѣмъ сохранная росписка, представленная Гартунгомъ, составлена съ явнымъ нарушеніемъ установленныхъ въ ст. 2111 правилъ, такъ какъ въ ней не обозначено рода денегъ, взятыхъ на сохраненіе, и, кромѣ того, она не написана собственною рукою Чапіевскаго, а только подписана имъ однимъ, безъ свидѣтелей. Вслѣдствіе сего нельзя не признать, что таковая сохранная росписка, на точномъ основаніи ст. 2111 ч. 1 т. X, не можетъ служить доказательствомъ противъ давшаго оную Чапіевскаго, при какихъ обстоятельствахъ требованіе Гартунга о возвращеніи поклажи, какъ недоказанное, должно быть признано голословнымъ и потому не заслуживающимъ уваженія».

Сравненіе приведеннаго рѣшенія сената съ предыдущимъ показываетъ, что какъ то, такъ и другое сходятся въ признаніи непримѣнимости статьи 2111 къ тѣмъ случаямъ, когда нѣтъ въ виду запирательства пріемщика въ полученіи поклажи. Но рѣшенія эти несогласны по вопросу о томъ, насколько могутъ быть допускаемы на судѣ, въ подтвержденіе факта передачи поклажи и въ случаѣ неформальности представленной истцомъ сохранной росписки, — другія закономъ установленныя доказательства.

Впрочемъ, трудно придти къ какимъ-либо общимъ выводамъ о взглядахъ судебной практики судебныхъ мѣстъ прежняго устройства по разсматриваемому вопросу, такъ какъ слишкомъ мало источниковъ для ознакомленія съ нею. Въ изданныхъ мин. юстиціи двухъ томахъ сборника рѣшеній общаго собранія правительствующаго сената нѣтъ ни одного рѣшенія, сюда относящагося.

Гражданскій кассаціонный департаментъ сената не мало труда посвятилъ вопросу о юридическомъ значеніи сохранныхъ росписокъ, но нельзя не сказать, что въ кассаціонныхъ

рѣшеніяхъ, представляющихъ рядъ попытокъ выдти изъ тумана, давно застилающаго указанный вопросъ, бросаются въ глаза недостатки, общіе кассаціонной практикѣ. Главнымъ образомъ замѣтны въ ней отсутствіе ясно сознаваемыхъ общихъ началъ права и увѣренности въ разработкѣ отдѣльныхъ положеній. Толкованія кассаціоннаго сената не даютъ твердой опоры для изслѣдованія: здѣсь неполнота, тамъ намекъ, оставшійся безъ развитія; въ иномъ мѣстѣ попытка провести общее начало, согласное съ буквою закона, въ другомъ—желаніе обобщить законъ. Необходимо поэтому обходиться съ кассаціонными рѣшеніями при ихъ толкованіи весьма осторожно: легко упустить изъ виду общее правильное начало, прямо не высказанное, и придать бо́льшее, чѣмъ слѣдуетъ, значеніе мимоходному, неудачному выраженію.

Остановимся на тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя касаются общаго вопроса о формѣ договора отдачи на сохраненіе. Спрашивается: обязательна ли, по толкованію сената, письменная форма для этого договора въ тѣхъ случаяхъ, которые не указаны въ ст. 2112 гражд. зак.?

Ни одного кассаціоннаго рѣшенія нельзя указать, въ которомъ бы поставленный вопросъ разрѣшался прямымъ и точнымъ образомъ. Между тѣмъ въ бо́льшей части рѣшеній, разрѣшавшихъ дѣла о взысканіяхъ по сохраннымъ роспискамъ, говорится, по необходимости, о порядкѣ отдачи на сохраненіе и о формѣ сохранныхъ росписокъ, а, слѣдовательно, затрогивается значеніе сохранной росписки въ смыслѣ необходимой принадлежности самой сдѣлки объ отдачѣ на сохраненіе.

Укажемъ содержаніе болѣе важныхъ рѣшеній, сюда относящихся, и позволимъ себѣ объяснить относительно каждаго изъ нихъ, въ чемъ именно заключаются его неполнота или недостатки.

Въ дѣлѣ Бутиковой (1869 г. № 98), сенатъ объяснилъ, между прочимъ, что мировой съѣздъ не имѣлъ никакого права ни принимать показанія свидѣтелей въ доказательство такого событія, для котораго, по закону, требуется письменное удо-

стовѣреніе, ни ссылаться при этомъ случаѣ на 112 ст. уст. гр. суд., по которой, когда одна сторона сама признаетъ, письменно или словесно, дѣйствительность такого обстоятельства, которое служитъ къ утвержденію правъ ея противника, то оно считается не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ, такъ какъ такого положительнаго признанія по дѣлу мировымъ съѣздомъ не указано.

Въ приведенномъ рѣшеніи, по нашему мнѣнію, просвѣчиваетъ мысль, что дѣйствующимъ закономъ не установлено обязательной письменной формы для договора поклажи.

Сенатъ причисляетъ отдачу на сохраненіе къ такимъ событіямъ, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе и рядомъ съ этимъ указываетъ косвенно на то, что если бы въ дѣлѣ имѣлось признаніе отвѣтчика, письменно или словесно выраженное, то для признанія факта отдачи на сохраненіе не требовалось бы дальнѣйшихъ доказательствъ. Но мы выше замѣчали уже, что подобный взглядъ на значеніе сохранной росписки равносиленъ признанію того, что закономъ не установлено для договора отдачи на сохраненіе письменной формы въ смыслѣ безусловной его принадлежности, и что судебное мѣсто вправѣ, несмотря на словесное заключеніе сдѣлки, признать ее, смотря по обстоятельствамъ дѣла, дѣйствительною и обязательною для сторонъ.

Однородный взглядъ на значеніе сохранной росписки проводится сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Несвицкой (1869 г. № 611). Рѣшеніе это слѣдующаго содержанія: судебная палата имѣла полное основаніе, приступая къ разсмотрѣнію спора противъ дѣйствительности сохранной росписки, опредѣлить тѣ способы доказательствъ иска, которые могутъ быть приняты судомъ въ уваженіе при рѣшеніи спорнаго въ дѣлѣ вопроса. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что истецъ право свое на полученіе обратно поклажи основалъ на собственноручной роспискѣ, выданной отвѣтчикомъ; отвѣтчикъ же отвергалъ существованіе самаго факта поклажи и доказывалъ недѣйствительность росписки, какъ сохранной, тѣмъ, что она выдана заднимъ числомъ и что при составленіи оной поклажа истцомъ

передана не была. Въ виду такихъ требованій и возраженій сторонъ палата должна была по закону войти въ обсужденіе представленныхъ сторонами доказательствъ и доводовъ. Въ этомъ отношеніи судебная палата нашла, что если росписку, написанную отвѣтчикомъ, разсматривать какъ признаніе въ томъ, что имъ приняты на сохраненіе деньги, то признаніе, въ такой формѣ выраженное, не соотвѣтствуетъ требованію, въ 479—486 ст. уст. гр. суд. выраженному; посему палата обратилась къ обсужденію прочихъ представленныхъ къ дѣлу доказательствъ существованія договора о поклажѣ и пришла къ заключенію, что по дѣлу не доказано, чтобы отвѣтчица созналась въ принятіи поклажи передъ тѣми лицами, показанія коихъ были въ виду суда. Постановивъ такое рѣшеніе, судебная палата не нарушила никакого закона, а воспользовалась предоставленнымъ суду правомъ опредѣлять значеніе и силу представленныхъ сторонами доказательствъ. Не найдя въ дѣлѣ доказательствъ самаго факта передачи поклажи (ст. 2104 т. X ч. 1), палата перешла къ обсужденію спорной росписки съ формальной стороны и, сообразивъ содержаніе оной съ представленною къ дѣлу другою роспискою и съ 2111 ст. т. X ч. 1, отказала въ искѣ по той роспискѣ потому, что въ ней не соблюдены всѣ условія, требуемыя 2111 ст. т. X ч. 1 для того, чтобы сохранная росписка могла составлять полное противъ выдавшаго оную доказательство. Поступивъ такимъ образомъ, палата вовсе не нарушила смысла ни 2111, ни 1536 ст. т. X ч. 1.

Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что приведенное рѣшеніе касается такого случая, гдѣ, во-1-хъ, истцомъ была представлена къ дѣлу сохранная росписка и, слѣдовательно, договоръ отдачи на сохраненіе былъ заключенъ въ письменной формѣ и, во-2-хъ, отвѣтчикъ отвергалъ существованіе самаго факта поклажи. Слѣдовательно, практическій случай, возникшій въ дѣлѣ Несвицкой, прямо подходитъ подъ буквальный смыслъ 2111 статьи.

Но для насъ важна та редакція, въ которой сенатъ при-

зналъ правильнымъ рѣшеніе судебной палаты, отказавшей въ искѣ за неформальностію сохранной росписки.

Палата признала необходимымъ, несмотря на неформальность сохранной росписки, обратиться прежде всего къ обсужденію того, нельзя ли видѣть въ ней письменное признаніе факта поклажи, въ каковомъ случаѣ, очевидно, по мнѣнію палаты, неформальность сохранной росписки не могла бы помѣшать признанію факта отдачи на сохраненіе и обязательности для сторонъ сдѣлки по сему предмету. Подобную постановку вопроса сенатъ не призналъ невѣрною. Напротивъ, сенатъ находитъ правильнымъ, что палата перешла къ обсужденію спорной росписки съ формальной стороны лишь послѣ того, какъ не нашла въ дѣлѣ доказательствъ самаго факта передачи поклажи, причемъ сенатомъ сдѣлана ссылка на 2104 ст. гражд. зак., по которой договоръ объ отдачѣ на сохраненіе совершается или чрезъ письменный актъ, или же просто передачею поклажи съ роспискою въ томъ, или безъ росписки.

Очевидно, что еслибы сенатъ признавалъ выдачу формальной сохранной росписки необходимымъ условіемъ дѣйствительности договора отдачи на сохраненіе, то не могъ бы высказаться такъ, какъ это сдѣлано въ рѣшеніи по дѣлу Несвицкой. Отсюда слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, что редакція означеннаго рѣшенія основана на той мысли, что письменная форма, указанная въ ст. 2111, не безусловно обязательна для договора отдачи на сохраненіе и что суду предоставлено право, по обстоятельствамъ дѣла, признать дѣйствительность факта передачи поклажи, несмотря на неформальность и даже на отсутствіе сохранной росписки.

Остановимся затѣмъ на рѣшеніи по дѣлу Волошинова (1870 г. № 8). Содержаніе его слѣдующее: «истецъ требовалъ присужденія ему съ отвѣтчика вознагражденія за употребленіе рояля, принятаго на сохраненіе. Случай этотъ предвидѣнъ 2107 ст. 1 ч. X т. св. зак., въ которой сказано, что если принявшій имущество на сохраненіе отопретъ, распечатаетъ или пересмотритъ его въ отсутствіе хозяина, то послѣдній

вправѣ требовать отъ принимателя удовлетворенія «за все поврежденное при вскрытіи поклажи. Обсуждая мѣру требуемаго истцомъ вознагражденія, съѣздъ призналъ, что истецъ не предъявилъ установленнаго 2111 ст. 1 ч. X т. письменнаго акта, въ которомъ опредѣлялись бы условія отдачи рояля на сохраненіе, и не доказалъ ни того, что совершеніе такого акта было невозможно по обстоятельствамъ, въ 2112 ст. тѣхъ же законовъ объясненнымъ, ни поврежденія рояля вслѣдствіе его распечатанія и употребленія. Но какъ отвѣтчикъ сознался, что нѣсколько разъ пользовался роялемъ истца, то мировой съѣздъ счелъ справедливымъ присудить отвѣтчика къ уплатѣ хозяину рояля соразмѣрнаго съ пользованіемъ вознагражденія. Посему, не усматривая въ рѣшеніи мироваго съѣзда неправильнаго примѣненія ст. 2107, 2111, 2112 ч. 1 т. X зак. гр., ни нарушенія 711 ст. уст. гр. суд., правительствующій сенатъ оставилъ рѣшеніе съѣзда въ силѣ».

Приведенное рѣшеніе требуетъ объясненія.

Сенатъ не нашелъ въ рѣшеніи мироваго съѣзда нарушенія ст. 2107, 2111 и 2112, слѣдовательно, одобрилъ взгляды, высказанные въ этомъ рѣшеніи. Спрашивается прежде всего: признавалъ ли мировой съѣздъ, при разрѣшеніи настоящаго дѣла, дѣйствительность факта отдачи рояля на сохраненіе или нѣтъ?

По смыслу рѣшенія очевидно, что оно основано на ст. 2107, и что обсужденію была подвергнута лишь мѣра вознагражденія, требовавшагося поклажедателемъ. Между тѣмъ, далѣе указывается, что истецъ не представилъ письменнаго условія, но что отвѣтчикъ сознался въ томъ, что нѣсколько разъ пользовался роялемъ. Слѣдовательно, самый фактъ отдачи на сохраненіе признанъ былъ съѣздомъ, несмотря на отсутствіе сохранной росписки. А между тѣмъ примѣненіе съѣздомъ къ дѣлу ст. 2107 одобрено сенатомъ.

Хотя далѣе мировымъ съѣздомъ указывается на непредъявленіе установленнаго 2111 ст. письменнаго акта, въ которомъ опредѣлялись бы условія отдачи рояля на сохраненіе, но это указаніе ни въ чемъ не колеблетъ предыдущаго вы-

вода, такъ какъ задачу съѣзда составляло назначить мѣру вознагражденія поклажедателя за пользованіе поклажею, а потому необходимо было прежде всего опредѣлить тѣ основанія, по которымъ вознагражденіе это могло быть назначено. Разсматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, мировой съѣздъ нашелъ, что въ дѣлѣ не заключается ни письменнаго акта, содержащаго условія договора, ни доказательствъ тому, чтобы поклажа получила поврежденіе отъ распечатанія и употребленія.

Что касается ссылки на ст. 2112, то она, по нашему мнѣнію, неумѣстна, въ виду того, что статья эта облегчаетъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ доказываніе факта отдачи на сохраненіе, тогда какъ въ настоящемъ дѣлѣ фактъ этотъ былъ признанъ на основаніи собственнаго признанія отвѣтчика, устранявшаго необходимость другихъ какихъ-либо доказательствъ по сему предмету.

Такимъ образомъ и въ рѣшеніи по дѣлу Волошинова, несмотря на краткость изложенія собственно сенатской резолюціи, мы находимъ подтвержденіе тому, что кассаціонная практика допускаетъ возможность признанія дѣйствительности договора отдачи на сохраненіе, хотя бы и не было представлено истцомъ сохранной росписки.

Въ рѣшеніи по дѣлу Карадахскаго (1870 г. № 18) также можно найти подтвержденіе этому взгляду. Въ дѣлѣ этомъ кассаціонная жалоба указывала на то, что палата отказала въ искѣ о возвращеніи поклажи, несмотря на собственное сознаніе отвѣтчика въ полученіи поклажи. Сенатъ нашелъ, что отвѣтчикъ рѣшительно отрицался въ семъ дѣлѣ отъ поклажи, но не отрицалъ того, что вещи были у него какъ у коммисіонера, что истецъ представилъ въ доказательство частное письмо, т.-е. актъ домашній и неформальный, въ коемъ опредѣленіе доказательной силы зависитъ на основаніи ст. 459 уст. гражд. суд. отъ усмотрѣнія суда, и что, слѣдовательно, когда палата, по усмотрѣнію своему, не нашла въ семъ письмѣ признанія поклажи, то сіе заключеніе, относясь къ существу дѣла, не подлежитъ ревизіи правительствующаго сената.

Въ приведенномъ рѣшеніи выдвигается на первый планъ

вопросъ о томъ, доказано ли по обстоятельствамъ дѣла собственное сознаніе отвѣтчика въ полученіи поклажи. Сенатъ оставилъ этотъ вопросъ безъ разрѣшенія, какъ относящійся къ существу дѣла и не подлежащій ревизіи въ кассаціонномъ порядкѣ, но оставилъ безъ всякихъ возраженій и замѣчаній и то обстоятельство, что палата, несмотря на отрицаніе отвѣтчика на судѣ отъ полученія вещей въ видѣ поклажи, вмѣсто прямаго приложенія ст. 2111, признала нужнымъ войти въ обсужденіе документовъ, представленныхъ истцомъ въ доказательство собственнаго признанія со стороны отвѣтчика относительно принятія поклажи.

Отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что, по мнѣнію сената, палата, по обстоятельствамъ дѣла, имѣла право признать доказаннымъ сознаніе отвѣтчика въ полученіи поклажи и на основаніи этого сознанія, несмотря на отрицаніе отвѣтчика, признать фактъ отдачи на сохраненіе доказаннымъ, независимо отъ того, была или не была выдана формальная сохранная росписка.

Слѣдуетъ притомъ имѣть въ виду, что въ рѣшеніи по дѣлу Карадахскаго вовсе не упоминается о выдачѣ сохранной росписки и не говорится о вліяніи этого обстоятельства на разрѣшеніе дѣла.

Такимъ образомъ во всѣхъ приведенныхъ рѣшеніяхъ высказывается, хотя неполно, тотъ взглядъ на значеніе ст. 2111 гражд. зак., что статья эта не установляетъ безусловно обязательной формы для договора отдачи на сохраненіе, но что она имѣетъ лишь процессуальное значеніе, ограничивая истца въ представленіи доказательствъ дѣйствительности принятія поклажи на случай отрицанія ея со стороны отвѣтчика.

Однако, взглядъ этотъ проведенъ сенатомъ далеко не во всѣхъ рѣшеніяхъ.

Такъ, напр., въ рѣшеніи 1869 г. № 1296 по дѣлу Овсянникова выражено, что «договоръ поклажи совершается не письменно, а словесно, простою передачею, въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ, опредѣленныхъ въ ст. 2112 ч. 1 т. X. Письменно же актъ поклажи совершается въ формѣ сохранной

росписки». Точно также въ рѣшеніи 1870 г. по дѣлу Сокологорскаго объяснено, что «договоръ поклажи совершается словесно только въ опредѣленныхъ ст. 2112 ч. 1 т. X случаяхъ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ поклажное обязательство составляется письменно въ формѣ сохранной росписки, выдаваемой пріемщикомъ отдающему свои вещи въ поклажу (ст. 2104 ч. 1 т. X)».

Редакція приведенныхъ рѣшеній такова, что нельзя не видѣть въ ней желанія сената придать формальной сохранной роспискѣ, указанной въ ст. 2111, значеніе безусловно обязательной формы договора отдачи на сохраненіе, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, которые приведены въ ст. 2112.

Содержащаяся во второмъ рѣшеніи ссылка на ст. 2104 также заключаетъ въ себѣ указаніе на ту точку зрѣнія, съ которой сенатъ относился къ этой статьѣ. Мы выше видѣли, что изъ другихъ рѣшеній можно было вывести заключеніе, что статьѣ 2104 надлежитъ придавать значеніе общаго правила, которымъ не ограничивается форма договора отдачи на сохраненіе, но предоставляется заключать его или на письмѣ, или словесно. Ссылка на статью 2104 въ рѣшеніи по дѣлу Сокологорскаго показываетъ противное.

Если сенатъ сослался на эту статью послѣ того, какъ указалъ, что поклажный договоръ совершается словесно лишь въ опредѣленныхъ ст. 2112 случаяхъ, то, значитъ, статьѣ 2104 сенатъ придаетъ лишь тѣсный смыслъ, т.-е. что дозволеніе заключать договоръ объ отдачѣ на сохраненіе словесно не распространяется на всѣ вообще случаи принятія поклажи, но относится лишь къ исключительнымъ, прямо въ законѣ указаннымъ, обстоятельствамъ, а именно: 1) поклажамъ во время кораблекрушенія, пожара и т. п.; 2) отдачѣ воинскими чинами вещей на сохраненіе по случаю похода или откомандировки, и 3) поклажамъ по купеческому обычаю.

Точно также въ рѣшеніи по дѣлу Киселевыхъ (1870 г. № 308) сенатомъ объяснено, что условіе о поклажѣ, за исключеніемъ опредѣленныхъ случаевъ (ст. 2112 ч. 1 т. X), составляется въ формѣ сохранной росписки, которая пишется и

подписывается рукою пріемщика, и въ ней подробно обозначаются вещи, принятыя въ поклажу (ст. 2104 и 2111 ч. 1 т. X).

Еще болѣе опредѣленно и точно проводится однородный взглядъ на значеніе ст. 2111 гражд. зак. въ рѣшеніи по дѣлу Оловенниковыхъ (1870 г. № 350).

Содержаніе этого рѣшенія слѣдующее:

«Договоръ поклажи, за исключеніемъ точно опредѣленныхъ въ законѣ (ст. 2112 т. X ч. 1) случаевъ, совершается письменно, въ формѣ сохранной росписки, выдаваемой пріемщикомъ поклажи поклажедателю (ст. 2104), которая должна быть писана и подписана поклажепринимателемъ, если онъ грамотенъ, съ подробнымъ обозначеніемъ и описаніемъ предметовъ поклажи, а если предметъ поклажи деньги, то съ означеніемъ не только суммы, но и рода денегъ, т.-е. бумажныя ли онѣ или въ звонкой монетѣ; если бумажныя деньги, то какой цѣны и за какими нумерами, а если въ звонкой монетѣ, то какого металла и годъ ея чекана (ст. 2111 ч. 1 т. X). Всѣ эти условія составляютъ существенную принадлежность акта поклажи».

Въ приведенномъ рѣшеніи, кромѣ общаго указанія на то, что договоръ поклажи, за исключеніемъ точно опредѣленныхъ въ ст. 2112 случаевъ, совершается письменно въ формѣ сохранной росписки, обращаетъ на себя вниманія еще то разъясненіе, что условія, указанныя въ ст. 2111, составляютъ *существенную принадлежность акта поклажи*.

Тоже начало высказано въ рѣшеніи по дѣлу Мягкова (1870 г. № 1518), гдѣ говорится между прочимъ, что «законъ (4 п. прим. къ 2111 ст. X т. 1 ч.) не требуетъ письменныхъ удостовѣреній въ подтвержденіе существованія договора поклажи въ исключительныхъ, въ ст. 2112 т. X ч. 1 опредѣленныхъ, случаяхъ и между прочимъ (пунктъ 3 ст. 2112 т. X ч. 1) въ поклажахъ, производимыхъ по торговлѣ и вообще по купеческому обычаю лицами торговаго сословія, какъ съ принадлежащими, такъ и съ не принадлежащими къ сему сословію. Но и въ этихъ случаяхъ требующій возврата поклажи долженъ представить достовѣрныхъ свидѣтелей въ

дѣйствительной отдачѣ своего имущества отвѣтчику на сохраненіе (ст. 2112 т. X ч. 1)».

Но въ другихъ рѣшеніяхъ 1870 и 1871 годовъ сенатъ вновь отступаетъ отъ толкованія статьи 2111 въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ въ рѣшеніи по дѣлу *Кучина* (1870 г. № 551) объяснено слѣдующее: «хотя въ рѣшеніи мироваго судьи принято къ соображенію выведенное судьею изъ сознанія подписи подъ роспиской сознаніе долга, но въ рѣшеніи мироваго съѣзда сіе соображеніе не принято, а основано оное на иныхъ соображеніяхъ: именно, что сохранная росписка, писанная безъ означенія №№ кредитныхъ билетовъ, не удовлетворяя условіямъ 2111 ст. зак. гражд., не можетъ быть лишена, по 105 ст. уст. гр. суд., значенія доказательства, что деньги, принадлежащія истцу, отданы отвѣтчику и подлежатъ возвращенію по самому смыслу росписки. Приведенная 105 ст. уст. гр. суд. примѣнена въ настоящемъ случаѣ неправильно, ибо она обязываетъ судью принимать въ соображеніе, при рѣшеніи дѣла, всякаго рода бумаги, но не предоставляетъ судьѣ свободы въ принятіи неформальнаго акта въ доказательство обязательства, когда сему обязательству, по роду его, особымъ закономъ присвоена особливая форма акта, долженствующая служить ему законнымъ доказательствомъ. Для сохранныхъ росписокъ именно таковая форма установлена 2111 статьей, въ коей изъяснено, что если пріемщикъ будетъ запираться въ полученіи имущества и дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, то истецъ обязанъ представить росписку, и сія росписка въ такомъ только случаѣ составляетъ полное доказательство поклажи, когда означена въ ней не только сумма принятыхъ билетовъ, но и нумера ихъ. Статья сія относится въ особенности до поклажи, и истецъ просилъ, какъ видно изъ дѣла, о понужденіи отвѣтчика къ возвращенію поклажи на основаніи 2111, 2115 и 2116 ст. зак. гражд., а не о взысканіи по займу, подъ видомъ поклажи заключенному, на основаніи 2114 ст., которая вовсе не была и приведена въ исковомъ прошеніи; слѣдовательно, суду надлежало, по силѣ 131 ст., разсудить только о томъ, доказано ли ист-

цомъ требованіе о возвращеніи поклажи. О семъ мировой съѣздъ разсудилъ неправильно, ибо, не усмотрѣвъ въ дѣлѣ признанія отвѣтчика о принятіи поклажи и не найдя нужнымъ предложить, по праву, предоставленному 72 ст. уст. гр. суд., прямаго вопроса отвѣтчику о томъ, приняты ли имъ на сохраненіе означенные въ роспискѣ билеты, — принялъ доказательствомъ оной исключительно актъ, который, по прямому смыслу 2111 ст. 1 ч. X т., не пріемлется въ доказательство поклажи безъ признанія отвѣтчика».

Въ приведенномъ рѣшеніи сенатъ хотя призналъ неправильнымъ, что мировой съѣздъ присудилъ возвратить поклажу по неформальной сохранной роспискѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что съѣздъ имѣлъ право усмотрѣть въ дѣлѣ признаніе отвѣтчика о принятіи поклажи.

Отсюда слѣдуетъ, что, по мнѣнію сената, если бы мировой съѣздъ основалъ свое рѣшеніе на признаніи отвѣтчика, то неформальность сохранной росписки не могла бы помѣшать дѣйствительности договора объ отдачѣ на сохраненіе и обязательности его для пріемщика поклажи. Подобный же выводъ предполагаетъ необходимость толкованія статьи 2111 въ томъ смыслѣ, что правило, въ ней выраженное, не установляетъ для договора объ отдачѣ на сохраненіе безусловно обязательной письменной формы.

Сообразно этому взгляду и въ рѣшеніи по дѣлу Лебедевой (1870 г. № 1158) выражено: «что по 2104 ст. т. X ч. 1 дѣйствительно всякій имѣетъ право отдать имущество на сохраненіе съ роспискою въ томъ, или безъ росписки; но въ семъ послѣднемъ случаѣ, когда возникаетъ споръ и принявшій будетъ запираться въ полученіи имущества на сохраненіе, тогда судебныя мѣста должны руководствоваться правилами, изложенными въ 2111 ст. того же тома, какъ неоднократно разъяснено объ этомъ въ рѣшеніяхъ правительствующаго сената (сбор. рѣш. 1866 г. № 68 и друг.), причемъ показанія свидѣтелей не могутъ быть допускаемы».

Укажемъ затѣмъ на рѣшеніе 1871 года № 294 по дѣлу Тютчева. При разсмотрѣніи этого дѣла судебная палата нашла,

между прочимъ, что со стороны отвѣтчика не только не оспоривалась подлинность этой сохранной росписки (ст. 458 и 457 уст. гр. суд.), но напротивъ, какъ въ продолженіи производства настоящаго дѣла, такъ и въ заявленіи прокурору окружнаго суда, по которому началось уголовное преслѣдованіе истца Ильюхина, окончившееся признаніемъ его невиновнымъ по обвиненію въ представленіи означенной сохранной росписки, будто бы уже оплаченной, ко взысканію, неоднократно и самимъ Тютчевымъ и повѣреннымъ его упоминалось о принятыхъ отъ Ильюхина на сохраненіе 54 серіяхъ, о выданной въ томъ 11 ноября 1862 года сохранной роспискѣ и о возвращенной поклажѣ по этой сохранной роспискѣ; слѣдовательно, было признаніе въ принятіи тѣхъ серій на сохраненіе и въ выдачѣ сохранной росписки, и потому это обстоятельство должно, согласно 480 ст. уст. гр. судопр., считаться не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ, возраженія же повѣреннаго отвѣтчика собственно по сему предмету не подлежащими уже разсмотрѣнію. Переходя затѣмъ къ возраженію отвѣтчика: что взятыя имъ по означенной роспискѣ на сохраненіе 54 серіи уже возвращены Ильюхину, который съ своей стороны не отдалъ обратно сохранной росписки, но полученіе значущейся въ ней поклажи удостовѣрилъ особою роспискою, объ утратѣ которой имъ, Тютчевымъ, подано явочное прошеніе, и что затѣмъ Ильюхинъ неправильно требуетъ вновь возврата помянутыхъ серій, палата признала всѣ возраженія отвѣтчика по сему предмету недоказанными. Повѣренный Тютчева просилъ отмѣнить рѣшеніе судебной палаты по нарушенію 2111 ст. т. X ч. 1 тѣмъ, что условія, требуемыя этою статьею, въ сохранной роспискѣ, выданной Тютчевымъ, не соблюдены, ибо нумера серій означены не точно, а четыре серіи вовсе не обозначены по нумерамъ, между тѣмъ какъ палата, придавая такой роспискѣ значеніе сохранной и вмѣняя въ обязанность возвратить именно то имущество, которое принято на сохраненіе, поставила въ невозможность исполнить такое рѣшеніе, вслѣдствіе неизвѣстно-

сти нумеровъ серій, подлежащихъ возврату. Но сенатъ оставилъ эту жалобу безъ уваженія.

Сенатъ нашелъ: «въ 2111 ст. сказано: если принявшій какое-нибудь имущество на сохраненіе будетъ запираться въ полученіи онаго и дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, то истецъ обязанъ представить росписку пріемщика, и сія росписка въ такомъ лишь случаѣ составляетъ полное противъ давшаго оную доказательство, когда она писана по всѣмъ правиламъ, въ той статьѣ указаннымъ. Но въ данномъ случаѣ палата нашла, что со стороны Тютчева было полное признаніе въ принятыхъ отъ Ильюхина на сохраненіе 54 серіяхъ и въ выдачѣ сохранной росписки; слѣдовательно, палата не имѣла никакого основанія требовать отъ истца представленія такого доказательства, въ которомъ строгое соблюденіе всѣхъ правилъ, въ законѣ установленныхъ, необходимо только въ случаѣ запирательства отвѣтчика въ полученіи имущества на сохраненіе. При такомъ положеніи дѣла разрѣшенію палаты подлежали лишь возраженія отвѣтчика относительно того, что онъ возвратилъ Ильюхину принятыя отъ него серіи, а эти возраженія признаны недоказанными».

Изъ смысла приведеннаго рѣшенія несомнѣнно вытекаетъ то заключеніе, что въ случаяхъ, когда пріемщикъ поклажи не отрицаетъ полученія ея, но объясняетъ, что уже возвратилъ поклажу по принадлежности, нѣтъ повода требовать отъ истца формальной сохранной росписки. Сенатъ прямо указываетъ, что письменный актъ, установленный въ статьѣ 2111 ч. 1 т. X, составляетъ лишь судебное доказательство, представленіе котораго необходимо лишь въ случаѣ запирательства отвѣтчика въ полученіи имущества на сохраненіе.

Изъ вышеизложеннаго обрисовываются значительныя колебанія во взглядахъ кассаціоннаго сената на вопросъ о формѣ договора объ отдачѣ на сохраненіе. Несомнѣнно однако, что болѣе широкій взглядъ на статью 2111 гр. зак. долженъ быть признанъ преобладающимъ.

Въ правильности этого вывода убѣждаетъ ознакомленіе съ позднѣйшими рѣшеніями сената, состоявшимися въ 1874 и

1875 годахъ. Мы приведемъ содержаніе двухъ рѣшеній, еще нигдѣ не напечатанныхъ.

Рѣшеніе по дѣлу Зубовой съ Муратовскою (21 августа 1874 года). Обстоятельства этого дѣла заключались въ слѣдующемъ. Мѣщанка Зубова въ исковомъ прошеніи, поданномъ мировому судьѣ, объяснила, что у бывшаго ея помѣщика, Рыбникова, находились въ услуженіи кучеръ Иванъ Васильевъ, и сынъ ея, просительницы, Иванъ Зубовъ. Иванъ Васильевъ, умирая, отказалъ Ивану Зубову три серіи, которыя были вручены на храненіе помѣщику Рыбникову. Послѣ смерти Рыбникова надъ имѣніемъ его былъ назначенъ опекунъ Юнге, къ которому Зубова и предъявила искъ о возвращеніи трехъ серій. Опекунъ Юнге объяснилъ, что послѣ смерти Рыбникова дѣйствительно найдены три серіи въ конвертѣ съ надписью «Ванюшкины», и что онѣ отправлены въ александровскій дворянскій банкъ. Мировой судья присудилъ серіи Зубову, но законная наслѣдница Рыбникова Муратовская принесла апелляцію, объясняя, что истица не представила никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе факта отдачи на сохраненіе, что конвертъ съ надписью «Ванюшкины» не можетъ замѣнить сохранной росписки, требуемой ст. 2111 въ доказательство поклажи, и что конвертъ съ надписью «Ванюшкины» не выражаетъ особою опредѣленной особы, къ лицу которой можно бы было отнести сдѣланную надпись. Мировой съѣздъ, принявъ во вниманіе, что серіи были отданы на храненіе Рыбникову бывшимъ его крѣпостнымъ человѣкомъ до уничтоженія крѣпостнаго права, когда едва ли можно было бы требовать указываемаго въ ст. 2111 ч. 1 т. X документа, что опекунъ Юнге не отрицалъ надписи Рыбникова, сдѣланной на пакетѣ съ серіями, и что фактъ принадлежности серій Зубову удостовѣренъ показаніями свидѣтелей, утвердилъ рѣшеніе мироваго судьи. Въ кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе съѣзда Муратовская объяснила между прочимъ: въ-1-хъ, что ст. 2111 ч. 1 т. X нарушена съѣздомъ потому, что съѣздъ отрицаетъ возможность примѣненія ея къ настоящему дѣлу, тогда какъ въ дѣлахъ объ отдачѣ на сохраненіе только формальная со-

хранная росписка можетъ служить полнымъ доказательствомъ противъ давшаго оную, и, во-2-хъ, что ст. 409 устава гр. суд. нарушена тѣмъ, что съѣздъ принялъ въ соображеніе свидѣтельскія показанія, тогда какъ, на основаніи 1 п. означенной статьи, свидѣтельскія показанія по отношенію къ отдачѣ на сохраненіе могутъ быть приняты въ такомъ только случаѣ, когда актъ объ отдачѣ на сохраненіе не могъ быть составленъ по случаю пожара, наводненія и другихъ бѣдствій. Но сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу Муратовской безъ уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ: «представленіе росписки пріемщика, въ установленномъ порядкѣ составленной, о взятіи имущества на храненіе поставляется ст. 2111 ч. 1 т. X въ обязанность истцу только въ томъ случаѣ, когда указываемый имъ пріемщикъ будетъ запираться въ полученіи этого имущества на храненіе. Въ настоящемъ дѣлѣ такого случая не представляется. Пріемщика (умершаго Рыбникова) нѣтъ на лицо, а слѣдовательно нѣтъ и запирательства въ пріемѣ имущества на сохраненіе. Напротивъ, по найденнымъ въ оставшемся послѣ Рыбникова имуществѣ тремъ серіямъ съ надписью на конвертѣ, въ которомъ онѣ были вложены: «Ванюшкины», нахожденіе у Рыбникова въ поклажѣ чужихъ денегъ представляется безспорнымъ обстоятельствомъ. Этого не отвергаетъ и кассаторъ, какъ это видно изъ сдѣланнаго въ апелляціи, принесенной на рѣшеніе мироваго судьи, указанія на то, что означенная надпись не выражаетъ собою опредѣленной особы, къ лицу которой можно бы было ее отнести. При такихъ данныхъ съѣзду предстоялъ къ разрѣшенію вопросъ о томъ, дѣйствительно ли найденныя деньги составляютъ поклажу Зубова, а не вопросъ о томъ, состоялся ли договоръ о поклажѣ. Посему, такъ какъ только въ спорахъ послѣдняго рода ст. 2111 ч. 1 т. X требуется безусловное представленіе формальной росписки о поклажѣ, то затѣмъ нетребованіе съѣзда отъ Зубовой такой росписки въ доказательство того, что найденная въ имуществѣ Рыбникова поклажа составляетъ собственность ея сына, не можетъ быть признана нарушеніемъ означенной статьи закона. Нарушенія ст. 409 уст. гр. суд.

также не было. Спросъ со стороны съѣзда свидѣтелей послѣдовалъ не въ доказательство существованія договора о поклажѣ, а для установленія того, кто именно та значащаяся на конвертѣ личность, до которой относится безспорно существующій договоръ о поклажѣ, а для уясненія такого рода обстоятельствъ въ законахъ нѣтъ воспрещенія прибѣгать къ свидѣтельскимъ показаніямъ».

Рѣшеніе по дѣлу Самохотова (12 февр.-20 марта 1875 г.) «Прав. сенатъ находитъ, что изъ четырехъ сохранныхъ росписокъ, представленныхъ ген.-маіоромъ Федоровымъ ко взысканію съ купеческаго сына Алексѣя Самохотова, двѣ составлены съ отступленіемъ отъ установленной въ 2111 1 ч. т. X формы, именно: въ роспискѣ 29 апрѣля 1866 г., только подписанной Самохотовымъ, показаны принятыми на сохраненіе 1000 руб. звонкою монетою чекана 1865 г., безъ обозначенія рода монеты (по этой же роспискѣ принято на сохраненіе 5 билетовъ внутр. займа съ обозначеніемъ №№ серій и билетовъ, по 100 руб. каждый), а въ роспискѣ 24 іюня 1867 г., писанной и подписанной Самохотовымъ, не означены №№ выкупныхъ свидѣтельствъ. Суд. палата, принявъ въ соображеніе 458, 459 и 460 ст. уст. гр. суд. и 2 прим. къ 2111 ст. 1 ч. X т. по изд. 1868 г., установила, что и означенныя двѣ росписки, хотя и неформальныя, но признанныя въ подлинности отвѣтчикомъ, должны служить противъ него доказательствомъ полученія значащагося въ нихъ имущества. Такое заключеніе палаты нельзя признать правильнымъ. По смыслу 2111 ст. 1 ч. X т., росписка на принятіе какого-либо имущества на сохраненіе, если пріемщикъ будетъ запираться въ полученіи онаго, въ такомъ лишь случаѣ составляетъ полное противъ давшаго росписку доказательство, когда она вся отъ начала до конца писана и подписана рукою пріемщика и въ ней съ точностію объяснено, что́ именно принято на сохраненіе, съ означеніемъ №№ билетовъ, года чекана и рода звонкой монеты. Во 2 прим. къ 2111 ст. (пр. 1868 г.) сказано, что въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы 1864 г., сила письменныхъ доказательствъ опредѣляется по прави-

ламъ, въ уставѣ гр. суд. изложеннымъ. На основаніи 9 ст. уст. гр. суд., судебныя установленія обязаны разрѣшать возникающіе изъ договоровъ споры о правахъ и обязанностяхъ сторонъ по точному разуму постановленій закона, какъ общихъ всѣмъ договорамъ, такъ и относящихся въ особенности къ договору, изъ котораго возникъ споръ (рѣш. 1872 г. № 934). По силѣ 458 ст. уст. гр. суд., домашніе акты, признанные тѣми, противъ коихъ они представлены, за подлинные, имѣютъ между договорившимися сторонами равную силу съ актами, совершенными и засвидѣтельствованными установленными для сего мѣстами и лицами, и истинный смыслъ ст. 458 состоитъ въ томъ, что всѣ тѣ принадлежности акта, кои безспорно удостовѣряются при самомъ его совершеніи надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ или явкою, почитаются и безъ сей явки безспорными, если подлинность сихъ актовъ не подлежитъ сомнѣнію (рѣш. 1870 г. № 672); изъ содержанія же 457, 458 и 459 ст. уст. гр. суд., состоящихъ въ послѣдовательной между собою связи, видно во-1-хъ, что одно сознаніе подлинности какого бы то ни было документа, противною стороною представленнаго, не можетъ служить полнымъ и безусловнымъ доказательствомъ права сей послѣдней, на томъ документѣ его основываемаго, и во-2-хъ, что противъ документовъ какъ крѣпостныхъ, такъ и домашнихъ, законъ допускаетъ споръ въ отношеніи законности содержанія ихъ и къ сохраненію ими своей силы, а когда оспоривается законность документовъ, то на судъ возложена обязанность опредѣлять силу ихъ по внутреннему содержанію и по относящимся къ нимъ законнымъ постановленіямъ (рѣш. 1868 г. № 89 и друг.). Въ настоящемъ дѣлѣ отвѣтчикъ Самохотовъ не оспориваетъ подлинности росписокъ 26 апрѣля 1866 г. и 24 іюня 1867 г. и не запирается въ полученіи значащихся по нимъ денегъ звонкою монетою чекана 1865 г. и выкупныхъ свидѣтельствъ, объясняя только, что деньги тѣ и свидѣтельства взяты не на сохраненіе, а въ заемъ. Слѣдовательно, одно то обстоятельство, что росписка 29 апрѣля 1866 г. не написана рукою самаго Самохотова, а только подписана имъ,

не можетъ еще служить препятствіемъ для признанія этой росписки за сохранную, такъ какъ, по смыслу 2111 ст. 1 ч. X т., написаніе росписки самимъ пріемщикомъ постановлено на случай запирательства его въ полученіи имущества (рѣш. 1871 г. № 294) и тогда написаніе росписки самимъ пріемщикомъ служитъ полнымъ противъ него доказательствомъ. Но засимъ, въ случаяхъ спора по внутреннему содержанію договора, существенныя условія онаго должны быть въ точности соблюдены, сообразно самому свойству и значенію договора. Сохранныя росписки, какъ особый родъ договоровъ, имѣютъ по закону и особые признаки, опредѣляющіе характеръ юридическаго дѣйствія. Къ такимъ признакамъ и существеннымъ условіямъ сохранныхъ росписокъ относится точное въ нихъ обозначеніе отданнаго на сохраненіе имущества, такъ какъ лицо, принявшее имущество на сохраненіе, обязуется хранить его и, не пользуясь имъ, возвратить хозяину въ цѣлости, безъ всякаго подмѣна или измѣненія, а для этого установлено непремѣнно означать въ роспискахъ нумера взятыхъ на сохраненіе билетовъ и рода монеты, не ограничиваясь однимъ означеніемъ количества билетовъ и года чеканки. Росписки, въ коихъ не соблюдено означенныхъ правилъ, не могутъ считаться удовлетворяющими требованіямъ спеціальнаго для этихъ договоровъ закона, а, слѣдовательно, и не могутъ быть разсматриваемы какъ акты о поклажѣ. Въ виду сихъ соображеній росписки Самохотова 29 апрѣля 1866 г. и 27 іюня 1867 годовъ въ отношеніи взятыхъ по первой роспискѣ 1000 руб., безъ означенія рода серебряной монеты, и по второй—выкупныхъ свидѣтельствъ, безъ показанія нумеровъ, не могутъ быть признаны въ силѣ и значеніи сохранныхъ росписокъ. Но при семъ часть росписки 29 апрѣля 1866 года, въ отношеніи взятыхъ у Федорова пяти билетовъ 2-го внутр. займа, сохраняетъ силу сохранной, такъ какъ въ ней означены нумера билетовъ и серій (рѣш. гр. касс. деп.-та 19 дек. 1873 г. по дѣлу Пузино). По разъясненію же сената 29 марта 1873 г. по дѣлу Головина, на одномъ и томъ же листѣ бумаги могутъ быть написаны сохранная росписка и

долговое обязательство и оба эти акта сохраняютъ свое самостоятельное значеніе. Посему заключеніе судебной палаты о признаніи росписокъ 27 апрѣля 1866 г. и 27 іюня 1867 г. сохранными во всемъ содержаніи ихъ не можетъ остаться въ силѣ судебнаго рѣшенія, и кассаціонная жалоба, касающаяся до взятыхъ у Федорова 1000 руб. звонкою монетою и до выкупныхъ свидѣтельствъ, заслуживаетъ уваженія. Что касается до указанія просителя на нарушеніе 570 ст. 1 ч. X т. тѣмъ, что палата, признавъ нынѣ обязавшимся лицомъ предъ Федоровымъ Алексѣя Самохотова, провела противоположное соображеніе въ своемъ рѣшеніи 17 іюня 1870 г. о роспискѣ 29 апр. 1866 г., то выводъ этотъ не оправдывается обстоятельствами дѣла, потому что палата 1870 г. правильно установила, что со взысканіемъ по роспискѣ 1866 г., какъ выданной Алексѣемъ Самохотовымъ по довѣренности отца его Якова Самохотова, слѣдовало обратиться первоначально къ довѣрителю, Якову Самохотову; когда же конк. управленіе послѣдняго признало претензію Федорова относящеюся во всей цѣлости къ Алексѣю Самохотову, неуполномоченному отъ отца на совершеніе сохранныхъ росписокъ, то принятіемъ иска къ Алексѣю Самохотову палата ничѣмъ не нарушила указываемаго просителемъ закона. По всѣмъ симъ соображеніямъ прав. сенатъ рѣш. 2 деп. с.-пет. судебн. пал. въ отношеніи признанія сохранными росписокъ 29 апр. 1866 г., въ части принятія отъ Федорова 1000 р. звонкою монетою безъ означенія рода оной, и 27 іюня 1867 года въ цѣломъ составѣ отмѣнить по нарушенію 2111 ст. ч. 1 т. X».

Соображенія сената, заключающіяся въ приведенныхъ рѣшеніяхъ, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Представленіе истцомъ требующимъ возвращенія поклажи, формальной сохранной росписки необходимо лишь въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ запирается въ полученіи поклажи. Если, по обстоятельствамъ дѣла, нѣтъ въ виду запирательства пріемщика поклажи, то фактъ передачи имущества на сохраненіе можетъ быть признанъ доказаннымъ, хотя бы и вовсе не было представлено никакой сохранной росписки.

2) Запирательство въ пріемѣ поклажи можетъ имѣть мѣсто лишь со стороны самаго пріемщика, а потому немыслимо въ случаѣ смерти послѣдняго.

3) Если, по обстоятельствамъ дѣла, фактъ отдачи поклажи на сохраненіе признанъ несомнѣннымъ, то для уясненія того, кто долженъ быть признанъ собственникомъ поклажи и, слѣдовательно, имѣющимъ право на истребованіе ея отъ хранителя, могутъ быть допущены въ доказательство свидѣтельскія показанія.

Вышеприведенныя три положенія вытекаютъ изъ рѣшенія по дѣлу Зубовой съ Муратовскою.

4) Если отвѣтчикъ по иску о возвращеніи поклажи не отрицаетъ полученія значащихся въ роспискѣ денегъ, но объясняетъ, что деньги эти взяты не на сохраненіе, а въ заемъ, то нарушеніе правила статьи 2111 о написаніи всей сохранной росписки рукою пріемщика не можетъ служить препятствіемъ къ признанію росписки за сохранную. Слѣдуетъ замѣтить, что это положеніе, вытекающее изъ рѣшенія по дѣлу Самохотова, основано на совокупномъ примѣненіи статей 2111 ч. 1 т. X и 458 устава гражд. судопр.

5) Къ особымъ признакамъ и существеннымъ условіямъ сохранныхъ росписокъ относится точное въ нихъ обозначеніе отданнаго на сохраненіе имущества; при нарушеніи сего правила, сохранныя росписки не могутъ быть разсматриваемы какъ акты о поклажѣ. Относительно этого положенія, вытекающаго также изъ рѣшенія по дѣлу Самохотова, нельзя не замѣтить, что оно не согласуется съ тѣми началами, которыя высказаны въ рѣшеніи по дѣлу Зубовой, и представляетъ какъ бы новый поворотъ къ толкованію статьи 2111 въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Мы разсмотримъ его болѣе подробно въ послѣдующемъ изложеніи.

6) На одномъ и томъ же листѣ бумаги могутъ быть написаны сохранная росписка и долговое обязательство (рѣш. по дѣлу Самохотова).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

О дѣятельности судебныхъ приставовъ въ С.-Петербургѣ.

Въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на неуспѣшность взысканій по долговымъ обязательствамъ; говорятъ, что добиться присужденія долга еще не значитъ получить увѣренность въ успѣхѣ взысканія должной суммы на практикѣ, что исполнительный листъ, въ который облекается рѣшеніе судебнаго мѣста, во многихъ случаяхъ представляетъ фиктивную цѣнность, что должникъ, желающій избѣгнуть платежа, имѣетъ тысячу возможностей осуществить свое желаніе и оставить кредитора, обладающаго исполнительнымъ листомъ, не при чемъ. Подобныя жалобы слышатся не столько отъ лицъ, сожалѣющихъ о неизбѣжной кончинѣ личнаго задержанія въ будущемъ и о затруднительности примѣненія его въ настоящемъ, сколько отъ солидныхъ кредиторовъ вообще, не прибѣгающихъ къ личному задержанію своихъ должниковъ. Первые успѣютъ вернуть свое путемъ разныхъ незаконныхъ комбинацій, послѣдніе, дѣйствуя легальными путями, остаются въ убыткѣ.

Причины такого положенія вещей, ближайшимъ образомъ, кроются въ устройствѣ института судебныхъ приставовъ и въ порядкѣ ихъ дѣятельности; нѣкоторымъ измѣненіемъ того и другаго возможно, мнѣ кажется, достигнуть если не вполнѣ успѣшности гражданскихъ взысканій, то по крайней мѣрѣ значительно подвинуть это дѣло впередъ. Причемъ здѣсь же

слѣдуетъ оговориться, что настоящая статья будетъ трактовать затронутый вопросъ насколько онъ касается С.-Петербурга, не входя въ подробности исполненія рѣшеній въ провинціи.

I.

Судебные пристава существуютъ не первый годъ. Данныя объ ихъ дѣятельности находятся въ отчетахъ здѣшняго окружнаго суда, печатающихся съ 1870 года. Разсматривая отчеты окружнаго суда, поскольку они касаются дѣятельности судебныхъ приставовъ, мы увидимъ, какіе результаты дала ихъ дѣятельность по исполненію рѣшеній и имѣетъ ли основаніе то недовольство судебными приставами, которое теперь многими высказывается. Затѣмъ я постараюсь представить картину дѣятельности судебныхъ приставовъ въ настоящее время на основаніи практическихъ наблюденій, причемъ буду ссылаться, въ подлежащихъ мѣстахъ, на тѣ статьи судебныхъ уставовъ и наказовъ с.-петербургскаго окружнаго суда и столичнаго мироваго съѣзда, которыми эта дѣятельность нормируется.

Въ отчетѣ с.-петербургскаго окружнаго суда за 1873 г., стран. 42—43, приведена сводная таблица, въ которой изложены годовыя цифры (начиная съ 1869 года) поступленія дѣлъ къ судебнымъ приставамъ, количества оконченныхъ дѣлъ и остатковъ, цѣнности исполнительныхъ листовъ и сколько по нимъ взыскано денегъ, сколько произведено торговъ на движимыя и недвижимыя имущества, сколько собрано денегъ на вознагражденіе судебныхъ приставовъ и сколько поступило на нихъ жалобъ. Къ этой таблицѣ я прибавлю соотвѣтственныя данныя изъ отчета за 1874 годъ [1]).

Разсматривая таблицу отчета 1873 года, видимъ, что поступленіе дѣлъ къ судебнымъ приставамъ, количество оконченныхъ дѣлъ и количество остатка вообще увеличивается.

---

[1]) Настоящая статья была представлена въ редакцію Ж. Г. и У. П. въ маѣ 1876 г., а потому отчетъ окружнаго суда за 1875 годъ не могъ быть принятъ ею въ соображеніе.

Отчеты говорятъ, что «увеличеніе остатка, по зависимости исполненія отъ дѣйствій частныхъ лицъ, не имѣетъ никакого, для опредѣленія дѣятельности судебныхъ приставовъ, значенія». См. отчетъ 1870 г., стран. 28, и другихъ годовъ. Этому нужно вѣрить, хотя очень вѣроятно и то, что взыскатели могутъ сдѣлаться равнодушными къ своимъ интересамъ и увеличивать поэтому остатокъ неоконченныхъ дѣлъ вслѣдствіе вялости исполнительныхъ дѣйствій со стороны самихъ приставовъ, если только справедливы жалобы на нихъ, раздающіяся и въ печати. Что послѣднее предположеніе не представляетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, въ этомъ убѣдитъ насъ сейчасъ названная таблица.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ лицъ, обращающихся къ содѣйствію судебной власти для полученія своихъ долговъ, всегда будетъ оставаться извѣстный процентъ такихъ, которые успѣваютъ разсчитываться съ своими должниками помимо дальнѣйшаго содѣйствія этой власти. Въ настоящее время есть возможность представить, для сравненія, примѣръ того, какъ можетъ быть великъ этотъ процентъ. Въ «Финансовомъ Обозрѣніи» (см. №№ 18, 22, 26, 30, 35, 40, 44, 41, 1875 г.) печатались ежемѣсячные отчеты о дѣятельности вексельнаго отдѣленія при с.-петербургскомъ коммерческомъ судѣ, въ которыхъ, между прочимъ, приведены цифры зарегистрованныхъ исполнительныхъ листовъ по всѣмъ присужденнымъ искамъ и количество листовъ, невзятыхъ въ 1875 году. Изъ этихъ цифръ, дѣйствительно, оказывается, что количество невзятыхъ листовъ увеличивается; но замѣчательно, что процентное отношеніе его ко всей суммѣ листовъ почти одно и то же, а именно: среднимъ числомъ выражается 6%. Это есть, въ самомъ дѣлѣ, остатокъ, вовсе не зависящій отъ вексельнаго отдѣленія, такъ такъ исполнительные листы выдаются отдѣленіемъ, сколько извѣстно, на другой день послѣ постановленія рѣшенія по дѣлу. Между тѣмъ, если съ этимъ примѣромъ сравнимъ цифры остатка съ числомъ поступившихъ и оконченныхъ дѣлъ, показанныхъ въ таблицѣ, то увидимъ, что остатокъ, происхожденіе коего, по словамъ отчетовъ, не зависитъ отъ судеб-

ныхъ приставовъ, въ процентномъ отношеніи постоянно увеличивается, а не представляется въ одинаковомъ количествѣ, какъ въ вексельномъ отдѣленіи, не говоря о томъ, что самый остатокъ вообще великъ. Такимъ образомъ, складывая въ каждомъ году число оконченныхъ и неоконченныхъ дѣлъ у судебныхъ приставовъ и отыскивая процентное отношеніе къ этому итогу каждой изъ слагаемыхъ рубрикъ, найдемъ, что оконченныя дѣла представляли въ 1869—70—71 годахъ 75%, а остатокъ 24% съ сотыми. Въ эти три года отношеніе между остаткомъ и оконченными дѣлами не измѣняется, хотя остатокъ здѣсь въ четыре раза больше количества невзятыхъ исполнительныхъ листовъ въ вексельномъ отдѣленіи. Могутъ возразить, что вексельное отдѣленіе, какъ вѣдающее производство чисто формальное, не можетъ встрѣчать въ своей дѣятельности тѣхъ препонъ, какія попадаются исполнителю при практическомъ осуществленіи признаннаго судомъ права. Не буду оспаривать этого возраженія. Скажу только, что въ немъ затрогивался бы вопросъ объ объективныхъ затрудненіяхъ (т.-е. лежащихъ внѣ воли пристава и взыскателя), мѣшающихъ успѣху дѣятельности исполнителя, каковыя затрудненія и существуютъ въ нашемъ юридическомъ быту. Сюда, напримѣръ, можетъ быть отнесенъ тотъ случай, когда нельзя указать какое-либо имущество должника. Но, во-1-хъ, подобныя затрудненія имѣютъ примѣненіе и въ кругѣ дѣятельности вексельнаго отдѣленія, отбивая у взыскателя охоту брать исполнительный листъ, а во-2-хъ, не этими затрудненіями отчеты окружнаго суда объясняютъ увеличеніе остатка неисполненныхъ судебными приставами листовъ, а недостаткомъ, такъ-сказать, «самодѣятельности» частныхъ лицъ. Я и говорю, что въ томъ случаѣ, гдѣ самодѣятельность сторонъ получаетъ полное удовлетвореніе, тамъ недостатокъ ея выражается всего 6%, а не 25%.

Итакъ, зависимость окончанія дѣлъ отъ дѣйствій частныхъ лицъ даетъ въ вексельномъ отдѣленіи постоянную величину въ 6%. Можетъ быть въ сферѣ дѣятельности судебныхъ приставовъ величина остатка, представляющаго четвертую часть всего числа поступившихъ исполнительныхъ листовъ, должна

быть сочтена нормальною, поскольку она выразилась въ теченіи означенныхъ трехъ лѣтъ. Но затѣмъ, начиная съ 1872 года, число оконченныхъ дѣлъ постоянно уменьшалось, а количество оставшихся неисполненными постоянно увеличивалось, такъ что къ 1874 году болѣе трети ($35\frac{1}{2}\%$) всѣхъ дѣлъ оказались неоконченными. Если предположить, что увеличеніе остатка будетъ и впредь прогрессировать въ такой мѣрѣ, то практическіе результаты дѣятельности нынѣшнихъ исполнителей могутъ быть весьма плачевны. Но уже теперь можно положительно утверждать, что это увеличеніе есть явленіе ненормальное и его нельзя объяснять, какъ это дѣлаетъ окружной судъ въ своихъ отчетахъ, почти исключительно причинами, зависящими отъ частныхъ лицъ. Нужно думать, что тутъ есть причины, лежащія и въ самихъ приставахъ; только составители отчетовъ, пользовавшіеся при своей работѣ «оффиціальными» вѣдомостями судебныхъ приставовъ, не въ состояніи были контролировать, дѣйствительно ли въ каждомъ данномъ случаѣ причина неоканчанія дѣла зависѣла отъ воли частнаго лица, или эта воля находилась подъ давленіемъ неудовлетворительной дѣятельности судебнаго пристава.

Но пойдемъ далѣе. Въ таблицѣ приведена цѣнность поступившихъ къ приставамъ исполнительныхъ листовъ и количество взысканныхъ по нимъ денегъ. Очевидно, что отношеніемъ количества дѣйствительно взысканныхъ денегъ къ цѣнности листовъ опредѣляется сумма абсолютной полезности дѣйствій судебныхъ приставовъ.

Не утомляя читателя рядомъ цифръ, достаточно сказать, что цѣнность исполнительныхъ листовъ, поступившихъ къ судебнымъ приставамъ, постоянно увеличивалась, такъ что съ 7 мил. съ лишнимъ въ 1869 году возрасла въ 1873 году до 13,900,000 р. Въ отчетѣ за 1874 годъ не приведена цѣнность исполнительныхъ листовъ. Принимая во вниманіе, что въ этомъ году начали поступать въ «значительномъ числѣ» исполнительные листы спб. управы благочинія (отчетъ, стран. 50), а также коммерческаго суда, можно положить цѣнность листовъ для 1874 г. въ 14 мил. Словомъ, съ 1869 г. по

1874 г. цѣнность исполнительныхъ листовъ удвоилась. Между тѣмъ, сумма взысканныхъ въ дѣйствительности судебными приставами по исполнительнымъ листамъ денегъ, хотя съ 1869 г. (1,950,000 р.) по 1871 г. ($2^1/_2$ мил.) увеличивалась, но къ 1874 году упала до 1,112,525 р. Это даетъ основаніе сдѣлать такой выводъ для характеристики нашей судебно-исполнительной дѣятельности, что требованія по исполнительнымъ листамъ находятся въ обратномъ отношеніи къ тому, что̀ даетъ полезная дѣятельность судебныхъ приставовъ: первыя усиливаются, послѣдняя уменьшается. И если требованія увеличились въ теченіи шести лѣтъ вдвое, то дѣйствительно взысканныя суммы уменьшились болѣе чѣмъ въ три раза, такъ какъ въ 1869 году сумма взысканныхъ денегъ составляла около 28% по отношенію къ цѣнности исполнительныхъ листовъ, а въ 1874 г. — около 8%. Не указываетъ ли подобный результатъ на несовершенство нашихъ судебно-исполнительныхъ органовъ? Нельзя же объяснить это явленіе обѣднѣніемъ столичнаго населенія, ослабленіемъ его платежной способности. Еслибы такое возраженіе было высказано, то для опроверженія его, съ точки зрѣнія настоящей статьи, достаточно указать, что количество поступленія дѣлъ къ судебнымъ приставамъ, равно цѣнность исполнительныхъ листовъ не только не уменьшается, но увеличивается; что если возвышается количество остатка (неоконченныхъ дѣлъ), зависящее, по словамъ отчета, отъ дѣйствій частныхъ лицъ, то этимъ нельзя оправдать уменьшенія взысканной суммы, ибо, во всякомъ случаѣ, какъ убѣждаютъ данныя отчетовъ, оконченныя дѣла прогрессировали почти вдвое, слѣдовательно гораздо сильнѣе, чѣмъ увеличивался остатокъ; съ другой стороны усиленіе остатка шло не такъ быстро, какъ уменьшеніе взысканной на дѣлѣ суммы; слѣдовательно, требованія отъ исполнителей были достаточно велики для того, чтобы не уменьшалась собранная съ должниковъ сумма.

Независимо отъ этихъ соображеній, дѣятельность судебныхъ приставовъ спб. окружнаго суда по производству денежныхъ взысканій въ столицѣ могла бы быть лучше всего охарактеризована сравненіемъ ея съ дѣятельностію судебныхъ

приставовъ, состоящихъ при спб. столичномъ мировомъ съѣздѣ и столичныхъ мировыхъ судьяхъ. Къ сожалѣнію, въ отчетахъ здѣшняго съѣзда, помѣщавшихся въ «Извѣстіяхъ Думы», нѣтъ свѣдѣній о дѣятельности судебныхъ приставовъ. Но въ «Извѣстіяхъ Думы» за 1873 годъ, стран. 73, приведена вѣдомость о числѣ порученій судебнымъ приставамъ и о количествѣ полученнаго ими вознагражденія за 1871 годъ; эта вѣдомость была препровождена городскому головѣ предсѣдателемъ мироваго съѣзда вмѣстѣ съ проектомъ таксы вознагражденія судебныхъ приставовъ с.-пб. столичнаго мироваго округа. Изъ этой вѣдомости видно, что къ 20 судебнымъ приставамъ поступило исполнительныхъ листовъ 17,595, на сумму 996,622 р. 49 к.; по нимъ взыскано 564,970 р. 75 к.; поступило вознагражденія 16,322 р. 82 к. Кромѣ того, было 2217 порученій по охраненію наслѣдствъ, охранено на сумму 22,800,329 р. 50 к. и поступило вознагражденія 33,285 р. 48 к. Если сопоставимъ этотъ примѣръ съ дѣятельностію судебныхъ приставовъ окружнаго суда, то увидимъ, что первые дѣйствовали, по крайней мѣрѣ въ 1871 году, вдвое, а по отношенію къ 1874 году въ семь разъ успѣшнѣе, чѣмъ послѣдніе. Такой результатъ дѣятельности этихъ приставовъ совпадаетъ и съ мнѣніемъ, высказывавшимся въ публикѣ, что судебные пристава мировые взыскиваютъ лучше приставовъ окружнаго суда.

Что судебные пристава окружнаго суда исполняютъ листы плохо и что ихъ неудовлетворительная дѣятельность не зависитъ исключительно отъ дѣйствій частныхъ лицъ, это доказывается и количествомъ произведенныхъ торговъ на движимыя и недвижимыя имущества и количествомъ собраннаго приставами вознагражденія въ ихъ пользу.

При исполненіи взысканій по долговымъ обязательствамъ судебнымъ приставамъ чаще всего необходимо прибѣгать къ продажѣ имущества должниковъ. Въ отчетѣ за 1874 годъ замѣчено, что случаи уплаты взыскиваемой суммы самими должниками, по полученіи ими повѣстокъ объ исполненіи, весьма незначительны по числу, сравнительно съ принудительнымъ спосо-

бомъ исполненія, чрезъ опись и продажу имущества должниковъ. Другими словами: увеличеніе или уменьшеніе количества случаевъ продажи имущества должниковъ даетъ нѣкоторымъ образомъ право заключать объ усиленіи или ослабленіи энергіи судебныхъ приставовъ въ дѣлѣ производства денежныхъ взысканій. А такъ какъ количество взысканій увеличивается, то и количество произведенныхъ торговъ должно увеличиваться, или по крайней мѣрѣ оставаться приблизительно одно и тоже. Между тѣмъ изъ отчетовъ мы видимъ, что въ 1869 г. торговъ произведено 199, а къ 1874 г. эта цифра постепенно упала до 113 (стран. 51). По отношенію къ числу оконченныхъ дѣлъ, первая цифра составляетъ 8, а вторая 3% съ небольшимъ. Отчего же, спрашивается, произведенныхъ судебными приставами торговъ насчитывается все меньше и меньше? Не оттого, конечно, что имуществъ у должниковъ дѣлается все менѣе и менѣе или что должники стали въ послѣднее время аккуратнѣе въ платежѣ своихъ долговъ (въ этомъ ихъ упрекать нельзя), а оттого, полагаю, что имущество должниковъ, дававшее кредиторамъ основаніе ввѣрять имъ свои капиталы, впослѣдствіи, при расплатѣ, ускользаетъ изъ подъ руки судебнаго пристава, пока онъ соберется описать это имущество. Тутъ многое зависитъ отъ сроковъ, назначаемыхъ судебными приставами въ повѣсткахъ объ исполненіи, и вообще отъ быстроты ихъ дѣйствій, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Уменьшеніе числа произведенныхъ судебными приставами торговъ, само по себѣ, еще не означало бы ослабленія энергіи ихъ при совершеніи исполнительныхъ дѣйствій, если бы переданныя ими взыскателямъ суммы увеличивались, или по крайней мѣрѣ не уменьшались; тогда это означало бы, что дѣятельность судебныхъ приставовъ настолько энергична, что побуждаетъ должниковъ не доводить дѣла до понудительныхъ дѣйствій. Но изъ предыдущаго видно, что какъ количество произведенныхъ приставами публичныхъ торговъ, такъ и количество взысканныхъ приставами въ пользу истцовъ денегъ понижается. И то и другое, въ свою очередь, должно бы свидѣтельствовать объ уменьшеніи суммы исполнительныхъ дѣй-

ствій, таксируемыхъ закономъ, а отсюда можно бы напередъ сдѣлать заключеніе, что и вознагражденіе судебныхъ приставовъ должно уменьшаться. Между тѣмъ, на дѣлѣ, вознагражденіе это скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается, если принять во вниманіе процентное отношеніе его къ суммѣ, взысканной приставами въ пользу истцовъ. Ибо, хотя въ 1869 г. собрано вознагражденія 29,582 р., а въ 1874—26,571 р., но въ 1869 г. вознагражденіе судебныхъ приставовъ составляло $1^1/_2$% по отношенію къ взысканной въ тотъ годъ суммѣ, а въ 1874 г.—2,38%. При ближайшемъ разсмотрѣніи цифръ, приведенныхъ въ отчетахъ, можно видѣть, что вознагражденіе судебныхъ приставовъ увеличивается въ годы наибольшаго уменьшенія собранной ими въ пользу взыскателей суммы, т.-е. въ то время, какъ отношеніе между этими цифрами должно было бы быть прямое, оно оказывается обратнымъ. Не даетъ ли это право сдѣлать такое заключеніе, что судебные пристава, исполняя рѣшенія по долговымъ обязательствамъ, успѣвали совершить извѣстную сумму дѣйствій, оплачиваемыхъ по таксѣ, и получали за нихъ вознагражденіе, но что въ дѣятельности ихъ есть такія ненормальности, послѣдствія которыхъ, въ отношеніи къ взыскателямъ, выражаются въ уменьшеніи взыскиваемыхъ суммъ?.. Подобнаго заключенія никто не сдѣлаетъ о судебныхъ приставахъ столичнаго мироваго съѣзда. Ихъ вознагражденіе составляло 2,89% по отношенію къ взысканной суммѣ. Они, слѣдовательно, заработали нѣсколько больше, за то и кредиторамъ представили несравненно болѣе, чѣмъ судебные пристава окружнаго суда. Наконецъ, цифры приставскаго вознагражденія позволяютъ вывести такое заключеніе, что частныя лица давали съ своей стороны достаточный импульсъ дѣятельности приставовъ, слѣдовательно дѣйствія частныхъ лицъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ причина накопленія остатковъ.

Для опредѣленія степени успѣшности исполнительныхъ дѣйствій судебныхъ приставовъ полезно было бы знать точное количество ихъ за каждый годъ, ибо уменьшеніе въ данное время числа судебныхъ приставовъ можетъ, въ извѣстной

мѣрѣ, служитъ оправданіемъ уменьшенія полезныхъ результатовъ ихъ дѣятельности. Къ сожалѣнію, точная цифра суд. приставовъ столичныхъ приведена только въ отчетѣ за 1874 годъ (стран. 52), когда дѣйствовали 22 пристава полный годъ, и 3—въ сложности 9 мѣсяцевъ. Въ отчетѣ за 1872 г. (стран. 31 примѣч.) сказано, что суд. приставовъ въ этомъ году состояло 37 (вѣроятно со включеніемъ 7 уѣздныхъ), изъ которыхъ тоже не всѣ, можетъ быть, дѣйствовали полный годъ. Затѣмъ отчетъ 1871 г. (стран. 36 примѣч.) «принимаетъ» не совсѣмъ понятное «среднее годовое число судебныхъ приставовъ въ 40 человѣкъ». Но далѣе число приставовъ, дѣйствовавшихъ въ 1869, 1870 и 1873 гг., рѣшительно неизвѣстно. Итакъ, по тѣмъ даннымъ, какія имѣются въ отчетахъ окружнаго суда, нѣтъ возможности судить, насколько успѣшность или неуспѣшность дѣятельности нынѣшнихъ исполнительныхъ органовъ зависѣли отъ увеличенія или уменьшенія ихъ числа. Впрочемъ, отчеты нигдѣ не заявляютъ, чтобы имѣвшихся исполнителей было недостаточно.

Знать въ точности число судебныхъ приставовъ, дѣйствовавшихъ каждый годъ, важно также въ томъ отношеніи, что по этому числу была бы возможность опредѣлить, какъ часто они возбуждаютъ противъ себя жалобы. Жалобъ на судебныхъ приставовъ въ 1870 году было подано 20, признано уважительными 4, въ 1871 году—27, уважительныхъ 5, въ 1872 г.—16, уважительныхъ 2, въ 1873 г. — 10, уважительныхъ 5. Эти цифры показываютъ, что абсолютное число жалобъ уменьшалось, но число жалобъ, признанныхъ уважительными, увеличивалось: въ 1870 г. уважительными признана пятая часть поданныхъ жалобъ, а въ 1873 г. половина. На увеличеніе жалобъ указываетъ и исчисленіе родовъ дисциплинарныхъ взысканій, которымъ подвергались судебные пристава въ 1873 г. (одинъ—замѣчанію и два—выговорамъ по распоряженіямъ предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ, одинъ — замѣчанію по распоряженію предсѣдателя, одинъ—замѣчанію и одинъ — аресту на 3 дня по постановленію общаго собранія отдѣленій), если впрочемъ предполагать, что неисчисленіе

ихъ въ предыдущихъ отчетахъ должно свидѣтельствовать о незначительности взысканій. Неизвѣстно также, почему не показано число жалобъ въ отчетѣ 1874 г.: было ли ихъ много, мало или вовсе не было. Наконецъ, нигдѣ въ отчетахъ не указаны случаи растраты судебными приставами находившихся въ ихъ вѣдѣніи имуществъ, между тѣмъ эти случаи были. Относительно 1870 г. отчетъ (стран. 28) замѣчаетъ, что «едва ли малое въ томъ году число жалобъ не слѣдуетъ приписать скорѣе малому знакомству частныхъ лицъ съ порядкомъ дѣйствій судебныхъ приставовъ, *чѣмъ неуклонному исполненію послѣдними ихъ служебныхъ обязанностей*». Значитъ, дѣятельность приставовъ была такова, что должна была вызвать гораздо больше жалобъ; только частныя лица не умѣли пользоваться правомъ жалобы. Дѣйствительно, «произведенныя у судебныхъ приставовъ ревизіи бо́льшею частію обнаруживали *многіе и весьма существенные* недостатки ихъ дѣятельности; но... говорится далѣе... касаясь преимущественно *формальной* стороны дѣла и относясь только къ дѣйствіямъ нѣсколькихъ судебныхъ приставовъ, не представляютъ возможности сдѣлать общее о дѣятельности судебныхъ приставовъ заключеніе».

Трудно, скажемъ и мы, сдѣлать какое-либо заключеніе о дѣятельности приставовъ по количеству поступившихъ на нихъ жалобъ, особенно при отсутствіи точнаго числа судебныхъ приставовъ за всѣ годы, безъ показанія, какимъ они подвергались взысканіямъ и за какія дѣйствія.

Какъ бы то ни было, число судебныхъ приставовъ, если и признать, что оно уменьшалось — нельзя считать, *съ точки зрѣнія отчетовъ*, такимъ фактомъ, который бы оказывалъ вліяніе на ихъ дѣятельность. Это обстоятельство могло еще имѣть значеніе на первыхъ порахъ жизни разсматриваемаго учрежденія. Но очевидно, что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія его дѣятельности долженъ былъ образоваться контингентъ лицъ достаточно опытныхъ и знающихъ, для того, чтобы можно было обойтись и меньшимъ ихъ числомъ; практика должна была выработать въ этомъ отношеніи такіе пріемы,

по возможности упрощенные, которые помогали бы ея быстротѣ и достиженію хорошихъ результатовъ по части исполненія рѣшеній. Къ сожалѣнію, мы больше склонны усложнять, чѣмъ упрощать, и эта склонность проявляется даже у судебныхъ приставовъ; между тѣмъ, если гдѣ наиболѣе вредны всякія излишнія формальности и обряды, такъ это въ сферѣ исполненія.

II.

До полученія исполнительнаго листа, взыскатель выполнилъ всѣ требованія судебной процедуры: онъ подавалъ прошенія (можетъ быть и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было достаточно словеснаго заявленія), платилъ судебныя пошлины и другіе сборы, опровергъ возраженія отвѣтчика, по его иску состоялось опредѣленіе, вошедшее въ законную силу; это опредѣленіе вылилось въ форму исполнительнаго листа, который долженъ быть такъ же твердъ, какъ самъ законъ. Для осуществленія выраженнаго въ исполнительномъ листѣ права всѣ органы государства, даже военные, должны оказывать надлежащее, по закону, содѣйствіе, безъ малѣйшаго отлагательства. Въ стремленіи къ осуществленію своего права по исполнительному листу, взыскатель ничѣмъ не долженъ быть стѣсненъ, кромѣ того, чтó ясно указано въ законѣ. Между тѣмъ, чуть только взыскатель сдѣлаетъ первый шагъ къ тому, чтобы реализировать эту именную акцію, какъ онъ сталкивается съ цѣлымъ рядомъ формальностей и неудобствъ. Формальности находятся въ самыхъ судебныхъ уставахъ, а неудобства установлены наказомъ окружнаго суда. И то и другое разрослось на практикѣ до почтенныхъ размѣровъ. Впрочемъ, что касается наказа, то, какъ слышно, окружный судъ готовитъ новое его изданіе, въ которомъ, надо полагать, многое будетъ исправлено.

По теоріи казалось бы, что исполнительный листъ есть такой окончательный документъ, который остается только предъявить для исполненія установленному органу—судебному приставу. Сейчасъ я получилъ исполнительный листъ и тутъ же,

въ зданіи суда, встрѣтилъ судебнаго пристава, къ которому питаю полное довѣріе. Едва ли можно сомнѣваться въ моемъ правѣ передать этому приставу полученный мною листъ для приведенія его въ дѣйствіе. Не всѣ пристава одинаково удовлетворяютъ своему назначенію: есть пристава дѣятельные, энергическіе, и есть пристава нерасторопные, сонливые, къ которымъ, по выраженію одного адвоката, нужно придать еще по одному приставу № 2, чтобы побуждать ихъ къ дѣятельности. Очевидно, послѣдніе возразятъ, что если взыскатель будетъ воленъ обращаться ко всякому судебному приставу, то у насъ уменьшится практика. И по дѣломъ. Никто не удивляется тому, что добросовѣстный, знающій и дѣятельный адвокатъ пріобрѣтаетъ больше, чѣмъ недобросовѣстный, неопытный и вялый. Никто не удивляется тому, что одинъ нотаріусъ пользуется бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ другой. Конечно, не всегда торжествуетъ добродѣтель, а иногда побѣду одерживаетъ порокъ. Я не думаю разсуждать о томъ, почему случается послѣднее, а хочу только сказать, что не публика существуетъ для того, чтобы судебные пристава, исполняя извѣстный трудъ, получали извѣстное вознагражденіе, а, наоборотъ, судебные пристава существуютъ для того, чтобы удовлетворять законнымъ требованіямъ публики. Она и должна имѣть *естественное* право обращаться къ тѣмъ судебнымъ приставамъ, которыми она довольна.

Такъ слѣдовало бы по естественному праву. Но по ст. 938 уст. граж. судопр. исполнительный листъ представляется взыскателемъ, для *назначенія* судебнаго пристава, предсѣдателю того окружнаго суда, въ вѣдомствѣ котораго рѣшеніе подлежитъ исполненію. Эта статья находится въ связи и со ст. 314 учр. суд. устан., по силѣ которой вознагражденіе, получаемое судебными приставами за исполненіе служебныхъ дѣйствій (ст. 313 іb.), составляетъ общую принадлежность всѣхъ судебныхъ приставовъ имперіи и распредѣляется между ними соразмѣрно ихъ трудамъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Итакъ, законъ имѣетъ въ виду: а) равномѣрно распредѣлить между судебными приставами ихъ занятія и б) какъ

слѣдствіе этого—соразмѣрно занятіямъ распредѣлять и вознагражденіе. Цѣль хорошая, если бы она была достижима, а что она недостижима, это доказываетъ практика. Въ отчетѣ с.-петербургскаго окружнаго суда за 1870 г., стр. 29, сказано, что *наиболѣе* занятій упадаетъ на приставовъ 7 отдѣленія и что занятія уѣздныхъ приставовъ распредѣляются *крайне неравномѣрно*; въ отчетѣ 1874 г., стр. 52, 53 и 56 говорится, что «среднимъ числамъ остатка далеко не соотвѣтствуетъ распредѣленіе занятій какъ между судебными приставами одного гражданскаго отдѣленія, въ сравненіи съ дѣятельностію ихъ по другому гражданскому отдѣленію, такъ и между группою судебныхъ приставовъ одного какого-либо отдѣленія»; «что въ распредѣленіи занятій между судебными приставами одного какого-либо гражданскаго отдѣленія усматривается значительное отклоненіе отъ среднихъ чиселъ (поступленія, оконченныхъ дѣлъ, остатка), вслѣдствіе чего и является неравномѣрность распредѣленія между ними работы»; и что «разность между числами поступленія исполнительныхъ листовъ къ судебнымъ приставамъ прямо указываетъ на тотъ излишній трудъ, который приходится нести судебнымъ приставамъ въ одномъ и томъ же отдѣленіи сравнительно другъ съ другомъ». Но независимо отъ свидѣтельства оффиціальныхъ отчетовъ, можно сказать a priori, что если количеству занятій должно соотвѣтствовать количество вознагражденія, то разнообразіе въ суммахъ вознагражденія, доставшагося каждому приставу, прямо указываетъ на неосуществимость идеи о равномѣрномъ распредѣленіи занятій между судебными приставами. Заглянувши въ отчеты, видимъ, что вознагражденіе приставовъ въ 1873 г. колебалось между 325 р. и 50 р. (1-й раздѣлъ), между 275 и 25 р. (2-й раздѣлъ) и между 280 р. и 50 р. (3-й раздѣлъ), а за годичный періодъ—между 981 и 200 (отчетъ 1873 г. стр. 44 и 45). Въ 1870 году, когда раздѣлялись суммы и всего 1869 года, наибольшее вознагражденіе было 1464 р., наименьшее — 630 р. Въ 1871 г. 845 и 710 р., въ 1872 г. 852 р. и 776 р.—разница менѣе рѣзкая, за то для уѣздныхъ приставовъ въ 1870 г. maximum былъ 905 р.,

minimum 380 р., въ 1871 г. 750 р. и 260 р., въ 1872 г. 600 р. и 160 р. Относительно 1870—1—2 гг. въ отчетѣ 1873 г. сказано, что это вознагражденіе было «безъ вычетовъ за отпуски и неполный годъ службы». Наибольшій размѣръ вознагражденія въ 1874 г. былъ 1020 р., наименьшій—180 р. (отч. стр. 57). Въ 1874 году, 22 судебные пристава дѣйствовали полный годъ и 3—въ сложности 9 мѣсяцевъ.

Изъ этихъ цифръ можно сдѣлать одно заключеніе, что сила вещей парализуетъ всѣ заботы суда о равномѣрномъ распредѣленіи занятій между судебными приставами, чего надѣются достигнуть *назначеніемъ* ихъ по каждому исполнительному листу, и что на практикѣ одни судебные пристава трудятся больше, а потому имъ и дается больше, другимъ—наоборотъ. Въ отчетѣ 1873 г., стр. 43, говорится, что «собранныя судебными приставами въ вознагражденіе деньги распредѣлялись ими сообразно съ количествомъ и временемъ занятій судебнаго пристава при судѣ или въ уѣздѣ и количествомъ представленнаго имъ сбора». Изъ послѣдняго замѣчанія прямо вытекаетъ такое положеніе, что количество собраннаго судебнымъ приставомъ сбора опредѣляетъ, само по себѣ, мѣру его вознагражденія, другими словами: что́ приставъ собралъ за свои исполнительныя дѣйствія, то̀ и должно составлять его неотъемлемую собственность. А слѣдовательно, не стоитъ задавать себѣ труда распредѣлять это вознагражденіе «сообразно съ количествомъ и временемъ занятій и т. д...» Но тѣмъ не менѣе законъ существуетъ, а потому долженъ быть примѣняемъ. Вопросъ только въ томъ, чтобы найти такой способъ его примѣненія, который, не нарушая идеи закона, содѣйствовалъ бы къ достиженію лучшихъ практическихъ разультатовъ.

Разсуждая объ этомъ способѣ, слѣдуетъ, кажется, исходить изъ того принципа, что судебный приставъ — и по природѣ сего учрежденія и по закону — есть *территоріальная единица*. Ст. 305, п. 2 (учр. суд. уст.), говоритъ, что судебные пристава должны имѣть постоянное жительство — состоящіе въ окружномъ судѣ — *въ томъ городѣ*, въ которомъ находится окружный судъ. Въ свидѣтельствѣ, выдаваемомъ приставу на

основаніи 1 п. 304 ст. (ib.), указывается *мѣстность*, назначенная ему для жительства. Ближе эта мысль выражается ст. 144 наказа спб. столичнаго мироваго округа. По силѣ этой статьи предсѣдателемъ съѣзда назначается судебному приставу участокъ, границы котораго опредѣляются въ выдаваемомъ ему при поступленіи въ должность свидѣтельствѣ; приставъ избираетъ мѣсто жительства въ предѣлахъ участка. Затѣмъ, судебные пристава уѣздные, ipso facto, суть пристава участковые въ смыслѣ настоящей статьи, и хотя они тоже *назначаются*, но, конечно, исполненіе, долженствующее совершаться въ г. Лугѣ, не будетъ поручено судебному приставу г. Кронштадта. Между тѣмъ лужскій приставъ долженъ быть *назначенъ*. Мнѣ передавали слѣдующій случай, характеризующій всю безцѣльность обряда назначенія. Лужскому или шлиссельбургскому судебному приставу предстояло совершить вводъ во владѣніе извѣстнаго ему лица, для чего приставу были представлены всѣ необходимые документы. Приставъ, принимая во вниманіе, что онъ *одинъ* въ томъ районѣ, совершилъ вводъ во владѣніе, не будучи назначенъ, для чего лицу, вводимому во владѣніе, приходилось бы вторично отправляться въ Петербургъ. Судебный приставъ былъ оштрафованъ за это на довольно крупную сумму. Если разсказанный случай вѣренъ, то приставъ потерпѣлъ слишкомъ строгое взысканіе.

Итакъ, въ законѣ и на практикѣ уже проведена мысль о судебномъ приставѣ, какъ должностномъ лицѣ, прикрѣпленномъ къ извѣстному участку, въ предѣлахъ котораго онъ и долженъ дѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ предоставить судебному приставу исполнять рѣшенія въ предѣлахъ извѣстнаго участка, величина коего можетъ быть опредѣлена пространствомъ, количествомъ населенія, его экономическимъ бытомъ и другими данными, такъ чтобы всѣ участки были по возможности равны. Занимаясь постоянно въ одномъ участкѣ — судебномъ приставствѣ — приставъ ознакомится съ населеніемъ, его обычаями; онъ присмотрится къ личностямъ и ихъ обстановкѣ, узнаетъ всѣ тѣ мелкія подробности ихъ практической жизни, которыя весьма важны для

исполнителя гражданскаго рѣшенія. Разъ что городъ будетъ раздѣленъ на подобные участки — всѣ исполненія по отношенію къ отвѣтчикамъ, живущимъ въ томъ участкѣ, должны быть поручаемы суд. приставу участка. Тогда предсѣдатель суда, выдающаго исполнительный листъ, тутъ же подписываетъ порученіе объ исполненіи не Иванову, Петрову, а приставу такого-то участка. Въ настоящее время, какъ извѣстно, судеб. пристава распредѣлены по отдѣленіямъ [1]) — ст. 206 наказа спб. окружнаго суда. Что́ этимъ достигается? Собственно отдѣленію, какъ таковому, нуженъ приставъ, исполняющій дежурство въ его засѣданіяхъ, а остальные затѣмъ пристава имѣютъ ближайшее отношеніе къ взыскателямъ, которые не выигрываютъ оттого, что судебный приставъ *А* состоитъ при 4 отдѣленіи, а *В* при 6-мъ. Можетъ быть это распредѣленіе требуется судебными уставами? Въ учрежденіи судебныхъ приставовъ — ст. 297 — говорится, что они состоятъ... «при окружныхъ судахъ»: это значитъ—подчинены дисциплинарной власти окружныхъ судовъ, палатъ и проч., но наказъ разсортировалъ ихъ еще по отдѣленіямъ и даже, какъ увидимъ ниже, водворяетъ ихъ на извѣстное время въ зданіи окружнаго суда. Послѣдствіемъ раздѣленія судебныхъ приставовъ по отдѣленіямъ было только то, что взыскателю (напримѣръ по протестованному векселю) приходилось развѣдывать, къ предсѣдателю какого отдѣленія ему слѣдуетъ обратиться за назначеніемъ судебнаго пристава. Затѣмъ, судебные пристава назначаются, сколько извѣстно, не сообразно съ тѣмъ, къ кому изъ нихъ ближе мѣсто жительства отвѣтчика, а чья очередь, сколько кто получилъ исполнительныхъ листовъ, чтобы другимъ было не обидно (для этого у секретаря ведутся особые списки). Отсюда бываютъ случаи, что взыскателю сегодня назначили судебнаго пристава *А*, завтра ему назначатъ *В*, а послѣ-завтра *С;* притомъ, замѣтьте, дѣло идетъ объ одномъ и томъ же отвѣтчикѣ. И вотъ, въ извѣстный день всѣ три судебные пристава роковымъ образомъ сталкиваются въ квартирѣ должника. Если же бы они и не столкнулись, то для взыска-

---

[1]) О чемъ вывѣшены въ зданіи окр. суда объявленія.

теля все равно, кто бы ни описалъ имущество должника, по крайней мѣрѣ, за однимъ разомъ все сдѣлается; поэтому можетъ быть онъ и самъ просилъ всѣхъ трехъ приставовъ назначить въ одинъ и тотъ же день описи. Говорятъ, что въ окружномъ судѣ назначаютъ тѣхъ приставовъ, о которыхъ ходатайствуетъ истецъ. Противъ этого способа ничего нельзя было бы возразить, если бы онъ былъ господствующимъ принципомъ при назначеніи, что́, конечно, не допускается, ибо должно быть принимаемо въ соображеніе и количество дѣлъ у каждаго пристава. Но въ томъ и другомъ случаѣ приставамъ приходится дѣйствовать въ разныхъ пунктахъ города: одно дѣло нужно исполнить въ московской части, другое въ петербургской. И вотъ судебные пристава ѣздятъ по всему городу, а къ концу года увеличивается остатокъ неисполненныхъ дѣлъ, «независящій отъ судебныхъ приставовъ». Впрочемъ, по отношенію къ исполнительнымъ листамъ спб. коммерческаго суда сдѣланъ шагъ къ улучшенію: пристава, состоящіе при извѣстныхъ отдѣленіяхъ, распредѣлены по частямъ города, такъ что взыскатели, для назначенія судебнаго пристава, должны обращаться въ то отдѣленіе, къ которому, по жительству отвѣтчика, отнесена извѣстная городская часть. А сдѣлано было это вслѣдствіе того, что взыскатели по исполнительнымъ листамъ вексельнаго отдѣленія имѣли въ первое время нѣкоторую возможность выбирать между судебными приставами, такъ что у лучшихъ изъ нихъ практика усилилась; но на это возроптали другіе судебные пристава и судъ нашелъ нужнымъ распредѣлить судебныхъ приставовъ по частямъ города. Слѣдовало бы развить этотъ принципъ дальше и сдѣлать общимъ по отношенію ко всѣмъ судебнымъ приставамъ. Между тѣмъ, для исполнительныхъ листовъ окружнаго суда порядокъ при назначеніи существуетъ прежній, который описанъ выше. Очевидно, что съ распредѣленіемъ судебныхъ приставовъ по участкамъ для предсѣдателя суда одной заботой будетъ меньше, а взыскатель напередъ будетъ знать, къ какому приставу онъ долженъ обратиться. И не придется тогда лицамъ, получившимъ исполнительные листы и нуждающимся въ назначеніи судебнаго пристава, стоять

вереницей въ кабинетѣ товарища предсѣдателя въ ожиданіи очереди. Впрочемъ, вереница образуется не только по поводу назначенія, но есть вообще слѣдствіе процедуры выдачи исполнительныхъ листовъ, существующей въ окружномъ судѣ и представляющей, на мой взглядъ, неумѣренное развитіе принципа самодѣятельности тяжущихся. Лицо, желающее получить исполнительный листъ, обращается сначала къ помощнику секретаря съ просьбою объ изготовленіи исполнительнаго листа. Чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время нужно явиться къ помощнику секретаря, взять у него исполнительный листъ и направиться съ нимъ къ секретарю. Здѣсь листъ свѣряется и оплачивается гербовымъ сборомъ и канцелярскими пошлинами. Отъ секретаря нужно отправиться къ товарищу предсѣдателя для подписи. Отъ товарища предсѣдателя — путь въ регистратуру, а иногда — опять къ секретарю, для указанія судебнаго пристава, и снова къ товарищу предсѣдателя, если имъ не подписано назначеніе судебнаго пристава при подписаніи исполнительнаго листа. Очевидно, что гораздо удобнѣе для взыскателей и необременительно для суда, если бы листы заготовлялись тотчасъ по воспослѣдованіи рѣшенія, требующаго исполненія, свѣрялись, записывались въ исходящій журналъ и выдавались бы по востребованію, причемъ гораздо короче секретарю суда предложить къ подписанію 50 листовъ, чѣмъ заставлять 50 владѣльцевъ этихъ листовъ совершать путешествіе по разнымъ компатамъ. Конечно, при соблюденіи этого порядка два—три листа придется написать лишнихъ, но за то процедура самой выдачи значительно сокращается; при такомъ порядкѣ въ вексельномъ отдѣленіи здѣшняго ком. суда въ теченіе 2 часовъ (11—1) выдается иногда до 50 листовъ.

Само собою разумѣется, что если исполненіе чинится судебнымъ приставомъ въ предѣлахъ извѣстнаго участка, то перемѣна должникомъ прежняго мѣста жительства рождаетъ для взыскателя право (но не налагаетъ обязанности) обратиться къ услугамъ мѣстнаго судебнаго пристава уже безъ всякаго *назначенія*, чего нѣтъ въ настоящее время: разъ назначенный судебный приставъ продолжаетъ исполненіе, куда бы долж-

никъ ни переѣхалъ. Что касается мировыхъ учрежденій, то здѣсь обряда назначенія вовсе не существуетъ, такъ какъ съ прикрѣпленіемъ пристава къ извѣстному участку это *назначеніе* сдѣлано разъ на всѣ случаи.

Рекомендуемый здѣсь порядокъ назначенія судебныхъ приставовъ, собственно говоря, имѣетъ наибольшее значеніе по отношенію къ вексельному отдѣленію и вообще къ здѣшнему коммерческому суду. Здѣсь всего чувствительнѣе обнаруживается то неудобство, что взыскатель, получивъ исполнительный листъ въ вексельномъ или другомъ отдѣленіи коммерческаго суда, долженъ обращаться еще въ окружный судъ для назначенія судебнаго пристава. Въ № 148 «Судебнаго Вѣстника» г. И. Б., съ чувствомъ негодованія, какъ видно накипѣвшимъ у него на душѣ, разсказываетъ, что и такая простая формальность, какъ назначеніе судебнаго пристава, встрѣчаетъ въ окружномъ судѣ затрудненія и для своего осуществленія требуетъ иногда нѣсколькихъ дней: сегодня секретарь въ распорядительномъ засѣданіи, завтра—товарищъ предсѣдателя... Казалось бы, въ тотъ часъ, когда, по росписанію, должно происходить назначеніе судебныхъ приставовъ, и товарищъ предсѣдателя и секретарь должны быть на своихъ мѣстахъ къ услугамъ публики. Отъ суда зависитъ распредѣлять присутственное время такимъ образомъ, чтобы не вызывать нареканій со стороны частныхъ лицъ. Можетъ быть, этого нареканія легче всего избѣжать по отношенію къ предъявителямъ исполнительныхъ листовъ собственно окружнаго суда, если только оно въ данномъ случаѣ есть. Въ окружномъ судѣ обрядъ назначенія можетъ происходить въ моментъ выдачи исполнительнаго листа и упростится до послѣдней возможности, если при назначеніи пристава не придется справляться объ очереди, о количествѣ дѣлъ у даннаго пристава и т. п. Что же касается исполнительныхъ листовъ коммерческаго суда, то существующее неудобство могло бы быть устранено расширеніемъ дѣйствія 938 ст. на коммерческій судъ, предсѣдатель котораго, или заступающій его мѣсто, подписывая исполнительный листъ, назначалъ бы тутъ же, для приведенія его въ исполненіе, судебнаго при-

става того участка, въ предѣлахъ котораго живетъ должникъ. Причемъ полезно было бы принять вообще за правило обозначать на листѣ и адресъ пристава, о чемъ всѣ пристава обязаны вывѣшивать во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ объявленія и публиковать въ газетахъ, такъ чтобы взыскатель зналъ, куда обратиться за исполненіемъ. Подобное распространеніе 938 ст. на коммерческій судъ, коль скоро будутъ организованы судебныя приставства, можетъ быть сдѣлано и безъ разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Организація судебно-приставскихъ участковъ тоже можетъ быть установлена путемъ административнаго распоряженія, ибо то и другое не противорѣчило бы существующему закону.

Если судебные пристава будутъ распредѣлены въ городѣ по участкамъ и исполнять всѣ порученія, направленныя въ данный участокъ, то и вознагражденіе, получаемое приставами, должно обращаться въ пользу пристава *этого* участка, а не другаго. Но такъ какъ, по закону, вознагражденіе составляетъ общую принадлежность всѣхъ судебныхъ приставовъ имперіи, то судебнымъ палатамъ придется по прежнему играть, если можно такъ выразиться, роль бухгалтера и раздавать судебнымъ приставамъ то, что каждый изъ нихъ заработалъ. Впрочемъ, этотъ порядокъ можетъ имѣть и свою хорошую сторону: онъ заставитъ судебныхъ приставовъ вести правильную денежную отчетность, которую они во всякомъ случаѣ должны вести, а для суда дастъ возможность судить о томъ, какой участокъ выше другаго по денежнымъ сборамъ, а слѣдовательно — возможность регулировать участки и передвиженіе судебныхъ приставовъ изъ одного участка въ другой. Въ настоящее время всѣ судебные пристава стремятся къ тому, чтобы попасть въ гражданскія отдѣленія; это ихъ завѣтная мечта, ибо дежурство въ уголовныхъ отдѣленіяхъ не представляетъ особаго интереса и размѣръ вознагражденія на долю приставовъ уголовныхъ отдѣленій выпадаетъ меньшій (отч. 1874 г., стр. 57). Съ другой стороны, судъ очень часто переводитъ ихъ изъ гражданскихъ въ уголовные—въ случаѣ, если этотъ переводъ будетъ чѣмъ-нибудь съ ихъ стороны вызванъ.

Конечно, нѣтъ возможности сообщить въ этомъ отношеніи какія-либо неопровержимыя данныя. Слѣдуетъ только высказать, что при распредѣленіи судебныхъ приставовъ по участкамъ будетъ вполнѣ основательно новичка послать въ менѣе прибыльный участокъ и, по мѣрѣ возможности, переводить болѣе достойныхъ въ лучшіе участки. Помимо ревизій и личныхъ справокъ, предсѣдатель суда, изъ сравненія отчетовъ по каждому участку, будетъ имѣть возможность убѣдиться въ относительныхъ достоинствахъ каждаго пристава. Конечно, и въ настоящее время эта возможность имѣется, но для публики личныя неправильныя дѣйствія судебныхъ приставовъ какъ-то исчезаютъ въ общей ихъ массѣ; если же приставъ будетъ пріуроченъ къ участку, то участокъ, съ теченіемъ времени, получитъ въ глазахъ общества извѣстную физіономію и приставъ, въ немъ орудующій, будетъ несомнѣнно находиться подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, а это—едва-ли не самое главное.

Слѣдуетъ замѣтить, что по вопросу о передачѣ исполнительнаго листа судебному приставу между составителями судебныхъ уставовъ 20-го ноября произошло разногласіе [1]). Большинство (18 членовъ) высказалось за установленіе начала непосредственной передачи исполнительнаго листа судебному приставу, меньшинство же (12 членовъ) признавало необходимымъ представленіе исполнительнаго листа прокурору окружнаго суда для назначенія судебнаго пристава. Это послѣднее мнѣніе и было принято государственнымъ совѣтомъ, какъ показываетъ 938 ст. уст. граж. суд., съ тѣмъ, что назначеніе судебнаго пристава возложено на предсѣдателей судовъ. Я позволю себѣ изложить вкратцѣ мотивы обоихъ мнѣній, такъ какъ они могутъ подкрѣпить мысли, высказанныя въ настоящей статьѣ.

12 членовъ полагали, что необходимость *назначенія* вызывается удобствомъ самихъ тяжущихся и тѣми практическими

---

[1]) См. объяснит. записка къ проекту уст. граж. судопр., часть вторая, стр. 90 и слѣд.

условіями, которыя облегчаютъ возможность исполненія. Судебныхъ приставовъ, въ особенности на первое время, будетъ недостаточно, они будутъ въ разъѣздахъ и тяжущимся придется ихъ отыскивать для передачи листовъ. Кромѣ того, взыскатель, не зная распредѣленія работы между приставами, можетъ обратиться къ тому изъ нихъ, который не имѣетъ возможности исполнить его требованіе. Наконецъ, судебные пристава могутъ уклоняться отъ исполненія рѣшеній по дѣламъ незначительной цѣнности, а посему передача исполнительнаго листа приставу и принятіе имъ исполненія должны зависѣть не отъ личной его сдѣлки съ тяжущимся, а отъ суда, отъ котораго зависитъ правильное распредѣленіе занятій между судебными приставами. Въ мотивахъ изданія госуд. канц. (стран. 455 журн. 1864 г., № 44, стр. 54) эта мысль высказана еще яснѣе. Здѣсь говорится, что «предоставить взыскателю обращаться непосредственно къ судебному приставу было бы неудобно, ибо не всегда приставъ будетъ въ состояніи исполнить требованіе взыскателя, иногда потому, что на него возложено уже исполненіе по другимъ рѣшеніямъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ отказаться отъ исполненія, потому что не видитъ въ немъ существенныхъ для себя выгодъ. Для предупрежденія такой зависимости взыскателя отъ судебнаго пристава справедливѣе предоставить избраніе судебныхъ приставовъ для исполненія рѣшеній предсѣдателю суда, которому извѣстны занятія судебныхъ приставовъ и который, слѣдовательно, знаетъ, кому изъ нихъ можно поручить исполненіе по данному дѣлу».

Противъ мнѣнія меньшинства 18 членовъ возражали, что рѣшеніе вопроса объ удобствѣ лучше всего предоставить самимъ взыскателямъ; что если взыскатель не найдетъ въ томъ или другомъ мѣстѣ судебнаго пристава или если приставъ не въ состояніи будетъ удовлетворить требованіе его, то онъ обратится за назначеніемъ пристава къ предсѣдателю суда; что наконецъ приставъ *обязанъ* будетъ исполнять рѣшенія, по которымъ выданы исполнительные листы. Къ этому прибавлю, что съ прикрѣпленіемъ приставовъ къ извѣстному участку всѣ до-

воды противъ начала непосредственной передачи исполнительнаго листа судебному приставу отпадаютъ. Если имѣется участковый исполнитель, обязанный находиться въ своей камерѣ въ извѣстные дни и часы, то его легко будетъ отыскать; съ другой стороны, если приставъ и *назначенъ*, то все-таки остается еще его отыскать, что̀ вовсе, какъ увидимъ, не такъ просто. Наконецъ, отъ заботъ о правильно̀мъ распредѣленіи занятій между судебными приставами, какъ доказывалось выше, слѣдуетъ отказаться, ибо эта забота не достигаетъ цѣли и только мѣшаетъ быстрому и безостановочному ходу исполнительныхъ дѣйствій. Что же касается мотивовъ, выраженныхъ въ журналѣ государственнаго совѣта, то сомнительно, чтобы судебный приставъ могъ отказаться отъ исполненія потому, что не находитъ въ немъ существенныхъ для себя выгодъ, или чтобы предсѣдателю суда былъ съ точностію извѣстенъ въ данный моментъ объемъ занятій судебнаго пристава. 12 членовъ полагали еще, что установленіе начала личной передачи исполнительнаго листа приставу влечетъ за собою возвышеніе расходовъ на исполненіе и дѣлаетъ исполненіе мелкихъ взысканій или разорительнымъ для тяжущихся или рѣшительно невозможнымъ. На это въ мнѣніи большинства сказано весьма справедливо, что величина расходовъ по исполненію — большому или малому — нисколько не зависитъ отъ способа передачи листа, такъ какъ *до* передачи листа еще нѣтъ расходовъ по исполненію. Въ настоящее время можно сказать наоборотъ, что *назначеніе* увеличиваетъ расходы на исполненіе, въ томъ смыслѣ, что этотъ обрядъ требуетъ лишняго хожденія и времени, а время — деньги.

Но самое главное основаніе установленія обряда *назначенія* — это надзоръ за судебными приставами. Меньшинство коммисіи полагало, что надзоръ окажется невозможнымъ устроить правильно, если тяжущіеся будутъ обращаться къ приставамъ непосредственно, ибо отъ первоначальнаго дѣйствія по исполненію будетъ зависѣть, по словамъ меньшинства, и все направленіе дѣла, и потому-то судъ долженъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о томъ, когда именно приставъ получилъ исполнитель-

ный листъ и когда приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. На это нужно сказать, что на точность надзора обрядъ назначенія не имѣетъ никакого вліянія, такъ какъ взыскатель, получивъ назначеніе пристава, можетъ къ нему и не обратиться. И это бываетъ на дѣлѣ. Такимъ образомъ, назначающій будетъ считать, что у пристава *A* въ данный моментъ 100 листовъ, а на самомъ дѣлѣ у *A* 75 листовъ. Что же касается того, своевременно ли приставъ предпринимаетъ исполнительныя дѣйствія, то и это лучше всего предоставить оцѣнивать самому взыскателю, и затѣмъ, если онъ подастъ жалобу — удовлетворить ей по всей строгости закона, буде она окажется справедливою. Для надзора имѣетъ значеніе не этотъ обрядъ самъ по себѣ, а книги и отчетность, которыя судебные пристава обязаны вести и въ правильномъ веденіи которыхъ взыскатели ближайшимъ образомъ заинтересованы. Ревизія дѣлъ, производящихся у судебныхъ приставовъ, если она будетъ предпринимаема по возможности часто и производима внимательно, легко можетъ привести къ убѣжденію въ правильности или неправильности дѣйствій пристава. Не помню сейчасъ, въ какомъ отчетѣ окружнаго суда говорится, что при одной изъ ревизій оказалось, что судебные пристава долго держали у себя денежныя суммы, подлежащія выдачѣ разнымъ лицамъ. По этому случаю было, если не ошибаюсь, окружнымъ судомъ предписано судебнымъ приставамъ, чтобы они сдавали деньги въ государственный банкъ на храненіе каждую недѣлю и чтобы вообще не держали у себя суммъ, превышающихъ 300 р.

Обрядъ назначенія судебныхъ приставовъ установленъ самимъ закономъ. Но въ практикѣ судебныхъ приставовъ есть формальности, до которыхъ они дошли собственнымъ умомъ, «для соблюденія канцелярскаго порядка», будучи одержимы въ сильной степени «бюроманіею» (см. Суд. Вѣст. ib.). Слѣдуетъ думать, что, вводя эти формальности, судебные пристава находились подъ давленіемъ наказа с.-петербургскаго окружнаго суда (1869 г.), гдѣ, въ ст. 228, говорится: *«по каждому исполнительному листу или приказу, по которому начи-*

нается у пристава особое производство, имъ заводится особое дѣло, которое вносится въ реестръ находящихся у пристава въ производствѣ дѣлъ подъ нумеромъ, по порядку вступленія». А какъ у пристава заводится *дѣло*, то оно уже не иначе можетъ возникнуть, какъ подачей письменнаго заявленія, ибо получить отъ взыскателя исполнительный листъ посредствомъ простой передачи будетъ противно *канцелярскому* порядку. Въ заявленіи взыскатель обозначаетъ избранный имъ способъ удовлетворенія взысканія. Требованіе подачи письменнаго заявленія не имѣетъ никакого законнаго основанія и напрасно только затрудняетъ кредитора и задерживаетъ судебнаго пристава. По ст. 926 уст. гр. суд., взыскатель вправѣ обратиться въ судъ съ словесною просьбою (сказано: съ словесною *или* письменною) о выдачѣ ему исполнительнаго листа. Трудно предположить, чтобы истецъ былъ лишенъ права заявлять *словесно* судебному приставу объ избранномъ способѣ взысканія по этому исполнительному листу. Подобнаго требованія нельзя вывести и изъ другихъ статей устава, гдѣ говорится объ обращеніи взыскателя къ приставу. Въ ст. 935 сказано, что *избраніе* одного или нѣсколькихъ способовъ приведенія рѣшенія въ исполненіе предоставляется взыскателю. По ст. 948, взыскатель имѣетъ право *указывать* способы взысканія, и если указанія его не будутъ уважены приставомъ, требовать, чтобы о томъ было записано въ журналѣ. Подчеркнутыя слова ясно даютъ понять, что тутъ дѣло идетъ о фактическомъ выраженіи желанія взыскателя, а не о письменномъ заявленіи, причемъ письменное изложеніе заявленія обязательно для *пристава*, въ случаѣ несогласія его на простое указаніе взыскателя. Производство у судебнаго пристава должно менѣе всего страдать канцелярскимъ формализмомъ; приставу постоянно приходится быть въ движеніи и всякое излишне сложное письмоводство для него весьма отяготительно; поэтому всякое упрощеніе письмоводства, допускаемое существомъ дѣла, здѣсь вдвойнѣ полезно. По одному и тому же дѣлу взыскателю придется по нѣскольку разъ и въ короткіе промежутки времени избирать различные способы удовлетворенія долга.

Заставлять его каждый разъ писать заявленія на бумагѣ значитъ играть въ «канцелярскій порядокъ». По ст. 957, о приведеніи рѣшенія въ исполненіе приставъ отмѣчаетъ на исполнительномъ листѣ. Очевидно, исполнительный листъ самъ на себѣ долженъ носить слѣды того, насколько изложенное въ немъ требованіе удовлетворено: *это* важно какъ для истца, такъ и для плательщика. Если требовать, чтобы не только результатъ исполненія (частичный или окончательный) былъ означенъ на исполнительномъ листѣ, но и разнообразные способы къ достиженію этого результата, то, по смыслу 957 ст., можно установить, чтобы заявленіе объ избранномъ способѣ писалось на самомъ исполнительномъ листѣ, какъ это и практикуется судебными приставами мироваго съѣзда. Подобная записка гораздо короче, хотя и противъ нея слѣдуетъ протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ дѣлѣ исполненія важно не то, какимъ способомъ оно достигалось, а то, успѣшно оно, или нѣтъ, и насколько. Только *это* и требуется 957 ст.; остальное прямо противорѣчитъ 957 ст. и должно быть предоставлено на волю взыскателя: хочетъ — пусть заявляетъ объ избранномъ способѣ взысканія на исполнительномъ листѣ, не хочетъ—его дѣло. Въ законѣ достаточно постановлено гарантій для того, чтобы исполненіе оставляло слѣдъ въ дѣлахъ пристава и обезпечивало его отвѣтственность: судебный приставъ обязанъ доносить председателю суда объ избранномъ способѣ удовлетворенія, о всѣхъ отсрочкахъ по исполненію, о пріостановленіи исполненія или о прекращеніи его; наконецъ, о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по исполненію судебный приставъ долженъ записывать въ журналъ—ст. 940, 950 и 952 уст. гр. суд. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ пристава составляютъ протоколы. Побывавъ, въ теченіе дня, въ разныхъ частяхъ города, приставъ долженъ еще сберечь время для письменныхъ работъ. А ихъ, какъ уже видно изъ предыдущаго, весьма достаточно: высчитано, напримѣръ, кѣмъ-то, что при вводѣ во владѣніе свою фамилію приставу приходится написать до 40 разъ; приходилось слышать, что у судебныхъ приставовъ бываетъ до 3000 №№ исходящихъ бумагъ. Подобная

цифра можетъ удовлетворительно аттестовать канцелярскую дѣятельность не одного лица, а небольшой коллегіи.

Но исчисленными входящими и исходящими не исчерпывается «канцелярская» дѣятельность судебныхъ приставовъ. Ст. 227 наказа, п. в., создала для нихъ еще реестръ для записки находящихся у нихъ въ производствѣ дѣлъ. Въ реестрѣ этомъ, согласно формѣ, приложенной къ ст. 227, обозначаются не только данныя, служащія къ отождествленію дѣла, но и движеніе дѣла, т.-е. здѣсь повторяется *тоже*, что, по закону, должно быть внесено въ журналъ, только въ болѣе краткомъ изложеніи. Въ отчетѣ за 1870 г., стран. 29, есть указаніе, что судебные пристава «признавали полезнымъ уменьшить количество ихъ занятій (конечно, тутъ пропущено прилагательное «письменныхъ«) уничтоженіемъ особенно журнала ихъ дѣйствій, который, будучи тождественъ съ тѣмъ, что приставъ записываетъ въ настольную книгу, по ихъ мнѣнію, представляется совершенно излишнимъ и не имѣющимъ никакой цѣли». Нужно полагать, что заявленіе приставовъ судъ признавалъ основательнымъ, такъ какъ въ отчетѣ не сдѣлано никакого противъ него возраженія. Судебныхъ приставовъ можно упрекнуть только въ томъ, что ходатайство ихъ было направлено не на тотъ предметъ, на который слѣдовало. Журналъ установленъ закономъ и, слѣдовательно, можетъ быть отмѣненъ только законодательнымъ путемъ, чтó потребуетъ бóльшей процедуры, чѣмъ то, чтó установлено наказомъ и слѣдовательно можетъ быть отмѣнено властію самаго суда. Это именно настольный реестръ. Его-то и можно уничтожить, не боясь пошатнуть «канцелярскій порядокъ», и довольствоваться однимъ алфавитнымъ указателемъ фамилій взыскателя и плательщика, съ обозначеніемъ времени поступленія и ссылкою на журналъ. Затѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда приставомъ составленъ протоколъ, описаніе дѣйствій, вошедшихъ въ протоколъ, въ журналѣ является писаніемъ одного и того же два раза. Поэтому, казалось бы достаточнымъ въ журналѣ сдѣлать лишь на него ссылку.

Всѣ эти или другія упрощенія въ «канцелярскомъ по-

рядкѣ», допускаемыя существомъ дѣла, представляются чрезвычайно важными для исполнителей судебныхъ рѣшеній; какъ бы упрощенія ни казались мелкими, но они сберегутъ много времени и труда у судебнаго пристава.

Другая формальность въ дѣятельности судебныхъ приставовъ, не установленная въ законѣ, а введенная наказомъ, состоитъ въ томъ, *что судебные пристава принимаютъ частныхъ лицъ, по дѣламъ службы, въ зданіи суда, въ отведенной для каждаго изъ нихъ комнатѣ* (ст. 222 наказа). Всѣ пристава, живущіе въ различныхъ пунктахъ города, обязаны не менѣе трехъ разъ въ недѣлю пріѣзжать въ судъ и оставаться здѣсь каждый разъ не менѣе 6 часовъ. Если позволить себѣ маленькое преувеличеніе, то можно сказать, что въ силу такой централизаціи судебныхъ приставовъ они теряютъ три рабочихъ дня. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о томъ, что судебный приставъ теряетъ время на проѣздъ въ свою «комнату», можетъ-ли онъ назначить какое-либо исполнительное дѣйствіе на ту половину дня, въ который онъ обязанъ находиться въ зданіи окружнаго суда? Несомнѣнно, что въ назначенный часъ онъ долженъ быть въ отведенной для него комнатѣ; но если бы приставъ и назначилъ на предшествующее этому время какое-либо исполнительное дѣйствіе, то онъ рискуетъ или не попасть къ сроку въ зданіе суда, или остановить на полдорогѣ исполненіе. Иногда приставъ можетъ быть задержанъ по такому дѣлу, по коему онъ этого вовсе не предвидѣлъ. Если же онъ и будетъ, во что бы то ни стало, эксплоатировать время *до* пріемныхъ часовъ, то, спрашивается, что́ это за работа, когда каждую минуту нужно посматривать на часы, не опоздать бы къ пріему?.. Въ ст. 221 наказа сказано, что «судебные пристава назначаютъ опредѣленное время для предъявленія имъ исполнительныхъ листовъ, для заявленія частными лицами ихъ требованій и вообще для всѣхъ объясненій съ частными лицами по дѣламъ службы»... Конечно, въ отведенной для пристава комнатѣ, ему можетъ быть врученъ исполнительный листъ, подано письменное заявленіе, но сомнительно, можетъ-ли приставъ дать необходимое объясненіе взыскателю,

нужную ему справку. Вѣдь судебный приставъ, по наказу, имѣетъ двѣ осѣдлости: въ своей квартирѣ и въ судѣ. Въ зданіи суда присутствуетъ только одна фикція судебнаго пристава, или половина его, а настоящій судебный приставъ, приставъ-исполнитель, съ его входящими, исходящими, настольными реестрами, журналами, денежными книгами, дѣлами находится въ занимаемой имъ квартирѣ, на васильевскомъ островѣ, на петербургской сторонѣ, въ Коломнѣ... Надо полагать, что менѣе громоздскія изъ поименованныхъ выше книгъ судебные пристава носятъ при себѣ... Не подлежитъ сомнѣнію, что взыскателю выгоднѣе имѣть судебнаго пристава въ районѣ жительства отвѣтчика, чтобы сдѣлать приставу заявленіе о какомъ-либо вновь открывшемся способѣ исполненія, отправиться съ судебнымъ приставомъ для описи или для того, чтобы сдѣлать соотвѣтствующія «указанія» (не все, конечно, на 40 коп. бумагѣ), какія могутъ представляться полезными на дѣлѣ; но онъ, по наказу, не имѣетъ права объясниться съ судебнымъ приставомъ дома, а долженъ отправиться на литейную, въ зданіе окружнаго суда. Само собою разумѣется, что судебные пристава принимаютъ своихъ кліентовъ и на дому, но это уже является какъ бы снисхожденіемъ со стороны судебнаго пристава и едва-ли удобно для взыскателя, не имѣющаго *права* требовать объясненія на дому. Говорятъ, что судебныхъ приставовъ сосредоточили въ зданіи окружнаго суда на томъ, будто бы, основаніи, что они сами и обстановка ихъ помѣщенія не всегда удовлетворяли извѣстному minimum'у требованій приличія, что́ стѣсняло кліентовъ. Но судебные пристава мировыхъ судей принимаютъ же кліентовъ на дому и никакихъ жалобъ на такой порядокъ не доводилось слышать; во всякомъ случаѣ дисциплинарная власть предсѣдателя суда надъ приставами (ст. 329 учр. суд. уст.) достаточно сильна, чтобы удовлетворить справедливую жалобу на кого либо изъ нихъ. Что же касается обстановки, то комфортная обстановка у пристава, получающаго въ лучшемъ случаѣ 1500 р. (600 р. жалованья и 900 р. вознагражденія), при его ежедневныхъ разъѣздахъ по всѣмъ концамъ города и при полученіи вознаграж-

денія не помѣсячно, а по третямъ, въ состояніи даже возбудить противъ него нѣкоторое подозрѣніе. Это положеніе несомнѣнно заставляетъ приставовъ искать постороннихъ занятій для восполненія своего бюджета; нѣкоторые, какъ они выражаются, «ведутъ дѣла», т.-е. совмѣщаютъ съ званіемъ пристава спеціальность негласнаго ходатая, что едва-ли совмѣстно одно съ другимъ, едва-ли можетъ снискать имъ уваженіе въ обществѣ. Можетъ быть были и другія соображенія, болѣе или менѣе уважительныя, вынудившія сосредоточеніе судебныхъ приставовъ въ зданіи окружнаго суда. Но такъ или иначе, водвореніе ихъ въ зданіи окружнаго суда стѣснительно для публики и для самихъ приставовъ, а слѣдовательно должно быть поставлено въ рядъ тѣхъ неудобствъ, уничтоженіе которыхъ облегчало бы ихъ дѣятельность къ удовольствію взыскателей. Въ практикѣ судебныхъ приставовъ, состоящихъ при мировомъ съѣздѣ, это неудобство не существуетъ. По ст. 145 наказа судебнымъ установленіямъ спб. столичнаго мироваго округа, «судебный приставъ, обязанъ находиться въ *квартирѣ* своей для пріема лицъ, къ нему обращающихся, ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 9 до 11 часовъ утра. Сверхъ того, онъ не вправѣ отказать въ пріемѣ лица, къ нему обратившагося, *и во всякое другое время дня*». Наказъ, въ этомъ отношеніи, очень ревниво охраняетъ интересы публики и въ ст. 146 постановляетъ, что «при квартирѣ судебнаго пристава должно *безотлучно* находиться какое-либо лицо для пріема входящихъ бумагъ». Едва ли съѣздъ былъ вправѣ требовать отъ судебнаго пристава имѣть при своей квартирѣ такое лицо. Во всякомъ случаѣ, ни отъ приставовъ, ни отъ частныхъ лицъ не слышно, повторяемъ, жалобъ по поводу того, что судебные пристава принимаютъ взыскателей въ своихъ квартирахъ.

Судебные пристава (въ отведенной каждому изъ нихъ въ зданіи окружнаго суда комнатѣ) для предъявленія имъ исполнительныхъ листовъ, для заявленія частными лицами ихъ требованій и вообще для всѣхъ объясненій съ частными лицами по дѣламъ службы, назначаютъ каждый опредѣленное время въ присутственные дни. Время это по гражданскимъ дѣламъ

полагается между 11 и 4 часами дня, не рѣже трехъ разъ и не менѣе 6 часовъ въ недѣлю. Отсюда слѣдуетъ, что въ остальные три дня недѣли, а если случатся праздники, то и всю недѣлю, пристава, по наказу, недоступны для взыскателей. Далѣе, доступъ въ приставскую комнату возможенъ, конечно, въ извѣстные часы. Какъ дни, такъ и часы назначены различные у различныхъ судебныхъ приставовъ. Кто просматривалъ вывѣшенный объ этомъ въ зданіи окружнаго суда аншлагъ, тотъ могъ высчитать, что всѣхъ пріемныхъ дней у 28 судебныхъ приставовъ 84, причемъ по средамъ принимаетъ 28 судебныхъ приставовъ, по четвергамъ—16, по понедѣльникамъ — 13, по субботамъ — 10, по вторникамъ — 9, по пятницамъ—8. Далѣе, по часамъ, пріемъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 14 судебныхъ приставовъ принимаютъ отъ 2 до 4 часовъ, 9 — отъ часу до 3, 6 — отъ 12—2, 3—отъ 11 – 1. Осматриваясь въ этомъ лабиринтѣ, можно держателю исполнительнаго листа сообщить одно достовѣрное положеніе, что только въ среду онъ найдетъ въ судѣ каждаго судебнаго пристава, кого бы изъ нихъ судьба ему ни назначила, причемъ половина ихъ избрала для объясненія время отъ 2 до 4 часовъ. Что же касается остальныхъ дней и часовъ, то можно предвидѣть, что взыскателю придется долго практиковаться, прежде чѣмъ онъ изловчится такъ разсчитывать свои дѣйствія, чтобы не терять понапрасну время и труды. Неизвѣстно, чѣмъ руководствуются судебные пристава, назначая пріемъ въ тѣ или другіе дни и часы. Можетъ быть, всѣ они убѣдились, что середа—самый счастливый день, затѣмъ слѣдуютъ: четвергъ, понедѣльникъ...; далѣе, что самые удобные часы для объясненія—3 и 4... Какъ бы то ни было, но для публики удобнѣе, если всѣ пристава принимали бы частныхъ лицъ въ одинаковое время, какъ это и сдѣлано въ ст. 145 наказа столичнаго съѣзда. Тогда всякому не трудно было бы помнить, что въ извѣстный день и въ извѣстный часъ онъ застанетъ въ судѣ или на квартирѣ пристава, который ему нуженъ. Эти часы должны быть, по возможности, согласованы съ тѣмъ временемъ, когда судебными мѣстами выдаются

исполнительные листы, такъ чтобы взыскатель, получивши исполнительный листъ, тотчасъ могъ вручить его судебному приставу. Все это мелочи, но тѣмъ не менѣе имѣющія значеніе въ денежныхъ взысканіяхъ. Конечно, этихъ и другихъ удобствъ пристава не могутъ предоставить публикѣ при теперешней ихъ дѣятельности, раскидывающейся по всѣмъ пунктамъ города и раздвояемой между двумя осѣдлостями—въ судейской комнатѣ и въ квартирѣ. Если же каждый судебный приставъ будетъ имѣть одинъ опредѣленный районъ дѣятельности, то, безъ сомнѣнія, для него легче будетъ распредѣлить время самымъ производительнымъ образомъ. Наконецъ, независимо отъ опредѣленныхъ часовъ, въ которые приставъ обязанъ находиться у себя на квартирѣ для пріема исполнительныхъ листовъ, необходимо вмѣнить ему въ обязанность принимать листы и т. п. во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, если это не стѣсняетъ его исполнительныхъ дѣйствій (см. выше наказъ мироваго съѣзда).

III.

Въ связи съ распредѣленіемъ судебныхъ приставовъ по участкамъ находятся два вопроса: о числѣ судебныхъ приставовъ и о спеціализаціи ихъ занятій. И то и другое необходимо обусловливаетъ успѣшность дѣятельности судебныхъ приставовъ по денежнымъ взысканіямъ.

Недостаточное число судебныхъ приставовъ несомнѣнно можетъ парализовать успѣшность ихъ исполнительныхъ дѣйствій. Выше было замѣчено, что на основаніи отчетовъ спб. окружнаго суда нѣтъ возможности сказать, сколько судебныхъ приставовъ дѣйствовало въ каждомъ данномъ году. Нынѣ ихъ дѣйствуетъ 28 (столичныхъ), по крайней мѣрѣ столько выставлено судебныхъ приставовъ на аншлагахъ въ зданіи окружнаго суда осенью прошлаго года. Если вспомнить, что въ 1872 г. состояло судебныхъ приставовъ 37 (отч., стр. 31), а въ 1871 г.

«среднимъ числомъ 40» (отч., стр. 36, прим.), то будемъ вправѣ сказать, что число судебныхъ приставовъ въ 1875 году не увеличилось. Между тѣмъ еще со второй половины 1874 г. на судебныхъ приставовъ окружнаго суда возложено исполненіе по листамъ здѣшняго коммерческаго суда, а къ концу того же года учреждено при коммерческомъ судѣ вексельное отдѣленіе, въ которомъ годичную пропорцію дѣлъ можно положить около 5000, на сумму до 7 мил. рублей. Въ виду этихъ-то взысканій и представляется особенный поводъ завести нынѣ рѣчь о степени удовлетворительности исполненія рѣшеній по денежнымъ обязательствамъ.

Законоположеніями послѣдняго времени область векселя, какъ долговаго обязательства, значительно расширена; векселеспособность распространена почти на всѣхъ лицъ, имѣющихъ общую гражданскую правоспособность. Очевидно, тутъ имѣлось въ виду доставить кредиту самую вѣрную и прочную форму. Между тѣмъ нынѣ всюду слышатся жалобы, что протестованный вексель—этотъ наиболѣе строгій и неопровержимый документъ — потерялъ значеніе, благодаря именно тому, что строгости его съ точки зрѣнія формальнаго права не соотвѣтствуютъ строгость и быстрота въ исполненіи. Пишущій эти строки имѣлъ возможность слышать отъ повѣренныхъ разныхъ торговыхъ учрежденій, что они предъявляютъ ко взысканію протестованные векселя только для очистки совѣсти, а что полученные въ вексельномъ отдѣленіи исполнительные листы цѣлыми сотнями остаются безъ исполненія. Конечно, въ сѣтованіяхъ на ослабленіе силы протестованнаго векселя, помимо неудовлетворительности мѣръ исполненія, залегаетъ воспоминаніе о фактическомъ уничтоженіи со стороны окружнаго суда личнаго задержанія должника въ смыслѣ вексельнаго устава, по которому личное задержаніе не погашаетъ долга: окружный судъ, въ вопросѣ о личномъ задержаніи по протестованнымъ векселямъ, не потерявшимъ силы вексельнаго права, исходитъ изъ постановленій судебныхъ уставовъ. Но, не ставя себя въ ряды защитниковъ личнаго задержанія за долги и признавая совершившійся фактъ уничтоженія личнаго

задержанія въ смыслѣ вексельнаго устава, можно пожелать, чтобы другія мѣры исполненія взысканій по протестованнымъ векселямъ были, по возможности, безукоризненны. Самое важное качество, которое должно быть присуще исполненію взысканій по протестованнымъ векселямъ, да и по всякимъ денежнымъ обязательствамъ, обезпечиваемымъ имуществомъ движимымъ, это—быстрота. Но быстрота исполнительныхъ дѣйствій нашихъ судебныхъ приставовъ по истинѣ черепашья, за исключеніемъ можетъ быть рѣдкихъ случаевъ. Взыскатель долга по протестованному векселю получаетъ исполнительный листъ (на взысканіе), если повѣстка вручена отвѣтчику своевременно, на 6 день послѣ предъявленія иска, обезпеченіе же иска дается на другой день послѣ его предъявленія, а въ исключительныхъ случаяхъ—въ тотъ же день. Между тѣмъ, въ повѣсткѣ объ исполненіи судебными приставами назначается обыкновенно срокъ отъ 2 до 4 недѣль; 7-й день — это, говорятъ, самый краткій срокъ. Нормаленъ ли подобный порядокъ? Думаю, что нѣтъ. И онъ обусловливается, между прочими неудобствами въ организаціи исполнительныхъ органовъ, недостаточнымъ ихъ числомъ. Взыскатель проситъ судебнаго пристава назначить самый ближайшій срокъ въ повѣсткѣ объ исполненіи, а тотъ ему отвѣчаетъ, что у него на три недѣли впередъ уже всѣ дни разобраны (см. «Суд. Вѣст.» № 148). Назначать въ повѣсткѣ объ исполненіи такой долгій срокъ значитъ давать должнику, предостереженіе: вотъ тебѣ, молъ, двѣ недѣли сроку; въ это время ты успѣешь продать, заложить, перевести на чужое имя свою движимость, надавать векселей благопріятелямъ заднимъ числомъ, благопріятели успѣютъ получить на нихъ исполнительные листы, и когда все это сдѣлается, я приду описывать твое имущество, состоящее изъ картины и стула о трехъ ножкахъ. По настоящему, взыскатель, получивъ исполнительный листъ по протестованному векселю, долженъ имѣть возможность въ тотъ же день предъявить его судебному приставу, который въ свою очередь обязанъ назначить срокъ исполненія въ тотъ же или на слѣдующій день. Необходимо возстановить значеніе векселя, огра-

дить его самыми энергическими и быстрыми способами взысканія, чтобы придать ему то значеніе, какое свойственно этому документу по мысли закона. Срокъ исполненія долженъ быть сведенъ здѣсь на самый кратчайшій minimum и при отсутствіи добровольнаго платежа въ полной мѣрѣ должна быть примѣнима статья 967 уст. гр. судопр., по которой къ «аресту имущества, состоящаго въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится должникъ, можетъ быть приступлено одновременно съ предъявленіемъ ему повѣстки объ исполненіи».

Нельзя не остановиться здѣсь на вопросѣ объ исполнительной повѣсткѣ, препровождаемой должнику по протестованному векселю, не потерявшему силы вексельнаго права. Отвѣтчикъ по такому векселю уже получилъ повѣстку отъ нотаріуса при совершеніи протеста. Затѣмъ судъ постановляетъ рѣшеніе о взысканіи не иначе, какъ если повѣстка — посредственно или непосредственно — не будетъ вручена отвѣтчику. Повѣстка объ исполненіи есть уже третья повѣстка, которая напоминаетъ должнику по векселю о платежѣ долга. Не нужно забывать, что вексельный должникъ долженъ помнить срокъ, въ который онъ обязанъ уплатить долгъ, а съ момента, когда состоялось судебное опредѣленіе, даже раньше, со времени протеста — онъ знаетъ и тó, *кому* онъ обязанъ уплатить. И за всѣмъ тѣмъ ему еще посылается повѣстка объ исполненіи, которому уже давно пора наступить. Слѣдуетъ устроить по крайней мѣрѣ такъ, чтобы должникъ не могъ злоупотреблять этой процедурой. Повѣстка объ исполненіи должна быть посылаема потому, во 1) «что должникъ можетъ заплатить присужденную сумму и тѣмъ сдѣлать излишнимъ понудительное исполненіе и во 2) для того, чтобы дать ему возможность охранить свои интересы». Объясн. зап., стр. 97. Строго говоря, о добровольномъ исполненіи можетъ быть рѣчь только во время производства дѣла въ судѣ или, точнѣе, съ момента рѣшенія *до* полученія исполнительнаго листа; если же должникъ не разсчитался въ это время съ своимъ кредиторомъ и тотъ взялъ исполнительный листъ, то въ сущности здѣсь уже начинается понудительное исполненіе; въ исполнительномъ листѣ заключается уже понятіе о

давленіи на имущественную личность должника съ цѣлію вынудить отъ него платежъ. Въ этомъ смыслѣ повѣстка объ исполненіи есть, такъ сказать, варіантъ исполнительнаго листа, совершенно, по моему мнѣнію, излишній, иногда даже парализующій исполненіе. Бываютъ, наприм., такія случаи, что приставъ посылаетъ должнику повѣстку объ исполненіи, но должникъ скрылся и исполненіе пріостанавливается; между тѣмъ у него есть движимое и недвижимое имущество. Повѣстка объ исполненіи посылается еще для того, чтобы дать должнику возможность охранить свои интересы. И здѣсь эта обрядность для добросовѣстнаго контрагента ничего не прибавляетъ, а для недобросовѣстнаго предоставляетъ лишній промежутокъ времени для переукрѣпленія имущества въ другія руки. Моментомъ, съ котораго ограничивается право должника распоряжаться своимъ имуществомъ (ст. 1097 и слѣд. уст. гр. суд.) долженъ быть признанъ не моментъ врученія повѣстки, а время, когда состоялось рѣшеніе и объявлена резолюція, такъ какъ именно въ рѣшеніи заключается основаніе, по которому законъ желаетъ, чтобы взыскатель засталъ имущество въ рукахъ должника и не лишенъ былъ возможности покрыть долгъ вслѣдствіе недобросовѣстности послѣдняго. Впрочемъ, вопроса о повѣсткѣ объ исполненіи я коснулся вскользь и на первый разъ, полагаю, было бы достаточно, если бы эти повѣстки посылались въ возможно короткій срокъ.

Разсуждая о лучшемъ устройствѣ исполненія судебныхъ рѣшеній по денежнымъ взысканіямъ, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ вексельныя взысканія, какъ требующія, по мысли закона, да и по самому своему существу, наибольшей строгости и быстроты. Естественно при этомъ является мысль объ учрежденіи при коммерческомъ судѣ особаго института судебныхъ приставовъ, которыми коммерческій судъ и будетъ располагать вполнѣ самостоятельно. Объ этомъ, какъ сообщалось въ газетахъ, и сдѣлано представленіе предсѣдателемъ здѣшняго окружнаго суда. Объ этомъ выражаются желанія и въ публикѣ. Собственно противъ такого мнѣнія ничего нельзя было бы возразить, если бы пришлось довольствоваться не общимъ преобразованіемъ

института судебныхъ приставовъ въ смыслѣ настоящей статьи, а частичными палліативными мѣрами. Дѣйствительно, исполненіе судебными приставами окружнаго суда рѣшеній, постановленныхъ коммерческимъ судомъ, является для перваго какъ нѣчто побочное, какъ бы навязанное. Судебные пристава, состоящіе при окружномъ судѣ, не могутъ прилагать *особеннаго* рвенія къ исполненію опредѣленій вексельнаго, напримѣръ, отдѣленія коммерческаго суда, потому что коммерческій судъ побуждать ихъ къ этому не имѣетъ права, а окружный, преслѣдуя свои функціи, не имѣетъ на то и времени. Но для того, чтобы проектируемые судебные пристава коммерческаго суда оправдали возлагаемыя на нихъ ожиданія, необходимо было бы: во 1) учредить достаточное ихъ число, ибо, въ противномъ случаѣ, малочисленность исполнителей и проистекающая отсюда вялость исполненія взысканій можетъ породить въ будущемъ солидные и все увеличивающіеся остатки неоконченныхъ дѣлъ, а во 2) необходимо назначить судебнымъ приставамъ приличное содержаніе (о чемъ уже упоминалось выше, по другому поводу), каковымъ нельзя признать сумму въ 600 р. Добросовѣстно исполняющему свои обязанности судебному приставу третью часть этой суммы придется истратить на извощиковъ, особенно при теперешнемъ порядкѣ, когда приставу нужно разъѣзжать по всему городу, для исполненія рѣшеній по отношенію къ различнымъ отвѣтчикамъ. Получаемое же приставами вознагражденіе не можетъ представлять собою постояннаго обезпеченія, такъ какъ оно выдается въ длинные промежутки времени (по-третямъ) и вообще не велико. Въ частности, вексельному отдѣленію трудно будетъ найти способныхъ и добросовѣстныхъ людей для занятія должностей судебныхъ приставовъ при томъ содержаніи, какое теперь получаютъ судебные пристава. Въ вексельномъ отдѣленіи большая часть взысканій представляетъ собою мелкія суммы (см. указанные выше №№ «Финанс. Обозр.»). А извѣстно, что такса вознагражденія за исполнительныя дѣйствія соразмѣряется съ суммою взысканія, такъ что приставъ по мелкимъ дѣламъ затрачиваетъ, приблизительно, тотъ же трудъ, что и по крупнымъ, но въ первомъ

случаѣ онъ получаетъ меньше вознагражденія, чѣмъ во второмъ. Такимъ образомъ матеріальное положеніе судебныхъ приставовъ коммерческаго суда было бы, пожалуй, хуже, чѣмъ положеніе ихъ при окружномъ судѣ, а если это вѣрно, то и не слѣдуетъ учреждать еще особыхъ судебныхъ приставовъ при коммерческомъ судѣ. Въ пользу послѣдняго мнѣнія говоритъ, далѣе, то соображеніе, что вексельное отдѣленіе при здѣшнемъ коммерческомъ судѣ учреждено въ видѣ временной мѣры, а коммерческіе суды вообще ждутъ преобразованія; съ этой стороны учрежденіе при нихъ особыхъ судебныхъ приставовъ представляло бы собою нѣчто весьма преходящее. Наконецъ, задача судебнаго мѣста, при которомъ судебный приставъ состоитъ, представляется въ надзорѣ и дисциплинарной власти, и здѣсь выгода отъ оставленія судебныхъ приставовъ (число которыхъ можетъ быть при этомъ увеличено) въ вѣдомствѣ окружнаго суда заключается въ томъ, что въ такомъ случаѣ не придется создавать ничего новаго, а воспользоваться готовымъ устройствомъ этой части.

IV.

Усиленіе состава судебныхъ приставовъ, въ связи съ улучшеніемъ ихъ содержанія, является потребностію не только настоящаго времени, но необходимо въ виду будущаго, такъ какъ имущественные обороты въ средѣ столичнаго населенія постоянно развиваются, а потому умножается и количество гражданскихъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ. Но для успѣшнаго отправленія исполнительной функціи необходимо еще, какъ выше упомянуто, *специализировать* занятія судебныхъ приставовъ, что́ уже само собою вызывается отмежеваніемъ извѣстнаго района для дѣятельности судебнаго пристава. Очевидно, если извѣстную силу направить на опредѣленный родъ дѣятельности, то результаты получатся гораздо полнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда она будетъ направляться въ разныя стороны. Примѣняя это общее положеніе къ институту судебныхъ приставовъ, слѣдуетъ сказать, что исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ по денежнымъ

взысканіямъ есть самая важная сторона ихъ дѣятельности. На эту сторону и должны быть направлены силы извѣстнаго числа участковыхъ судебныхъ приставовъ. Между тѣмъ, по существующему порядку, одни и тѣже пристава доставляютъ повѣстки и другія бумаги сторонамъ, дежурятъ во время засѣданій и исполняютъ разныя порученія по распоряженію предсѣдателя. Ст. 321, 322 учр. суд. уст. и 937 уст. гр. суд. Очевидно, что сообщеніе тяжущимся повѣстокъ и другихъ бумагъ, по дѣламъ, производящимся въ судебныхъ мѣстахъ, дежурство въ залѣ засѣданія и тѣ дѣйствія, какія могутъ быть поручены судебнымъ приставамъ судомъ въ предѣлахъ ихъ обязанностей, — все это вещи далеко не сложныя, не требующія ни особенныхъ знаній, ни особенныхъ способностей. Другое дѣло исполненіе судебныхъ рѣшеній. Здѣсь уже отъ судебнаго пристава требуется извѣстная доля юридическихъ и общихъ познаній, не говоря о нравственныхъ качествахъ, отсутствіе которыхъ при исполненіи рѣшеній прямо и непосредственно отзывается на интересахъ взыскателей. Необходимо, слѣдовательно, исполнительныя дѣйствія по денежнымъ взысканіямъ, какъ самую важную сторону дѣятельности института судебныхъ приставовъ, возложить на отдѣльную группу ихъ; такъ чтобы пристава, исполняющіе рѣшенія гражданскихъ судебныхъ мѣстъ по долговымъ обязательствамъ, не отвлекались отъ этой обязанности никакими другими занятіями, которыя могли бы задерживать успѣшную ихъ дѣятельность по исполненію взысканій. Другими словами, необходимо освободить этихъ судебныхъ приставовъ: 1) отъ дежурства въ зданіи суда и исполненія всѣхъ тѣхъ порученій, какія сопряжены съ нахожденіемъ пристава въ залѣ засѣданія, въ распоряженіи предсѣдателя суда, и 2) отъ доставленія повѣстокъ тяжущимся на явку въ судъ, а равно другихъ бумагъ. И то и другое должно входить въ кругъ обязанностей особыхъ судебныхъ приставовъ. Что касается дежурства, то судебнымъ приставамъ гражданскихъ отдѣленій дежурить приходится рѣдко. Тѣмъ не менѣе въ ст. 225 наказа с.-петербургскаго окружнаго суда говорится, что «при назначеніи сроковъ для исполнительныхъ дѣйствій су-

дебные пристава сообразуются съ временемъ, въ которое они должны находиться въ судѣ на дежурствѣ...» Подчинять срокъ для начатія исполнительныхъ дѣйствій времени дежурства значитъ,—если можно такъ выразиться,—оскорблять святость имущественнаго права кредитора, которое выражено въ исполнительномъ листѣ. «Вы тутъ со своимъ исполнительнымъ листомъ, а мнѣ дежурить надо», скажетъ судебный приставъ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему взыскателя, и будетъ правъ. Отбыть дежурство необходимо, но дежурство—само по себѣ, а исполнительный листъ—самъ по себѣ. Отдѣлите для дежурства и тому подобныхъ обязанностей извѣстное число судебныхъ приставовъ и сдѣлайте, чтобы приставъ, занимающійся исполненіемъ рѣшенія, былъ всегда наготовѣ удовлетворить всякому законному требованію взыскателя. Удовлетвореніе по исполнительному листу не терпитъ никакихъ проволочекъ; правильное и безостановочное развитіе имущественнаго оборота требуетъ, чтобы права кредитора по исполнительному листу были возстановлены безъ малѣйшей задержки. Отъ того деликатнаго отношенія къ должнику, о которомъ говорилось выше (повѣстка объ исполненіи), вообще отъ той слабости, которая характеризуетъ у насъ привлеченіе должника къ гражданской отвѣтственности, должникъ нисколько не выигрываетъ, такъ какъ кредиторъ весь рискъ, съ какимъ—онъ знаетъ—сопряжено полученіе денегъ, будетъ перелагать на дебитора. Не отсюда ли чудовищные проценты, неустойки, высокій дисконтъ, вообще колебаніе частнаго кредита...

Любопытно вспомнить, что составители судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. придавали чрезвычайно важное значеніе институту судебныхъ приставовъ, создавая въ лицѣ ихъ судебную полицію, «которая должна имѣть вліяніе какъ на самый ходъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и главнѣйшимъ образомъ на исполненіе судебныхъ рѣшеній». Поэтому коммисія по составленію уставовъ полагала, «что для дѣйствій судебныхъ приставовъ должны быть предписаны такія правила, которыя доставляли бы имъ всѣ способы успѣшнаго исполненія судебныхъ рѣшеній и въ то же время обезпечивали инте-

ресы тяжущихся, въ пользу которыхъ рѣшенія будутъ приводиться въ дѣйствіе, и по возможности ограждали права лицъ, подвергшихся взысканію». См. объяснительныя записки къ проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ, стр. 216. И нельзя не согласиться съ взглядомъ на чрезвычайную важность обязанностей, лежащихъ на судебныхъ приставахъ, ибо «въ рукахъ ихъ», какъ говорится далѣе въ запискѣ (217 стр.), «будетъ окончательная участь всѣхъ дѣлъ гражданскихъ». Очевидно, эту важность имѣютъ обязанности по *исполненію рѣшеній*, для чего «судебнымъ приставамъ необходимо основательное, если не теоретическое, то по крайней мѣрѣ практическое знаніе многихъ частей законовъ судопроизводства, и даже нѣкоторыхъ постановленій гражданскаго права» (ib.). Но вовсе такой важности не представляютъ обязанности судебнаго пристава по врученію повѣстокъ, бумагъ и по дежурству въ засѣданіи суда. Очевидно, сущность дѣла требовала выдѣлить тѣ и другія обязанности и возложить ихъ на различныхъ лицъ, чего, къ сожалѣнію, составителями сдѣлано не было, хотя необходимость такого выдѣленія выступитъ сама собою, если прослѣдить отдѣлъ «о кругѣ дѣйствія судебныхъ приставовъ» (ib. стр. 221). Принимая во вниманіе: а) что возложеніе на судебныхъ приставовъ каждаго суда всѣхъ исполнительныхъ дѣйствій по дѣламъ, въ томъ судѣ производимымъ, повело бы къ медленности и увеличенію расходовъ для исполнительныхъ дѣйствій по дѣламъ, рѣшаемымъ судебными палатами и тѣмъ болѣе по производящимся въ сенатѣ, и б) что въ проектѣ гражд. судопроизводства предполагалось жалобы по исполненію судебныхъ рѣшеній, гдѣ бы оное не производилось, приносить окружному суду, въ вѣдомствѣ котораго происходитъ исполненіе,—коммисія пришла къ заключенію, «*что всѣ дѣйствія по исполненію судебныхъ рѣшеній надлежитъ возлагать на судебныхъ приставовъ, состоящихъ при окружныхъ судахъ*, какъ наиболѣе приближенныхъ къ мѣстахъ, въ которыхъ должны производиться исполнительныя дѣйствія, а равно и къ власти, подъ контролемъ коей они будутъ состоять по сему исполненію». Первый мотивъ не есть собственно мотивъ юридическій,

а есть соображеніе мѣста и времени. О второмъ — будетъ рѣчь ниже. Главный же мотивъ основательности заключенія коммисіи я вижу въ томъ, что «только отъ судебныхъ приставовъ при окружныхъ судахъ потребуется спеціальное знаніе законовъ, примѣняемыхъ при исполненіи судебныхъ рѣшеній, а въ судебные пристава при палатахъ и кассаціонныхъ департаментахъ сената могутъ быть назначаемы люди съ меньшими юридическими познаніями» (ib., стр. 222).

Итакъ, въ основѣ соображеній коммисіи ясно выступаетъ необходимость выдѣленія исполнителей рѣшеній, какъ органовъ наиболѣе важныхъ. Это выдѣленіе было бы осуществлено и на практикѣ, если бы къ заключенію коммисіи было добавлено, что судебные пристава, состоящіе при окружныхъ судахъ, будутъ исключительно заниматься исполненіемъ рѣшеній. Между тѣмъ, коммисія, признавая принципъ важности исполнительныхъ обязанностей, тутъ же ослабила его, сказавъ, что «на этихъ же судебныхъ приставовъ слѣдуетъ возложить» доставленіе участвующимъ въ дѣлахъ лицамъ вызововъ и другихъ сообщеній и т. д. Мнѣ кажется, что въ настоящее время практика достаточно ясно указываетъ на необходимость раздѣленія занятій судебныхъ приставовъ въ томъ смыслѣ, какъ я старался это доказать. Возможность и пользу подобнаго порядка вещей доказываетъ мировая практика; въ числѣ другихъ удобствъ въ организаціи института судебныхъ приставовъ, она выработала и принципъ раздѣленія труда между ними. Такъ, по ст. 136 наказа, *одни* изъ числа судебныхъ приставовъ назначаются предсѣдателемъ съѣзда для исполненія рѣшеній и приговоровъ мировыхъ судебныхъ установленій, *другіе*—для исполненія опредѣленій, постановленныхъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства. Принципъ не выдержанъ лишь въ томъ отношеніи, что тѣ и другіе исполняютъ еще неизбѣжное дежурство въ помѣщеніи съѣзда, по очереди, установленной предсѣдателемъ. Тѣмъ не менѣе, и это не вполнѣ проведенное начало спеціализаціи занятій судебныхъ приставовъ, въ соединеніи съ другими правилами ихъ дѣятельности, установленными въ наказѣ, выразилось въ лучшихъ

результатахъ по отношенію къ величинѣ взысканной въ пользу истцовъ суммы, по сравненію съ приставами окружнаго суда.

Если дежурство въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружнаго суда и въ засѣданіяхъ мироваго съѣзда отнимаетъ у судебныхъ приставовъ, можетъ быть, и немного времени, то въ соединеніи съ дежурствомъ въ уголовныхъ отдѣленіяхъ и другими порученіями, въ виду коихъ пристава отрываются отъ исполненія рѣшеній, оно является такимъ дѣломъ, для котораго не будетъ роскошью имѣть опредѣленное число судебныхъ, лучше сказать, судныхъ приставовъ, спеціально къ этому предназначенныхъ. Они должны составить, такъ-сказать, низшій разрядъ приставовъ, съ меньшимъ, пожалуй, содержаніемъ противъ приставовъ исполнительныхъ [1]). Должность послѣднихъ по существу своему — болѣе самостоятельная, требующая больше знаній, но влекущая и больше отвѣтственности; а потому эта должность должна быть лучше вознаграждаема и, въ порядкѣ повышенія, ее слѣдовало бы предоставлять лучшимъ изъ судебныхъ приставовъ собственно.

На приставовъ этой послѣдней категоріи я бы полагалъ возложить и врученіе повѣстокъ и другихъ бумагъ, посылаемыхъ отъ суда тяжущимся. Что это занятіе довольно большое— показываютъ данныя отчетовъ. Въ 1870 г. (стр. 29, прим.) за доставленіе повѣстокъ судебные пристава заработали 7,363 р., а въ 1871 г. — 6270 р. Это составляетъ почти четвертую часть вознагражденія за исполнительныя дѣйствія. И уже по этому вознагражденію за 2 года можно судить, что доставленіе повѣстокъ есть занятіе, требующее много времени. Дѣйствительно, отчеты показываютъ, что судебнымъ приставамъ приходится доставлять ежегодно до 9 и болѣе тысячъ повѣстокъ суда. Отчетъ 1874 г. (стр. 56) говоритъ, что кромѣ приведенія въ исполненіе рѣшеній окружнаго суда, значительная доля

---

[1]) Въ журналѣ соединеннаго собранія департамента законовъ и гражданскаго госуд. совѣта по проекту уст. граж. суд., стран. 121, сказано: „эти лица (т.-е. занимающіеся исполнительною дѣятельностію) *могутъ* быть названы судебными исполнительными приставами“.

работы судебныхъ приставовъ приходится на доставленіе ими повѣстокъ... Слѣдовательно, я вправѣ сказать, что доставленіе повѣстокъ суда есть дѣло достаточно солидное по объему, чтобы съ одной стороны дать занятіе отдѣльной группѣ лицъ, а съ другой—чтобы тормозить дѣйствія приставовъ по исполнительнымъ листамъ. Вслѣдствіе того, что эти занятія не разграничены, первое изъ нихъ исполняется небрежно. По закону, судебные пристава сами лично должны вручать повѣстки, но они этого не дѣлаютъ и доставляютъ повѣстки съ разсыльными. Между тѣмъ врученіе повѣстки есть обрядъ весьма важный, такъ какъ судъ не можетъ приступить къ рѣшенію дѣла, о которомъ отвѣтчикъ не извѣщенъ. Но очень часто онъ и не желаетъ, чтобы извѣщеніе дошло до него, и для осуществленія такого желанія онъ имѣетъ много средствъ. Наиболѣе практикуемое средство состоитъ въ томъ, что отвѣтчикъ не прописывается, хотя это не мѣшаетъ ему жить въ извѣстномъ домѣ; а то онъ переѣзжаетъ съ квартиры на квартиру, или вовсе не пускаетъ къ себѣ въ домъ лицо, вручающее повѣстку, особенно если отвѣтчикъ—особа. Отсюда слѣдуетъ, что необходимы особые пристава, которымъ спеціально было бы поручено врученіе повѣстокъ и которые были бы вооружены всѣми прерогативами закона для того, чтобы заставить должника уважать призывъ къ суду.

Судебные пристава, обязанные дежурить въ засѣданіяхъ суда, исполнять различныя порученія предсѣдателя, доставлять повѣстки и проч.—это и суть тѣ пристава, которые необходимы для того или другаго отдѣленія суда, для департамента палаты или сената, для мироваго съѣзда. Что же касается судебныхъ приставовъ, исполняющихъ рѣшенія судебныхъ мѣстъ по денежнымъ взысканіямъ и дѣйствующихъ по охраненію наслѣдствъ, то всѣ пристава этой категоріи, какъ состоящіе при окружномъ судѣ, такъ и при мировыхъ судьяхъ, должны быть объединены подъ властію окружнаго суда и исполнять рѣшенія и предписанія тѣхъ мѣстъ и лицъ въ предѣлахъ участка, по мѣсту жительства отвѣтчика или нахожденію имущества, которое предстоитъ охра-

нить или арестовать. Можно полагать, что отъ такого преобразованія, въ связи съ другими упрощеніями въ дѣятельности судебныхъ приставовъ, о которыхъ была рѣчь выше, институтъ судебныхъ приставовъ, какъ исполнителей рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, получитъ бо́льшую прочность, опредѣленность, самостоятельность, а потому способенъ будетъ нести и бо́льшую отвѣтственность. Въ настоящее время у судебныхъ приставовъ столько начальниковъ, сколько есть въ Петербургѣ предсѣдателей суда, ихъ товарищей, мировыхъ судей, и дѣятельность ихъ раздробляется между исполненіемъ рѣшеній и различными другими обязанностями, связанными съ состояніемъ пристава при судѣ. Это смѣшеніе обязанностей, различныхъ по объему и имущественнымъ послѣдствіямъ, которое я старался выяснить въ настоящей статьѣ, представляется не менѣе ощутительнымъ и по вопросу о жалобахъ на судебныхъ приставовъ. Въ различныхъ случаяхъ, жалобы на приставовъ приносятся: мировымъ судьямъ, предсѣдателю съѣзда, самому мировому съѣзду, предсѣдательствующимъ отдѣленій окружнаго суда, наконецъ, совѣтамъ судебныхъ приставовъ. Ст. 174—178 наказа мироваго съѣзда и ст. 212—213 наказа окружнаго суда. Можно смѣло утверждать, что такое раздробленіе дисциплинарной власти ослабляетъ силу надзора, и именно по дѣламъ, касающимся исполненія рѣшеній, по которымъ, въ большинствѣ случаевъ, частныя лица и вынуждены бываютъ приносить жалобы. Само собою разумѣется, что на приставовъ, состоящихъ въ распоряженіи предсѣдателя суда, жалобы будутъ приносимы сему послѣднему, подобно тому какъ съ жалобами на чиновъ канцеляріи частныя лица обращаются къ ихъ непосредственному начальству. Другое дѣло претензіи частныхъ лицъ, возникающія при исполненіи рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ; тутъ жалобы могутъ имѣть существенное значеніе въ дѣлѣ, тутъ дѣйствія судебныхъ приставовъ затрогиваютъ имущественные интересы частныхъ лицъ и могутъ вызывать особое производство. Важность исполнительнаго производства по гражданскимъ дѣламъ и вытекающая отсюда необходимость строгаго надзора надъ

дѣйствіями судебныхъ приставовъ, исполняющихъ рѣшенія, каждый въ предѣлахъ извѣстнаго участка, требуютъ, чтобы надзоръ этотъ сосредоточивался въ одномъ мѣстѣ, и именно въ томъ или другомъ отдѣленіи окружнаго суда, какъ общаго судебнаго мѣста, охраняющаго имущественные интересы мѣстнаго населенія. Можно разсчитывать, что такой порядокъ облегчитъ частнымъ лицамъ путь къ жалобѣ и самый надзоръ надъ судебными приставами сдѣлаетъ болѣе дѣйствительнымъ.

Предлагаемое раздѣленіе судебныхъ приставовъ на собственно судебныхъ и исполнительныхъ существуетъ въ одной изъ окраинъ Россіи. Въ царствѣ польскомъ «судебные пристава дѣлятся на два разряда: одни, называемые *коморниками*, исполняютъ судебныя рѣшенія и нотаріальные акты, а другіе — *возные*, вручаютъ повѣстки и наблюдаютъ за порядкомъ въ судебныхъ засѣданіяхъ» («Журналъ Граж. и Угол. Права» 1875, книжка 5, стр. 101, ст. П. Юренева). Этотъ порядокъ, существующій въ царствѣ съ 1811 г. (Жур. 1876 г., кн. 1, стр. 91—92, ст. того же автора), сохраненъ и при введеніи здѣсь судебной реформы (ст. 59 полож. о прим. суд. уст. къ варш. суд. окр.), съ переименованіемъ только коморника—въ судебнаго пристава, а104 возного—въ судебнаго разсыльнаго. Мотивомъ къ сохраненію существующаго порядка послужило, какъ говоритъ г. Юреневъ, — кромѣ общихъ соображеній по существу вопроса,—еще и то, что «возные», занимаясь только врученіемъ бумагъ и охраненіемъ внѣшняго порядка въ судебныхъ засѣданіяхъ, получили значеніе простыхъ разсыльныхъ или курьеровъ, и общество привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на лицъ, стоящихъ гораздо ниже тѣхъ, которые занимаются исполненіемъ судебныхъ рѣшеній»; поэтому соединеніе обязанностей судебнаго пристава и судебнаго разсыльнаго въ одной должности «могло бы имѣть въ здѣшнемъ краѣ вредное вліяніе на ея отправленіе, потому что могло бы лишить лицъ, ею облеченныхъ, той степени уваженія и авторитета, которая безусловно необходима для успѣшности дѣйствій исполнителя судебныхъ рѣшеній». Все это совершенно вѣрно по существу дѣла, и если я сдѣлалъ выписку изъ статьи г. Юренева, то лишь

имѣя въ виду сказать нѣсколько словъ относительно внѣшней стороны предмета, имѣющей также свое значеніе (практическое). Дѣло въ томъ, что переводъ слова «возный» словомъ «разсыльный», хотя бы съ прибавкою «судебный», представляется не совсѣмъ удачнымъ, и не думаю, чтобы послѣднее названіе возбуждало къ носителю его особое уваженіе и придавало ему особый авторитетъ; если не многимъ лучше и «возный» по буквальному его смыслу, то слѣдовало поднять значеніе этихъ должностныхъ лицъ, присвоивъ имъ названіе судебныхъ приставовъ, а приставовъ, исполняющихъ рѣшенія, назвать исполнительными приставами, подобно тому, какъ были у насъ пристава исполнительныхъ дѣлъ. Суть, конечно, не въ словахъ, тѣмъ болѣе, что права судебныхъ разсыльныхъ и приставовъ одинаковы; тѣмъ не менѣе какъ-то странно слышать, что возные, получившіе значеніе простыхъ разсыльныхъ или курьеровъ и названные судебными *разсыльными*, будутъ охранять внѣшній порядокъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Если читатель вспомнитъ то, что было сказано сейчасъ относительно врученія повѣстокъ и другихъ бумагъ тяжущимся, то онъ согласится, можетъ быть, съ тѣмъ, что и въ этомъ отношеніи нѣкоторая внушительность названія была бы не лишняя.

V.

Подводя итогъ всему изложенному въ настоящей статьѣ, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) нашимъ судебнымъ приставамъ незнакомо то быстрое и энергическое производство по исполнительнымъ листамъ, которое внушало бы кредиторамъ увѣренность въ безостановочномъ полученіи удовлетворенія по своимъ долгамъ, а должниковъ побуждало бы разсчитываться по своимъ долгамъ возможно аккуратнѣе;

2) причины неуспѣшности исполнительныхъ дѣйствій судебныхъ приставовъ заключаются въ недостаточномъ ихъ числѣ, въ скудости ихъ содержанія и въ тѣхъ многоразличныхъ не-

удобствахъ и излишнихъ формальностяхъ, которыя отдаляютъ исполнителя отъ дѣла, вмѣсто того, чтобы ставить его возможно ближе и скорѣе къ этому дѣлу;

3) для того, чтобы приставъ удовлетворялъ своему назначенію въ дѣлѣ исполненія судебныхъ рѣшеній по денежнымъ взысканіямъ, независимо отъ улучшенія личнаго состава судебныхъ приставовъ, представляется необходимымъ сконцентрировать ихъ силы въ опредѣленномъ районѣ и направить дѣятельность исполнителя на исполненіе рѣшеній, возложивъ всѣ другія обязанности, смѣшанныя теперь въ лицѣ судебнаго пристава, на особую группу лицъ.

Н. Ржондковскій.

Содержаніе и назначеніе обвинительнаго акта.

Въ судебной практикѣ за послѣднее время нерѣдко возникалъ вопросъ о формѣ и содержаніи обвинительнаго акта; были даже попытки установить образцы. Но попытки эти, не устраняя недоразумѣній и вопросовъ, возникающихъ на разнообразной почвѣ факта, могли развѣ породить лишь рутинное подражаніе формѣ, ограничивавшееся строгимъ соблюденіемъ внѣшнихъ условій образца. Высказывался и другой противоположный взглядъ, не допускающій никакой регламентаціи въ отношеніи формы и содержанія обвинительнаго акта на томъ основаніи, что обвинительный актъ, какъ результатъ убѣжденія совѣсти, неизбѣжно обусловливается въ изложеніи субъективными пріемами составителя, и потому обособляется въ формѣ и содержаніи до безконечнаго разнообразія. Не подлежитъ, однакожъ, сомнѣнію, что закономъ начертаны хотя и широкія, но опредѣленныя рамки; законодатель не могъ не имѣть въ виду такихъ твердыхъ началъ, которыя ограничивали бы до возможныхъ предѣловъ личный произволъ въ воспроизведеніи акта, устанавливающаго починъ и основу судебнаго преслѣдованія. Очевидно, что оба крайнія мнѣнія, какъ то, которое стремится установить образцы, такъ и то, которое не допускаетъ никакой регламентаціи, удаляются отъ истины и должны найти себѣ примиреніе въ теоретическихъ нача-

лахъ, руководившихъ законодателемъ. Вопросъ о содержаніи и назначеніи обвинительнаго акта хотя и косвенно, но совершенно достаточно разработанъ во многихъ сочиненіяхъ, давно уже получившихъ извѣстность учебниковъ, и если подвести итоги указаніямъ юридической литературы, то примиреніе крайнихъ мнѣній представляется вполнѣ возможнымъ.

Форма и содержаніе всякаго дѣловаго акта обусловливаются его назначеніемъ и существомъ матеріала, въ него привходящаго. Существо матеріала, облекаемаго въ форму обвинительнаго акта, хотя и безконечно разнообразное, сводится, однакожъ, къ одному общему понятію о событіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія. Это общее понятіе индивидуализируется въ частности путемъ сопоставленія признаковъ конкретнаго факта съ законными признаками преступленія. Описаніе событія, въ смыслѣ преступленія, обусловливается, слѣдовательно, изложеніемъ такихъ фактическихъ признаковъ, связь которыхъ констатируетъ законный составъ преступленія; причемъ въ описаніе это, само собою разумѣется, необходимо привходятъ признаки времени и мѣста, какъ присущіе всякому вообще понятію о событіи. Но описаніемъ событія, заключающаго въ себѣ признаки преступленія, еще не исчерпывается назначеніе обвинительнаго акта; событіе, какъ преступленіе, осуществленное въ цѣляхъ и стремленіяхъ виновнаго, должно заключать въ себѣ опредѣленныя указанія на лицо, подлежащее суду. Ближайшее назначеніе обвинительнаго акта лежитъ, такимъ образомъ, въ доказательствахъ виновности лица, подлежащаго суду, и, слѣдовательно, въ изложеніи уликъ, собранныхъ въ томъ или другомъ данномъ случаѣ.

Сводя эти теоретическія соображенія въ основныя начала, законъ требуетъ, чтобы въ обвинительномъ актѣ были означены:

1) событіе, заключающее въ себѣ признаки преступнаго дѣянія;

2) время и мѣсто совершенія преступнаго дѣянія, насколько это извѣстно;

3) званіе, имя, отчество и фамилія или прозвище обвиняемаго;

4) сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ по дѣлу противъ обвиняемаго;

5) опредѣленіе по закону: какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣла (ст. 520 уст. угол. судопр.).

Въ отношеніи трехъ первыхъ условій, опредѣляющихъ фактическій матеріалъ преступленія, не представляется въ частности никакихъ поводовъ къ поясненіямъ. Опредѣленность и точность въ обозначеніи времени, мѣста, объекта и вообще фактической обстановки преступленія находятся въ прямой зависимости отъ полноты и ясности предварительнаго изслѣдованія. По вопросу о вліяніи несовсѣмъ точнаго обозначенія фактической обстановки преступленія на исходъ судебнаго разбирательства, для составителя обвинительнаго акта представляютъ интересъ лишь теоретическія соображенія о томъ, въ какомъ отношеніи долженъ находиться конкретный матеріалъ къ законному составу преступленія при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ. «Обвиненіе», по мнѣнію Гуго-Мейера, «можетъ быть разсмотрѣно во время процесса двоякимъ образомъ. Можно или подвести дѣло подъ понятіе новаго преступленія посредствомъ опущенія какого-либо факта, образующаго законный признакъ, или же можно замѣнить фактическія обстоятельства, приведенныя въ обвиненіи, другими, болѣе вѣроятными фактами, которые соотвѣтствуютъ одному и тому же существенному признаку какого-либо преступленія. Но въ замѣнѣ несовсѣмъ правильно обозначеннаго въ обвиненіи объекта преступленія или мѣста, гдѣ совершено оно, не можетъ вообще представляться какихъ-либо затрудненій; измѣненія могутъ имѣть значеніе только въ отношеніи времени, когда къ дѣлу предъявлены обвиняемымъ доказательства alibi».

По отношенію къ двумъ остальнымъ условіямъ въ законодательной практикѣ и теоріи порождается весьма много вопросовъ, исходящихъ изъ двухъ различныхъ пріемовъ, издавна усвоенныхъ въ Англіи и Франціи при постановкѣ обвиненія.

Обвинительный актъ въ Англіи представляетъ собою сопоставленіе индивидуальныхъ обстоятельствъ даннаго факта съ признаками, опредѣляющими по закону соотвѣтствующій факту составъ преступленія. Обвиненіе подкрѣпляетъ далеко не всѣ признаки дѣла конкретными обстоятельствами; отъ обвиненія вообще и не требуется, чтобъ всякій законный признакъ былъ непремѣнно выраженъ въ соотвѣтственной конкретной формѣ, напротивъ, допускаются самыя общія выраженія: «совершилъ воровство, преступно укралъ, зловредно поджегъ».

«Форма обвинительнаго акта, — говоритъ Миттермайеръ, — представляетъ простое, ясное, опредѣлительное, чуждое всякихъ предположеній и сужденій, изложеніе фактовъ, на которыхъ основывается обвиненіе; цѣль акта — ясно представить обвиняемому обвиненіе, а присяжнымъ сторону дѣла, на которую должно быть обращено особенное вниманіе при рѣшеніи вопроса о виновности. Содержаніе акта исключительно ограничивается одними доказательствами, относящимися къ преступленію, представленному на обсужденіе; ни свѣдѣній о характерѣ обвиняемаго, ни о его судимости, ни объясненій того, какъ могло быть совершено преступленіе, ни заключенія о виновности. Соединеніе нѣсколькихъ преступленій въ одномъ обвинительномъ актѣ допускается только при тѣсной ихъ связи; при невозможности обозначить, какимъ образомъ совершено преступленіе, приводится послѣдовательно нѣсколько обвиненій, относящихся къ одному преступленію».

Французскій законъ требуетъ означенія въ обвинительномъ актѣ не только свойства преступленія, составляющаго предметъ обвиненія, но и всѣхъ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ наказаніе. Въ заключительной части акта опредѣляется, какое совершено преступленіе и при какихъ обстоятельствахъ. «Выводы обвинительнаго акта, — по замѣчанію Гуго-Мейера, — составляютъ во Франціи самую существенную часть. Историческій отдѣлъ содержитъ въ себѣ полное описаніе дѣла, составленное во многихъ отношеніяхъ предположительно, и содержитъ обыкновенно въ себѣ столько подробностей, что невозможно принудить обвинительную сторону придерживаться

его во всей строгости. Часто случается, что чѣмъ полнѣе приведены въ историческомъ отдѣлѣ самый ходъ событій и подробности дѣла, тѣмъ менѣе будетъ содержаться конкретнаго матеріала въ заключительной части обвинительнаго акта, а между тѣмъ ея выводы, главнымъ образомъ, опредѣляютъ предметъ обвиненія».

Различіе въ постановкѣ обвиненія въ Англіи и во Франціи обусловливается, какъ извѣстно, различіемъ во взглядахъ на компетентность присяжныхъ по разрѣшенію правовыхъ понятій. Сложившаяся издавна, въ силу обычая, постановка обвиненія въ Англіи свидѣтельствуетъ, что присяжнымъ предоставляется разрѣшать обвиненіе во всемъ его объемѣ. Въ выраженіяхъ «преступно укралъ, зловредно поджегъ» понятіе о преступности и зловредности заключаетъ въ себѣ признаки и субъективной виновности, и преступности дѣянія въ томъ смыслѣ, въ какомъ представители общества понимаютъ преступность, предусмотрѣнную закономъ. Во Франціи, напротивъ, обнаруживается стремленіе ограничить вопросы областью конкретныхъ фактовъ. Отсюда особенное усердіе воспроизвести законные признаки въ фактическихъ данныхъ, переполненіе акта данными сомнительной достовѣрности и, вообще, субъективность изложенія. «Редакція французскихъ обвинительныхъ актовъ,— какъ замѣчаетъ г. Арсеньевъ,—отличается бо́льшею частію тою же страстностью, тою же запальчивостью, тѣмъ же пренебреженіемъ къ правамъ обвиняемаго, какъ и вообще вся дѣятельность обвинительной власти во Франціи. Преступленіе почти всегда выставляется вполнѣ доказаннымъ, виновность — несомнѣнною».

По смыслу нашего закона (ст. 760 уст. угол. судопр.), преступное дѣяніе, при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ, опредѣляется по законнымъ признакамъ наряду съ фактическими, и тѣ затрудненія, въ которыя поставлено обвиненіе по французскому праву, такимъ образомъ, сами собою устраняются. Коммисія, по обсужденію проекта судебныхъ уставовъ, пришла къ заключенію, что обстоятельства, вліяющія только на мѣру, а не на степень наказанія, и не составляющія суще-

ственныхъ признаковъ противозаконнаго дѣянія, не должны быть помѣщаемы въ обвинительномъ актѣ, тѣмъ болѣе, что указаніе ихъ значительно затруднило бы составленіе обвинительнаго акта и не всегда могло бы имѣть надлежащую точность, такъ какъ, при предварительномъ слѣдствіи, можно и должно довольствоваться собраніемъ существенныхъ о преступленіи свѣдѣній, а подробности дѣла предоставлять раскрытію при судебномъ слѣдствіи. Проектируя затѣмъ ст. 520 уст. угол. судопр., внесенную въ законъ безъ измѣненія, коммисія указала и на самое назначеніе обвинительнаго акта, которымъ, по мнѣнію ея, имѣется въ виду разъяснить суду дѣло и предъявить подсудимому обвиненіе.

Процессуальное назначеніе обвинительнаго акта опредѣляется ст. 519, 529, 549, 556, 678, 679 и 751 уст. угол. судопроизводства:

1) въ отношеніи обвинительной камеры, обвинительный актъ представляется заключеніемъ прокурора о преданіи обвиняемаго суду;

2) въ отношеніи подсудимаго, обвинительный актъ предъявляетъ ему тѣ существенныя данныя, которыми мотивировано обвиненіе;

3) въ отношеніи суда, обвинительный актъ указываетъ границы, въ которыхъ должно происходить судебное слѣдствіе, и предѣлы отвѣтственности обвиняемаго;

4) въ отношеніи присяжныхъ, обвинительный актъ представляетъ изложеніе главныхъ обстоятельствъ дѣла, подлежащихъ ихъ провѣркѣ.

Вообще, съ теоретической точки зрѣнія, обвинительный актъ, какъ функція уголовнаго преслѣдованія и судебнаго разбирательства, имѣетъ второстепенное значеніе, ибо, по отношенію къ преданію суду, онъ представляется лишь проектомъ для обвинительной камеры, по отношенію къ судебному разбирательству лишь программою; но въ практическомъ примѣненіи обвинительный актъ, какъ прочно мотивированная постановка обвиненія, имѣетъ весьма существенное значеніе какъ для обвинительной камеры, такъ и по отношенію къ исходу про-

цесса. Не говоря уже о томъ, что возможность поверхностнаго разсмотрѣнія акта въ обвинительной камерѣ парализируется единственно лишь серьёзнымъ отношеніемъ къ дѣлу составителя акта, оно же устраняетъ въ бо́льшей части и порождаемое обыкновенно въ судьяхъ равнодушіе къ исходу неопредѣленно, неточно и нерѣшительно поставленнаго обвиненія. Составитель обвинительнаго акта долженъ имѣть въ виду, что лица, провѣряющія актъ, по пассивному отношенію контролирующаго анализа, въ большинствѣ случаевъ мало расположены къ восполненію недостатковъ обвинительнаго акта, да и не призваны къ тому въ силу самаго назначенія контроля. «Безусловное прекращеніе обвиненія или исключеніе нѣкоторыхъ его пунктовъ должно имѣть мѣсто,—по мнѣнію Глазера,—лишь въ тѣхъ случаяхъ:

1) когда дѣяніе, постановленное въ вину подсудимому, не заключаетъ въ себѣ ни преступленія, ни проступка;

2) когда нѣтъ достаточныхъ основаній заподозрить подсудимаго;

3) когда существуютъ обстоятельства, которыя уничтожаютъ наказуемость дѣянія или устраняютъ уголовное преслѣдованіе;

4) когда въ данномъ случаѣ не существуетъ необходимыхъ по закону лицъ, участвующихъ въ преступленіи».

Слишкомъ большая разборчивость уликъ не соотвѣтствовала бы назначенію обвинительной камеры, замѣна же опредѣленіями тѣхъ обвинительныхъ актовъ, которые по изложенію и содержанію невполнѣ отвѣчаютъ всѣмъ условіямъ назначенія акта, повлекла бы за собою неминуемо промедленіе въ направленіи дѣлъ.

Возвращаясь, затѣмъ, къ положеніямъ о процессуальномъ назначеніи обвинительнаго акта, представляется полная возможность разъяснить ихъ теоретическими указаніями.

I. Въ отношеніи обвинительной камеры, обвинительный актъ представляется заключеніемъ прокурора о преданіи обвиняемаго суду.

Институтъ преданія суду, по мнѣнію Глазера, заключаетъ въ себѣ:

а) охрану обвиняемаго,

1) когда обвиненіе основано на недостаточныхъ доказательствахъ,

2) когда оно юридически недопустимо;

б) соблюденіе общественнаго интереса,

1) чтобы справедливому обвиненію данъ былъ ходъ,

2) чтобы не было напрасной траты времени, силъ, денегъ, потребныхъ для судебнаго разбирательства;

в) правильное направленіе судебнаго разбирательства къ окончательному рѣшенію, т.-е.

1) точное формулированіе обвиненія съ фактической и юридической стороны,

2) опредѣленіе подсудности дѣла по существу и пространству вѣдомства,

3) разсмотрѣніе и устраненіе нѣкоторыхъ неправильностей, допущенныхъ въ ходѣ дѣла и имѣющихъ вліяніе на судебное разбирательство,

4) полное обслѣдованіе до возможной ясности обстоятельствъ дѣла и доказательствъ.

Очевидно, что обвинительная камера должна въ той же мѣрѣ руководствоваться этими основными началами, въ какой и составитель обвинительнаго акта. Такъ какъ обвинительный актъ получаетъ свое значеніе съ утвержденія его обвинительною камерою, то по отношенію собственно къ обвинительной камерѣ онъ представляется починомъ судебнаго преслѣдованія со стороны прокурора, находящаго достаточно къ тому основаній въ данныхъ предварительнаго слѣдствія, произведеннаго подъ его наблюденіемъ. Обвинительный актъ представляетъ собою программу, въ которой должно быть, по мнѣнію прокурора, осуществлено возбужденное уголовное преслѣдованіе. Программа эта можетъ быть утверждена или отвергнута, если она не имѣетъ достаточныхъ основаній въ матеріалахъ слѣдствія или же по содержанію не соотвѣтствуетъ своему назначенію; но условія пригодности акта опредѣляются обвинительною камерою не въ смыслѣ подготовительнаго матеріала, облегчающаго ей разсмотрѣніе и дальнѣйшее направленіе дѣла, а въ

смыслѣ акта, предъявляющаго подсудимому обвиненіе и регулирующаго судебное разбирательство, въ смыслѣ постановки обвиненія, иниціатива котораго принадлежитъ прокурору, какъ органу публичнаго обвиненія. Прокуроръ не долженъ имѣть въ виду какихъ-либо особыхъ условій по составленію акта для болѣе удобнаго и скорѣйшаго разсмотрѣнія дѣла въ обвинительной камерѣ и, конечно, не обязанъ вдаваться ради этой послѣдней цѣли въ подробное изложеніе дѣла или въ изложеніе ряда выводовъ и умозаключеній. Вообще, какъ починъ уголовнаго преслѣдованія, обвинительный актъ по формѣ и содержанію не долженъ быть сообразуемъ съ какими-либо особыми, съ точки зрѣнія обвинительной камеры, требованіями, и потому разрѣшеніе вопроса о цѣлесообразномъ содержаніи обвинительнаго акта заключается въ другихъ условіяхъ его назначенія.

II. Обвинительный актъ предъявляетъ подсудимому данныя, которыми мотивировано обвиненіе, что̀ даетъ подсудимому возможность приготовиться къ защитѣ.

«Для полноты обвинительнаго акта, — замѣчаетъ г. Арсеньевъ,—необходимо, чтобы въ немъ приведена была сущность показаній всѣхъ свидѣтелей, которыхъ предполагается вызвать въ судебное засѣданіе, или по крайней мѣрѣ упомянуто было, о чемъ именно былъ спрошенъ каждый изъ этихъ свидѣтелей»..... иначе защита ставится въ затрудненіе. Подсудимый имѣетъ право на предупрежденіе о томъ, какое именно заключеніе выводится противъ него изъ каждаго свидѣтельскаго показанія. Такъ какъ обвинительный актъ служитъ средствомъ къ разъясненію дѣла, а не орудіемъ обвиненія, то въ списокъ свидѣтелей должны быть включаемы и лица, показанія которыхъ служатъ въ пользу оправданія. Въ подкрѣпленіе этого довода г. Арсеньевъ ссылается на разъясненіе составителей уставовъ къ ст. 573: «прокуроръ обязанъ требовать къ судебному слѣдствію всѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ могутъ служить къ раскрытію истины, а не тѣхъ только, свидѣтельствомъ которыхъ подкрѣпляется обвиненіе».

Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что обвини-

тельный актъ долженъ заключать въ себѣ всѣ существенныя обстоятельства дѣла, и потому описаніе системы защиты, принятой обвиняемымъ, безусловно обязательно для составителя акта. Хотя въ существующей практикѣ система защиты помѣщается въ актъ лишь при очевидной ея несостоятельности, но пріемъ этотъ отнюдь не даетъ повода дѣлать какое либо заключеніе о сложившемся направленіи въ обвиненіи; онъ объясняется весьма просто тѣмъ, что описаніе системы защиты усложняло бы иногда въ значительной степени составленіе акта. При включеніи ея въ актъ признано почему-то необходимымъ представлять и опровергающіе ее доводы; мотивированіе же въ обвинительномъ актѣ не всегда возможно и умѣстно. Понятіе о томъ, въ какой степени вообще допустимо мотивированіе въ обвинительномъ актѣ, весьма условно. При полномъ уваженіи къ правамъ обвиняемаго нельзя, однакожъ, согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что обвиняемый имѣетъ право на предупрежденіе о томъ, какое именно заключеніе выводится противъ него изъ каждаго свидѣтельскаго показанія. Если прокуроръ обязанъ вызвать всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ раскрываютъ истину, то, конечно, въ актѣ должны быть помѣщены хотя указанія на ихъ содержаніе, иначе актъ не будетъ заключать въ себѣ всѣхъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Но если сумма всѣхъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла, со включеніемъ и системы защиты, раскрываетъ истину въ смыслѣ основанія къ преданію суду, то за изложеніемъ ихъ едва ли уже представляется необходимость въ особыхъ умозаключеніяхъ и доводахъ. Вообще, обвиненіе, построенное на косвенныхъ уликахъ, можетъ быть выражено въ видѣ вполнѣ законченныхъ выводовъ только на судѣ. Данныя предварительнаго слѣдствія далеко не имѣютъ свойства достовѣрныхъ; только на судебномъ слѣдствіи, послѣ тщательной оцѣнки уликъ сторонами, представляется возможность опредѣлить значеніе каждой изъ уликъ и отыскать тотъ фокусъ, въ которомъ внутренняя связь ихъ освѣщается въ смыслѣ законченнаго непреложнаго довода. «Очень часто обвинителю, — замѣчаетъ Гуго-Мейеръ, — пришлось бы выполнить нѣчто совершенно невозможное, еслибъ

онъ вздумалъ подкрѣпить свое подозрѣніе относительно соотвѣтствія даннаго случая извѣстному преступленію исключительнымъ указаніемъ конкретныхъ фактовъ, въ которыхъ осуществляется тотъ или другой изъ законныхъ признаковъ этого преступленія. Обозначить преступленіе конкретнымъ образомъ возможно всегда только приблизительно. Каждое преступное дѣяніе осуществляетъ, такъ сказать, общія нормы закона въ единичныхъ случаяхъ; но, чтобы имѣть возможность выразить хотя бы часть законныхъ признаковъ въ соотвѣтствующихъ имъ конкретныхъ обстоятельствахъ, необходимо всегда предварительно произвести весьма обширныя и тщательныя изслѣдованія, а относительно нѣкоторыхъ частей можно почти положительно сказать, что подобной замѣны совсѣмъ почти нельзя и достигнуть, такъ, напр., признаки субъективной вины по большей части ускользаютъ отъ болѣе близкаго изслѣдованія. Всего менѣе въ состояніи сдѣлать это обвинительный актъ, съ котораго только начинается главное изслѣдованіе дѣла. Въ большинствѣ случаевъ можно выставить довольно сильное подозрѣніе, что въ данномъ случаѣ заключается тотъ или другой признакъ преступленія, но очень рѣдко можно указать и конкретную форму осуществленія этихъ признаковъ. Такимъ образомъ, нужно признать за обвиненіемъ право приводить столько конкретныхъ обстоятельствъ, сколько это необходимо для индивидуализированія даннаго случая, а остальные признаки выражать въ тѣхъ общихъ нормахъ, которыя употребляетъ законъ. Тогда только и становится вообще возможно обвиненіе. Если обвинитель выставитъ болѣе конкретныхъ обстоятельствъ дѣла, нежели онъ въ состояніи доказать, то ему всегда представляется опасность проиграть дѣло, а поэтому ему должно быть предоставлено полное право употреблять непосредственно въ своемъ обвиненіи законные признаки преступленія, которые онъ не въ состояніи выразить съ полною точностью въ конкретныхъ обстоятельствахъ». Въ виду этихъ соображеній, право подсудимаго на предупрежденіе о томъ, какое именно заключеніе выводится противъ него изъ каждаго свидѣтельскаго показанія, не всегда осуществимо при обвиненіи, построенномъ на

косвенныхъ уликахъ; въ отношеніи же обвиненій, построенныхъ на прямыхъ доказательствахъ, оно осуществляется въ простомъ изложеніи обстоятельствъ дѣла. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что подробная оцѣнка въ обвинительномъ актѣ данныхъ, получающихъ иногда на судѣ значеніе сомнительныхъ, можетъ возбудить въ присяжныхъ недовѣріе къ видоизмѣненнымъ доводамъ обвиненія. Если же подъ оцѣнкою понимать ту или другую комбинацію данныхъ, простое указаніе на внутреннюю связь уликъ, на доказательное значеніе факта и несущественность опроверженій обвиняемаго, то уклоненіе отъ такого мотивированія не имѣло бы никакого основанія.

III. Обвинительный актъ указываетъ суду границы, въ которыхъ должно происходить слѣдствіе, и предѣлы отвѣтственности обвиняемаго.

По поводу измѣненій въ соотношеніяхъ факта и права при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ, Гуго-Мейеръ указываетъ на три вопроса:

а) «Можетъ ли быть пополненъ при постановкѣ вопросовъ какой-либо признакъ законнаго состава преступленія, опущенный изъ виду въ обвиненіи? Вопросъ этотъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если въ обвиненіи не находится также никакого фактическаго обстоятельства, изъ котораго можно бы было вывести этотъ признакъ. Если въ обвинительномъ актѣ остался просмотрѣннымъ какой-либо признакъ, пропущенный также и въ опредѣленіи обвинительной камеры, то всякое пополненіе или опущеніе не должно имѣть мѣста».

Вопросъ этотъ не долженъ бы, казалось, представлять затрудненій, ибо возможныя измѣненія въ соотношеніяхъ факта и права при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ предусмотрѣны закономъ, опредѣляющимъ предѣлы отвѣтственности обвиняемаго на судѣ; но на практикѣ обвиненіе нерѣдко становится въ затрудненіе, примѣняя въ сомнительныхъ случаяхъ высшую норму отвѣтственности къ обвиняемому. Если признаки субъективной вины въ бóльшей части случаевъ ускользаютъ отъ близкаго изслѣдованія, и обстоятельство это нѣсколько извиняетъ

обвинителя въ постановкѣ предполагаемаго предумышленія въ убійствѣ вмѣсто убійства по простому умыслу, то въ отношеніи объективныхъ признаковъ, доступныхъ изслѣдованію, примѣненіе высшей нормы въ сомнительныхъ случаяхъ было бы ничѣмъ не извиняемо. Если смотрѣть на прокурора, какъ на представителя закона, то постановка высшей нормы отвѣтственности въ сомнительныхъ случаяхъ невполнѣ гармонируетъ съ его назначеніемъ. Въ практикѣ спб. окружнаго суда за послѣднее время было нѣсколько случаевъ примѣненія въ убійствѣ предумышленія весьма сомнительной доказательности, и едвали можетъ пасть какое-либо нареканіе на вердикты присяжныхъ, разрѣшавшихъ всякій разъ сомнѣніе въ пользу обвиняемыхъ. Безполезность допускаемаго иногда въ практикѣ пріема держаться при неудовлетворительномъ изслѣдованіи дѣла высшей нормы отвѣтственности въ постановкѣ обвиненія не разъ уже доказана на опытѣ, несообразность же такого пріема съ теоретической точки зрѣнія, конечно, не подлежитъ сомнѣнію.

б) «Могутъ ли быть употреблены въ вопросахъ всѣ законные признаки, о которыхъ говоритъ обвиненіе, или только тѣ изъ нихъ, для доказательства которыхъ само обвиненіе или судебныя пренія доставили достаточно конкретнаго матеріала? Судъ при своемъ рѣшеніи долженъ имѣть въ виду все обвиненіе, указанное въ обвинительномъ актѣ, но обвинительный актъ очень часто употребляетъ законныя опредѣленія извѣстныхъ признаковъ, не представляя преступнаго дѣянія въ его спеціальной конкретной формѣ. Обвиненіе и не должно непремѣнно представлять фактическій матеріалъ для всякаго признака, напротивъ того, даже и тѣ обстоятельства, которыя оно представляетъ въ ихъ общезаконной формѣ, должны быть признаваемы какъ фактическое основаніе обвиненія. Потому болѣе или менѣе точное указаніе фактическаго матеріала при приведеніи доказательствъ не имѣетъ особенно сильнаго вліянія на постановку вопросовъ».

Въ разъясненіе этихъ замѣчаній Гуго-Мейера слѣдуетъ лишь имѣть въ виду, что понятіе какъ о фактическомъ, такъ и о законномъ признакѣ преступленія опредѣляется иногда

однимъ и тѣмъ же выраженіемъ; такъ, выраженія: «лишилъ жизни, похитилъ, поджегъ», заключаютъ въ себѣ понятіе какъ фактическихъ, такъ и законныхъ признаковъ. Обстоятельства дѣла складываются иногда такимъ образомъ, что обвинитель не имѣетъ никакой возможности представить образно, въ конкретныхъ признакахъ, способъ осуществленія преступнаго намѣренія. Обвиненіе, построенное на косвенныхъ уликахъ, разрѣшается присяжными весьма часто на основаніи умозаключеній, приводящихъ къ убѣжденію, что убійство, поджогъ или кража имѣли въ данныхъ случаяхъ мѣсто, что виновность лица, преданнаго суду, несомнѣнна, — а между тѣмъ способъ осуществленія преступнаго намѣренія, за отсутствіемъ фактическихъ признаковъ, остается въ области отвлеченныхъ представленій. Но въ тѣхъ вообще преступленіяхъ, гдѣ конкретные признаки способа осуществленія, хотя бы они и были на лицо, сами по себѣ не могутъ еще выражать преступнаго намѣренія, — обвиненіе безъ болѣе или менѣе точнаго, или хотя даже условнаго представленія законнаго состава преступленія въ конкретныхъ признакахъ немыслимо. Открытое отнятіе чужой вещи настолько же указываетъ на грабежъ, на сколько и на самоуправство. Обманное пріобрѣтеніе чужаго имущества, — если обманъ непреступенъ, какъ, напр., обманъ въ качествѣ товара, или если обманъ по самому свойству и средствамъ не представлялъ собою орудія, способнаго возбудить заблужденіе въ обманутомъ, — сводится съ мошенничества на степень, быть можетъ, неудобной для одной изъ сторонъ, но тѣмъ не менѣе гражданской сдѣлки.

По мнѣнію г. Буцковскаго, преступленіе въ обвинительномъ актѣ должно быть означено, на основаніи п. 5 ст. 520 уст. угол. судопр., лишь въ общихъ чертахъ и преимущественно тѣми признаками, которые принадлежатъ къ его внѣшнему составу, безъ точнаго опредѣленія внутренней стороны. Смысломъ того же закона, по мнѣнію г. Арсеньева, обусловливается болѣе опредѣленная редакція обвинительнаго акта: необходимо указаніе какой-либо одной категоріи преступленій; преступле-

ніе должно быть опредѣлено въ выраженіяхъ, соотвѣтствующихъ закону.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше соображеній, по поводу нормальнаго соотношенія между фактомъ и правомъ въ постановкѣ обвиненія, нельзя не придти къ тому заключенію, что относительно значительной части преступленій обвиненіе немыслимо безъ представленія законнаго состава ихъ въ конкретной, образной формѣ. Затѣмъ, весьма естественно, что вообще чѣмъ опредѣленнѣе и точнѣе конкретное представленіе законнаго состава преступленія, тѣмъ осязательнѣе и убѣдительнѣе обвиненіе. Но опредѣленное и точное представленіе законнаго состава преступленій въ конкретныхъ признакахъ не всегда возможно, а при сомнительныхъ данныхъ предварительнаго слѣдствія—и опасно. Установить предѣлы, въ какихъ случаяхъ и въ какой степени допустима точность и опредѣленность въ конкретномъ представленіи, нѣтъ никакой возможности, но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что лучшимъ въ этомъ отношеніи руководствомъ служатъ указанія Гуго-Мейера и Глазера:

1) возможно опредѣленное выраженіе законнаго состава преступленія въ конкретныхъ признакахъ;

2) спеціализированіе законнаго состава видовыми конкретными фактами въ той мѣрѣ, въ какой прочна ихъ доказательность.

Эти указанія совершенно соотвѣтствуютъ и смыслу п. 5 ст. 520 уст. угол. судопр., ибо тамъ сказано: «опредѣленіе по закону, *какому именно* преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣла».

в) Въ какомъ отношеніи долженъ находиться конкретный и законный составъ преступленія при постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ? По поводу этого третьяго вопроса приведены уже выше соображенія Гуго-Мейера, полагающаго, что поправки обвиненія въ вопросахъ по отношенію къ объекту, мѣсту и времени не представляютъ особеннаго значенія.

IV. По отношенію къ присяжнымъ обвинительный актъ

представляетъ изложеніе главныхъ обстоятельствъ дѣла, подлежащихъ ихъ провѣркѣ.

«Обвинительный актъ есть,—по мнѣнію Faustin Hélie,—простое изложеніе дѣла, вся его задача—установить предметъ и почву обвиненія. Это не судебная рѣчь, потому что въ судебной рѣчи обсуждаются всѣ спорные вопросы, возникающіе въ дѣлѣ, обвинительный же актъ только высказываетъ обвиненіе, не доказывая его. Это не заключеніе прокурора, представляющее факты съ извѣстной точки зрѣнія и подводящее ихъ подъ дѣйствіе закона. Обвинительный актъ только разсказываетъ факты, а не разсматриваетъ ихъ, не приходитъ ни къ какому заключенію; онъ не опровергаетъ системы защиты, а только описываетъ ее; онъ не поддерживаетъ системы обвиненія, а только излагаетъ ее».

Опредѣленіе это представляется съ перваго взгляда какъ бы нѣсколько идеализированнымъ, но при ближайшемъ обсужденіи оно совершенно исчерпываетъ условія формы, содержанія и назначенія обвинительнаго акта. Если обвинительный актъ, какъ замѣчено уже это выше, представляется описаніемъ событія, заключающаго въ себѣ признаки преступленія, осуществленнаго въ цѣляхъ и стремленіяхъ виновнаго, а слѣдовательно такимъ описаніемъ, которое должно заключать въ себѣ «сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ по дѣлу противъ обвиняемаго», то отсюда не слѣдуетъ еще, чтобъ составитель акта имѣлъ въ виду подкрѣплять и развивать рядомъ умозаключеній самую доказательность уликъ. «Сущность доказательствъ и уликъ», представленная въ обвинительномъ актѣ, неизбѣжно носитъ уже на себѣ отпечатокъ субъективной оцѣнки составителя акта, хотя бы даже въ томъ или другомъ сопоставленіи обстоятельствъ дѣла; субъективная оцѣнка обвинителя представляется, наконецъ, обязательною при «опредѣленіи по закону: какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣла»; но идти далѣе этихъ предѣловъ въ субъективной оцѣнкѣ законъ не указываетъ; съ теоретической же точки зрѣнія идти далѣе было бы не только безцѣльно, но и не безвредно.

Преступленіе, какъ событіе, осуществленное въ цѣляхъ и стремленіяхъ виновнаго, необходимо заключаетъ въ себѣ тѣ или другіе видовые признаки. Сумма этихъ признаковъ, при внутренней ихъ связи, воплощаетъ событіе въ цѣльный законченный организмъ, носящій на себѣ отпечатокъ преступной воли виновнаго съ болѣе или менѣе яснымъ обозначеніемъ причины явленія, его развитія и послѣдствій. Если съ одной стороны преступленіе, какъ событіе, носитъ на себѣ отпечатокъ преступной воли виновнаго, то съ другой—образъ дѣйствій виновнаго обусловливается тою обстановкою, въ которой проявляется осуществленное имъ преступленіе. Обстановка преступленія обусловливается бытовою почвою нарушенныхъ правоотношеній. Какъ бы ни были разнообразны сферы существующихъ между людьми правоотношеній, они сводятся къ извѣстнымъ группамъ и вносятъ систему въ самый законъ, подраздѣляющій уголовныя правонарушенія на преступленія противъ жизни, свободы, чести, собственности и т. п. Всякая сфера правоотношеній имѣетъ свои бытовыя условія, сложившіяся подъ стремленіемъ общества къ охраненію неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ человѣка. Виновный, проявляющій свою преступную волю въ той или другой сферѣ правоотношеній, невольно подчиняется бытовымъ ея условіямъ, обходя принятыя мѣры къ предупрежденію правонарушеній и предупреждая съ своей стороны тѣ мѣры, которыя неизбѣжно приняты будутъ къ его преслѣдованію. Его образъ дѣйствій специализируется въ силу тѣхъ или другихъ особенностей обстановки и опредѣляется тѣми или другими объективными признаками, порождающими различіе въ свойствѣ и значеніи доказательствъ обвиненія и защиты. Наличность обвиняемаго на мѣстѣ преступленія представляется уликою въ поджогѣ чужаго имущества и не имѣетъ никакого значенія въ поджогѣ собственнаго. Поличное въ кражѣ представляется въ большинствѣ случаевъ доказательствомъ виновности въ самомъ похищеніи; поличное въ конокрадствѣ — доказательствомъ лишь укрывательства. Свидѣтель очевидецъ — не рѣдкое явленіе въ дѣлахъ о кражѣ, почти не встрѣчается

въ дѣлахъ о грабежѣ. Ложный свидѣтель—случайное явленіе, возможное во всѣхъ почти преступленіяхъ, представляется неизбѣжною принадлежностію въ дѣлахъ о подлогѣ, о злостномъ банкротствѣ.

Мы знаемъ, напр., что повсюду въ дѣлахъ о злостномъ банкротствѣ обвиняемый является бѣдствующимъ и разорившимся, между тѣмъ какъ жена его и дѣти или родственники обладаютъ благосостояніемъ въ движимомъ или недвижимомъ имуществѣ,—

что обвиняемый ссылается на приданое своей жены, съ котораго, будто бы, онъ торговать началъ,—

что, ссылаясь на дурной ходъ торговли, обвиняемый не можетъ подкрѣпить этого книгами, такъ какъ онѣ неизвѣстно какимъ образомъ утрачены,—

что прикащики обвиняемаго, свидѣтельствуя объ упадкѣ его торговыхъ дѣлъ, даютъ весьма неопредѣленныя указанія на причины этого упадка,—

что подставные кредиторы, представляя на судѣ увѣренія въ честности и добросовѣстности обвиняемаго, не имѣютъ никакого понятія ни о прежнихъ его средствахъ, ни о положеніи его торговыхъ дѣлъ,—

что заявившіе о несостоятельности обвиняемаго кредиторы даютъ на судѣ, за давностью ущерба, показанія въ совершенно примирительномъ духѣ, и обвиненіе поддерживается лишь присяжными стряпчими, производившими конкурсное дѣло,—

что явятся на судъ даже свидѣтели, удостовѣряющіе о небреженіи обвиняемаго за послѣднее время къ своимъ дѣламъ, находившимся, будто бы, въ рукахъ недобросовѣстныхъ прикащиковъ,—

что, ссылаясь на это обстоятельство, обвиняемый имѣетъ полную возможность подкрѣпить его доказательствами, такъ какъ при распущенности торговыхъ дѣлъ злоупотребленія со стороны прикащиковъ весьма естественны,—

что обвиняемый непремѣнно сошлется на двухъ-трехъ свидѣтелей, получившихъ уплату долга товаромъ, который,

если разслѣдовать, самъ онъ забралъ въ долгъ, и переводя такимъ образомъ долги со старыхъ кредиторовъ на новыхъ, усыплялъ возникавшее со дня на день подозрѣніе въ банкротствѣ,—

что вообще обвиняемый не имѣетъ возможности указать или же весьма неопредѣленно указываетъ: куда и какимъ образомъ перешло его имущество,—

что если же обвиняемый укажетъ на имущество въ удовлетвореніе кредиторовъ, то оно или заложено или представляетъ цѣнность на знатока, какъ, напр., картины знаменитыхъ, будто бы, художниковъ. Мы знаемъ, что всѣ эти факты до крайняго однообразія, въ большей или меньшей мѣрѣ повторяются въ дѣлахъ о злостномъ банкротствѣ. Всѣ они представляютъ въ сущности систему защиты обвиняемаго. Улики, собираемыя слѣдователемъ по собственной инициативѣ, ограничиваются обыкновенно лишь допросомъ дворниковъ и приказчиковъ для разъясненія того, не былъ ли тайно вывозимъ изъ торговыхъ помѣщеній товаръ, иначе сказать допросомъ, не достигающимъ никогда почти цѣли, такъ какъ товаръ вывозится не тайно, а открыто; приказчики же, участвуя прямо или косвенно въ расхищеніи товара, свидѣтельствовали бы сами противъ себя. Весьма рѣдко энергія слѣдователя идетъ до разъясненія дѣла путемъ допроса лицъ, участвовавшихъ въ общихъ собраніяхъ кредиторовъ; все же остальное въ слѣдствіи составляетъ принятую обвиняемымъ систему защиты. Между тѣмъ, одно лишь объективное описаніе этой системы защиты воспроизводитъ уже «сущность доказательствъ и уликъ», обосновывающихъ обвиненіе. Значеніе всѣхъ приведенныхъ выше фактическихъ признаковъ злостнаго банкротства сводится такъ очевидно къ одной и той же причинѣ, признаки эти такъ выразительно обозначаютъ ея развитіе и послѣдствія, въ такой степени цѣльно обобщаются въ опредѣленное явленіе, представляющееся въ уголовной сферѣ особымъ, видовымъ, не имѣющимъ, по составнымъ частямъ своего организма, ничего общаго съ другими видовыми же явленіями въ сферѣ

преступленій, — что простаго объективнаго описанія его признаковъ совершенно достаточно для постановки обвиненія.

Еслибъ теоріей уголовнаго права разработана была физіологія преступленія, то было бы возможно до извѣстной степени категорически опредѣлить содержаніе обвинительнаго акта по отношенію къ п. 4 ст. 520 уст. угол. судопр. Но выработанныя наукою и практикою правила о доказательствахъ исходятъ изъ обобщенія видоваго преступленія въ отвлеченное понятіе о преступномъ дѣяніи. Шаткость и безсиліе этой теоріи признаны уже законодательствомъ; руководиться безусловно авторитетомъ схематическихъ ея выводовъ было бы даже не безвредно, для составителя же обвинительнаго акта безполезно, такъ какъ онъ имѣетъ дѣло съ конкретнымъ фактомъ, и, слѣдовательно, руководительнаго начала въ теоріи доказательствъ для себя найти не можетъ.

Возвращаясь, затѣмъ, къ указаніямъ Faustin Hélie, нельзя не согласиться, такимъ образомъ, съ тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ они вполнѣ примѣнимы; ибо если преступленіе, какъ событіе, осуществленное въ цѣляхъ и стремленіяхъ виновнаго, имѣетъ свою логику, то простое безпристрастное его описаніе будетъ само уже по себѣ умозаключеніемъ. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда достовѣрность самаго факта преступленія представляется условною, — когда сумма противоуликъ значительна и перевѣсъ обвиненія долженъ быть подчеркнутъ, — когда внутренняя связь уликъ въ одной лишь комбинаціи фактовъ невыразима, или подкрѣпленіе доводами необходимо для того, чтобъ обратить вниманіе присяжныхъ на доказательное свойство документальныхъ или числовыхъ данныхъ, — доводы должны быть кратки и по возможности сводиться лишь къ обозначенію улики, ускользающей отъ вниманія, или къ простому указанію на внутреннюю связь уликъ.

Подведя итоги указаніямъ теоріи, нельзя прежде всего не признать, что установленныя закономъ начала вовсе не такъ широки, чтобъ могло оставаться мѣсто произволу въ опредѣленіи ближайшихъ условій внѣшности и содержанія обвинительнаго акта. Законъ идетъ до возможныхъ предѣловъ. Намѣтивъ

элементы, организующіе существо обвинительнаго акта, законъ воздерживается отъ регламентаціи относительно частностей, и пробѣлъ этотъ,—если только есть тутъ какой-либо пробѣлъ,—можетъ быть восполняемъ не инструкціями и образцами, а развѣ только лекціями.

Обращаясь къ чисто практической сторонѣ настоящаго вопроса, не безъинтересно будетъ сдѣлать въ заключеніе нѣсколько замѣчаній.

1) «Фразеологіей наши обвинительные акты, вообще говоря, грѣшатъ мало; но излишнею подробностью, повтореніями, неудачнымъ расположеніемъ матеріала они страдаютъ слишкомъ часто». Это замѣчаніе г. Арсеньева встрѣчается въ 1870 году въ печати; но и до настоящаго времени распространено до извѣстной степени мнѣніе, что обвинительный актъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, убѣдить обвинительную камеру въ основательности возбуждаемаго обвиненія, — что обвинительная камера, вообще, требуетъ подробно мотивированнаго обвиненія Несостоятельность перваго предположенія становится очевидною, если принять въ соображеніе, что обвинительная камера контролируетъ постановку обвиненія по разсмотрѣніи подлинныхъ актовъ предварительнаго слѣдствія; относительно втораго, — остается лишь замѣтить, что обвинительный актъ не можетъ не имѣть въ виду впечатлѣнія, производимаго имъ на присяжныхъ. Можно себѣ представить, какое способенъ произвести впечатлѣніе обвинительный актъ, составленный въ формѣ длиннаго канцелярскаго доклада для обвинительной камеры.

2) Если художественное опредѣленіе Faustin Hélie представляется до нѣкоторой степени идеализированнымъ, то не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, идти въ противоположную сторону отъ идеала. Выразительность объективнаго описанія «сущности уликъ» стоитъ въ прямой зависимости отъ основательности и полноты предварительнаго изслѣдованія, которое производится подъ наблюденіемъ лица, составляющаго обвинительный актъ. Во всякомъ случаѣ объективность и безпристрастіе въ изложеніи составляютъ главное условіе обвинительнаго акта, и замѣчаніе г. Арсеньева «о необходимости избѣгать въ обвини-

тельномъ актѣ всякихъ указаній на прежнюю жизнь обвиняемаго, если они не имѣютъ значенія прямой противъ него улики», не встрѣчаетъ въ практикѣ возраженія. Въ виду этого замѣчанія, свѣдѣнія о прежней судимости должны бы быть помѣщаемы въ обвинительный актъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда это имѣетъ вліяніе на подсудность или предѣлы отвѣтственности обвиняемаго.

3) Встрѣчается еще одинъ спорный вопросъ въ практикѣ: обязанъ ли обвинитель вызывать къ судебному слѣдствію свидѣтелей, спрошенныхъ по требованію и въ защиту обвиняемаго? Возражающіе противъ обязательности такого вызова указываютъ на то, что прокуроръ, имѣя въ виду поддерживать обвиненіе, вправѣ предоставить этотъ вызовъ защитѣ, — что немыслимо и требовать отъ обвинителя, чтобъ онъ самъ же и предразбивалъ, такъ сказать, обвиненіе, —что, наконецъ, самый обвинительный актъ представляетъ собою собственно ту программу, въ условіяхъ которой можетъ быть проведено обвиненіе. Всѣ эти соображенія совершенно справедливы съ теоретической точки зрѣнія, но тогда актъ о преданіи суду не долженъ уже быть составляемъ обвинителемъ; тогда обвиненіе должно уже быть выдѣлено въ смыслѣ стороны, начиная съ предварительнаго слѣдствія. Даже на судѣ обвинитель по нашему закону является вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ законности, который смотритъ на судебное слѣдствіе, какъ на средство къ раскрытію истины, независимо отъ того, способенъ или неспособенъ обвиняемый обставить себя прочной защитой. Насколько это осуществимо—вопросъ другой; но не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что, вызывая лишь свидѣтелей обвиненія, прокуроръ уже не могъ бы разсчитывать на судебное слѣдствіе какъ на средство къ раскрытію истины.

Вл. Жуковскій.

Кассаціонная практика по вопросамъ уголовнаго права за 1872 и 1873 гг.

Матеріаломъ для настоящаго обзора служили рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ и 1-го за 1872 г., за исключеніемъ тѣхъ, которыя вошли уже въ обзоръ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента по вопросамъ уголовнаго права г-на Таганцева [1]), и за 1873 годъ. При этомъ въ виду изданія указателя г. Трахтенберга, который обнимаетъ всѣ рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента за 1872 и 1873 г., я, разумѣется, не буду представлять читателямъ полнаго перечня всѣхъ выводовъ сената, а постараюсь лишь указать на тѣ рѣшенія, которыя мнѣ кажутся болѣе замѣчательными и спорными.

По вопросу *о приготовленіи* и *покушеніи* сенатъ ограничился главнымъ образомъ повтореніемъ своихъ положеній, высказанныхъ въ рѣшеніи 1871 г. № 1438 по дѣлу Александровской, а именно, что покушеніемъ на преступленіе должно быть признаваемо такое дѣяніе обвиняемаго, коимъ онъ даетъ дальнѣйшее движеніе приготовленнымъ имъ средствамъ, съ цѣлью окончательнаго совершенія преступленія, причемъ дѣяніе это должно находиться въ непосредственной связи съ самымъ соверше-

---

[1]) „Журналъ Гражд. и Угол. Права“ 1873 г., IV, стр. 94 и слѣд.

ніемъ преступленія, выражать собою твердую рѣшимость обвиняемаго совершить преступленіе, и грозитъ уже извѣстною опасностью для лица или общества, противъ коихъ преступленіе направлено. Поэтому переписка подсудимаго съ братомъ, отыскиваніе въ Вѣнѣ гравера, способнаго исполнить заказъ на отпечатаніе акцій, пріобрѣтеніе подлинныхъ акцій тамбовско-саратовской желѣзной дороги и отсылка ихъ къ брату, — составляютъ дѣянія, представляющія собою приготовленіе къ преступленію, т. е. прінсканіе средствъ къ совершенію преступленія (по 1194 ст. улож. о нак.), но передача акцій граверу составляетъ уже покушеніе на преступленіе, ибо посредствомъ этого заказа средствамъ, приготовленнымъ подсудимымъ, дано движеніе, направленное къ совершенію самаго преступленія, причемъ въ дѣяніи этомъ несомнѣнно выразилась твердая воля подсудимаго совершить преступленіе и представлялась уже въ извѣстной степени опасность для общества (1872 г. № 1144). Но если въ этомъ рѣшеніи сенатъ какъ будто придерживается субъективнаго взгляда на покушеніе, то, кажется, въ другомъ рѣшеніи того же года за № 1073 онъ возвращается къ объективному, высказанному и прежде (напр., рѣш. 1868 г. №№ 695 и 568), т.-е. говоритъ, что всякое дѣйствіе обвиняемаго, указывающее на признаки намѣреваемаго имъ преступленія, вызывающее желаемый имъ результатъ и состоящее въ неразрывной связи съ главнымъ имѣвшимся въ виду преступнымъ дѣйствіемъ, есть покушеніе [1]).

Законъ, говоритъ сенатъ далѣе въ рѣш. № 600, 1873 г., различаетъ два рода покушенія на преступленіе: 1) покушеніе, остановленное по обстоятельствамъ, независящимъ отъ подсудимаго, т.-е. прерванное (114 ст. улож. о нак.), и 2) покушеніе оконченное, отличающееся отъ оконченнаго преступленія только тѣмъ, что совершенныя уже дѣйствія лишь случайно не имѣли желаемыхъ преступникомъ послѣдствій (115 ст. улож. о нак.). Слѣдовательно, для примѣненія послѣдней статьи недостаточно признанія того, что подсудимымъ было сдѣлано все, что онъ считалъ нужнымъ, а требуется и признаніе того, что имъ

---

[1]) Въ указателѣ г. Трахтенберга слова: „указывающее на признаки намѣреваемаго имъ преступленія“—пропущены; см. т. ж. 4242.

было приступлено къ дѣйствію, заключающему въ себѣ самое совершеніе преступленія [1]). Относительно назначенія наказанія за покушеніе сенатъ призналъ (1873 г. № 965), что уменьшеніе наказанія въ предѣлахъ, допускаемыхъ 114 ст. улож. о нак., зависитъ отъ усмотрѣнія суда, разсматривающаго дѣло по существу, правильность дѣйствій котораго въ этомъ отношеніи, за силою статьи 5 уст. угол. суд., не можетъ быть повѣряема кассаціоннымъ судомъ, т.-е., другими словами, не требуется, чтобы въ приговорѣ суда были подробно обсуждены всѣ обстоятельства, при которыхъ было совершено преступленіе, а достаточно одного указанія, что судъ по обстоятельствамъ дѣла находитъ справедливымъ уменьшить нормальное наказаніе, согласно 114 или 115 ст., на столько-то степеней.

О затрудненіяхъ, которыя встрѣтилъ сенатъ при отграниченіи покушенія отъ оконченнаго преступленія, я буду говорить ниже.

Что относится *до участія въ преступленіи*, то нельзя не указать на одно очень важное рѣшеніе (1873 г. № 936), въ которомъ представился вопросъ: какъ наказать частное лицо, принимавшее участіе въ преступленіи должности, совершенномъ должностнымъ лицомъ? Сенатъ нашелъ, что возраженія подсудимаго Афанасьева, относительно неправильности присужденія его къ наказанію по 362 ст. улож. за подлоги по службѣ, не заслуживаютъ уваженія, такъ какъ подсудимый признанъ виновнымъ въ сообщничествѣ съ Юркевичемъ, состоявшимъ на службѣ, въ совершеніи послѣднимъ преступленія по должности; а потому и наказаніе Афанасьеву (т.-е. лицу, не состоящему на службѣ) за участіе въ преступномъ дѣяніи Юркевича по службѣ, на основаніи 119 ст. улож., должно быть опредѣлено на основаніи того закона, которымъ предусматривается преступленіе, совершенное Юркевичемъ, а именно въ данномъ случаѣ по 362 ст. улож. о нак.

---

[1]) Поэтому произведенный съ цѣлью убить потерпѣвшаго въ него выстрѣлъ изъ заряженнаго пулею ружья, не причинившій смерти только потому, что нанесенная тяжелая рана оказалась несмертельной, — оконченное покушеніе (1872 г. № 588).

Слѣдовательно, частное лицо, являющееся сообщникомъ лица должностнаго въ совершеніи преступленія по должности, наказывается одинаково съ симъ послѣднимъ лицомъ. Хотя этотъ выводъ, по моему мнѣнію, теоретически и правиленъ, но остается все-таки очень сомнительнымъ, какъ примѣнять его въ тѣхъ случаяхъ, когда за преступленія по должности назначается одно изъ спеціальныхъ наказаній, перечисленныхъ въ 65 ст. улож. о нак. Нельзя не сожалѣть, что сенатъ высказалъ свое мнѣніе по этому вопросу въ видѣ аксіомы, не приведя ни одного мотива! [1]).

А между тѣмъ въ этомъ дѣлѣ затрогивается одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ уголовнаго права, т.-е. вопросъ о томъ, насколько личныя качества совершившаго непосредственно преступленіе вліяютъ на наказуемость участниковъ, который нерѣдко представляется въ практикѣ.

Очень интересно еще рѣшеніе 1872 г. № 1148, коимъ сенатъ призналъ, что укрывательство предусмотрѣнной въ 177 ст. уст. о нак. растраты преслѣдуется, по аналогіи, по 172 ст. уст. Мнѣніе свое сенатъ мотивируетъ прежде всего указаніемъ на то, что въ 14 ст. улож. о нак. не постановляется исключеній изъ общаго правила относительно преступности укрывательства вещей, присвоенныхъ себѣ другимъ лицомъ, и затѣмъ продолжаетъ: «хотя въ общихъ положеніяхъ уст. о нак. не упоминается вовсе объ укрывательствѣ, слѣдовательно, можно подумать, что законодательство наше не признало нужнымъ преслѣдовать укрывательство маловажныхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ этимъ уставомъ; но такое мнѣніе, въ обобщенномъ его смыслѣ, было бы неосновательно, такъ какъ 1) въ особыхъ постановленіяхъ о наказаніяхъ за проступки разнаго рода встрѣчаются указанія на укрывательство нѣкоторыхъ проступковъ (ст. 64, 159 — 172), и 2) въ соображеніяхъ, послужившихъ основаніемъ къ составленію общихъ положеній, ясно указано, что въ общихъ положеніяхъ не упомянуто объ укрывательствѣ для избѣжанія недоразумѣній, такъ какъ этотъ видъ

---

[1]) См. по этому поводу противоположное рѣшеніе государ. сов. по дѣлу Янковскаго во 2-мъ изд. улож. г. Таганцева, стр. 13.

участія можетъ быть двоякій: укрывательство виновныхъ и укрывательство добытыхъ противозаконно вещей; о каждомъ же изъ этихъ видовъ укрывательства постановлены особыя правила въ статьяхъ 64 и 172 уст.». — Очевидно, что выводъ сената, главнымъ образомъ, опирается на послѣдній аргументъ, который однако мнѣ кажется неправильнымъ, такъ какъ написанныя литературнымъ языкомъ соображенія составителей устава не всегда могутъ имѣть рѣшительное значенія при толкованіи его. Такъ, напр., въ приведенномъ сенатомъ разсужденіи дѣлается разница между понятіями: «преступленіе и проступокъ»; но слѣдуетъ ли изъ этого, что они въ законѣ имѣютъ различное значеніе? Далѣе, въ разсужденіи этомъ говорится, что въ 64 ст. постановлены правила объ укрывательствѣ *виновныхъ*, а между тѣмъ 64 ст. говоритъ объ укрывательствѣ *всѣхъ обвиняемыхъ* и лишь извѣстныхъ категорій *виновныхъ* (т. е. обвиненныхъ). Если же примѣнить къ этой статьѣ теорію сената о согласованіи ея буквальнаго смысла съ соображеніями составителей, то выходитъ, что, съ одной стороны, правило о преслѣдованіи обвиняемыхъ попало въ 64 ст. неправильно и поэтому примѣнено быть не должно, а съ другой, что по аналогіи должны преслѣдоваться укрыватели *всѣхъ* обвиняемыхъ. Но невѣрность подобнаго вывода вполнѣ очевидна. Слѣдовательно, и употребленныя составителями устава слова: «укрывательство противозаконно добытыхъ вещей» — не могутъ быть признаны обязательными для толкованія 172 ст. Напротивъ того, изъ устава о нак. видно, что укрывательство вообще не преслѣдуется, и что ст. 64, 159 и 172 ст. составляютъ исключенія изъ этого общаго правила, слѣдовательно, распространительно толкуемы быть не могутъ. Остальныя рѣшенія, толкующія объ *укрывательствѣ*, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; можно лишь указать на рѣш. 1873 г. № 500, въ которомъ сенатъ призналъ, что для понятія объ укрывательствѣ необходимо принятіе какихъ-либо мѣръ для истребленія или сокрытія слѣдовъ преступленія и, слѣдовательно, недостаточно одного знанія мѣстъ, гдѣ скрыты похищенные предметы.

Обращаясь затѣмъ къ вопросамъ, возникнимъ *при опре-*

дѣленіи наказаній по преступленіямъ (гл. III), мы встрѣчаемся прежде всего съ рѣшеніемъ 1872 г. № 574, коимъ сенатъ въ разъясненіе 95 ст. улож. призналъ, что лицо, признанное однажды сумасшедшимъ и совершившее потомъ новое преступленіе, подлежитъ освидѣтельствованію надлежащимъ порядкомъ, и только если при этомъ оно окажется дѣйствительно сумасшедшимъ, то содѣянное имъ преступленіе не вмѣняется ему въ вину.

Что же касается далѣе до рѣшеній сената, въ которыхъ говорится о *неосторожномъ совершеніи преступленій*, то они всѣ относятся до разъясненія 1 ч. 9 ст. улож. о нак.; къ сожалѣнію и они оставляютъ вопросъ о примѣненіи сей статьи въ такомъ же неудовлетворительномъ видѣ, въ которомъ онъ былъ и прежде [1]). Въ частности можно лишь указать, что сенатъ не усмотрѣлъ нарушенія въ примѣненіи 1 ч. 9 ст. къ дѣянію, заключающемуся въ тайномъ взятіи вещей у другаго лица и удержаніи у себя до востребованія ихъ по суду (1872 г. № 1196), т.-е. призналъ существованіе неосторожной кражи; что, далѣе, 1 ч. 9 ст. можетъ быть примѣнена къ порубкамъ въ казенныхъ лѣсахъ, коль скоро они совершены безъ намѣренія завладѣть казенною собственностью изъ корыстной цѣли (1872 г. № 1075 и 1873 г. № 141). Наконецъ, сенатъ возвратился къ прежней своей практикѣ [2]), признавая, что къ дѣламъ о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій не можетъ быть примѣнена 9 ст. уст. о нак., въ которой упоминается о ненамѣренныхъ поступкахъ, такъ какъ казенный ущербъ долженъ быть взысканъ съ нарушителя независимо отъ того съ намѣреніемъ или безъ намѣренія послѣдовало нарушеніе.

Переходя затѣмъ *къ обстоятельствамъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ вину*, нельзя не радоваться за подсудимыхъ въ виду той строгости, съ которой сенатъ требуетъ отъ суда, рѣшившаго дѣло по существу, внимательнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, и даже такихъ, кото-

---

[1]) Таганцевъ, мировой уставъ, замѣчанія на ст. 9.
[2]) Отъ которой отступился въ рѣш. 1872 г. № 102.

рыя не предусмотрѣны въ законѣ. Тульскій окружный судъ присудилъ крестьянина Алимова за кражу на основаніи 1649, 139 и 135 ст. улож. къ наказанію по 2 степ. 20 ст. Притомъ изъ дѣла видно, что Алимовъ за ту же кражу былъ подвергнутъ наказанію розгами, что во время совершенія преступленія ему было 18, а во время осужденія его 25 лѣтъ. Сенатъ нашелъ, что непринятіе судомъ во вниманіе того, что подсудимый привлеченъ къ уголовной отвѣтственности лишь чрезъ 6 лѣтъ по совершеніи преступленія и что уже понесъ наказаніе за судимое преступленіе, есть такое упущеніе, которое въ виду 135, 153 и 154 ст. улож. о нак. и 774 и 775 ст. уст. угол. суд. не могло не имѣть вліянія на справедливость приговора, и поэтому приговоръ этотъ отмѣнилъ (1873 г. № 32).

Много рѣшеній сената было вызвано вопросомъ *о наказаніи несовершеннолѣтнихъ.* Прежде всего сенатъ въ подробно и хорошо мотивированномъ рѣшеніи (1872 г. № 984) повторилъ высказанное еще въ 1871 г. положеніе, что несовершеннолѣтнимъ лицамъ привилегированнаго званія назначается по 1656 ст. улож. о нак. тюремное заключеніе безъ лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Далѣе сенатъ призналъ (1873 г. № 565), что общія судебныя мѣста, назначая несовершеннолѣтнимъ наказанія по уставу о нак., должны при этомъ руководствоваться не только изложенными въ особой части сего устава постановленіями, опредѣляющими предусмотрѣнные въ нихъ проступки и наказанія за нихъ, но и содержащимися въ семъ уставѣ общими положеніями; поэтому, въ случаѣ признанія несовершеннолѣтнихъ дѣйствовавшими безъ полнаго разумѣнія, общія судебныя мѣста должны примѣнять къ нимъ не постановленія 137 ст. улож. о нак., а руководствоваться содержащимися въ 11 ст. уст. правилами, коими не постановлено различія въ наказаніи несовершеннолѣтнихъ, дѣйствовавшихъ съ разумѣніемъ или безъ полнаго разумѣнія. При этомъ относительно вопроса о назначеніи наказанія по ст. 11 уст. о нак. сенатъ нашелъ (1872 г. № 1409 и 1411), что судъ, назначивъ сперва несовершеннолѣтнему подсудимому на основаніи 169 и 171 ст. уст. тюремное за-

ключеніе на полтора мѣсяца и уменьшивъ затѣмъ, согл. 11 ст. уст., это наказаніе на половину, поступилъ вполнѣ правильно, т.-е. призналъ, что смягченіе наказанія въ силу 11 ст. уст. должно быть произведено независимо отъ уменьшенія наказанія по какимъ-либо другимъ законнымъ причинамъ. Довольно интересный случай о примѣненіи 139 ст. улож. разрѣшенъ сенатомъ въ рѣшеніи (1873 г. № 238). Обстоятельства дѣла заключались въ слѣдующемъ: крестьянка Ларіонова, 20 лѣтъ, была признана виновной въ умышленномъ отравленіи мужа своего. Окруж. судъ нашелъ, что это дѣяніе, на основ. 1450 и 1451 ст. улож. о нак., влечетъ за собою наказаніе по 1 п. 19 ст., что это наказаніе, согл. 4 и 5 п. 134 ст., должно быть уменьшено одною степенью и назначено по 2 п. 19 ст. въ низшей мѣрѣ, что это наказаніе, согл. 139 ст., должно быть сокращено ей на одну треть, и поэтому приговорилъ ее къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 10 лѣтъ. Противъ этого рѣшенія товарищъ прокурора принесъ кассаціонный протестъ, въ которомъ объяснилъ, что судъ, приговаривая Ларіонову, согл. 2 части 139 ст., вмѣсто безсрочной каторги, въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, и находя справедливымъ, по обстоятельствамъ дѣла, понизить ей это наказаніе на одну степень, долженъ былъ опредѣлить ей наказаніе по 3 п. 19 ст., но уже безъ сокращенія опредѣленнаго въ этой степени срока работъ на одну треть, такъ какъ подобное сокращеніе допускается только для несовершеннолѣтнихъ, приговариваемыхъ къ срочнымъ каторжнымъ работамъ, а для несовершеннолѣтнихъ, подлежащихъ осужденію въ каторжныя работы безъ срока, установлено ст. 139 улож. другаго рода смягченіе наказанія, именно замѣна этихъ работъ 20-ти лѣтнею каторгою. Сенатъ оставилъ этотъ протестъ совершенно правильно безъ уваженія, на томъ основаніи, что установленное 139 ст. улож. о нак. сокращеніе сроковъ каторжныхъ работъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, не по неполному вмѣненію имъ въ вину содѣяннаго ими преступнаго дѣянія, влекущаго за собою уголовное наказаніе, а въ виду тѣлесной неразвитости

и малосилія ихъ, должно быть примѣняемо, въ каждомъ данномъ случаѣ, къ конечному выводу судомъ наказанія несовершеннолѣтнимъ подсудимымъ по ст. 19 улож. въ степени и мѣрѣ, какъ бы совершеннолѣтнимъ преступникамъ, по соображенію со всѣми увеличивающими и уменьшающими вину обстоятельствами, сопровождавшими судимое преступное дѣяніе, и что это сокращеніе сроковъ каторжныхъ работъ не можетъ служить способомъ перехода въ наказаніе для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ къ низшимъ степенямъ ст. 19 улож.;—иначе сказать: смягченныя по ст. 139 наказанія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ составляютъ для 1 степ. 19 ст.—ссылку на каторжную работу на 20-лѣтній срокъ, а для прочихъ степеней — ссылку въ каторжныя работы на сроки меньше противъ указанныхъ въ ст. 19 на одну треть, и, слѣдовательно, судъ, переходя въ приговорѣ своемъ о несовершеннолѣтнемъ подсудимомъ къ низшимъ степенямъ ст. 19 улож., переходитъ тѣмъ самымъ и къ соотвѣтствующимъ смягченнымъ размѣрамъ наказаній по этимъ степенямъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. — Относительно *повторенія несовершеннолѣтними преступленія*, сенатъ призналъ, что 146 ст. улож. *не можетъ* быть примѣняема въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если послѣ совершенія преступленія несовершеннолѣтній учинитъ новое, не менѣе тяжкое преступное дѣяніе, напр. при учиненіи, послѣ кражи со взломомъ, простой кражи (1872 г. № 1206) [1]; 2) когда второе преступленіе учинено съ полнымъ разумѣніемъ послѣ совершенія перваго безъ полнаго разумѣнія, или безъ разумѣнія, или наоборотъ, ибо, говоритъ сенатъ, законъ, изображенный въ 146 ст. улож., есть изъятіе изъ общаго правила о томъ, что малолѣтство и несовершеннолѣтіе подсудимаго признаются уменьшающими вину и строгость наказанія обстоятельствами, а потому ст. 146 должна быть примѣняема согласно съ началами уголовнаго

---

[1] Хотя общее правило, изложенное въ семъ рѣшеніи, несомнѣнно правильно, но все-таки можно сомнѣваться въ правильности примѣненія его къ данному случаю, ибо простая кража и кража со взломомъ суть не разныя, а одно и тоже преступленіе, такъ какъ то, что въ одномъ случаѣ къ преступленію присоеди-

права безъ всякаго распространительнаго толкованія ея во вредъ подсудимыхъ; если же 146 ст. улож., по буквальному ея смыслу, не различаетъ преступленій, совершенныхъ съ разумѣніемъ, отъ тѣхъ, которыя совершены безъ разумѣнія, или безъ полнаго разумѣнія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы законодатель не счелъ нужнымъ принимать во вниманіе это важнѣйшее обстоятельство, опредѣляющее едва ли не болѣе всѣхъ другихъ вину и наказаніе, а слѣдуетъ только то, что законодатель, при постановленіи этого закона, имѣлъ въ виду лишь обыкновенные случаи повторенія преступленій, совершенныхъ съ полнымъ разумѣніемъ, ибо иначе законъ не преминулъ бы указать на такое важное обстоятельство, какъ совершеніе преступленія безъ полнаго разумѣнія; поэтому нельзя не придти къ убѣжденію, что, по разуму 146 ст. улож., она должна быть примѣняема только къ тѣмъ случаямъ, когда оба преступленія подсудимаго, возбуждающія вопросъ о повтореніи вины, совершены съ полнымъ разумѣніемъ (1872 г. № 1328); 3) когда малолѣтніе и несовершеннолѣтніе прежде подвергнуты были домашнему исправленію по приговорамъ судебныхъ мѣстъ, такъ какъ изъ смысла 137 ст. улож. и второй половины 11 ст. уст. о нак. слѣдуетъ, что домашнее исправленіе не считается наказаніемъ, и поэтому малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, приговоренные къ отдачѣ родителямъ или родственникамъ для домашняго исправленія, не могутъ быть признаваемы осужденными къ наказанію (1873 г. № 613). Остальныя рѣшенія, относящіяся до 146 ст. улож., не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; въ нихъ проводятся давно извѣстные взгляды сената, что несовершеннолѣтній за 3-ю простую кражу подлежитъ наказанію по 1655 ст., но наравнѣ съ совершеннолѣтними, и т. д. [1]). Относительно *149 ст. улож.* сенатъ

няется еще квалифицирующее его обстоятельство, не измѣняетъ еще самаго преступленія, а для примѣненія 146 ст. требуется именно повтореніе „того самаго“ преступленія.

[1]) Впрочемъ, вся прежняя сенатская практика по этому вопросу отвергнута рѣшеніемъ угол. касс. депар., состоявшимся 16 ноября 1874 г.—28 января 1875 г. по дѣлу Зоркова, опредѣленіемъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ, изложеннымъ въ циркулярномъ указѣ отъ 3-го іюня 1875 г. Обстоятельства дѣла

въ одномъ рѣшеніи (1872 г. № 920) высказалъ довольно странное мнѣніе, что судъ, избирая одно изъ разныхъ наказаній, постановленныхъ въ законѣ за извѣстныя преступленія, долженъ при этомъ въ приговорѣ изложить всѣ обстоятельства, которыя служили основаніемъ для выбора, и что нарушеніе

Зоркова слѣдующія: 18-тилѣтній Зорковъ былъ признанъ виновнымъ въ простой кражѣ, послѣ того какъ уже былъ наказанъ первый разъ за покушеніе на кражу со взломомъ, совершенное безъ полнаго разумѣнія, и простыя кражи, и во 2 разъ за простую кражу. Симбирскій окружный судъ примѣнилъ къ нему 146, 1660 и 1 п. 1655 ст. улож. и присудилъ его какъ за 3-ю простую кражу къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ рабочій домъ. На этотъ приговоръ товарищъ прокурора принесъ кассаціонный протестъ, въ которомъ доказывалъ, что Зорковъ подлежитъ наказанію по 1660 и 1647 ст. улож., т.-е. какъ за вторую кражу со взломомъ. Сенатъ, согласно съ вышеизложенными рѣшеніями (1872 г. №№ 1206 и 1328), оставилъ, разумѣется, этотъ протестъ безъ послѣдствій. Но затѣмъ сенатъ нашелъ, что „на этомъ же основаніи (т.-е. на томъ, что по смыслу 146 ст. улож. учиненіе несовершеннолѣтнимъ, уже наказаннымъ по суду, менѣе важнаго преступленія не считается для него повтореніемъ преступленія) не можетъ быть примѣняема къ несовершеннолѣтнимъ и относящаяся къ случаямъ повторенія кражъ 1660 ст. улож., какъ это признано рѣш. общ. собр. касс. деп. прав. сената, состоявшимся 30 сентября минувшаго (?1874) года по вопросу о примѣненіи 146 и 1660 ст. улож., и въ этихъ случаяхъ несовершеннолѣтніе должны быть присуждаемы къ наказанію, опредѣленному за послѣдне- учиненную ими кражу по правиламъ, въ 146 ст. постановленнымъ. Принимая засимъ на видъ, что, на основаніи этой статьи, разъясненной вышеуказаннымъ рѣшеніемъ общ. собранія, согласно съ воспослѣдовавшимъ въ 1862 г. выс. утв. мнѣніемъ гос. совѣта по дѣлу Слѣпкова (полн. собр. зак. 1863 г. № 3977), *несовершеннолѣтніе за повтореніе преступленія подвергаются наказанію какъ совершеннолѣтніе за учиненіе этого преступленія въ 1-й разъ*, ибо иначе одно и тоже увеличивающее вину обстоятельство (повтореніе преступленія) служило бы основаніемъ къ двойному возвышенію наказанія для несовершеннолѣтнихъ, прав. сенатъ находитъ, что подсудимый по настоящему дѣлу несовершеннолѣтній Зорковъ, судившійся и наказанный 2 раза за кражи, предусмотрѣнныя уставомъ о нак., за совершенную имъ нынѣ такую же кражу долженъ быть подвергнутъ наказанію не на основаніи 1 ч. 1655 ст. улож., примѣненной къ нему окружнымъ судомъ, а какъ совершеннолѣтній за учиненіе этой кражи въ первый разъ“. Хотя, разумѣется, нельзя не сочувствовать этому рѣшенію въ томъ отношеніи, что оно уменьшаетъ хотя нѣсколько излишнюю строгость 146 ст. улож., но все-таки, съ другой стороны, нельзя не высказать нѣсколько сомнѣній относительно правильности его въ юридическомъ отношеніи. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что выс. утв. мн. гос. совѣта по дѣлу Слѣпкова, какъ состоявшееся по частному дѣлу, причемъ въ немъ не сказано, что оно распространяется и впредь на подобные случаи, не имѣетъ силы общаго закона, а лишь такое же значеніе, какъ и другія, состоявшіяся по частнымъ

этого правила влечетъ за собою отмѣну приговора, но вскорѣ сенатъ убѣдился въ неправильности сего взгляда и призналъ, что правильность дѣйствія суда относительно избранія на основ. 149 ст. одного изъ нѣсколькихъ одно другое замѣняющихъ наказаній, полагаемыхъ закономъ за одно и то же преступленіе, не можетъ быть провѣряемо кассаціоннымъ судомъ (1873 г. № 606 и 934).

Встрѣчаются иногда въ практикѣ затрудненія при уменьшеніи или увеличеніи наказанія на нѣсколько степеней; въ особенности часто это бываетъ при примѣненіи тѣхъ статей, въ которыхъ наказаніе составляется не изъ одной, а изъ нѣ-

---

дѣламъ выс. утв. мн. гос. совѣта, въ одномъ изъ которыхъ по дѣлу Лунина (сб. выс. утв. мн. госуд. сов., издан. Мейеромъ, стр. 98) признано, что несовершеннолѣтній за 2-ю кражу наказывается какъ совершеннолѣтній за первую. Что же касается до мотивовъ, изложенныхъ въ выс. утв. мн. гос. совѣта по дѣлу Слѣпкова, то они главнымъ образомъ основаны на редакціи статей XV т. св. законовъ изд. 1857 г. „Государственный совѣтъ не могъ не признать, что 159 (146) ст. улож. не должно понимать въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, что несовершеннолѣтніе за вторую кражу подвергаются наказанію, какъ совершеннолѣтніе за первую. При такомъ толкованіи увеличеніе наказанія несовершеннолѣтнихъ будетъ состоять въ томъ, что они при повтореніи кражи не воспользуются предоставленнымъ имъ по возрасту ихъ смягченіемъ, что и вполнѣ справедливо, ибо если несовершеннолѣтній подсудимый, послѣ наказанія его за первое преступленіе, совершитъ опять новое, то источникъ его можно уже будетъ приписать съ нѣкоторою достовѣрностью дѣйствительной испорченности. Это объясненіе 159 ст. подтверждается и самою редакціею статей уложенія, опредѣляющихъ наказаніе за кражи. Въ 2258 ст. за кражу въ первый разъ опредѣлено лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и указаны слѣдующія, сообразно цѣнѣ украденнаго, наказанія— особо для лицъ, изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, и особо для низшихъ сословій. Засимъ, за повтореніе кражъ лишеніе правъ уже не полагается и опредѣлены наказанія только для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Такимъ образомъ наказаніе, опредѣленное за вторыя кражи, всегда предполагаетъ предварительное, за первое преступленіе, лишеніе правъ и преимуществъ, и повтореніе кражи только тогда можетъ измѣнить наказаніе, когда онъ уже былъ лишенъ этихъ правъ. Несовершеннолѣтніе за первыя кражи никогда не лишаются правъ и преимуществъ; слѣдовательно, когда они, послѣ первой кражи, вновь впадаютъ въ это преступленіе, къ нимъ не можетъ быть примѣнено наказаніе, опредѣленное за повтореніе, и они должны быть наказаны, на основ. 159 ст., хотя какъ совершеннолѣтніе, но какъ совершеннолѣтніе, учинившіе преступленіе въ первый разъ“. Но, очевидно, эти мотивы, при теперешней редакціи статей уложенія и устава, силы имѣть уже не могутъ; что же касается до высказаннаго сенатомъ мнѣнія, что при иномъ толкованіи 146 ст. одно и тоже увеличивающее вину обстоятель-

скольких степеней, какъ, напр., въ ст. 288 улож., въ 1 части которой за оскорбленіе волостнаго старшины дѣйствіемъ назначается заключеніе въ тюрьмѣ отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, т.-е. наказаніе по 2 и 3 ст. 39 ст. По мнѣнію сената (1869 г. № 789) и въ этихъ случаяхъ должна быть примѣнена 149 ст., такъ что, напр., въ данномъ случаѣ судъ можетъ назначить нормальное наказаніе *или* по 2 ст., *или* по 3 ст. 38 ст.; поэтому въ случаѣ наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, наказаніе можетъ быть уменьшено или до 1 степ. или до 2 степ. 39 ст., смотря потому, по которой степени 38 ст. судъ назначилъ нормальное наказаніе. Но съ этимъ взглядомъ согласиться нельзя; въ 288 ст., какъ и въ

ство—повтореніе преступленія служило бы основаніемъ къ двойному возвышенію наказанія для несовершеннолѣтнихъ, то подобное мнѣніе правильно лишь при примѣненіи 146 и 1660 ст., но не 1655 ст., какъ въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что уставъ о наказаніяхъ, по которому наказываются несовершеннолѣтніе за первыя двѣ кражи, не заключаетъ въ себѣ никакого указанія въ пользу мнѣнія сената. Независимо отъ сего, совершенно непонятно, почему сенатъ призналъ, что наказанный уже 2 раза за простыя кражи Зорковъ долженъ быть за третью такую кражу наказанъ не какъ за вторую, а какъ за первую, учиненную совершеннолѣтнимъ. Правда, гос. сов. призналъ, что Слѣпковъ, совершившій 3 кражу, долженъ подлежать наказанію какъ за первую кражу, совершенную совершеннолѣтнимъ; но Слѣпковъ обвинялся послѣ совершенія двухъ простыхъ кражъ въ покушеніи на кражу со взломомъ, а Зорковъ въ 3-й простой кражѣ.

Нельзя не указать еще и на то, что новое толкованіе 146 ст. въ примѣненіи къ простымъ кражамъ должно повести по дѣламъ сего рода къ довольно сложному и едвали до сихъ поръ существующему порядку подсудности. А именно, первыя двѣ простыя кражи, совершенныя несовершеннолѣтними, по прежнему будутъ подсудны мировымъ судебнымъ учрежденіямъ, затѣмъ третья (а можетъ быть и четвертая), согласно 2 п. 181 ст. уст. о нак., 200 и 201 ст. уст. угол. суд., подсудны окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и, наконецъ, четвертая или пятая уже окружному суду съ участіемъ присяжныхъ. Но можно очень сомнѣваться, что такой порядокъ имѣлся въ виду при составленіи уставовъ 20-го ноября 1864 г. — Что же относится до указа сената отъ 3 іюня 1875 г., то въ немъ изложены всѣ упомянутыя здѣсь рѣшенія, причемъ еще прибавлено: 1) что для опредѣленія того, которое изъ преступныхъ дѣяній представляется болѣе важнымъ, слѣдуетъ принимать за основаніе опредѣленныя за нихъ въ законахъ наказанія; 2) что 146 ст. не можетъ быть примѣнена въ случаяхъ учиненія уже судившимся и наказаннымъ несовершеннолѣтнимъ проступка, подлежащаго наказанію на основ. устава о нак.; 3) что равнымъ образомъ не можетъ имѣть мѣста примѣненіе 146 ст. къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ, подвергшимся отдачѣ въ исправительные пріюты.

нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ уложенія, нѣсколько степеней соединены въ одно нераздѣльное цѣлое, причемъ во всѣхъ этихъ статьяхъ точно опредѣлена высшая и низшая мѣра наказанія; слѣдовательно, при назначеніи наказанія по симъ статьямъ не можетъ быть примѣняема 149 ст., которая говоритъ о тѣхъ случаяхъ, когда закономъ опредѣленъ только родъ наказаній или нѣсколько одно другое замѣняющихъ наказаній, и въ этихъ случаяхъ предоставляется суду выборъ изъ сихъ наказаній или опредѣленіе степени и мѣры онаго,— а должна быть примѣняема 148 ст., согласно съ которой наказаніе назначается, смотря по обстоятельствамъ, въ высшей или низшей или въ какой-либо средней между оными мѣрѣ. Слѣдовательно, такъ какъ по 1 ч. 288 ст. можетъ быть назначено, какъ низшая мѣра нормальнаго наказанія, тюремное заключеніе на два мѣсяца, то это наказаніе представляетъ собою именно ту низшую мѣру нормальнаго наказанія, съ которой должно начинать уменьшеніе степенями, и такъ какъ тюремное заключеніе на два мѣсяца соотвѣтствуетъ 3 ст. 18 ст., то наказаніе по 1 ч. 288 ст. улож. во всякомъ случаѣ, а не только условно, какъ это призналъ сенатъ, можетъ быть уменьшено до 2 ст. 39 ст. Но правительствующій сенатъ, допустившій такимъ образомъ ошибку во вредъ подсудимыхъ, этимъ не ограничился, а при дальнѣйшемъ объясненіи способа примѣненія наказанія по 1 ч. 288 ст. пришелъ къ новой ошибкѣ, хотя и несогласной съ первой, но за то еще болѣе невыгодной для подсудимыхъ; именно, сенатъ еще въ 1868 г., въ рѣш. за № 771, призналъ, что если въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ въ 1 ч. 288 ст., обвиняется подвѣдомственное оскорбленному лицо, то ему должно быть назначено, какъ нормальное наказаніе, восьмимѣсячное тюремное заключеніе, и такъ какъ это наказаніе соотвѣтствуетъ 2 ст. 38 ст., то оно не можетъ быть уменьшено ни въ какомъ случаѣ не далѣе, чѣмъ до 1 ч. 39 ст.; на этомъ основаніи въ 1872 г. въ рѣш. № 1601 сенатъ отмѣнилъ приговоръ саратовской судебной палаты, правильно уменьшившей наказаніе подвѣдомственному оскорбленному лицу до 2 ст. 39 ст. Указанія на

эти толкованія сената тѣмъ болѣе необходимы, что случаи примѣненія 288 ст. улож. въ практикѣ встрѣчаются весьма нерѣдко; кромѣ того, вышеизложенные выводы сената примѣняются, безъ сомнѣнія, и ко всѣмъ тѣмъ статьямъ, въ которыхъ, по примѣру 288 ст., наказаніе слагается изъ двухъ степеней.

Относительно увеличенія наказанія представился слѣдующій случай: подсудимый былъ признанъ виновнымъ въ 4-й простой кражѣ, совершенной ночью и посредствомъ пролѣзанія через подворотню. Судъ, руководствуясь 2 и 3 п. 1659 ст. улож., назначилъ ему наказаніе по 2 ст. 20 ст., причемъ къ переходу этому отъ наказанія исправительнаго къ наказанію уголовному не счелъ препятствіемъ 2 п. 150 ст., потому что общее правило, въ ней означенное, не должно относиться къ случаямъ повторенія кражи съ обстоятельствами, указанными въ 1659 ст., и что повтореніе кражи влечетъ за собою совершенно особое спеціальное увеличеніе наказанія въ сравненіи со всѣми другими родами наказаній, а при существованіи спеціальнаго закона общее правило теряетъ свое значеніе. Но сенатомъ совершенно правильно было отвергнуто это толкованіе, съ указаніемъ на то обстоятельство, что въ самой 150 ст. въ точности указаны всѣ тѣ случаи, въ которыхъ позволяется переходъ отъ исправительнаго къ уголовному наказанію. Не одинъ разъ приходилось сенату говорить о продолжаемомъ, или, по его терминологіи, длящемся преступленіи, и о различіи между нимъ и совокупностью преступленій; кромѣ извѣстнаго рѣшенія по дѣлу Качкаевыхъ 1872 г. № 1113, въ которомъ сенатъ призналъ, что покушеніе на отравленіе и убійство черезъ задушеніе одного и того же лица, совершенныя въ разное время и предложенныя на обсужденіе присяжныхъ въ разныхъ вопросахъ, составляютъ не совокупность преступленій, а одно продолжаемое преступленіе, такъ какъ оба преступныя дѣйствія между собою соединены общимъ намѣреніемъ—извести потерпѣвшаго, можно указать еще на нѣсколько другихъ рѣшеній. Такъ, изъ рѣшенія 1873 г. № 733 видно, что подсудимый Деревенкинъ по 5-ти вопросамъ былъ

признанъ виновнымъ въ томъ, что весною 1871 г. похищалъ изъ экономическаго амбара въ имѣніи графини Мирабо разное движимое имущество посредствомъ подобраннаго ключа, за что на основ. 1648 и 152 ст. улож. былъ присужденъ къ наказанію по 4 ст. 31 ст. въ высшей мѣрѣ. Въ жалобѣ своей Деревенкинъ объяснилъ, что такъ какъ всѣ совершенныя имъ похищенія представляютъ собою одну и ту же кражу посредствомъ одного и того же ключа, то совершенныя имъ преступленія слѣдуетъ разсматривать не какъ совокупность отдѣльныхъ преступныхъ случаевъ, а какъ одно длящееся (т.-е. продолжаемое) преступленіе. Сенатъ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій, такъ какъ изъ вопросовъ видно, что каждая изъ совершаемыхъ подсудимымъ кражъ представляла собою отдѣльный случай преступленія, и что присяжные засѣдатели не признали, чтобы кражи эти представляли собою, какъ это требуется для признанія преступленія длящимся, рядъ отдѣльныхъ преступныхъ дѣйствій, исходящихъ изъ одного общаго намѣренія произвести кражу имущества въ имѣніи графини Мирабо. Хотя такимъ образомъ и здѣсь совершенно неправильно, вмѣсто единства намѣренія, признакомъ продолжаемаго преступленія признается общность, т.-е. [1]) одинаковость намѣренія, но все таки это рѣшеніе указываетъ, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ взглядъ сената перемѣнился къ лучшему; а именно, сенатъ требуетъ, чтобы всѣ признаки продолжаемаго преступленія были признаны судомъ, рѣшающимъ дѣло по существу, т.-е. въ данномъ случаѣ присяжными засѣдателями, между тѣмъ какъ по дѣлу Качкаевыхъ самъ сенатъ призналъ наличность ихъ въ противность мнѣнію присяжныхъ. Но въ другомъ рѣшеніи 1873 г. № 951 проводится иной взглядъ, а именно сказано, «что тайное похищеніе у одного и того же лица совершенно одновременно и въ одной мѣстности, но изъ разныхъ открытыхъ помѣщеній и хранилищъ этого имущества, представляетъ собою не совокупность нѣсколькихъ преступленій простой кражи, а стече-

---

[1]) См. „Журналъ Гр. и Угол. Права“ 1875 г. I.

ніе послѣдствій одновременно приведеннаго въ исполненіе умысла на тайное похищеніе чужаго имущества [1]); почему укрывательство тайнаго похищенія одного имущества, украденнаго изъ сѣнника, другаго же изъ курятника, составляло укрывательство одной и той же кражи, а не двухъ совокупно совершенныхъ кражъ, и, слѣдовательно, 16 ст. уст. о нак. примѣняема быть не могла. Такимъ образомъ сенатъ и здѣсь, какъ по дѣлу Качкаевыхъ, выводитъ наличность одного продолжаемаго преступленія не изъ признанія единства умысла присяжными, но изъ другихъ обстоятельствъ дѣлъ, въ данномъ случаѣ изъ того, что оба похищенія совершены у одного и того же лица, одновременно и въ одной мѣстности, но несомнѣнно, что эти обстоятельства опять доказываютъ только одинаковость умысла похитить вообще тайное имущество, но нисколько не единство умысла, которое одно можетъ соединить два однородныя преступныя дѣйствія въ одно преступленіе [2]).

Нерѣдко бываютъ въ судебной практикѣ случаи, что подсудимые обвиняются въ преступленіи, преслѣдуемомъ ex officio, а на судѣ оказываются виновными въ такихъ преступныхъ

---

1) Въ рѣш. 1873 г. № 816 сказано, что и кража со взломомъ и простая кража, совершенныя въ одинъ разъ и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, составляютъ въ дѣйствительности не два отдѣльныя преступленія, а какъ бы одно длящееся преступленіе, вытекающее изъ одного общаго намѣренія совершить похищеніе у потерпѣвшаго.

2) Нельзя не указать еще на рѣш. 1872 г. № 29, въ которомъ сенату представился похожій, хотя невполнѣ однородный, случай. Подсудимая Уткина была признана виновною: 1) въ томъ, что находясь въ услуженіи у Словцова, взятымъ тайно ключомъ отперла запертый ящикъ буфета Словцова и тайно похитила изъ онаго разныя вещи и деньги, и 2) въ томъ, что въ *это же время* у того же Словцова тайно похитила изъ незапертаго помѣщенія разныя вещи. Подсудимая въ жалобѣ своей между прочимъ объяснила, что судъ призналъ ее неправильно виновною въ двухъ кражахъ, тогда какъ обѣ кражи совершены ею въ одно время и у одного лица. Но сенатъ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій, потому „что подсудимая признана виновною въ двухъ отдѣльныхъ кражахъ, совершенныхъ хотя у одного лица, *но въ разное время*“. Были ли эти двѣ кражи въ самомъ дѣлѣ совершены въ разное время или нѣтъ, это остается сомнительнымъ; впрочемъ, это для насъ и не важно; но интересно то, что въ этомъ рѣш. сенатъ призналъ *одновременность* преступныхъ дѣйствій существеннымъ признакомъ продолжаемаго преступленія; впрочемъ, въ рѣш. 1872 г. № 1113 сенатъ самъ отказался отъ этого неправильнаго взгляда.

дѣяніяхъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда не иначе, какъ вслѣдствіе жалобы, частнымъ лицомъ приносимой. Спрашивается: должны ли подобныя дѣла быть прекращены въ виду ихъ неправильнаго возбужденія, или требуется и здѣсь для освобожденія осужденнаго отъ наказанія примиреніе его съ обиженнымъ? Этотъ вопросъ дошелъ въ 1872 г. два раза до разсмотрѣнія сената. Въ первомъ рѣшеніи (№ 1003) сенатъ, впрочемъ, обошелъ главный вопросъ, а болѣе остановился на обстоятельствахъ дѣла, которыя заключались въ томъ, что по сообщенію слѣдователю полиціймейстеромъ г. Тифлиса и по заявленію, поданному ему же братомъ потерпѣвшаго, было возбуждено преслѣдованіе противъ князя Меликова за нанесеніе имъ тяжкой раны Степану Аладатову, но окружный судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ, на основ. 2 п. 1483 ст., къ тюремному заключенію на два мѣсяца, каковой приговоръ былъ утвержденъ и судебною палатою. Князь Меликовъ принесъ на этотъ приговоръ кассаціонную жалобу, которая однако сенатомъ была оставлена безъ послѣдствій на томъ основаніи, 1) что слѣдствіе по сему дѣлу было возбуждено по законнымъ поводамъ, и 2) что обвиненіе противъ князя Меликова въ нанесеніи Аладатову тяжкой раны поддержано было и прокуроромъ въ обвинительномъ актѣ, и если окружный судъ призналъ подсудимаго виновнымъ въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 п. ст. 1483 улож. о нак., то послѣдствіемъ такого приговора суда не могло быть прекращеніе уголовнаго преслѣдованія противъ князя Меликова при томъ условіи, что потерпѣвшій не только не воспользовался предоставленнымъ ему ст. 157 улож. правомъ на примиреніе, но заявилъ на судѣ, что жалоба была подана его братомъ судебному слѣдователю по его желанію, по причинѣ болѣзненнаго его въ то время положенія; вслѣдствіе сего сенатъ призналъ, что приведенными данными дѣла и законами устраняется заключающееся въ кассаціонной жалобѣ князя Меликова указаніе на то, что предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу можетъ быть начато только по жалобѣ потерпѣвшаго или лица, имѣвшаго отъ него законное на то упол-

номочіе. Но за то въ другомъ случаѣ (рѣш. 1872 г. № 1050) спорный вопросъ рѣшенъ прямо. Изъ сего рѣшенія видно, что крестьянинъ Ошихминъ былъ преданъ суду за нанесеніе потерпѣвшему такихъ (тяжкихъ?) побоевъ, отъ которыхъ онъ умеръ. Присяжные обвинили подсудимаго въ нанесеніи, безъ умысла на убійство, побоевъ потерпѣвшему, но признали при этомъ, что побои эти не были причиной смерти его, вслѣдствіе чего окружный судъ приговорилъ Ошихмина къ наказанію, указанному 135 ст. уст. о нак. Ошихминъ просилъ отмѣнить этотъ приговоръ на томъ основаніи, что наказаніе по 135 ст. можетъ быть назначено только вслѣдствіе жалобы, поданной въ порядкѣ частнаго обвиненія, между тѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ подобной жалобы не имѣется. Правительствующій же сенатъ, «имѣя въ виду, что приговоръ самарскаго окружнаго суда по настоящему дѣлу постановленъ согласно съ прямымъ смысломъ 203 ст. уст. угол. суд. и разъясненіемъ правительствующаго сената по дѣлу крестьянина Кубаткина (сб. рѣш. 1868 г. № 605), оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій [1]).

Но это мнѣніе сената, высказанное впослѣдствіи еще въ рѣш. 1873 г. № 1022, едвали правильно; 203 ст. угол. суд. къ данному вопросу вполнѣ непримѣнима, такъ такъ предусмотрѣнный въ ней вопросъ о подсудности дѣлъ никѣмъ не возбуждался, ибо ни Меликовъ, ни Ошихминъ не сомнѣвались въ правильности первоначальнаго возбужденія дѣлъ и подсудности ихъ окружному суду. Спорный вопросъ былъ совершенно иной, а именно: требуется ли въ такъ наз. Antragsdelikte для наказанія виновныхъ абсолютно жалоба обиженнаго или нѣтъ, и этотъ вопросъ могъ быть разрѣшенъ не ссылкою на статью, трактующую о подсудности, а лишь подробнымъ разсмотрѣніемъ того значенія, которое имѣютъ жалобы обиженнаго для Antragsdelikte вообще. Съ мнѣніемъ сената можно было бы согласиться въ томъ только случаѣ, если жалоба имѣла бы чисто

[1]) Въ рѣшеніи же по дѣлу Кубаткина сенатъ лишь объяснилъ, что подсудность дѣла высшему или низшему суду опредѣляется на основаніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя имѣются въ виду при поступленіи дѣла въ судъ.

процессуальное значеніе, т.-е. требовалась лишь для возбужденія преслѣдованія; но жалоба въ вышеуказанныхъ преступленіяхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое условіе наказанія и, слѣдовательно, гдѣ этого условія нѣтъ, тамъ нѣтъ и наказанія [1]).

Относительно *давности* сенатъ почти ничего новаго не высказалъ; можно указать лишь на нѣсколько рѣшеній, въ которыхъ онъ разсуждалъ о примѣненіи давности къ нарушеніямъ уст. о пит. сборѣ. Такъ, въ рѣш. 1872 г. № 707 сенатъ призналъ, что возбужденіе дѣла о нарушеніи пит. уст. безъ составленія въ законной формѣ протокола о томъ нарушеніи не прерываетъ теченія давности, а въ рѣш. 1873 г. № 439, что время, въ теченіе котораго дѣло находилось (послѣ составленія протокола) въ акцизномъ управленіи, слѣдуетъ включить въ счетъ давности; наконецъ, въ рѣш. 1873 г. № 808 сенатъ, кажется, высказалъ, что содержатели питейныхъ заведеній могутъ быть освобождены на основ. 21 ст. уст. о нак. отъ присужденнаго съ нихъ, согл. 321 ст. уст. о пит. сборѣ, денежнаго взысканія лишь въ томъ случаѣ, если въ теченіе уста-

[1]) Въ одномъ изъ прежнихъ рѣшеній 1868 г. № 743, сенатъ какъ будто бы и самъ высказалъ этотъ взглядъ, но въ сущности, кажется, хотѣлъ высказать что-то совершенно другое. Обстоятельства заключались въ томъ, что подсудимый Юдинъ былъ признанъ виновнымъ въ нанесеніи Алѣеву истязаній и побоевъ, а другіе подсудимые въ участіи въ томъ же преступленіи. Окр. судъ примѣнилъ къ нимъ 1533 ст. улож. На этотъ приговоръ товарищъ прокурора принесъ кассаціонный протестъ, въ которомъ между прочимъ объяснилъ, что судъ вопреки рѣшенію присяжныхъ и въ нарушеніе 90 и 147 ст. улож., приговорилъ подсудимыхъ къ наказанію не за истязанія и побои, предусмотрѣнные въ раздѣлѣ X гл. 3 улож., а за личное оскорбленіе по 1533 ст., несмотря на то, что въ дѣлѣ нѣтъ жалобы частнаго обвинителя. Сенатъ нашелъ, что, несмотря на приговоръ присяжныхъ, окр. судъ не примѣнилъ къ нимъ закона, преслѣдующаго виновныхъ въ нанесеніи истязаній, а ограничился присужденіемъ ихъ ко взысканію по 1533 ст. улож. за нанесеніе лишь тяжкихъ побоевъ, т.-е. за такое преступленіе, по которому дѣло можетъ начаться не иначе, какъ по жалобѣ оскорбленнаго, несмотря на то, что подобной жалобы не было. Такое дѣйствіе суда нельзя не признать прямымъ нарушеніемъ 90 и 147 ст. улож. о нак., на основаніи коихъ судъ не можетъ опредѣлить иного наказанія, кромѣ того, которое въ законахъ за судимое преступленіе именно назначено; поэтому и за нарушеніемъ 1236—1244 ст. уст. угол. суд. сенатъ отмѣнилъ приговоръ суда. Очевидно, что поводомъ отмѣны было лишь то, что 1533 ст. не соотвѣтствовала тому преступному дѣянію, въ совершеніи коего признаны виновными подсудимые, а не отсутствіе жалобы потерпѣвшаго, о необходимости которой для примѣненія 1533 ст. говорится лишь мимоходомъ.

новленнаго 21 ст. срока не былъ обнаруженъ виновный въ допущеніи нарушеній, т.-е. сидѣлецъ.

Въ заключеніе обзора рѣшеній, относящихся до общей части уложенія и устава о нак., я долженъ еще указать на хорошо и подробно мотивированное рѣшеніе 1871 г. № 1329, коимъ сенатъ въ разъясненіе 170 ст. улож. призналъ за общее правило, что преступленія, совершенныя на бортѣ иностранныхъ кораблей, находящихся въ территоріальныхъ водахъ Россіи, иностраннымъ подданнымъ противъ иностраннаго же, подсудны русскимъ судамъ.

II.

Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ родамъ и видамъ преступленій, въ томъ порядкѣ, какъ они изложены въ уложеніи и уставѣ о наказаніяхъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ очень интереснымъ и важнымъ рѣшеніемъ (1872 г., № 1673), разъясняющимъ *196, 197 и 199 ст. улож.* Согласно этому рѣшенію, на основ. 196 ст. подлежитъ наказанію только распространеніе, т.-е. совершившійся фактъ обращенія изъ православія въ расколъ, тогда какъ по ст. 197 наказуется не только распространеніе, но и совращеніе, т.-е. покушеніе обратить кого-либо въ ересь, признаваемую особенно вредною, хотя бы покушеніе это не имѣло никакихъ послѣдствій. Виновные же въ публичномъ проповѣдываніи раскола или ереси, признаваемой не особенно вредной, когда не послѣдовало еще факта совращенія въ оную, подлежатъ, на основ. 189 ст. улож., наказанію исправительному и только признанные виновными въ третій разъ въ этомъ преступленіи подлежатъ наказанію, соединенному съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ. Что же относится до малолѣтнихъ, не достигшихъ того возраста, въ которомъ они могутъ ясно сознавать различіе между догматами вѣры, то они не могутъ быть обращены, въ полномъ смыслѣ этого слова, въ ересь или расколъ; слѣдовательно, обвиненіе въ распространеніи между малолѣтними раскола или ереси не можетъ имѣть мѣста, а потому родители или воспитатели ихъ могутъ, гово-

ря словами закона, быть виновными лишь въ допущеніи ихъ къ исполненію обрядовъ ереси или раскола. Этотъ видъ распространенія ереси предусмотрѣнъ въ ст. 199 улож. о нак., которая исключительно относится до ереси, о которой говорится въ 197 ст. Что же относится до воспитанія малолѣтнихъ по обрядамъ раскола или допущенія ихъ къ исполненію этихъ обрядовъ, то отсутствіе спеціальной статьи, предусматривающей этотъ проступокъ, не доказываетъ, чтобы это дѣяніе считалось ненаказуемымъ по закону, какъ это призналъ окружный судъ; напротивъ, оно должно быть наказано, согл. 157 ст., по 209 ст. улож. Относительно *скопчества* сенатъ высказалъ очень важныя положенія, только отчасти согласныя съ прежними его объясненіями по дѣлу Кудриныхъ и др., именно въ рѣш. 1873 г. № 527 говорится, что въ сектахъ, особенно вредныхъ, тѣ изъ послѣдователей, которые изобличены въ соединенныхъ съ изувѣрствомъ или въ гнусныхъ и безнравственныхъ дѣйствіяхъ, за немногими исключеніями, указанными въ 2 ч. 203 ст. улож., подлежатъ уголовному преслѣдованію не за эти дѣйствія въ особенности, а за доказываемую этими дѣйствіями принадлежность обвиняемыхъ къ означеннымъ сектамъ, почему и не можетъ быть рѣчи о примѣненіи давности къ тайнымъ послѣдователямъ секты скопцовъ, которые окажутся оскопленными. Въ рѣш. 1873 г. № 535 сказано: 1) что законы наши не обусловливаютъ преступности дѣянія, называемаго оскопленіемъ, достиженіемъ предполагаемой этою операціею цѣли лишить оскопляемаго способности къ половому совокупленію и къ воспроизведенію потомства, но признаютъ оскопленіемъ всякое умышленное поврежденіе себѣ или другому тѣла, сдѣланное съ этою преступною цѣлію и по заблужденію фанатизма; 2) что хотя рѣшеніемъ по дѣлу Кудриныхъ и разъяснено, что послѣдователи скопческой ереси, не обвиняемые ни въ оскопленіи себя или другихъ, ни въ распространеніи своей ереси или совращеніи въ нее другихъ, не преслѣдуются собственно за принадлежность къ этой ереси, но терпимость закона не распространяется настолько, чтобы оставлять безъ преслѣдованія и такихъ послѣдователей скоп-

ческой ереси, которые окажутся *оскопленными или оскопителями, неосужденными еще за эти преступленія.* Лица, достигшія этой степени фанатизма, при которой они рѣшаются увѣчить себя или другихъ, признаются самыми опасными сектаторами, всегда способными или наклонными къ распространенію ихъ вреднѣйшей секты. Поэтому они не могутъ быть оставляемы безъ преслѣдованія, доколѣ продолжается тайная принадлежность ихъ къ этой ереси на общемъ основаніи о продолжающихся безпрерывно преступленіяхъ (улож. о нак. 162 ст.), вслѣдствіе чего и законъ о давности не можетъ быть примѣняемъ къ нимъ, хотя они были оскоплены (или оскопили другихъ) за десять лѣтъ до привлеченія ихъ къ отвѣтственности; 3) что скопцы за совращеніе въ свою ересь другихъ преслѣдуются по 187 ст. улож. Наконецъ, въ рѣш. 1873 г. № 926 признано, что отнятіе самаго ствола дѣтороднаго члена, послѣ отнятія мошонки съ сѣмянными яичками, не есть одно изуродованіе послѣ окончательно совершившагося акта оскопленія, а есть новый физическій актъ оскопленія, за который виновные должны вновь подлежать суду.

Относительно *святотатства* сенатъ, согласно мнѣнію свят. прав. синода, призналъ (о. с. 1873 г. № 30), что, согл. выс. утв. 17-го апрѣля 1808 г. инструкціи церковнымъ старостамъ (полн. собр. зак. № 22,971), деньги, выручаемыя при продажѣ свѣчъ, собираемыя отъ доброхотныхъ дателей въ кошельки и кружки и хранящіяся въ ящикахъ за ключами церковнаго старосты, слѣдуетъ считать только данными на церковь, но не поступившими еще въ составъ церковнаго имущества, а тѣ деньги, кои записаны въ церковныя книги и внесены въ кладовую или ризницу для храненія за ключами церковнаго старосты и печатями, какъ его, такъ и церковно-служителей, слѣдуетъ признавать поступившими въ церковное имущество. Поэтому (1873 г. № 868) одинъ изъ существенныхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію суда при примѣненіи 225 и 226 ст. улож. о нак., есть вопросъ о томъ, поступили-ли похищенныя деньги уже въ церковное имущество, такъ какъ только въ такомъ случаѣ виновные въ кражѣ

сихъ денегъ подлежатъ отвѣтственности, опредѣленной въ спеціальныхъ статьяхъ закона о святотатствѣ, а не по законамъ о кражѣ. Слѣдовательно, къ кражѣ со взломомъ изъ находящагося въ церкви свѣчнаго ящика денегъ, не записанныхъ еще на приходъ въ церковныя книги, не можетъ быть примѣнена 225 ст. улож. Но въ рѣш. 1873 г. № 933 сенатъ провелъ другую мысль, а именно, что вышеупомянутое разъясненіе свят. синода относится только до 229 ст. улож., а не можетъ быть примѣняемо къ преступнымъ дѣяніямъ, указаннымъ въ 226 и 232 ст. улож., ибо въ 229 ст. предусмотрѣны исключительно присвоеніе денегъ, предназначенныхъ на церковь, не только въ церковное имущество еще не поступившихъ, но и ненаходившихся на храненіи въ церковныхъ хранилищахъ, поименованныхъ въ 226 и 232 ст. улож., а равно и похищеніе изъ церкви денегъ, непочитаемыхъ по закону принадлежащими къ церковному имуществу, и на этомъ основаніи отмѣнилъ приговоръ окружнаго суда, призпавшаго, что кража изъ прибитой къ часовнѣ кружки, предназначенной для сбора приношеній на церковь денегъ, не поступившихъ еще въ церковное имущество, причемъ, однако, подсудимый зналъ предназначеніе этихъ денегъ, подходитъ подъ дѣйствіе 226 ст., а не 2 ч. 229 ст. улож. о нак. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на рѣш. 1873 г. № 401, въ которомъ сенатъ высказалъ, что, по смыслу *2 ч. 286 ст.* улож., наказуемость произнесенія неприличныхъ словъ къ лицу чиновника, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, не обусловливается наличностью особаго намѣренія нанести этимъ оскорбленіе должностному лицу, и, такимъ образомъ, возвратился ко взгляду, высказанному, въ противность многимъ другимъ рѣшеніямъ, въ рѣш. 1871 г. № 1276. Впрочемъ, вопросъ о томъ, требуется-ли для состава проступка оскорбленія и непремѣнно намѣреніе оскорбить или нѣтъ, и представляется сомнительнымъ только въ нашей кассаціонной практикѣ.

Изъ рѣшеній, относящихся *до V раздѣла улож.* (о прест. и прост. по службѣ госуд. и общ.), можно указать на слѣдующія: 1) рѣш. 1872 г. № 1146, въ которомъ сенатъ при-

зналъ, что мнѣніе о томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нотаріусъ дѣйствуетъ не по прямой своей обязанности, а въ силу предоставленнаго ему права, онъ долженъ отвѣчать какъ частное лицо, не имѣетъ надлежащаго основанія, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ нотаріусъ дѣйствуетъ по своей должности, и если въ первомъ случаѣ всякое злоупотребленіе съ его стороны нарушаетъ прямыя его обязанности, то во второмъ случаѣ такое же злоупотребленіе нарушаетъ особенное довѣріе, оказываемое ему вслѣдствіе тѣхъ качествъ, которыя должны быть присущи нотаріусу, для оправданія оказываемаго ему довѣрія. Это мнѣніе сенатъ высказалъ въ примѣненіи къ 354 ст. улож., но очевидно, что по выставленнымъ мотивамъ оно должно имѣть болѣе широкое примѣненіе. 2) Рѣш. 1872 г. № 1554, въ которомъ сенатъ призналъ, что примѣненіе 373 ст. улож. къ подсудимому, признанному виновнымъ въ томъ, что, состоя спасскимъ уѣзднымъ стряпчимъ, получилъ 20 руб. отъ крест. Себухонкулова за содѣйствіе въ спасскомъ рекрутскомъ присутствіи освободить сына его отъ рекрутства,—вполнѣ правильно, «такъ какъ объясненія подсудимаго о томъ, что онъ не могъ имѣть вліянія на рѣшенія рекрутскаго присутствія и могъ содѣйствовать Себухонкулову только въ качествѣ частнаго лица, не заслуживаетъ никакого уваженія, ибо, получая взятку, онъ состоялъ въ должности стряпчаго, а содѣйствіе стряпчаго, обусловленное денежнымъ вознагражденіемъ, къ освобожденію кого-либо отъ исполненія воинской повинности, противно обязанностямъ службы». Рѣшеніе это, очевидно, неправильное, ибо дѣйствія подсудимаго составляютъ одинъ изъ видовъ мошенничества, но нисколько не лихоимства (рѣш. 1868 г. № 711, 1869 г. № 449, и др.); чтобы признать, что подсудимый виновенъ въ послѣднемъ преступленіи, сенатъ долженъ былъ признать, что онъ обѣщалъ совершить дѣйствіе, которое входило въ кругъ его служебныхъ обязанностей, а между тѣмъ этого необходимаго элемента для состава лихоимства въ данномъ дѣлѣ вовсе не было. Совершенно иное толкованіе 373 ст. высказано сенатомъ 3) въ рѣш. 1873 г. № 570, согласно которому

373 ст. можетъ быть примѣняема лишь въ томъ случаѣ, если то противозаконное дѣйствіе по службѣ, за которое виновный получилъ подарокъ, было имъ совершено; къ сожалѣнію, это мнѣніе высказано безъ всякихъ мотивовъ. 4) Рѣш. 1872 г. № 1121, согласно которому въ число существенныхъ признаковъ 395 ст. улож. не входитъ то условіе, чтобы оскорбленіе дѣйствіемъ начальника имѣло мѣсто непремѣнно во время исполненія послѣднимъ служебныхъ обязанностей, что, напротивъ 395 ст. должна быть примѣняема во *всѣхъ* случаяхъ нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ подчиненнымъ начальнику, хотя бы это имѣло мѣсто внѣ служебныхъ отношеній. Но толкованіе это, кажется, слишкомъ широкое, иначе пришлось бы примѣнять эту статью, напр., и въ томъ случаѣ, если подчиненный оскорбитъ дѣйствіемъ въ частномъ домѣ своего начальника за то, что послѣдній распространилъ предосудительные для чести его жены или дочери слухи; поэтому, мнѣ кажется, что 395 ст. должна быть примѣняема при оскорбленіи дѣйствіемъ начальника подчиненнымъ или во время исполненія или вслѣдствіе исполненія имъ служебныхъ обязанностей: внѣ этой границы уже не можетъ быть преступленія по службѣ государственной, къ каковымъ принадлежитъ 395 ст.

Что же касается до довольно многочисленныхъ рѣшеній сената, относящихся *до VIII раздѣла уложенія* (о прест. и прост. противъ общ. благоустр. и благочинія), то укажу лишь на слѣдующія: 1) рѣш. 1872 г. № 1362, въ которомъ признано, *что 997 ст.*, подвергающая наказанію виновнаго «въ порокѣ скотоложства, должна быть примѣняема и въ томъ случаѣ, когда признано, что подсудимый совершилъ этотъ проступокъ лишь одинъ разъ, ибо, какъ правильно объясняетъ сенатъ, слово порокъ, означая не исключительно только наклонность къ дурному, обратившемуся въ привычку, но и вообще предосудительный поступокъ, употреблено въ ст. 997 въ семъ послѣднемъ значеніи, какъ это видно изъ проекта улож. 1845 г., въ которомъ объяснено, что постановленіе, изложенное нынѣ въ означенной 997 ст., основано на прежде дѣйствовавшей ст. 791 св. зак. угол., изд. 1842 г., а по

этой статьѣ уличенный въ единичномъ случаѣ скотоложства подвергался наказанію, опредѣленному за это преступленіе; 2) рѣш. 1873 г. № 531, въ которомъ признано, что по 1085 ст. улож. о нак. должны быть наказаны не только спеціально названные въ сей статьѣ оберъ-кондуктора и заступающіе ихъ мѣсто, но и всѣ другія должностныя (на желѣзной дорогѣ) лица, вслѣдствіе небреженія коихъ причинится кому-либо смерть или увѣчье; 3) рѣш. 1872 г. № 990, согласно которому дѣяніе подсудимаго, заключающееся въ составленіи и выдачѣ безъ законнаго уполномочія и съ ложнымъ указаніемъ, что уполномочіе это существуетъ, мнимыхъ долговыхъ актовъ за дѣйствительные, отъ имени того лица, на которое должна быть обращена имущественная отвѣтственность, — не составляетъ только ложное наименованіе себя повѣреннымъ, а согл. 1690 ст. разсматривается какъ одинъ изъ видовъ подлога, и влечетъ за собою отвѣтственность по 1160 ст., когда подобнымъ образомъ противозаконно составлены и выданы векселя.

Изъ рѣшеній, относящихся *до X раздѣла уложенія* (о преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ), слѣдуетъ указать прежде всего на рѣш. 1872 г. № 1626, въ которомъ сенатъ высказалъ, что 2 ч. 1460 ст. относится одинаково и къ тѣмъ случаямъ, когда мать скроетъ тѣло не мертворожденнаго ребенка, а ребенка, который хотя и родился живымъ, но умеръ тотчасъ послѣ родовъ. Въ подтвержденіе этого своего мнѣнія сенатъ не ссылался ни на какіе доводы, а между тѣмъ правильность взгляда сената болѣе чѣмъ сомнительна, такъ какъ въ виду буквальнаго смысла 1460 ст. и исключительнаго характера этой статьи, не допускающаго никакого распространительнаго толкованія, къ случаямъ подобнымъ настоящему гораздо правильнѣе примѣнить 860 ст. улож., чѣмъ 1460 ст., какъ это и сдѣлалъ окружный судъ [1]). Важнѣе еще рѣш. 1872 г. № 1072, въ которомъ сенатъ подробно высказалъ свой взглядъ на *увѣчье;* согласно этому рѣшенію, въ улож. предусмотрѣны два вида

[1]) Таганцевъ, О преступленіяхъ противъ жизни, II, стр. 228.

увѣчій: тяжкія, упомянутыя въ 1477 ст., и менѣе тяжкія, или легкія (1478 и примѣч. къ 1491 ст.). Къ тяжкимъ увѣчьямъ должны быть причислены не только тѣ виды ихъ, которые исчислены въ 1477 ст., но и всѣ тѣ, которые, производя важное въ тѣлесныхъ способностяхъ поврежденіе, лишаютъ потерпѣвшаго отъ преступленія дѣйствія какого-либо органа, или окончательно разстроиваютъ отправленіе какой-либо существенной части организма, тогда какъ менѣе тяжкія или легкія увѣчья могутъ имѣть послѣдствіемъ лишь временное, болѣе или менѣе продолжительное разстройство организма. Мнѣніе это кажется вполнѣ правильнымъ, хотя главный мотивъ сената — ссылка на будто бы заключающійся въ 1478 ст. отличительный признакъ тяжкихъ и менѣе тяжкихъ увѣчій, выбранъ едва ли удачно. Но дѣло въ томъ, что при составленіи главы уложенія о нанесеніи увѣчья и т. д. было принято какъ основная мысль — опредѣлить важность и тяжесть тѣлесныхъ поврежденій свойствомъ ихъ [1]); слѣдовательно, по взгляду составителей проекта уложенія и различіе между тяжкими и легкими (или менѣе тяжкими) увѣчьями, какъ различіе между тяжкими и легкими тѣлесными поврежденіями вообще, должно было быть основано на какомъ-либо общемъ признакѣ; поэтому, упомянутые въ 1477 ст. виды увѣчья могутъ быть признаны только примѣрами тяжкихъ увѣчій, встрѣчающимися чаще другихъ, но не единственными видами ихъ. Однако же, въ чемъ именно заключается этотъ общій, отличительный признакъ, того ни въ 1477, ни въ 1478 не опредѣлено. Поэтому, руководствуясь свойствомъ и природой выставленныхъ въ 1477 ст. примѣровъ тяжкихъ увѣчій и примѣняясь къ принятому въ 1486 ст. раздѣленію видовъ намѣреннаго причиненія кому-либо разстройства въ здоровьѣ, сенатъ имѣлъ полное основаніе высказать вышеизложенное мнѣніе объ основномъ различіи между тяжкими и легкими увѣчьями [2]). —

---

[1]) Проектъ уложенія, стр. 625.

[2]) Согласно этому должно быть измѣнено сказанное мною объ увѣчьяхъ въ статьѣ объ обст. особо увелич. или умен. вину. „Журн. Гр. и Угол. Права“. 1876 г. кн. 2.

Далѣе, въ рѣш. 1873 г. № 856 сенатъ высказалъ свой взглядъ *на 1520 ст. улож.*, а именно, что означенное въ сей статьѣ преступленіе считается оконченнымъ лишь въ томъ случаѣ, если послѣдовала смерть потерпѣвшаго; въ противномъ случаѣ виновный наказывается только какъ за покушеніе. Единственный аргументъ въ пользу этого мнѣнія состоитъ въ томъ, что виновные по 1520 ст. приговариваются къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 1458 за смертоубійство, безъ прямаго на оное намѣренія. Но аргументъ этотъ довольно слабый, такъ какъ изъ того, что за одно извѣстное преступленіе назначается наказаніе какъ за другое преступленіе, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы составъ этихъ разныхъ преступленій былъ бы одинаковый; напр., преступленіе, предусмотрѣнное въ 2 ч. 943 ст., наказывается согласно статьямъ 236, 237 и 240, между тѣмъ въ первой статьѣ говорится о ложномъ показаніи безъ присяги, а въ послѣднихъ о лжеприсягахъ. Слѣдовательно, составъ преступленій можетъ быть не одинаковый, несмотря на одинаковость наказаній. Но затѣмъ противъ правильности толкованія сенатомъ 1520 ст. говоритъ то обстоятельство, что въ этой статьѣ нѣтъ никакого указанія на то, чтобы смерть потерпѣвшаго требовалась для состава указаннаго здѣсь преступленія; а между тѣмъ 1520 ст. помѣщена не въ главѣ о смертоубійствѣ, а въ главѣ о произвольномъ оставленіи человѣка въ опасности, вслѣдствіе чего, по самому свойству помѣщенныхъ въ этой главѣ противузаконныхъ дѣяній, смерть потерпѣвшаго является совершенно случайнымъ и побочнымъ обстоятельствомъ, необходимость котораго для полнаго состава предусмотрѣнныхъ въ 1520 и другихъ статьяхъ сей главы преступленій не можетъ быть предположена. Этого мнѣнія, какъ видно изъ 1521 ст., придерживается и самъ законъ. Далѣе, составители проекта улож., на мнѣніе которыхъ нерѣдко ссылается и самъ сенатъ, въ объясненіи, напечатанномъ подъ 1930 ст. (1520 ст.), говорятъ: «опредѣливъ въ предшедшихъ статьяхъ проекта наказанія какъ за подкинутіе младенцевъ, такъ и за произвольное оставленіе кого-либо въ опасномъ мѣстѣ, мы признали, что для полноты закона и дабы недостаткомъ яснаго о томъ постановленія не возбудить

сомнѣній, полезно будетъ означить и тѣ случаи, когда съ какою-либо противузаконною цѣлію человѣкъ будетъ нарочно заведенъ или поставленъ въ такое положеніе, въ коемъ по всей вѣроятности жизнь его должна подвергнуться опасности, хотя подобные случаи, безъ сомнѣнія, весьма рѣдки». Очевидно, что и по ихъ мнѣнію преступленіе, предусмотрѣнное 1520 ст., состоитъ въ умышленномъ «заведеніи или поставленіи» и т. д.; и что смерть потерпѣвшаго не требуется для окончанія сего противузаконнаго дѣянія.

Относительно *преступленій противъ чести и цѣломудрія женщинъ*, сенатъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующія два положенія: 1) рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что имѣлъ половое совокупленіе съ дѣвицею Л. безъ насилія, но воспользовавшись ея опьяненнымъ состояніемъ. Казанскій окружной судъ примѣнилъ къ подсудимому 1525 и 4 п. 1526 ст. улож. Сенатъ (р. 1873 г. № 885) отмѣнилъ этотъ приговоръ, признавая, что, на основ. 1525 и 4 п. 1526 ст. улож. о нак., для наличности преступленія изнасилованія законъ требуетъ насилія съ одной стороны и сопротивленія съ другой, или приведенія насилуемой въ безпамятство или состояніе неестественнаго сна, при которомъ невозможно требовать сопротивленія, и что поэтому то обстоятельство, что подсудимый для совершенія половаго совокупленія воспользовался опьянѣлымъ состояніемъ потерпѣвшей, могло имѣть значеніе въ разсматриваемомъ дѣяніи подсудимаго въ томъ лишь случаѣ, еслибы рѣшеніемъ присяжныхъ признано было, что это опьянѣніе привело потерпѣвшую въ совершенное безпамятство; 2) въ р. 1872 г. № 1490 сенатъ высказалъ, что для примѣненія 1532 ст. необходимо, чтобы мужчина, имѣющій какую-либо власть или надзоръ надъ дѣвицею, обольстилъ *невинную* дѣвицу, что и выражаетъ законъ подъ словомъ обезчестить, такъ какъ растлѣнная уже прежде другимъ лицомъ дѣвица не можетъ быть обезчещена во второй разъ.

Многочисленныя рѣшенія посвящены разъясненію *послѣдняго (XII) раздѣла* уложенія. Прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ небезинтереснымъ рѣшеніемъ 1872 г. № 791, изъ

котораго видно, что подсудимый Шакинъ былъ преданъ суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ *1621 ст.* улож.; причемъ изъ обвинительнаго акта оказалось, что 30 марта 1871 г. толпа злоумышленниковъ напала на питейное заведеніе Волфзонъ, разбила въ немъ окна и двери и повредила движимое имущество, причемъ часть послѣдняго похитила; въ этой толпѣ былъ замѣченъ Шакинъ, который во время разоренія квартиры Волфзонъ разбилъ окно въ этой квартирѣ. На предложенный присяжнымъ вопросъ: виновенъ-ли Шакинъ въ томъ, что, напавъ на питейное заведеніе Волфзонъ, разбилъ въ немъ окно? они дали отвѣтъ утвердительный, но судъ не усмотрѣлъ въ этихъ дѣйствіяхъ признаковъ какого-либо дѣянія, предусмотрѣннаго уголовными законами, и поэтому призналъ Шакина по суду оправданнымъ. На этотъ приговоръ товарищъ прокурора принесъ кассаціонный протестъ, въ которомъ доказывалъ, что къ дѣянію Шакина должна быть примѣнена 1621 ст.; но сенатъ, усматривая изъ дѣла изложенныя выше обстоятельства, нашелъ, что Шакинъ подлежитъ привлеченію къ уголовной отвѣтственности въ качествѣ участника въ буйствѣ, учиненномъ толпою людей, т.-е. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ въ 38 ст. уст. о нак.—Относительно *разбоя и грабежа*, сенатъ продолжалъ высказывать свои прежніе взгляды; такъ и теперь онъ призналъ, что законъ не требуетъ для состава сихъ преступленій, чтобы насиліе, угрозы, нанесеніе ранъ и т. д., сопровождающія открытое отнятіе имущества, предшествовали этому отнятію, и достаточно, чтобы насиліе и т. д. имѣло цѣлью обезпечить за виновными похищенныя вещи и оградить ихъ отъ преслѣдованія со стороны потерпѣвшаго (р. 1873 г. № 388, 948, 960).

Но въ одномъ рѣшеніи 1872 г. № 900 сенатъ какъ будто отступилъ отъ этого мнѣнія: подсудимый былъ признанъ присяжными засѣдателями виновнымъ въ томъ, что, придя съ цѣлью похищенія въ домъ Антоновой, во время ея отсутствія, разбилъ стекла въ окнахъ, перебилъ посуду, переломалъ другія вещи, и выбросилъ нѣкоторыя изъ нихъ на улицу; затѣмъ, когда къ дому подходила Антонова, выскочилъ изъ дома, встрѣтивъ

Антонову, замахнулся на нее топоромъ, но, увидѣвъ пришедшихъ мужчинъ, убѣжалъ, унеся съ собою нѣкоторыя вещи, принадлежащія Антоновой. Сенатъ нашелъ, что изъ отвѣтовъ присяжныхъ, при необозначеніи самыхъ похищенныхъ вещей, нельзя съ точностью опредѣлить, когда именно были похищены подсудимымъ вещи Антоновой: похитилъ-ли ихъ подсудимый и спряталъ на себѣ до прибытія ея, или вещи эти были забраны имъ послѣ того, какъ Антонова явилась, и унесены въ виду ея; другими словами, составляетъ ли похищеніе этихъ нѣкоторыхъ вещей простую кражу, или открытый грабежъ. Имѣя въ виду, что всякое сомнѣніе должно быть разрѣшено въ пользу подсудимаго, поступокъ подсудимаго ближе всего подходитъ подъ дѣйствіе 1654 ст., такъ какъ угроза Антоновой сдѣлана не во время и не для совершенія кражи, и потому не можетъ придать преступленію подсудимаго свойство разбоя или грабежа. Впрочемъ, хотя сенатъ въ этомъ рѣшеніи и говоритъ, что угрозы, сдѣланныя «не для совершенія кражи», не могутъ придать похищенію характеръ разбоя и грабежа, но едва ли будетъ правильно понимать эти слова буквально, ибо поводомъ признанія вышеизложеннаго проступка кражею, а не разбоемъ или грабежомъ, служило очевидно не то, что угрозы были сдѣланы послѣ уже похищенія, а то обстоятельство, что въ предложенномъ присяжнымъ вопросѣ *вовсе* не упомянуто было о цѣли угрозъ [1].

Многія рѣшенія, разумѣется, трактуютъ о *кражѣ;* остановимся сначала на тѣхъ изъ нихъ, въ коихъ сенатъ старался отдѣлить случаи кражи отъ случаевъ находки. Относительно этого вопроса изъ рѣш. 1872 г. № 375 видно, что помощники депутатовъ московской судоходной депутаціи, при розыскѣ разнесенныхъ, по вскрытіи весеннихъ водъ на рѣкѣ Москвѣ, судовъ и лѣсныхъ матеріаловъ, отыскали 14 апрѣля 1871 г. противъ деревни Марьиной обсохшую барку, которую разбирали тамошніе крестьяне и лѣсъ перевозили въ деревню. По заявленію о семъ судоходною депутаціею мировыя учреж-

---

[1]) Впрочемъ, г. Трахтенбергъ держится совершенно другаго мнѣнія (тез. № 5449).

денія признали 14 крестьянъ деревни Марьиной виновными въ кражѣ досокъ и лѣса съ барки. Осужденные принесли жалобу, и сенатъ призналъ, «что поступокъ крестьянъ деревни Марьиной не можетъ быть подведенъ подъ буквальный смыслъ 169 ст. уст. о нак., опредѣляющей наказаніе собственно за кражу, и въ данномъ случаѣ поступокъ ихъ ближе подходитъ подъ дѣйствіе 178—179 ст. того же устава». Но еще въ ноябрѣ 1870 г. были разнесены по Москвѣ рѣкѣ другія барки съ лѣснымъ матеріаломъ. Московская судоходная депутація, какъ и въ только-что приведенномъ случаѣ, командировала для розыска своихъ членовъ, которые въ числѣ другихъ актовъ, составленныхъ на мѣстѣ происшествія, препроводили къ мировому судьѣ актъ о присвоеніи крестьяниномъ Басаровымъ и другими лѣса купца Розонова. Изъ этого акта видно, что члены судоходной депутаціи, вмѣстѣ съ прикащикомъ Розанова и другими лицами прибывъ въ деревню Ногатино, обнаружили, что вышеупомянутые крестьяне возили лѣсъ съ барки Розанова, причемъ показали, что вывозятъ лѣсъ въ свою деревню, полагая, что онъ составляетъ находку, признаваемую ими своею собственностію. Мировой судъ нашелъ, что свидѣтельскими показаніями подтверждается поклажа подсудимыми лѣса на передки телѣги, а такъ какъ въ это время лѣсу по рѣкѣ не шло и бревна не плыли, то нельзя сомнѣваться, что лѣсъ, наложенный ими на передки, былъ съ барки Розанова, и поэтому призналъ ихъ виновными въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ въ 169 ст. уст. о нак., и мировой съѣздъ утвердилъ этотъ приговоръ. Въ кассаціонной жалобѣ одинъ изъ подсудимыхъ указалъ на то, что поступокъ, въ совершеніи коего онъ признанъ виновнымъ, представляется находкой, а не кражей, но сенатъ оставилъ это возраженіе безъ послѣдствій, такъ какъ, «по признаннымъ мировымъ судьею обстоятельствамъ, установленнымъ въ его приговорѣ, утвержденномъ мировымъ съѣздомъ, отобранныя у подсудимыхъ бревна не могутъ считаться находкой». Далѣе, въ рѣш. 1872 г. № 378, сенатъ призналъ мнѣніе одесскаго мироваго съѣзда, что выброшенный изъ моря лѣсъ не можетъ служить предметомъ находки, не-

правильнымъ. Очень интересно рѣш. 1872 г. № 1610: подсудимый Кудряшевъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ ночь на 7-е января 1872 г., встрѣтивъ на почтовой дорогѣ почтовыхъ лошадей, запряженныхъ въ сани, и увидѣвъ въ саняхъ двѣ сумки, взялъ ихъ, зная, что онѣ почтовыя, и спряталъ въ овинѣ, съ цѣлью присвоить находившіяся деньги. Окруж. судъ нашелъ, что похищеніе чужой движимой вещи и присвоеніе такой вещи составляютъ два особенныхъ вида преступленій противъ собственности частныхъ лицъ. Отличительная черта похищенія есть пріобрѣтеніе похитителемъ чужой движимой вещи, находящейся въ моментъ похищенія во владѣніи или распоряженіи другаго лица. Присвоеніе же чужой движимой вещи предполагаетъ, что эта вещь въ моментъ совершенія преступленія находилась или въ распоряженіи совершителя преступленія, или была имъ найдена. Вещи найденныя могутъ быть двоякаго рода: или онѣ прежде никому не принадлежали, или же имѣли извѣстнаго хозяина, коимъ потеряны. Въ законѣ не опредѣлено, какія вещи слѣдуетъ признать потерянными; но, по общепринятому понятію, потерянной считается вещь, изъятая изъ владѣнія и распоряженія хозяина и другихъ лицъ. Изъ рѣшенія присяжныхъ видно, что подсудимый встрѣтилъ почтовыхъ лошадей ночью на почтовой дорогѣ, а не въ какомъ-либо селѣ, и встрѣтилъ при этомъ только запряженныхъ въ саняхъ лошадей, а не проводника, или почтальона. Въ такомъ положеніи означенныя лошади вмѣстѣ съ санями и сумками уже не находились во владѣніи и распоряженіи хозяина, и возможность распоряжаться ими утрачена уже была для сего послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не была еще пріобрѣтена другимъ лицомъ. Согласно сему судъ призналъ, что дѣяніе Кудряшева должно быть признано присвоеніемъ найденныхъ вещей, хозяинъ коихъ ему былъ извѣстенъ. Но сенатъ отвергъ это толкованіе суда, а именно нашелъ, что для правильнаго примѣненія 178 ст. уст. о нак. необходимо, чтобы найденная вещь могла считаться потерянной. По обстоятельствамъ, уже установленнымъ въ рѣшеніи присяжныхъ, почтовыя сумки съ деньгами, взятыя и скрытыя

Кудряшевымъ, лежали въ запряженныхъ лошадьми почтовыхъ саняхъ, встрѣченныхъ Кудряшевымъ на почтовой дорогѣ; увидѣвъ въ такомъ положеніи эти санки, о которыхъ зналъ, что онѣ почтовыя, и скрывъ ихъ съ цѣлью присвоить бывшія въ нихъ деньги и посылки, Кудряшевъ не могъ полагать, что полученныя имъ такимъ способомъ сумки, бывъ кѣмъ-либо потеряны, найдены имъ случайно. Наконецъ, въ рѣш. 1873 г. № 180 сенатъ высказалъ, что для признанія находки необходимо, чтобы вещь дѣйствительно считалась потерянною, и что поэтому присвоеніе вещей, если виновному извѣстенъ хозяинъ ихъ и то, что они были не потеряны, и положены въ извѣстныхъ мѣстахъ для извѣстнаго употребленія, есть не находка, а кража. Итакъ, во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ сенатъ основываетъ различіе между кражей и находкой на томъ, что предметомъ послѣдней можетъ быть только вещь дѣйствительно потерянная; но затѣмъ дальнѣйшій вопросъ, безъ разрѣшенія коего данное сенатомъ объясненіе понятія находки представляется пустой игрой словами, т.-е. вопросъ о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ вещь должна считаться потерянною, остался далеко не затронутымъ, что и дало сенату возможность признать, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, въ одномъ дѣлѣ находку, а въ другомъ кражу. Между тѣмъ, въ рѣш. 1872 г. № 1610 этотъ вопросъ былъ прямо поставленъ приговоромъ окружнаго суда, на который жаловался товарищъ прокурора, но сенатъ, какъ мы уже видѣли, предпочелъ ограничиться очень удобными объясненіями, что при обстоятельствахъ дѣла въ дѣйствіяхъ подсудимаго нельзя признать находки [1]). Относительно вопроса, когда кража счи-

[1]) Единственное (сколько мнѣ извѣстно) рѣшеніе, въ которомъ сенатъ касался этого вопроса, есть рѣш. 1870 г. № 103, въ которомъ сказано, что для того, чтобы вещь считалась найденною, необходимо, чтобы между потерей ея и находкой прошло извѣстное, болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіе котораго законный владѣлецъ почиталъ бы ее потерянною, и, сверхъ того, чтобы нашедшій не былъ очевидцемъ потери, т.-е. обрѣтеніе имѣло мѣсто тогда, когда законный владѣлецъ почитаетъ вещь окончательно потерянною и не имѣетъ возможности немедленно возстановить свое право на нее. Очевидно, что если сенатъ примѣнилъ бы это толкованіе въ рѣш. 1872 г. № 1610, то онъ долженъ былъ бы признать находку, а не кражу.

тается оконченной, сенатъ продолжалъ слѣдовать прежней своей практикѣ, признавая, что для этого необходимо, чтобы похищенныя вещи были поставлены въ такое положеніе, чтобы по понятію о правѣ собственности на движимыя имущества они могли быть почитаемы находящимися во владѣніи вора. Но въ одномъ рѣшеніи 1872 г. № 1670 сенатъ примѣнилъ эту теорію довольно страннымъ образомъ. Обстоятельства дѣла заключались въ томъ, что подсудимые во время посѣва на полѣ Макалинскаго отсыпали часть хлѣба въ особый привезенный ими мѣшечекъ и положили этотъ мѣшечекъ подъ армякъ, и что прикащикъ Макалинскаго, собирая по окончаніи работы пустые хозяйскіе мѣшки, увидавъ мѣшечекъ, призналъ бывшую въ немъ рожь хозяйскою, и приказалъ ее разсѣять по полю; при такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію сената, съѣздъ могъ признать, что дѣяніе подсудимыхъ составляло лишь покушеніе на кражу, потому что рожь, отсыпанная въ мѣшечекъ, не была вполнѣ изъята изъ распоряженія прикащика Макалинскаго, ибо онъ увидалъ эту рожь и приказалъ разсѣять ее, когда работа, на которую въ числѣ другихъ были призваны подсудимые, еще не была окончена, и рабочіе, состоявшіе подъ надзоромъ прикащика, имъ не были отпущены, изъ чего очевидно, что взятіе мѣшечка ржи прикащикомъ изъ телѣги подсудимаго не можетъ быть приравнено къ отобранію похищеннаго у вора при его задержаніи. Слѣдовательно, кража, совершенная рабочимъ во время нахожденія подъ надзоромъ прикащика на работѣ, считается оконченной лишь послѣ отпуска его прикащикомъ; нельзя не сожалѣть, что этотъ тезисъ не нашелъ мѣста въ указателѣ г. Трахтенберга.

Изъ рѣшеній, касающихся до отдѣльныхъ видовъ кражи или обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину при этомъ преступленіи, можно указать на слѣдующія: а) *По поводу 1648 ст.* рѣш. 1872 г. № 544. Присяжнымъ былъ предложенъ вопросъ: виновна-ли Молахова въ томъ, что, отперевъ похищеннымъ ключомъ замокъ у сундука Матрены Молаховой и открывъ этотъ сундукъ, похитила изъ него холсты; на этотъ вопросъ присяжные отвѣтили: да, виновна, но безъ

похищенія ключа. Судъ, находя, что для состава 1648 ст. улож. требуется два признака, а именно: 1) отпереніе для кражи сундука и 2) притомъ посредствомъ указанныхъ въ 1648 ст. орудій, что, между тѣмъ, присяжными признанъ только первый признакъ, примѣнилъ къ проступку Молаховой 169 ст. уст. о нак. Но это толкованіе было отвергнуто сенатомъ совершенно правильно, на томъ основаніи, что существеннымъ признакомъ 1648 ст. есть то, чтобы помѣщеніе, изъ котораго совершена кража, было заперто въ моментъ кражи и отперто именно для совершенія оной. б) *По поводу 1653 и 1654 ст.* Прежде всего рѣш. 1872 г. № 1568, 1873 г. № 33 и другими сенатъ призналъ, что допускается примѣненіе 114 и 115 ст. къ проступку, предусмотрѣнному въ 1653 ст., такъ какъ нѣтъ никакого указанія въ уложеніи, что понятіе о преступномъ покушеніи не можетъ быть примѣняемо къ предусмотрѣнному въ 1653 ст. преступленію, а 1654 ст., составляющая только дальнѣйшее развитіе 1653, вовсе не упоминаетъ о покушеніи на кражу. Изъ возможности же совмѣстнаго примѣненія 1654 и 114 ст. улож., слѣдуетъ и возможность такого примѣненія 1653 и 114 ст. Что относится далѣе вопроса, насколько *имѣніе при себѣ оружія* однимъ изъ виновныхъ вліяетъ на степень виновности другихъ участниковъ, то сенатъ продолжалъ высказывать довольно странные взгляды. Изъ рѣш. 1873 г. № 908 видно слѣдующее: о мѣщанахъ Шмыревыхъ были предложены присяжнымъ между прочимъ слѣдующіе вопросы: о Мартынѣ Шмыревѣ, 1-й и 3-й: виновенъ ли онъ въ кражахъ со взломомъ по уговору съ другими у Попова и Федотова; а 5-й: если виновенъ, то имѣлъ ли онъ при себѣ ломъ, коимъ могъ нанести смерть и увѣчья; а о Дарьѣ Шмыревой были поставлены такіе же 2-й, 4-й и 6-й вопросы; наконецъ 7-й о томъ, не подговорилъ-ли Мартынъ Шмыревъ жену свою къ совершенію сихъ кражъ, и не онъ ли первый приступилъ къ совершенію ея? Присяжные отвѣтили утвердительно на 1-й, 5-й и 7-й вопросы, и на 6-й: «не имѣла никакого орудія». Изъ протокола же при этомъ видно, что предсѣдатель въ заключительной рѣчи между прочимъ сказалъ, что

если они признають, что Шмырева не только не имѣла сама при кражѣ орудія, но и не знала, что при совершеніи кражи Шмыревъ имѣлъ таковое, то могутъ отвѣчать, что она при кражѣ орудія не имѣла. Въ виду отвѣта присяжныхъ судъ примѣнилъ къ Шмыревой 1 ч. 1647 ст., на что товарищъ прокурора принесъ кассаціонный протестъ. Сенатъ обратилъ сначала вниманіе на несогласіе объясненій предсѣдателя съ содержаніемъ 6-го вопроса и нашелъ, что если бы объяснить рѣшеніе присяжныхъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ дано имъ объясненіе предсѣдателемъ, то необходимо было бы признать, что отвѣтомъ: «и не имѣла никакого орудія», присяжные отвергли и самое знаніе подсудимою того, что при совершеніи кражи у другаго виновнаго было орудіе, каковое толкованіе не можетъ быть допущено ни вообще, ни въ особенности въ настоящемъ случаѣ, при ясности отвѣта на 6-й вопросъ. Въ виду этихъ соображеній сенатъ пришелъ къ заключенію, что присяжные отвѣтомъ на 6-й вопросъ отвергли только фактъ имѣнія при себѣ Шмыревою орудія во время совершенія кражи. Принимая затѣмъ во вниманіе: 1) что 1654 ст. примѣняется къ виновнымъ въ кражѣ, хотя бы орудіе было только у одного изъ нихъ; 2) что Дарья Шмырева признана сообщницей Мартына Шмырева, признаннаго зачинщикомъ; 3) что сообщники въ преступленіи, бывшіе при содѣяніи онаго и сами въ немъ участвовавшіе, признаются виновными наравнѣ съ зачинщиками; 4) что Дарья Шмырева и ея защитникъ не просили о постановкѣ особаго вопроса о томъ, знала-ли она, что у Шмырева было орудіе, а слѣдовательно вопросъ этотъ, въ виду утвердительнаго отвѣта на 5-й и 7-й вопросы, долженъ быть разрѣшенъ тоже утвердительно,—правительствующій сенатъ нашелъ, что судъ не имѣлъ основанія не примѣнять къ подсудимой Шмыревой 1654 ст. Такимъ образомъ, если при совершеніи по уговору нѣсколькими лицами кражи со взломомъ, у одного изъ нихъ было оружіе, коимъ могъ нанести смерть или увѣчье, то, по мнѣнію сената, знаніе этого обстоятельства другими *предполагается;* оно предполагается и въ такомъ случаѣ, если предсѣдатель объяснилъ присяжнымъ, что они отвѣтомъ:

«не имѣла оружія» отвергают и то обстоятельство, что подсудимый зналъ объ имѣніи у себя другими участниками оружія, и присяжные въ самомъ дѣлѣ дали этотъ отвѣтъ. И этотъ тезизъ пропущенъ въ «Указателѣ». Не менѣе интересно рѣш. 1872 г. № 970: подсудимый Бѣляковъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ ночь на 1-е февраля 1871 г. съ другимъ неизвѣстнымъ соучастникомъ, который былъ вооруженъ кинжаломъ, сломалъ, съ цѣлію похищенія, желѣзную накладку, запиравшую дверь, ведущую въ складъ разныхъ вещей, принадлежащихъ Хлѣбникову, и вынесъ оттуда нѣсколько овчинъ, причемъ вооруженный сотоварищъ его, Бѣлякова, нанесъ вышедшему на шумъ Хлѣбникову, хотя и безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, но неслучайно, а въ запальчивости и раздраженіи, нѣсколько ранъ бывшимъ при немъ кинжаломъ. Окружный судъ примѣнилъ къ дѣянію подсудимаго 1654 ст. и 1 ч. 1483 ст. Бѣляковъ принесъ на этотъ приговоръ кассаціонную жалобу, по разсмотрѣніи которой сенатъ нашелъ, что Бѣляковъ не можетъ быть признанъ безотвѣтственнымъ предъ закономъ за дѣйствія соучастника его въ вооруженной кражѣ, направленныя противъ лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, на томъ только основаніи, что раны нанесены были Хлѣбникову не самимъ Бѣляковымъ, ибо 1641 и 1644 ст. за совмѣстное совершеніе нѣсколькими лицами кражи со взломомъ опредѣляютъ безразлично всѣмъ соучастникамъ этого преступленія уголовное наказаніе, какъ за особый видъ разбоя, при томъ исключительно условіи, если одинъ изъ соучастниковъ былъ вооруженъ. Законъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ при этомъ въ виду, что совершеніе такой вооруженной кражи, совокупными силами нѣсколькихъ соучастниковъ, должно быть сопряжено съ явною опасностью для потерпѣвшаго лица; посему и *всѣ послѣдствія употребленія оружія* противъ потерпѣвшаго должны упадать не только на соучастника вооруженной кражи, употребившаго оружіе для нападенія, но и на всѣхъ прочихъ соучастниковъ похищенія, при наличности признака вооруженнаго состоянія одного изъ похитителей, тѣмъ болѣе, что совершившіе похищеніе при

вооруженномъ нападеніи на потерпѣвшаго становятся участниками преступленіи важнѣйшаго рода, а именно разбоя. Слѣдовательно, если А и Б соглашаются совершить кражу со взломомъ, если затѣмъ Б безъ вѣдома А возьметъ съ собою ножъ и этимъ ножомъ при совершеніи кражи совершитъ убійство, то А отвѣчаетъ одинаково съ Б не только за кражу, но и за убійство. Замѣчательно, наконецъ, рѣш. 1873 г. № 235, въ которомъ сенатъ, по крайней мѣрѣ отчасти, отказывается отъ своего прежняго взгляда на свойство оружія, которое требуется для состава 1653 и 1654 ст.: «если, сказано въ этомъ рѣшеніи, не различать орудій, употребляемыхъ для взлома, отъ тѣхъ, которыя законъ приравниваетъ къ оружію, и опредѣляетъ такъ: «орудіе, которымъ виновный могъ нанести смерть или увѣчье», то почти каждую кражу со взломомъ пришлось бы считать кражею, совершенною вооруженнымъ человѣкомъ, ибо едвали есть такое орудіе взлома, которымъ нельзя было бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, причинить смерть или увѣчье. Поэтому опредѣленіе закона: орудіе, коимъ можно нанести смерть или увѣчье, надлежитъ понимать въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. разумѣть подъ этимъ не всякое орудіе, коимъ лицо, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ или при предварительномъ истязаніи своего противника, можетъ нанести ему смерть или увѣчье, а лишь опасное орудіе, коимъ и безъ особенныхъ благопріятныхъ для нападающаго обстоятельствахъ и при свободной защитѣ, можно нанести съ первыхъ ударовъ смерть или увѣчье. Какое орудіе должно быть причислено къ опасному — это вопросъ чисто фактическій. При разрѣшеніи этого вопроса, въ смыслѣ обстоятельства особо увеличивающаго вину, присяжные должны принимать во вниманіе и большую или меньшую вѣроятность, которую обвиняемые могли имѣть въ виду, встрѣтить сопротивленіе въ совершеніи задуманной ими кражи, смотря потому, гдѣ она производилась, въ обитаемомъ или необитаемомъ мѣстѣ». Что сенатъ хотѣлъ сказать этой послѣдней фразой, — не вполнѣ ясно; можно только предполагать, что самъ сенатъ чувствовалъ, что высказанный имъ здѣсь взглядъ на свойство орудія, хотя

и несомнѣнно правиленъ, но все-таки недостаточенъ для правильнаго толкованія 1653 и 1654 ст. Помню, напримѣръ, слѣдующій случай изъ практики: подсудимые отправились на кражу, зарѣзали имѣющимся у нихъ ножомъ нѣсколько барановъ, сняли шкуры, и хотѣли съ ними удалиться, когда были застигнуты на мѣстѣ преступленія; тогда они бросили ножи и убѣжали. Очевидно, что подсудимые имѣли при себѣ орудіе, коимъ можно нанести смерть или увѣчье; но очевидно и то, что указанный въ рѣш. 1872 г. № 970 мотивъ увеличенія наказанія за кражу съ оружіемъ—явная опасность для потерпѣвшаго лица—въ данномъ дѣлѣ не существовалъ, ибо виновные не имѣли положительно никакого намѣренія воспользоваться оружіемъ для нападенія или защиты. Поэтому, хотя орудіе, которое имѣли при себѣ виновные, и было такого свойства, что имъ можно было нанести смерть и увѣчье, но въ данномъ случаѣ, въ рукахъ именно этихъ виновныхъ, оно становилось орудіемъ вполнѣ безопаснымъ, такъ какъ они (по своей неиспорченности, трусости или инымъ причинамъ) онымъ никому вреда причинить не могли. Слѣдовательно, и примѣненіе къ данному и подобнымъ случаямъ 1653 и 1654 ст. было бы, по смыслу и цѣли этихъ законовъ, вполнѣ несправедливо. Поэтому для правильнаго примѣненія 1653 и 1654 ст. недостаточно обратить вниманіе на одно свойство орудія, какъ это дѣлаетъ сенатъ: нужно принимать въ соображеніе и субъективную сторону, т.-е. возможно ли въ данномъ случаѣ предполагать, что у подсудимаго нашлось бы не только достаточно физическихъ силъ, но и преступной рѣшимости воспользоваться орудіемъ и нанести имъ кому-либо смерть и увѣчье; для этого, разумѣется, необходимо, чтобы вопросы были поставлены согласно буквальному тексту 1653 ст., т.-е. имѣлъ ли подсудимый орудіе, коимъ *могъ* и т. д., а не какъ эти вопросы иногда формулируютъ: «коимъ можно», причемъ слово *могъ* должно быть объяснено присяжнымъ въ вышеизложенномъ узкомъ смыслѣ: в) *По поводу 3 п. 1659 ст. улож. и 3 п. 170 ст. уст.* Извѣстно, что сенатъ призналъ существованіе кражи со взломомъ и въ томъ случаѣ, когда виновный

совершилъ взломъ для того, чтобы уйти изъ того помѣщенія, въ которомъ онъ совершилъ кражу. Относительно примѣненія указанныхъ статей сенатъ держится другаго мнѣнія и призналъ, что 3 п. 170 ст. не можетъ быть примѣненъ въ томъ случаѣ, если виновный для совершенія кражи вошелъ чрезъ заднія ворота и выскочилъ изъ окна.

г) *По поводу 1 п. 1663 ст. улож. и 1 п. 171 ст. уст. о нак.*,—что законъ для примѣненія сихъ статей не ставитъ непремѣннымъ условіемъ возвращеніе именно украденной вещи, а требуетъ лишь, чтобы удовлетвореніемъ потерпѣвшаго лица виновный выразилъ раскаяніе и желаніе уничтожить вредныя послѣдствія, причиненныя его дѣяніемъ.

Что касается до значительнаго числа рѣшеній по вопросу о *мошенничествѣ*, то почти всѣ они заключаютъ въ себѣ или повтореніе прежде уже высказанныхъ сенатомъ мнѣній, или примѣненіе ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ. Интересно рѣш. 1873 г. № 36, въ которомъ представился вопросъ: составляютъ ли дѣйствія подсудимаго, заключающіяся въ томъ, что онъ въ роспискахъ, выданныхъ мѣщаниномъ Рожновымъ въ 39 полуимперіалахъ, слова «тридцать девять» подчистилъ и вновь написалъ тридцать девять съ цѣлью лишить эти документы значенія, и затѣмъ отказался отъ уплаты по онымъ денегъ, ссылаясь на то, что подчистка эта сдѣлана другимъ лицомъ, — подлогъ или мошенничество? Сенатъ нашелъ, что, на основ. ст. 1690 — 1698, подъ преступленіемъ подлога въ актахъ и обязательствахъ слѣдуетъ признавать: подложное составленіе самыхъ актовъ или подложную явку актовъ, или же подложныя поправки и измѣненіе въ правильно составленныхъ актахъ. Но если актъ составленъ отъ имени и при участіи лицъ, дѣйствительно участвовавшихъ въ составленіи акта, и при этомъ какою-либо стороною употреблены для завладѣнія чужимъ имуществомъ обманныя дѣйствія, имѣвшія цѣлью побудить къ совершенію акта или привесть противную сторону въ заблужденіе относительно значенія сдѣлки, силы и дѣйствительности акта, то подобнаго рода поступокъ, если при этомъ употребленныя для сего средства

могутъ быть признаны обманомъ, подлежащимъ преслѣдованію уголовному, составляетъ не подлогъ въ актѣ, а преступленіе, предусмотрѣнное въ ст. 1665 и 1688 улож. о нак. Поэтому сенатъ отмѣнилъ приговоръ суда, примѣнившаго къ подсудимому 1692 ст. Далѣе, въ дополненіе къ своимъ рѣшеніямъ о томъ, что для наказуемости мошенничества требуется по крайней мѣрѣ наличность покушенія, сенатъ высказалъ, что одно корыстное намѣреніе и даже прямой умыселъ нанести имущественный ущербъ другому лицу, доколѣ онъ не выразился въ дѣяніи, соотвѣтствующемъ по признакамъ своимъ преступленію или проступку, ненаказуемъ (рѣш. 1872 г. № 912).

Вопросъ о границахъ мошенничества и подлога былъ разсмотрѣнъ сенатомъ въ рѣш. 1871 г. № 574 и 1873 г. № 823. Въ первомъ рѣшеніи сенатъ высказалъ, что въ мошенничествѣ законъ преслѣдуетъ похищеніе чужой собственности посредствомъ обмана, и поэтому одинъ обманъ при неудавшемся похищеніи не можетъ составлять оконченнаго преступленія; въ подлогахъ по обязательствамъ, напротивъ того, существенный признакъ преступленія заключается въ наличности подложнаго документа, составленнаго или пріобрѣтеннаго съ преступною цѣлію, причемъ законъ преслѣдуетъ не только тѣхъ, которые употребляютъ такіе документы въ дѣло, но признаетъ виновными даже и тѣхъ, которые только примутъ или пріобрѣтутъ съ преступною цѣлію такіе подложные документы; поэтому пріобрѣтеніе завѣдомо подложнаго свидѣтельства и представленіе его съ корыстною цѣлію, согл. 1697 ст. уст., есть вполнѣ совершившееся преступленіе, а не одно покушеніе. Во второмъ изъ упомянутыхъ рѣшеній сенатъ призналъ, что къ подсудимому, признанному виновнымъ въ томъ, что, воспользовавшись состояніемъ опьянѣнія Иванова, предложилъ ему подписать неизвѣстно кѣмъ составленную отъ имени Иванова росписку на 325 р., увѣривъ его, что онъ подписывается на лотерею, и затѣмъ представилъ ту росписку ко взысканію, зная, что она подложная — должна быть примѣнена 1666, а не 1697 ст., такъ какъ онъ признанъ ви-

повнымъ въ томъ, что онъ обманнымъ образомъ выманилъ у Иванова росписку, которую употребилъ какъ средство для пріобрѣтенія чужаго имущества. Изъ рѣшенія 1872 г. № 572 видно, что для примѣненія 1697 ст. сенатомъ требуется корыстная цѣль; наказаніе же за подлогъ, предусмотрѣнный 1692 ст. улож., не обусловливается намѣреніемъ исключительно корыстнымъ, о которомъ въ 1 части этой статьи даже вовсе не упоминается, почему примѣненіе этой статьи къ подсудимому, участвовавшему въ подлогѣ, какъ признано присяжными, изъ личныхъ своихъ видовъ, хотя некорыстныхъ, вполнѣ правильно.

III.

Обратимся теперь къ рѣшеніямъ, относящимся къ тѣмъ изъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ о нак., нал. мир. суд., о которыхъ еще не было рѣчи выше. Изъ рѣшеній, относящихся 1) *до проступковъ противъ благочинія, порядка и спокойствія*, укажу на слѣдующія: въ разъясненіе 41 ст. уст. сенатъ призналъ (рѣш. 1873 г. № 450), что возложенная ст. 37 и 60 пол. о тракт. зав. на содержателей постоялыхъ дворовъ обязанность учреждать въ заведеніяхъ ихъ присмотръ за недопущеніемъ воровства, совмѣщаетъ въ себѣ и обязанность охраненія ночью такого имущества постояльца, котораго онъ не можетъ имѣть при себѣ и которое поэтому остается во дворѣ заведенія; а, слѣдовательно, неучрежденіе по винѣ самаго содержателя заведенія присмотра за цѣлостью подобнаго имущества должно подвергать его, за безпорядокъ въ его заведеніи, отвѣтственности, предусмотрѣнной ст. 42 и 48 пол. о тракт. зав. и 41 ст. уст. о нак.; ибо этотъ послѣдній законъ воспрещаетъ безчинство и безпорядки въ трактирныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и въ постоялыхъ дворахъ, разумѣя подъ безчинствами дѣйствія, нарушающія благоприличіе, благочиніе и общественную тишину, а подъ безпорядкомъ— какъ допущеніе внутренняго неустройства въ заведеніи, такъ и вообще нарушеніе опредѣлительно указанныхъ въ пол. о тракт. зав. полицейскихъ правилъ, относящихся до этихъ за-

веденій. Поэтому 41 ст. можетъ быть примѣнена, если содержателемъ постоялаго двора не было учреждено ночнаго присмотра за недопущеніемъ воровства, или если присмотръ этотъ былъ прекращенъ несвоевременно по распоряженію или съ вѣдома его; но не въ томъ случаѣ, если онъ имѣлъ лишь недостаточный надзоръ за своимъ сторожемъ. 2) Относительно 44 ст. уст. сенатъ высказалъ въ рѣш. 1873 г. № 11, что такъ какъ она постановлена взамѣнъ 1354 и 1355 ст. улож. изд. 1857, коими преслѣдовалось сводничество не только какъ ремесло, но вообще, то и виновные въ сводничествѣ, хотя и не было признано, чтобы они занимались этимъ какъ ремесломъ, подлежатъ наказанію по 44 ст.. 3) Относительно 46 ст., что согласно этой статьѣ, въ противность 1330 ст. улож. изд. 1857, наказываются лишь главные виновники, т.-е. устроившіе игру, оставляя безъ преслѣдованія лицъ, вовлеченныхъ въ игру или принявшихъ участіе въ игрѣ, уже устроенной. Далѣе сенатъ призналъ (рѣш. 1872 г. № 388), что приложенія *къ 77 ст. уст.* не имѣютъ ограничительнаго смысла и не исключаютъ обязанности суда примѣнять силу этого закона и къ другимъ нарушеніямъ общихъ правилъ, предписанныхъ для судоплаванія, напр. къ побѣгу судорабочихъ, предусмотрѣнному прежде въ 1557 ст. улож. о нак. изд. 1857 г., каковая статья вошла въ составъ 77 ст.

Относительно неосторожнаго обращенія съ огнемъ сенатъ объяснилъ (рѣш. 1873 г. № 312), что хотя въ 95 ст. уст. о нак. говорится собственно о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ въ близкомъ разстояніи отъ предметовъ, поименованныхъ въ пунктѣ *а* этой статьи, но при всемъ томъ нельзя не признать, что съѣздъ, постановляя приговоръ свой о виновности подсудимаго по убѣжденію, возникшему изъ совокупнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, раскрытыхъ судебнымъ разбирательствомъ, былъ вправѣ опредѣлить близость легко восгорающихся предметовъ отъ неосторожно разведеннаго виновнымъ лицомъ огня не только по соображенію разстоянія этихъ предметовъ отъ огня, но и по мѣрѣ

предвидѣнной виновнымъ опасности воспламененія ихъ отъ неосторожнаго обращенія его съ огнемъ въ данномъ случаѣ.

142 ст., разумѣется, опять вызвала много рѣшеній, въ которыхъ, впрочемъ, сенатъ высказалъ мало новаго. Существенными признаками этого проступка, принадлежащаго къ проступкамъ противъ личныхъ, а не имущественныхъ правъ (1873 г. № 170), сенатъ призналъ по прежнему: 1) самовольное осуществленіе какого-либо дѣйствительнаго или предполагаемаго права, помимо установленныхъ властей и опредѣленнаго законами порядка; 2) то обстоятельство, что это самовольное осуществленіе сопровождалось физическимъ и нравственнымъ насиліемъ и противорѣчило явно выраженной волѣ лица, права коего этими дѣйствіями нарушены, или какъ это положеніе выражено въ другихъ рѣшеніяхъ, хотя бы и безъ насилія, но въ присутствіи его или лицъ, заступающихъ его мѣсто, или коимъ ввѣрено было по порученію хозяина храненіе его имущества, и вопреки выраженной ими волѣ (рѣш. 1872 г. № 378, 570, 1873 г. № 441, 859 и друг.). Слѣдовательно, для состава самоуправства требуется: съ одной стороны, убѣжденіе субъекта преступленія, что онъ вправѣ предпринимать извѣстныя самоуправныя дѣйствія, а съ другой стороны, чтобы эти дѣйствія совершены были въ присутствіи лица, права котораго чрезъ оныя нарушаются (или заступающаго лица), и чтобы это лицо сознавало, что эти дѣйствія противорѣчатъ выраженной имъ волѣ. Однако, сенатъ не всегда придерживается этого взгляда, какъ это видно, напр., изъ рѣш. 1872 г. № 395. Линдбергъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что онъ послѣ того, какъ Руденко пріискалъ себѣ другаго машиниста, которому онъ, Линдбергъ, далъ ключъ отъ завѣдываемой имъ прежде машины, самовольно взялъ у кочегара ключъ отъ той машины, снялъ съ нея ремни и пріостановилъ ея дѣйствіе; къ этому проступку мировой съѣздъ примѣнилъ 142 ст. уст. Линдбергъ принесъ кассаціонную жалобу, но сенатъ оставилъ ее безъ послѣдствій, на томъ основаніи, что для признанія самоуправства надъ имуществомъ необходимо лишь два условія:

1) чтобы это имущество находилось въ чужомъ владѣніи, и 2) чтобы владѣніе это было нарушено насильственно [1]). Такимъ образомъ, сенатъ не только выставилъ совершенно другіе признаки самоуправства, но, признавая существованіе самоуправства надъ имуществомъ, отказался отъ своего прежняго, несомнѣнно вѣрнаго мнѣнія, что самоуправство есть проступокъ противъ личныхъ, а не имущественныхъ правъ. Не безъинтересны еще тѣ рѣшенія, въ которыхъ сенатъ указалъ на случаи, въ которыхъ самовольное осуществленіе своихъ правъ не можетъ считаться преступнымъ; такъ, въ рѣш. 1872 г. № 466 сказано, что каждому собственнику предоставлено право ограждать свою собственность отъ порчи, потравы и стороннихъ нападеній, и что поэтому приказаніе, данное гнать утокъ, зашедшихъ въ огородъ давшаго это приказаніе, вслѣдствіе чего одна изъ утокъ была убита *случайно*, не заключаетъ въ себѣ признаковъ самоуправства [2]), а въ рѣш. 1872 г. № 1318, что законъ вовсе не требуетъ, чтобы для огражденія своего имущества отъ истребленія лицо обязано обращаться къ подлежащей власти, что́ въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы физически невозможно, почему собственникъ земли имѣетъ право отбирать ружье у людей, охотившихся на его землѣ; наконецъ, осуществленіе основательнаго или неосновательнаго права, совершенное безъ всякаго насилія и принужденія, не имѣетъ признаковъ уголовнаго свойства (рѣш. 1872 г. № 579). Въ дополненіе къ рѣшеніямъ, относящимся до *обидъ* и указаннымъ мною выше, я приведу еще рѣш. 1873 г. № 869, въ которомъ сенатъ резюмировалъ свое прежнее ученіе о разницѣ между обидою словами и обидою дѣйствіемъ. Первая состоитъ въ произнесеніи словъ, заключающихъ въ себѣ брань, а также выраженія, сравненія и намеки, явно оскорбительные для чести, и сказанныхъ съ цѣлью унизить и оскорбить достоинство лица, къ которому относились; всякое же оскорбительное для другаго лица дѣйствіе, въ

---

[1]) Тоже самое высказано въ р. 1873 г. № 1000.

[2]) Слова „случайно“ въ приведенномъ рѣшеніи напечатано, неизвѣстно почему, крупнымъ шрифтомъ.

томъ числѣ и символическіе знаки (напр. показаніе другому лицу задницы), которыми одно лицо выражаетъ презрѣніе къ другому, составляютъ обиду дѣйствіемъ.

Относительно различія между обидою и клеветою сенатъ продолжалъ высказывать вѣрный взглядъ, что для состава клеветы необходимо указаніе на какое-либо событіе, почему произнесеніе ругательныхъ словъ безъ соединенія съ ними какихъ-либо вымышленныхъ фактовъ есть обида, которая въ случаѣ произнесенія этихъ словъ заочно — ненаказуемо (рѣш. 1873 г. № 201); точно также приписаніе кому-либо дѣянія, дѣйствительно имъ совершеннаго, и сравненіе этого дѣянія съ другимъ какимъ-либо позорнымъ фактомъ составляетъ не клевету, а обиду (рѣш. 1873 г. № 874) [1]. Что касается до признаковъ клеветы, то въ рѣш. 1872 г. № 749 сказано, что для признанія существованія клеветы недостаточно, чтобы кто-либо ложно обвинялъ другаго въ какомъ-либо преступномъ дѣяніи, а необходимо, чтобы обвиняемое въ клеветѣ лицо распространяло это ложное свѣдѣніе о такомъ дѣяніи другаго лица; поэтому, если А. въ письмѣ своемъ къ Б. обвинялъ самаго Б. въ какомъ-либо преступномъ дѣяніи, то къ подобному дѣянію 136 ст. примѣняема быть не можетъ. Далѣе, въ рѣш. 1872 г. № 1309, согласно прежнему толкованію сената, признано, что законы о клеветѣ могутъ быть примѣнены лишь въ такомъ случаѣ, когда одно лицо умышленно взводитъ на другое такое ложное обвиненіе, которое омрачаетъ честь и доброе имя, и притомъ съ цѣлью нанести этимъ оскорбленіе.

Въ заключеніе укажу еще на похищеніе чужаго лѣса, относительно каковаго проступка прав. сенатъ допустилъ два замѣчательныхъ толкованія. Прежде всего сенатъ, какъ прежде (рѣш. 1870 г. № 1646), такъ и теперь (рѣш. 1872 г. № 377), призналъ, что въ случаѣ порубки лѣса наказанію мо-

---

[1]) Въ р. 1872 г. № 1499 говорится, кажется, тоже самое, но редакція этого рѣшенія такъ темна, что нельзя не допустить и возможность, что сенатъ призналъ клевету въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ прежде и послѣ онъ нашелъ только обиду.

жетъ подлежать не только лицо физическое, но и лицо юридическое, т.-е. не отдѣльные крестьяне, составляющіе общество, но сельское общество, какъ таковое, и что въ таковыхъ случаяхъ крестьяне, входящіе въ составъ этого общества, подлежатъ денежному взысканію поровну; поэтому къ дѣламъ о похищеніи чужаго лѣса не примѣняется ст. 15 уст. уголов. суд., согласно которой каждый виновный несетъ уголовную отвѣтственность самъ за себя. Далѣе, сенатъ высказалъ довольно странное мнѣніе о подсудности дѣлъ о порубкахъ въ казенныхъ лѣсахъ. Извѣстно, что, согл. 22 п. высоч. утверж. 15-го мая 1867 г. мн. гос. сов., дѣла о похищеніяхъ изъ частныхъ лѣсовъ подсудны мировымъ учрежденіямъ, когда сумма понесеннаго убытка не превышаетъ 100 р. Это опредѣленіе подсудности согласовано съ 2 п. 33 ст. уст. угол. суд., ибо такъ какъ виновные въ похищеніи чужаго лѣса могутъ подлежать денежному взысканію втрое противъ цѣны похищеннаго лѣса, то, въ случаѣ наказанія за лѣсную порубку на сумму болѣе 100 р., сумма денежнаго взысканія можетъ превышать 300 р. и тѣмъ самымъ уже выдти изъ вѣдомства мировыхъ учрежденій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣже самыя правила должны относиться и къ казеннымъ лѣсамъ. Но сенатъ держится другаго мнѣнія. Ссылаясь на 1127 ст. уст. угол. суд., согласно которой сумма денежнаго взысканія, по которой опредѣляется подсудность дѣлъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ, слагается изъ количества взысканія и цѣны предметовъ, подлежащихъ конфискаціи, сенатъ пришелъ къ тому выводу, что мировымъ судебнымъ учрежденіямъ могутъ быть подсудны тѣ дѣла о порубкахъ въ казенныхъ лѣсахъ, по коимъ стоимость порубленнаго лѣса превышаетъ не 100, а 125 р., ибо въ такомъ случаѣ взысканіе, наложенное на порубщиковъ, можетъ достигать до 375 р. и такимъ образомъ въ общей сложности денежнаго взысканія съ цѣной порубленнаго лѣса можетъ составиться 500 руб. Но это мнѣніе очевидно неправильно; изъ прилож. къ 33 ст. уст., согласно которой мировыя судебныя учрежденія и по дѣламъ о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ

управленій не могутъ выходить изъ предѣловъ предоставленной имъ 33 статьею власти, видно, что 1127 ст. уст. не установляетъ исключенія изъ общихъ правилъ о подсудности, что подтверждается и объясненіями составителей уставовъ къ 1127 ст., каковымъ объясненіямъ самъ сенатъ придаетъ иногда такое важное значеніе; наконецъ, не можетъ быть сомнѣнія, что положенныя 155—156 ст. уст. о нак. денежныя взысканія, хотя они поступаютъ въ пользу потерпѣвшихъ и тѣмъ получаютъ какъ будто гражданскій характеръ, суть именно взысканія, а не вознагражденіе за вредъ и убытки, которые на основаніи тѣхъ же статей взыскиваются еще особенно. Слѣдовательно, и по дѣламъ о порубкахъ въ казенныхъ лѣсахъ высшая мѣра денежнаго взысканія, которая можетъ быть присуждена мировыми учрежденіями, есть 300 р., и поэтому подсудность этихъ дѣлъ опредѣляется тѣми же правилами, какъ и подсудность по дѣламъ о порубкахъ въ частныхъ лѣсахъ.

Обзоръ кассаціонныхъ рѣшеній за 1872 и 1873 гг. не можетъ не привести къ убѣжденію, что и въ это время кассаціонная практика по вопросамъ уголовнаго права страдала такимъ же отсутствіемъ общихъ теоретическихъ началъ, какъ и прежде. Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ разсматриваемомъ нами періодѣ, за немногими исключеніями, всѣ рѣшенія сената, касающіяся до болѣе серьёзныхъ вопросовъ уголовнаго права, напр. рѣшенія, трактующія о покушеніи, объ участіи въ преступленіи, о совокупности и о продолжаемомъ преступленіи, о составѣ отдѣльныхъ преступленій и т. д.

Болѣе удовлетворительны тѣ рѣшенія сената, которыя, относясь до разъясненія отдѣльныхъ статей, не требуютъ особенныхъ теоретическихъ соображеній. Но и здѣсь замѣтно тоже отсутствіе общихъ началъ; именно, до сихъ поръ сенатъ не выработалъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ толкованія законовъ. Благодаря этому, въ одномъ рѣшеніи, напр., сенатъ ссылается для разъясненія данной статьи на мотивы составителей уложенія и устава, объясняя, что вотъ именно тѣ источники, которые

должны имѣть рѣшительное значеніе при толкованіи закона; въ другомъ же рѣшеніи эти самые мотивы вполнѣ игнорируются, и высказывается мнѣніе, вовсе не согласное съ ними, и т. д. и т. д. Результатомъ такого пріема, разумѣется, не могутъ не быть многочисленныя ошибки.

А. Фонъ-Резонъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Дѣло *о духовномъ завѣщаніи* мѣщанина Чумакова, *лишеннаго по суду всѣхъ правъ состоянія.* Доводы *за* и *противъ* рѣшенія по этому дѣлу московской судебной палаты.

Въ № 50 «Судебнаго Вѣстника» за нынѣшній годъ напечатано рѣшеніе московской судебной палаты по дѣлу о духовномъ завѣщаніи нѣкоего Чумакова, приговореннаго за одно изъ преступленій противъ вѣры къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста восточной Сибири. Рѣшеніе это послужило поводомъ къ возбужденію между петербургскими юристами вопроса, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ сильно волновалъ юристовъ московскихъ и весьма подробно обсуждался въ тамошнемъ юридическомъ обществѣ. Вопросъ заключается въ томъ, дѣйствительны ли завѣщательныя распоряженія лица, подвергшагося лишенію всѣхъ правъ состоянія, если завѣщаніе составлено до объявленія приговора о лишеніи правъ, причемъ завѣщатель пережилъ объявленіе приговора?

Въ виду того, что ни московскіе, ни здѣшніе юристы не приходятъ къ единогласному рѣшенію этого вопроса,—вопроса столько-же важнаго, сколько и спорнаго — мы, съ своей стороны, считаемъ также необходимымъ остановиться на немъ и разобрать тѣ доводы *за* и *противъ* дѣйствительности такихъ завѣщаній, которые до сихъ поръ появились въ печати.

Начнемъ съ рѣшеній по этому вопросу судебныхъ мѣстъ.

Московскій окружной судъ, разсмотрѣвъ названное выше дѣло о завѣщаніи Чумакова, пришелъ къ заключенію, что завѣщаніе это, составленное «на случай смерти, а равно и на случай, если правительствующій сенатъ не отмѣнитъ состоявшагося въ окружномъ судѣ приговора» (о лишеніи Чумакова всѣхъ правъ состоянія), должно быть признано дѣйствительнымъ и вступившимъ въ силу въ моментъ исполненія надъ Чумаковымъ приговора о лишеніи его всѣхъ правъ состоянія. Вотъ соображенія суда: право наслѣдованія по нашимъ законамъ (1222 и 1223 ст. т. X, ч. 1) возникаетъ или въ случаѣ естественной смерти владѣльца, или же въ случаѣ лишенія его по суду всѣхъ правъ состоянія, а также въ случаѣ поступленія его въ монашество; при этомъ, права наслѣдованія въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ владѣльца опредѣляются или волею самаго владѣльца, выраженною въ духовномъ его завѣщаніи (1010 ст.), или непосредственно закономъ при отсутствіи завѣщанія (ст. 1104). По 22 и 26 ст. улож. о наказ. и 963 ст. уст. угол. суд., лишеніе всѣхъ правъ состоянія для осужденнаго къ этому наказанію имѣетъ значеніе гражданской смерти, а эта послѣдняя по отношенію къ прежнему имуществу осужденнаго лица, какъ видно изъ 28 ст. улож., уподобляется смерти естественной, причемъ въ силу гражданскихъ законовъ (ст. 770, 1019, 1020 и 1080) лица, привлеченныя къ суду, лишаются права распоряжаться прежнимъ своимъ имуществомъ и совершать всякіе вообще акты объ имѣніи, равно какъ и составлять духовныя завѣщанія — лишь съ наступленіемъ гражданской смерти, т.-е. съ объявленіемъ имъ окончательнаго приговора о лишеніи ихъ всѣхъ правъ состоянія (ст. 770 т. X, ч. 1, 28 ст. улож. о наказ., а также 941 и 957 уст. угол. суд.); всѣ же распоряженія такихъ лицъ о своемъ имуществѣ, совершенныя въ законномъ порядкѣ до этого момента, въ томъ числѣ и духовныя завѣщанія ихъ, сохраняютъ полную силу и обязательны для ихъ наслѣдниковъ. Въ виду этого, предъявленный наслѣдниками Чумакова по закону споръ противъ его завѣщанія судъ оставилъ безъ уваженія.

Гораздо подробнѣе мотивируетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ московская судебная палата.

«Право распоряжаться имуществомъ посредствомъ завѣщанія»—говорится въ рѣшеніи этой палаты по дѣлу Чумакова—«вытекаетъ изъ права собственности и составляетъ выраженіе этого права, а потому, въ виду особеннаго свойства духовнаго завѣщанія, какъ акта укрѣпленія правъ на имущество, заключающагося въ томъ, что право на имущество наслѣдодателя переходитъ къ наслѣднику немедленно послѣ кончины перваго, для дѣйствительности вообще духовнаго завѣщанія необходимо, чтобы въ моментъ составленія завѣщанія владѣлецъ обладалъ полною правоспособностью и чтобы онъ до самой смерти сохранилъ за собою имущественныя права, передаваемыя имъ наслѣднику лишь вслѣдствіе неотвратимой естественной причины—прекращенія своего физическаго существованія; но если завѣщатель, будучи правоспособнымъ при составленіи завѣщанія, впослѣдствіи лишится права распоряженія принадлежащимъ ему имѣніемъ, то прямымъ логическимъ послѣдствіемъ потери имъ этого права будетъ недѣйствительность его завѣщанія, такъ какъ еще до момента, когда по закону оно должно получить силу и дѣйствіе, завѣщатель утратилъ право на имущество, о которомъ имъ сдѣлано завѣщательное распоряженіе. Лишеніе по суду всѣхъ правъ состоянія, имѣющее своимъ послѣдствіемъ для осужденнаго къ сему наказанію потерю правъ сословныхъ, семейственныхъ и имущественныхъ (ст. 22, 23 и 26 улож. о наказ. уголовн. и исправ.), выражаетъ гражданскую смерть преступника и, подобно смерти естественной, открываетъ право на наслѣдство послѣ него (ст. 1222 X т. ч. 1); но это обстоятельство не даетъ правильнаго основанія для отождествленія понятій о гражданской и естественной смерти, во-первыхъ, потому, что гражданская смерть прекращаетъ лишь политическую и гражданскую дѣятельность преступника, оставляя за нимъ обширное право на помилованіе и, слѣдовательно, не отнимаетъ у него возможности вновь занять утраченное имъ въ обществѣ мѣсто полноправнаго гражданина, тогда какъ естественная смерть безвоз-

вратно прекращаетъ вмѣстѣ съ гражданскою дѣятельностію умершаго лица и физическое его существованіе, и, во-вторыхъ, потому, что въ ст. 1010 X т. ч. 1, опредѣляющей существо акта духовнаго завѣщанія, а также въ ст. 1060 того же тома и части по продолженію 1863 г., обязывающей къ явкѣ завѣщанія по смерти завѣщателя, и вообще въ законѣ не содержится никакого указанія на то, чтобы духовное завѣщаніе получало силу и дѣйствіе не только въ случаѣ естественной смерти завѣщателя, но и въ случаѣ такихъ событій, которыя по отношенію къ прежнему его имуществу законъ уподобляетъ естественной смерти, именно въ случаяхъ лишенія всѣхъ правъ состоянія и постриженія въ монашество. Напротивъ того, изъ содержанія 1223 ст. X т. ч. 1, возлагающей на поступающихъ въ монашество обязанность распорядиться благопріобрѣтеннымъ своимъ имѣніемъ въ чью-либо пользу до постриженія, и опредѣляющей, что, въ противномъ случаѣ, имѣніе это обращается къ законнымъ наслѣдникамъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что событіе постриженія въ монашество не даетъ права на наслѣдство по завѣщанію. А если добровольное отреченіе при жизни отъ имущественныхъ правъ исключаетъ возможность наслѣдованія по завѣщанію, то тѣмъ болѣе не можетъ установить право на таковое наслѣдованіе приговоръ суда о лишеніи завѣщателя всѣхъ правъ состоянія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до вступленія приговора въ законную силу, т.-е. до наступленія гражданской смерти, осужденный, въ качествѣ полноправнаго собственника, не можетъ быть лишенъ права распоряженія своимъ имѣніемъ, слѣдовательно, и права составленія духовнаго завѣщанія, и что одинъ фактъ нахожденія его подъ судомъ по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ за собою наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, не обусловливаетъ недѣйствительности его завѣщанія, которое поэтому будетъ вполнѣ дѣйствительно, если физическая смерть его послѣдуетъ до сказаннаго момента; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы завѣщаніе такого лица могло быть признано дѣйствительнымъ и по вступленіи приговора въ законную силу. Соображенія эти

находятъ себѣ подтвержденіе въ 1019 и 1020 ст. X т. ч. 1; изъ нихъ въ первой выражено общее постановленіе о недѣйствительности завѣщанія лицъ, лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія, когда приговоръ имъ объявленъ, а въ послѣдней говорится лишь о правѣ состоящихъ подъ арестомъ, доколѣ приговоръ о лишеніи ихъ правъ состоянія имъ не объявленъ, составлять завѣщанія, на основаніи общихъ правилъ, о домашнихъ завѣщаніяхъ постановленныхъ». Въ заключеніи палата замѣчаетъ, что «вопросъ о порядкѣ наслѣдованія послѣ лицъ, осужденныхъ къ потерѣ правъ состоянія, положительно разрѣшается постановленіемъ 28 ст. улож. о наказ., въ силу коей все прежнее имѣніе осужденнаго преступника поступаетъ къ его законнымъ наслѣдникамъ, а что выраженіе «законнымъ наслѣдникамъ» употреблено въ этой статьѣ въ смыслѣ наслѣдниковъ по закону, явствуетъ изъ дальнѣйшаго изложенія той же статьи: «къ нимъ (т.-е. законнымъ наслѣдникамъ) также, по праву представленія, поступаетъ и всякое имущество, которое могло бы достаться виновному по наслѣдству послѣ его осужденія», такъ какъ наслѣдники по завѣщанію не могутъ наслѣдовать по праву представленія».

Итакъ, московская судебная палата полагаетъ, что за лицомъ, подвергшимся уголовному преслѣдованію, правоспособность къ составленію духовнаго завѣщанія (testamenti factio activa), по нашему закону, признается до вступленія въ законную силу приговора о лишеніи его правъ состоянія. Но составленное такимъ лицомъ во время судимости завѣщаніе можетъ, по мнѣнію палаты, возымѣть силу лишь въ томъ случаѣ, если завѣщатель вовсе не подвергнется лишенію правъ, или умретъ ранѣе, нежели приговоръ о лишеніи правъ вступитъ въ законную силу; лишеніе же правъ не только поражаетъ testamenti factio осужденнаго на будущее время, но дѣлаетъ ничтожнымъ и всякое завѣщаніе, составленное имъ ранѣе.

Воздерживаясь пока отъ сужденія объ окончательномъ выводѣ палаты по нашему вопросу, замѣтимъ прежде всего, что разсужденія ея, на которыхъ основанъ этотъ выводъ, ни въ

какомъ случаѣ не могутъ быть признаны вытекающими изъ «точнаго смысла» дѣйствующихъ у насъ законовъ.

Съ лишеніемъ правъ состоянія, говоритъ палата, соединяется потеря права собственности осужденнаго на его имущество; прямымъ же *логическимъ* послѣдствіемъ потери завѣщателемъ этого права будетъ недѣйствительность его завѣщанія, такъ какъ еще до момента, когда по закону оно должно получить силу и дѣйствіе, завѣщатель утратилъ право на имущество, о которомъ имъ сдѣлано завѣщательное распоряженіе.

Это замѣчаніе палаты имѣло бы силу неопровержимаго аргумента противъ того, кто сталъ-бы доказывать, будто завѣщаніе лишеннаго всѣхъ правъ состоянія вступаетъ въ силу не съ момента лишенія правъ, а съ момента естественной смерти осужденнаго, наступившей, или имѣющей наступить впослѣдствіи. Такое мнѣніе дѣйствительно появилось въ печати; оно принадлежитъ г. А. М., который, сопоставляя ст. 1010 и 1222 т. X ч. 1, приходитъ къ заключенію, что завѣщаніе лица, подвергшагося лишенію всѣхъ правъ состоянія, можетъ быть представлено въ судъ для утвержденія не прежде, какъ послѣ *естественной* смерти этого лица [1]). Но нетрудно доказать совершенную неосновательность этого послѣдняго мнѣнія. Наслѣдство послѣ лица, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія, на точномъ основаніи той самой статьи закона, которую цитируетъ г. А. М., т.-е. ст. 1222, *открывается* въ моментъ вступленія приговора о лишеніи правъ въ законную силу—и, слѣдовательно, съ этого же момента имущество, принадлежавшее осужденному, становится собственностію его наслѣдниковъ, такъ какъ институтъ haereditatis jacentis нашимъ законодательствомъ не принятъ. Отсюда прямой выводъ, что завѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь, или дѣйствительно съ момента вступленія въ законную силу приговора о лишеніи завѣщателя правъ состоянія, или абсолютно ничтожно; естественная же смерть осужденнаго неспособна измѣнить судьбу оставшагося послѣ него имущества, такъ какъ въ моментъ этой смерти оно принадлежитъ уже не осужденному, а его наслѣдникамъ.

---

[1]) „Судебн. Вѣстн.“ за настоящій годъ № 181.

Вопросъ, слѣдовательно, не въ томъ, открываетъ ли наслѣдованіе по завѣщанію *смерть* лишеннаго всѣхъ правъ состоянія, а въ томъ, открываетъ ли такое наслѣдованіе вступленіе приговора въ законную силу. Въ отношеніи же *этого* вопроса разбираемое замѣчаніе палаты (раздѣляемое, замѣтимъ, многими юристами) лишено, по нашему мнѣнію, всякаго значенія.

Въ отношеніи открытія наслѣдства лишеніе всѣхъ правъ состоянія уподобляется, по нашему закону, естественной смерти. Это прямо выражено въ 1222 ст. 1 ч. т. X, въ ст. 11 т. IX и въ 28 ст. улож. о наказ. Слѣдовательно, разсужденія палаты о ничтожности завѣщанія гражданскн умершаго вслѣдствіе утраты имъ права собственности на завѣщанное имущество въ тотъ моментъ, когда завѣщаніе должно-бы вступить въ силу, если только разсужденія эти юридически правильны, должны быть примѣнимы и въ случаяхъ естественной смерти владѣльца имущества.

Въ самомъ дѣлѣ, распоряжаться имуществомъ, какъ собственностью, по общимъ началамъ права и по нашимъ законамъ, можетъ только тотъ, кто состоитъ хозяиномъ имущества и только до того момента, пока право его на имущество тѣмъ или другимъ способомъ прекратилось. Субъектомъ же права собственности можетъ быть только живой человѣкъ; а разъ онъ умеръ, всякія права его на имущество прекращаются. Казалось бы, поэтому, что воля завѣщателя вообще не должна служить основаніемъ права наслѣдованія, такъ какъ осуществленіе ея должно послѣдовать уже послѣ смерти завѣщателя, когда воля послѣдняго юридически безсильна, т.-е. когда онъ пересталъ быть субъектомъ права на принадлежавшее ему до момента смерти имущество. На этомъ основаніи многіе изъ поборниковъ такъ-называемаго естественнаго права требовали, какъ извѣстно, совершеннаго уничтоженія завѣщаній, какъ акта, опредѣляющаго порядокъ наслѣдованія. Теорія эта, однако, нигдѣ не принята; завѣщательное право, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, признается вездѣ, гдѣ признается личная собственность, и считается одною изъ составныхъ частей самаго права собственности. Всѣ законодательства признаютъ,

что имущество, принадлежавшее данному лицу до его смерти, можетъ подлежать завѣщательнымъ распоряженіямъ; требуется только, чтобы завѣщатель сохранилъ право собственности на это имущество и полную правоспособность распоряжаться имъ *до* самаго момента смерти, т.-е. до самаго момента прекращенія правъ его на имущество силою этого факта.

Такимъ образомъ, прекращеніе права собственности на имущество въ моментъ *естественной* смерти даннаго лица не только не считается препятствіемъ къ признанію дѣйствительными распоряженій его объ этомъ имуществѣ, сдѣланныхъ во время обладанія имъ, но, напротивъ, признается всѣми законодательствами причиною и необходимымъ условіемъ дѣйствительности такихъ распоряженій. Если же это такъ и если, далѣе, по нашимъ законамъ дѣйствительно существуетъ полная аналогія въ отношеніи открытія наслѣдства между естественною смертію и лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, то разбираемый аргументъ палаты, очевидно, падаетъ самъ собою. Лицо, впавшее въ преступленіе, влекущее за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, какъ признано и палатою, сохраняетъ право собственности на принадлежащее ему имущество и полную правоспособность распоряжаться имъ до самаго момента вступленія приговора о лишеніи его правъ въ законную силу; а именно этотъ моментъ и есть вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ, съ котораго начинается сила и дѣйствіе завѣщанія. Слѣдовательно, лишеніе правоспособности и права собственности на имущество въ ту самую минуту, въ какую и открывается наслѣдство, нисколько не препятствуетъ, въ виду вышеизложеннаго, тому, чтобы съ этой же минуты и завѣщаніе получило силу; ибо до этого не было такого промежутка времени, въ который завѣщатель былъ бы неправоспособенъ.

Но, — говоритъ далѣе палата — нѣтъ правильнаго основанія для *отождествленія* понятій о естественной и гражданской смерти, и въ доказательство этого ссылается: во-первыхъ, на «обширное право помилованія», будто бы оставляемое закономъ преступнику, и во-вторыхъ, на буквальный смыслъ 1010, 1060 и 1223 ст. X т. 1 ч.

Что касается перваго изъ аргументовъ палаты, т.-е. аргумента, основаннаго на возможности помилованія преступника, то здѣсь очевидное недоразумѣніе. Въ этомъ отношеніи одинъ юристъ нашъ совершенно основательно разсуждаетъ [1]), что, во-первыхъ, верховной власти принадлежитъ *право миловать*; но нельзя утверждать, будто осужденному принадлежитъ *право быть помилованнымъ*; этого послѣдняго права не существуетъ; напротивъ, по принципу, лишеніе всѣхъ правъ состоянія считается безвозвратнымъ — и помилованіе является лишь исключеніемъ изъ этого общаго правила; возможность помилованія не можетъ имѣть, поэтому, никакого значенія при опредѣленіи послѣдствій осужденія. Составляя, притомъ, отмѣну по отношенію къ милуемому дѣйствія покаравшаго его закона, помилованіе совершается посредствомъ изданія спеціальнаго на данный случай закона [2]), которымъ и опредѣляются предѣлы и послѣдствія помилованія. Поэтому, принимать возможность помилованія въ основаніе толкованія уголовнаго закона —значитъ толковать дѣйствующій законъ соображеніями о возможности отмѣны этого закона изданіемъ новаго, тогда какъ о такомъ новомъ законѣ нѣтъ и рѣчи. Во-вторыхъ, съ помилованіемъ, насколько извѣстны случаи дѣйствительнаго примѣненія его, почти никогда не соединяется отнятіе у наслѣдниковъ помилованнаго полученнаго уже ими наслѣдства; такъ какъ для этого требуется «особое высочайшее повелѣніе или удостоенная монаршаго соизволенія просьба тѣхъ лицъ, которыя получили наслѣдство послѣ осужденнаго и добровольно желаютъ возвратить оное ему» [3]).

Слѣдовательно, въ отношеніи имущественныхъ правъ, принадлежавшихъ осужденному до суда надъ нимъ, политическая смерть почти всегда также безповоротна, какъ и смерть естественная. Наконецъ, въ-третьихъ, если бы съ помилованіемъ

---

[1]) Разсужденіе это мы заимствуемъ, съ разрѣшенія автора, изъ рукописи, которая нигдѣ еще не напечатана.

[2]) Ст. 12 т. IX и 165 улож. о наказ.

[3]) Высоч. утв. 17 декабря 1852 г. мнѣніе госуд. сов. по дѣлу объ имѣніи ротмистра Гурова.

было даровано кому-либо полное гражданское воскресеніе, т.-е. и возвращеніе уже перешедшаго къ его наслѣдникамъ имущества, то было бы совершенно безразлично — отбирать это имущество отъ наслѣдниковъ по закону или по завѣщанію. Значитъ, возможность такого помилованія или должна исключать возможность наслѣдованія послѣ осужденнаго вообще, — какъ по завѣщанію, такъ одинаково и по закону, или — не препятствовать ни тому, ни другому; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія, при возможности наслѣдованія по закону, не допускать, въ силу соображеній о помилованіи, возможности наслѣдованія по завѣщанію.

Не болѣе убѣдительнымъ представляется намъ и доводъ палаты, основанный на буквѣ 1010, 1060 и 1223 ст. X т. 1 ч.

Первыя двѣ изъ этихъ статей закона говорятъ дѣйствительно объ умершемъ, о смерти завѣщателя. О лишеніи правъ состоянія, какъ событіи совершенно тождественномъ въ разсматриваемомъ отношеніи съ естественною смертію завѣщателя, въ нихъ не упоминается.

Но, во-первыхъ, лишеніе правъ состоянія во многихъ статьяхъ закона прямо называется смертію — смертію гражданскою. Такое выраженіе употреблено, напримѣръ, въ ст. 541 кн. 2 т. XV и въ п. 1 ст. 963 уст. угол. суд. При этомъ тамъ, гдѣ законъ имѣлъ въ виду разграничить понятіе о естественной и гражданской смерти, а именно въ ст. 1222 т. X ч. 1, говорится не о смерти вообще, а употреблено выраженіе: *естественная* смерть. Въ статьяхъ же, на которыя сдѣлана ссылка палатою, т.-е. въ 1010 и 1060, при словѣ смерть нѣтъ указаннаго прилагательнаго; а въ виду этого, едвали можно утверждать, что статьи эти должны имѣть примѣненіе только къ случаямъ естественной смерти и не распространяются на случаи смерти гражданской, т.-е. лишенія всѣхъ правъ состоянія.

Во-вторыхъ, въ томъ самомъ отдѣлѣ гражданскихъ законовъ, который открывается 1222 ст. и который содержитъ въ себѣ правила, примѣнимыя ко всѣмъ случаямъ наслѣд-

ства, въ томъ числѣ и къ случаямъ открытія наслѣдства вслѣдствіе лишенія всѣхъ правъ состоянія, напримѣръ, въ ст. 1225, 1226, 1235, 1254, 1259 и др. употреблены тѣ же выраженія: *смерть, кончина, умершій*; а между тѣмъ несомнѣнно, что всѣ эти статьи касаются наслѣдства, открывшагося какъ естественною смертію, такъ и лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Что же касается разсужденій палаты, основанныхъ на 1223 ст. зак. гражд., то замѣтимъ, прежде всего, что статья эта, какъ справедливо замѣчено уже и «Суд. Вѣстникомъ», не даетъ основанія утверждать, будто поступленіе въ монашество открываетъ наслѣдованіе только по закону, но не по завѣщанію. «Вступающій въ монашество»—говорится въ этой статьѣ закона—«обязанъ до постриженія отдать родовое свое имущество законнымъ наслѣдникамъ, *благопріобрѣтеннымъ же имѣніемъ долженъ распорядить въ чью-либо пользу по своему усмотрѣнію; въ недостаткѣ такого распоряженія*, имущество въ обоихъ случаяхъ обращается къ законнымъ наслѣдникамъ безвозмездно, по распоряженію правительства». Здѣсь не установлено никакого ограниченія относительно способовъ, какими вступающій въ монашество «долженъ распорядить» благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ; слѣдовательно, ему оставляются на волю всѣ способы, дозволенные закономъ собственникамъ вообще; а одинъ изъ такихъ именно способовъ и составляетъ завѣщаніе.

Но независимо отъ этого, если бы и допустить, что законъ воспрещаетъ лицамъ, вступающимъ въ монашество, составлять завѣщанія на случай постриженія, то такое распоряженіе закона ничего еще не говорило бы въ пользу мнѣнія палаты о недѣйствительности завѣщаній лицъ, приговоренныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія; такъ какъ аналогіи, которую предполагаетъ палата между постриженіемъ въ монашество и лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, въ дѣйствительности не существуетъ. Авторъ рукописи, о которой мы упоминали выше, остроумно замѣчаетъ по этому предмету, что «лицо, добровольно отрекающееся отъ міра и отъ иму-

щества, преполагается мало заинтересованнымъ въ судьбѣ оставляемаго имъ имущества: это лицо предполагается отрекшимся отъ друзей и родныхъ,—а именно изъ родныхъ и друзей и избирается обыкновенно наслѣдникъ по завѣщанію». «Скажу болѣе — продолжаетъ тотъ же авторъ:—съ точки зрѣнія человѣка, уходящаго отъ мірскихъ соблазновъ, богатство есть тормазъ на пути къ небу,—и едвали такой человѣкъ захочетъ наградить этимъ тормазомъ оставляемаго имъ въ мірѣ друга. Словомъ, признаніе закономъ завѣщательныхъ распоряженій такого лица ничтожными, хотя и было бы несомнѣнно несправедливо, но имѣло бы еще себѣ нѣкоторое оправданіе въ соображеніяхъ о свойствѣ монашескаго обѣта. Между тѣмъ, ни одно изъ этихъ соображеній не можетъ быть примѣнено къ лишаемому правъ состоянія: онъ лишается имущества и уходитъ изъ общества недобровольно; онъ знаетъ цѣну земнымъ благамъ; онъ оставляетъ друзей и имѣетъ всѣ основанія желать, чтобы къ нимъ перешло его имущество».

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже законовъ, палата приняла въ основаніе своего вывода еще 1019 и 1020 ст. зак. гражданскихъ и 28 ст. улож. о наказаніяхъ.

Ст. 1019 объявляетъ недѣйствительными завѣщанія: 1) несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ двадцати лѣтъ съ годомъ, и 2) людей, лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія, «когда приговоръ имъ объявленъ». При отсутствіи въ этой статьѣ указанія на моментъ составленія завѣщаній лицами, подвергшимися уголовному наказанію, можно бы, конечно, подумать, что съ момента объявленія осужденному приговора всякое завѣщаніе такого лица — составлено ли оно до объявленія или послѣ объявленія приговора — считается недѣйствительнымъ. Но статья эта, начинающаяся словомъ: «*посему*» составляетъ, очевидно, выводъ изъ статьи предыдущей, а потому точный смыслъ ея можетъ и долженъ быть установляемъ не иначе, какъ въ связи съ тѣмъ общимъ правиломъ, изъ котораго она выведена. Общее же правило (ст. 1018) гласитъ: «всѣ духовныя завѣщанія тогда только могутъ быть дѣйствительны, когда они *составляются* лицами, имѣющими по законамъ

право отчуждать свое имущество». Итакъ, правоспособность къ составленію завѣщанія должна быть на лицо не въ моментъ вступленія завѣщанія въ силу, а въ моментъ составленія этого акта, — вотъ дѣйствительный смыслъ 1018 и 1019 ст. X т. 1 ч. Если во время составленія завѣщанія завѣщатель не былъ правоспособенъ, актъ ничтоженъ и не можетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы ко времени вступленія акта въ силу завѣщатель сдѣлался правоспособнымъ. Это тоже что: quod ab initio vitiosum est, tractu temporis convalescere non potest. Но за то и наоборотъ: если во время составленія завѣщанія завѣщатель былъ правоспособенъ, то завѣщаніе не теряетъ силы вслѣдствіе послѣдующей затѣмъ утраты имъ правоспособности. Согласно этому, на ст. 1018 и 1019 гораздо правильнѣе было бы утверждать заключеніе по занимающему насъ вопросу, какъ разъ противоположное тому, къ которому пришла московская судебная палата. Гораздо логичнѣе было бы утверждать, на основаніи этихъ статей, что послѣдующая за составленіемъ завѣщанія утрата правоспособности вслѣдствіе лишенія всѣхъ правъ состоянія не имѣетъ вліянія на дѣйствительность завѣщанія. Но мы, по основаніямъ, которыя будутъ приведены ниже, воздерживаемся отъ такого вывода и ограничиваемся тѣмъ, что̀ уже сказано, т.-е. выводомъ, что изъ 1019 ст. никоимъ образомъ не слѣдуетъ, будто завѣщаніе становится недѣйствительнымъ вслѣдствіе послѣдующей за составленіемъ его утраты завѣщателемъ правоспособности къ совершенію какихъ бы то ни было актовъ.

Гораздо бо̀льшее значеніе для нашего вопроса имѣетъ ст. 1020, которая говоритъ: «лица, состоящія подъ арестомъ, доколѣ приговоръ о лишеніи ихъ правъ состоянія имъ не объявленъ, не лишаются права составлять завѣщанія на основаніи общихъ правилъ, о домашнихъ завѣщаніяхъ постановленныхъ». Приводя эту статью закона въ доказательство дѣйствительности завѣщаній, о которыхъ идетъ рѣчь, «Судебн. Вѣстн.» задается вопросомъ: «какой же смыслъ имѣла бы эта статья, если бы не признавались дѣйствительными духовныя

завѣщанія, которыя законъ дозволяетъ совершать лицамъ, содержащимся подъ стражею до объявленія имъ приговора о лишеніи ихъ правъ состоянія? Вѣдь не для шутки же, не для празднаго препровожденія времени даетъ имъ законъ это разрѣшеніе, а для того, чтобы они дѣйствительно воспользовались предоставленнымъ правомъ?» Въ рѣшеніи палаты по дѣлу Чумакова объяснено, какой смыслъ придаетъ она этой статьѣ закона. Палата полагаетъ, что завѣщаніе, составленное на основаніи этой статьи, должно быть признано «вполнѣ дѣйствительнымъ, если физическая смерть завѣщателя послѣдуетъ до момента объявленія ему приговора о лишеніи всѣхъ правъ состоянія». Но ограничивать примѣненіе этой статьи только случаями, о которыхъ говоритъ судебная палата, значитъ лишать этотъ законъ всякаго содержанія, всякаго практическаго значенія. Въ изданіи спеціальнаго закона на эти случаи не представлялось никакой надобности, такъ какъ только съ лишеніемъ правъ состоянія утрачивается право составлять завѣщанія, а если завѣщатель скончался до лишенія его правъ состоянія, то завѣщаніе его имѣетъ силу на основаніи общихъ правилъ, какъ составленное лицомъ, обладавшимъ до самой смерти полною гражданскою правоспособностію.

Говорятъ, далѣе, что 1020 ст. X т. не можетъ быть признана излишнею даже и въ томъ значеніи, какое признается за нею рѣшеніемъ московской судебной палаты по дѣлу Чумакова, что въ этомъ своемъ значеніи она необходима какъ одно изъ правилъ о *порядкѣ* составленія завѣщаній, какъ одно изъ постановленій о такъ-называемыхъ «особыхъ завѣщаніяхъ» [1]). Но принять и это мнѣніе о значеніи 1020 ст. едвали возможно.

При извѣстномъ всѣмъ отсутствіи правильной системы въ распорядкѣ статей закона по нашему своду, опредѣлять значеніе и кругъ примѣненія того или другаго закона по занимаемому имъ мѣсту въ сводѣ, вообще говоря, у насъ крайне рискованно. Исключеніемъ можно назвать, да и то съ значи-

[1]) См. разсужденія по этому вопросу, происходившія въ московскомъ юрид. обществѣ, напечатанныя въ III кн. „Юридич. Вѣстн.“ за 1872 г.

тельными оговорками, лишь тѣ правила, которыя помѣщены въ совершенно спеціальныхъ отдѣлахъ свода, напримѣръ ст. 2000—2011, 2069—2072 и др. Но бываютъ случаи и внѣ указаннаго исключенія, когда представляется полная возможность доказать, что составители свода помѣстили ту или другую статью въ извѣстный отдѣлъ не случайно, а совершенно сознательно. Въ этихъ случаяхъ, занимаемое статьею закона мѣсто въ сводѣ, при опредѣленіи ея значенія, должно быть признано аргументомъ, въ ту или другую сторону, весьма вѣскимъ. Итакъ, если нѣтъ возможности доказать, что ст. 1020 попала на занимаемое ею нынѣ мѣсто не случайно, то мнѣніе о формальномъ, такъ сказать — тюремно-полицейскомъ, значеніи этой статьи не можетъ представляться лишеннымъ всякаго основанія; опорою ему можетъ быть признана совершенно установившаяся уже репутація нашего свода; въ противоположномъ же случаѣ мнѣніе это, очевидно, должно быть отброшено.

Въ X т. есть, какъ извѣстно, спеціальный отдѣлъ «объ особенныхъ завѣщаніяхъ», и въ этомъ отдѣлѣ исчислены случаи, для которыхъ установленъ особый порядокъ совершенія завѣщаній. Случаи эти сводятся къ слѣдующимъ исключительнымъ положеніямъ завѣщателя въ моментъ составленія завѣщаній: нахожденіе въ походѣ заграницею, и заграницею вообще, нахожденіе на военномъ кораблѣ или другомъ казенномъ суднѣ во время похода, нахожденіе на купеческомъ кораблѣ, въ госпиталѣ, во вдовьихъ домахъ и въ карантинѣ [1]). Будь 1020 ст. помѣщена въ этомъ отдѣлѣ свода, можно было бы, не обинуясь, утверждать, что она имѣетъ исключительно обрядовое, формальное значеніе, т.-е. утверждать, что этою статьею закона имѣлось въ виду опредѣлить лишь *порядокъ* составленія завѣщаній лицами, сидящими въ тюрьмѣ, точно такъ же какъ опредѣленъ особый порядокъ на случай нахожденія завѣщателя въ другихъ исключительныхъ условіяхъ, напримѣръ въ походѣ, въ госпиталѣ и т. п.

---

[1]) Ст. 1071—1083 т. X ч. 1.

По всей вѣроятности, составители положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ 10 октября 1831 года только такое значеніе и желали придать правилу, составляющему нынѣ 1020 ст. гражд. законовъ, ибо правило это (§ 49 подлиннаго положенія) помѣщено было ими въ рубрикѣ «объ особенныхъ завѣщаніяхъ» на ряду съ постановленіями о завѣщаніяхъ, составляемыхъ заграницею и въ военномъ госпиталѣ. Но редакторы свода законовъ признали нужнымъ перемѣстить этотъ § положенія въ разрядъ «общихъ постановленій» о завѣщаніяхъ, поставили его въ ряду правилъ *о лицахъ, имѣющихъ право быть завѣщателями.* Трудно предположить, чтобы такое *перемѣщеніе* статьи закона съ одного мѣста на другое произошло случайно: составители свода не могли не понимать, что чрезъ это перемѣщеніе § 49 положенія получаетъ совершенно иное значеніе,—значеніе закона матеріальнаго, закона, опредѣляющаго уже не порядокъ составленія арестантами завѣщаній, какъ прежде, а самую правоспособность ихъ къ совершенію этого акта. Сознательность помѣщенія 1020 ст. въ тотъ отдѣлъ свода, въ которомъ она нынѣ находится, доказывается, кромѣ сказаннаго сейчасъ, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ остальные §§ положенія 1831 года остались въ сводѣ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, въ тѣхъ же самыхъ рубрикахъ, которыя они занимали и прежде, въ подлинномъ положеніи.

Если же случайности въ этомъ перемѣщеніи предполагать не приходится, если есть основаніе утверждать, напротивъ, что перемѣщеніе это состоялось не иначе, какъ съ какою-либо опредѣленною цѣлію, то самъ собою рождается вопросъ: какая же была цѣль этого перемѣщенія?

Отвѣчать на этотъ вопросъ послѣ всего сказаннаго не трудно. Мысль, руководившая редакторами свода въ данномъ случаѣ, ясно обнаруживается изъ самаго заглавія того отдѣла свода, въ который они перенесли 49 § положенія. Правило, изложенное въ этомъ §, они поставили въ число коренныхъ законовъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, въ число правилъ, опредѣляющихъ testamenti factio activa; слѣдовательно, они желали придать этому правилу гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ

то, какое придавали ему составители положенія 1831 г., и именно значеніе закона матеріальнаго. Матеріальное же значеніе этого правила можетъ быть только одно: завѣщаніе, составленное до объявленія приговора о лишеніи правъ, должно вступить въ силу послѣ объявленія завѣщателю такого приговора о немъ, такъ какъ говорить о вступленіи такого завѣщанія въ силу въ случаѣ естественной смерти завѣщателя до объявленія ему такого приговора законодателю, какъ уже сказано, не было никакой надобности.

Правильность этого вывода какъ нельзя болѣе подтверждается и данными изъ исторіи нашего положительнаго законодательства. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялось въ нашемъ сводѣ правило, составляющее нынѣ 1020 ст. X т.? Правило это, какъ показываетъ подробное разсмотрѣніе источниковъ, указанныхъ въ сводѣ, *впервые* появилось въ формѣ закона въ положеніи о духовныхъ завѣщаніяхъ 1831 г.; до этого времени о правѣ лицъ, содержащихся подъ стражею, составлять завѣщанія ни въ одномъ изъ указовъ, на которыхъ основаны дѣйствующіе гражданскіе законы, не упоминается. Но въ средѣ юристовъ, участвовавшихъ въ законодательныхъ работахъ времени Сперанскаго, идея, лежащая въ основаніи этого правила, была въ ходу еще въ первой четверти настоящаго столѣтія. Первый слѣдъ этой идеи мы находимъ въ составленномъ Ренненкампфомъ, подъ наблюденіемъ Сперанскаго, проектѣ гражданскаго уложенія 1809 г. «Послѣдствіемъ потери правъ гражданскихъ» — говоритъ § 12 проекта — «есть.... 3, лишеніе права располагать, дарить, завѣщать свое имущество или принимать какую-либо собственность по завѣщаніямъ и сдѣлкамъ; *но завѣщанія и сдѣлки, прежде начатія суда учиненныя и въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ записанныя, остаются въ своемъ дѣйствіи*». Государственный совѣтъ (въ департаментѣ законовъ), послѣ весьма подробнаго — можно сказать даже въ высшей степени придирчиваго — разсмотрѣнія первой главы проекта уложенія («о правахъ гражданскихъ, ихъ пріобрѣтеніи и лишеніи»), не призналъ нужнымъ измѣнять приведенное сейчасъ правило проекта въ существѣ, и положилъ только «для

поясненія» редактировать это правило такимъ образомъ: «по завѣщанія, обязательства и сдѣлки, прежде начатія суда осужденнымъ или другимъ въ пользу его учиненныя и въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ въ свое время записанныя, остаются для наслѣдниковъ въ своемъ дѣйствіи». Это заключеніе департамента законовъ было утверждено общимъ собраніемъ государственнаго совѣта [1]) и принято впослѣдствіи въ соображеніе при составленіи проекта 1814 г. [2]). Но проекты гражданскаго уложенія 1809 и 1814 г. не получили окончательнаго утвержденія; а потому и правило о дѣйствительности завѣщаній и другихъ сдѣлокъ, совершенныхъ «колодниками» до объявленія имъ приговора о лишеніи правъ, закономъ не сдѣлалось; да правду говоря, въ *то время* еще и самъ Сперанскій не вполнѣ сладилъ съ этимъ правиломъ: въ проектѣ уложенія 1809 г. оно является несогласованнымъ съ другими постановленіями о лишеніи правъ, почти цѣликомъ заимствованными изъ французскаго кодекса [3]). Тѣмъ не менѣе, мысль Сперанскаго по этому предмету не затерялась; она жила въ сознаніи и памяти вліятельныхъ юристовъ того времени, и рано или поздно должна была отлиться въ опредѣленную юридическую формулу.

Первый поводъ къ столкновенію съ этою мыслію представился при составленіи положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ. Но составители этого положенія воздержались отъ изданія категорическаго постановленія по этому предмету: можетъ быть потому, что мѣсто для него *предполагалось* въ другомъ отдѣлѣ составлявшагося тогда же свода гражданскихъ законовъ, а именно въ общихъ постановленіяхъ о пріобрѣтеніи и потерѣ гражданскихъ правъ, какъ проектировано было въ 1809 и 1814 гг. Во всякомъ случаѣ они начали съ окраины правила, проектированнаго Сперанскимъ, и согласно съ своею задачею — установили только форму завѣщанія, которое должно «оставаться въ своемъ дѣйствіи» въ случаѣ лишенія завѣщателя всѣхъ правъ состоянія.

---

[1]) Архивъ госуд. сов., т. IV ч. I, стр. 3 и слѣд.

[2]) *Пахманъ*, Истор. кодиф. гражд. пр., ч. I, стр. 393.

[3]) Ср. п. 1 и 3 § 12 проекта.

Главный же редакторъ свода, Сперанскій, не могъ не замѣтить, что кореннаго правила, въ силу котораго такія завѣщанія признавались бы дѣйствительными, въ законахъ нѣтъ и что, поэтому, 49 § положенія о завѣщаніяхъ представляется лишеннымъ всякаго реальнаго значенія. Но чтó ему оставалось дѣлать? Установить новое правило—онъ не могъ, ибо имѣлъ порученіе лишь свести во едино дѣйствующіе законы и отнюдь не устанавливать ничего новаго. Вычеркнуть вовсе изъ свода указанный § положенія также было невозможно: во-первыхъ потому, что и это дѣйствіе представлялось бы также нарушеніемъ данной ему инструкціи, а во-вторыхъ потому, что въ основаніи этого § лежала его же собственная идея, — идея, какъ увидимъ ниже, вполнѣ самобытная, а слѣдовательно и дорогая. Оставалось одно: поступить такъ, какъ поступлено было съ указами о наслѣдствѣ по закону и съ законами о давности [1]), т.-е. расширить смыслъ существующаго закона, оставя неприкосновенными его слова, а это сдѣлать было легко, такъ какъ перемѣна должна была ограничиться лишь перестановкою разсматриваемаго правила съ одного мѣста на другое. Такъ Сперанскій и поступилъ, и вотъ причина, по которой правило, составляющее нынѣ 1020 ст. гражд. зак., — правило, которому прежде принадлежало лишь скромное значеніе закона исключительно формальнаго—съ изданіемъ свода получило по нашему вопросу рѣшающее значеніе.

Посмотримъ теперь, не противорѣчитъ ли нашему выводу та статья закона, которая, по выраженію московской судебной палаты, *положительно* разрѣшаетъ нашъ вопросъ, т.-е. 28 ст. улож. о наказ.?

Въ статьѣ этой сказано: «вслѣдствіе потери правъ собственности, все прежнее имущество осужденнаго въ каторжную работу или ссылку на поселеніе, со дня обращенія окончательнаго о томъ приговора къ исполненію, поступаетъ къ его *законнымъ наслѣдникамъ*, точно такъ же, какъ поступило бы

---

[1]) См. хронику нашу въ предыдущей книжкѣ „Журнала Гр. и Уг. Права“, стр. 298 и слѣд.

вслѣдствіе естественной смерти. *Къ нимъ также, по праву представленія, поступаетъ и всякое имущество, которое могло бы достаться виновному по наслѣдству послѣ его осужденія»*.

Въ виду того, что наслѣдники по завѣщанію не могутъ наслѣдовать по праву представленія, палата, на основаніи подчеркнутыхъ словъ приведенной статьи уложенія, пришла къ выводу, что выраженіе «законные наслѣдники» употреблено въ этой статьѣ въ смыслѣ наслѣдниковъ по закону, и что, поэтому, лишеніе владѣльца имущества всѣхъ правъ состоянія не открываетъ наслѣдства по завѣщанію, а только по закону.

Переходя на почву уголовнаго права, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать, прежде всего, одну оговорку по вопросу о власти и обязанности суда въ примѣненіи уголовныхъ законовъ.

Завѣщательное право, кромѣ чисто юридическихъ соображеній о существѣ права собственности, изъ котораго оно вытекаетъ, основывается, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ соображеніяхъ: кто убѣжденъ въ томъ, что его имущество достанется въ добычу неизвѣстной толпѣ, поступитъ въ отвлеченную государственную казну, или перейдетъ въ руки людей, почему-либо ему не симпатичныхъ, тотъ ограничиваетъ свое производство, и все, чтó имѣетъ, старается по возможности потребить самъ. Напротивъ, увѣренность человѣка въ томъ, что плоды его прилежанія послѣ смерти достанутся тому, кто ему близокъ и дорогъ, поощряетъ его къ бережливости и дѣятельности. На этомъ основаніи здравые экономисты утверждаютъ, что общество, какое хотѣли создать коммунисты, было бы замѣчательно лѣнивымъ, распущеннымъ и бѣднымъ. На этомъ же основаніи, экономическая наука давно уже заявила положительному праву требованіе о свободномъ testamenti factio, — требованіе, чтобы каждый могъ свободно распоряжаться остающимся послѣ него имуществомъ, съ тѣми только ограниченіями, какія на каждаго налагаютъ нравственность и господствующія воззрѣнія времени. Этого требуетъ, говорятъ экономисты за одно съ юристами, природа человѣка, которая вложила въ него

больше или меньше любви къ дѣтямъ, привязанность супружескую, привязанность къ родственникамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и побужденіе передать свое достояніе близкимъ людямъ.

Такимъ образомъ testamenti factio представляется, съ одной стороны, могучимъ рычагомъ производительности, а съ другой—однимъ изъ самыхъ дорогихъ правъ человѣка, знающаго цѣну имуществу и личнымъ привязанностямъ. Понятно поэтому, что лишеніе этого права относительно имущества, нажитаго до преступленія, за которое приходится разстаться съ этимъ имуществомъ, не можетъ быть признано ничѣмъ инымъ, какъ наказаніемъ, и притомъ наказаніемъ весьма тяжкимъ: осужденный, въ такомъ случаѣ, не только лишился бы своего имущества, но, сверхъ того, подвергался бы еще огорченію знать, что имущество не досталось тому, кому онъ желалъ его передать. Говорятъ, что права осужденнаго на принадлежавшее ему имущество *прекращаются* уже въ силу самаго факта осужденія и что, поэтому, уничтоженіе его завѣщанія не есть что либо отдѣльное отъ лишенія его правъ собственности, а только логическій выводъ, необходимое послѣдствіе этого лишенія. Но и умирающій естественною смертію находится въ такомъ же положеніи относительно своего имущества, и однакожъ, повторяемъ, никому не приходитъ въ голову выводить изъ самаго факта смерти недѣйствительность завѣщательныхъ распоряженій собственника.

Итакъ, признаніе завѣщательныхъ распоряженій ничтожными послѣдствіемъ лишенія правъ состоянія — было бы ничто иное, какъ усиленіе, привѣсокъ къ этому послѣднему наказанію.

Но «судъ не можетъ» — гласитъ наше уложеніе — «опредѣлять иного наказанія, кромѣ того, которое въ законахъ за судимое имъ преступленіе *именно* предназначено» [1]. Точное соблюденіе этого правила и наукою и всѣми положительными законодательствами въ Европѣ признается безусловно необходимымъ, такъ какъ только при дѣйствіи этого правила можно считать интересы личной свободы и общественнаго порядка

---

[1]) Ст. 147 улож. о наказ., изд. 1866 г.

вполнѣ обезпеченными. Мало того: теорія уголовнаго права требуетъ, чтобы и право судьи на распространительное толкованіе закона было въ этомъ отношеніи ограничено, и это требованіе теоріи съ 40-хъ годовъ перешло во всѣ положительные кодексы. Слѣдовательно, и наказаніе, о которомъ идетъ рѣчь, могло бы быть назначаемо въ томъ только случаѣ, если бы оно было *именно* установлено закономъ.

Между тѣмъ, постановленія въ законѣ о томъ, чтобы съ лишеніемъ правъ соединялось признаніе завѣщаній, составленныхъ ранѣе, ничтожными — нѣтъ. А такъ какъ такого постановленія нѣтъ, и такъ какъ подвергать кого-либо такому наказанію, котораго законъ не назначаетъ, согласно вышеизложенному, невозможно, то уже *по этому* доводъ палаты, основанный на уголовномъ законѣ, слѣдовало бы отвергнуть.

Допустимъ, однако, что наказаніе можно назначать не только такое, которое прямо *названо* въ законѣ, но и такое, которое можно вывести путемъ *толкованія* уголовнаго закона, которое, такъ сказать, косвенно вытекаетъ изъ постановленій уголовнаго кодекса. Но даже и въ этомъ случаѣ едвали можно придти къ тому выводу, какой сдѣлала изъ 28 ст. улож. московская судебная палата и дѣлаютъ юристы, раздѣляющіе ея мнѣніе по нашему вопросу.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого основанія утверждать, будто выраженіе «законные наслѣдники» употреблено въ этой статьѣ не въ обширномъ смыслѣ, а въ техническомъ, т.-е. что подъ этимъ выраженіемъ нельзя разумѣть наслѣдниковъ по завѣщанію, а слѣдуетъ разумѣть только наслѣдниковъ по закону. Для обозначенія лицъ, наслѣдующихъ исключительно по праву родства, когда лица эти противополагаются наслѣдникамъ по завѣщанію, въ законѣ употребляется особый терминъ: «наслѣдники по закону» (см., напр., ст. 1300 — 1304 зак. гражд.). Подъ выраженіемъ же «законные наслѣдники» всегда разумѣются безразлично всѣ наслѣдники — какъ по закону, такъ и по завѣщанію [1]).

---

[1]) См. рѣш. гражд. кассац. департ. сената за 1873 г. по д. Игнатова.

Но, помимо этого, въ статьѣ сказано, что законные наслѣдники получаютъ имущество осужденнаго *«точно такъ же, какъ получили бы оное въ случаѣ естественной его смерти»*. Въ случаѣ же естественной смерти владѣльца, наслѣдники его по праву родства получаютъ благопріобрѣтенное имущество его только тогда, когда «умершій не учинилъ распоряженія въ этомъ имуществѣ завѣщаніемъ» (2 п. 1110 ст. гражд. зак.). Слѣдовательно, если даже и согласиться съ мнѣніемъ палаты о значеніи употребленныхъ въ 28 ст. уложенія словъ «законные наслѣдники», то и тогда разсужденія ея, основанныя на этихъ словахъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны уважительнымъ аргументомъ въ пользу окончательнаго вывода ея изъ этой статьи. Заключительныя слова первой половины этой статьи ясно показываютъ, напротивъ, что уложеніе о наказаніяхъ нисколько не препятствуетъ переходу благопріобрѣтеннаго имущества осужденнаго и къ наслѣдникамъ его по завѣщанію. Что же касается второй половины этой статьи, то на ней всего менѣе можно основывать рѣшеніе нашего вопроса, ибо, допуская даже, что и въ первой части говорится только о наслѣдникахъ по закону, мы, въ силу уже сказаннаго, должны сдѣлать только такой выводъ изъ 28 ст. во всемъ ея объемѣ: всякое имущество, которое могло бы достаться виновному послѣ его осужденія, поступаетъ исключительно къ наслѣдникамъ его по закону, точно такъ же, какъ поступило бы вслѣдствіе естественной его смерти. Къ нимъ же поступаетъ и наличное имущество осужденнаго, но уже не безусловно, а опять-таки точно такъ же, какъ и въ случаѣ естественной смерти, т.-е. если онъ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ не учинилъ завѣщанія.

Этимъ мы заканчиваемъ разборъ рѣшенія московской судебной палаты по занимающему насъ вопросу. Здѣсь же заключается и возраженіе наше тѣмъ изъ юристовъ, которые заявили печатно свое мнѣніе по этому же вопросу, мотивированное доводами, приведенными въ рѣшеніи палаты [1]). Изложимъ теперь мнѣнія, основанныя на иныхъ соображеніяхъ.

---

[1]) Напр. г. М. Мандельштаму, въ „Суд. Вѣст." за наст. годъ, № 199.

Ученые цивилисты наши: покойный Мейеръ [1]), К. П. Побѣдоносцевъ [2]) и С. В. Пахманъ [3]) единогласно признаютъ завѣщанія людей, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, дѣйствительными, если только завѣщанія эти составлены до вступленія приговора о лишеніи правъ въ законную силу. Но, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ нихъ не останавливается подробно на этомъ вопросѣ, а потому соображенія, на которыхъ основано такое ихъ мнѣніе, неизвѣстны. Можно догадываться, однако, по ходу изложенія у каждаго изъ нихъ ученія о правоспособности къ составленію завѣщаній вообще, что дѣйствительность завѣщаній, о которыхъ мы говоримъ, они основываютъ на 1020 ст. X т. 1 ч. Только г. Пахманъ слегка касается 28 ст. улож. и 1019 ст. гражд. зак., и замѣчаетъ, что въ первой изъ этихъ статей рѣчь идетъ, очевидно, не о наслѣдникахъ по закону, а о наслѣдникахъ вообще—въ томъ числѣ и о наслѣдникахъ по завѣщанію; а вторую, по мнѣнію того же ученаго, слѣдовало бы точнѣе редактировать и именно такъ: «завѣщаніе, составленное *послѣ объявленія приговора* лицомъ, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, считается недѣйствительнымъ».

Къ мнѣнію ученыхъ цивилистовъ присоединился и «Судебный Вѣстн.», который въ послѣднее время посвятилъ занимающему насъ вопросу уже три обстоятельныя статьи [4]) и обѣщалъ еще возвращаться къ нему по мѣрѣ появленія въ печати противоположныхъ мнѣній.

Но подавались голоса изъ юридической публики и противъ дѣйствительности такихъ завѣщаній. Въ послѣднее время такіе голоса подали: гг. П. Александровъ [5]), А. М. [6]) и М. Мандельштамъ [7]).

---

[1]) „Русск. Гражд. Право", изд. 1864 г., стр. 748.

[2]) „Курсъ Гражд. Пр.", ч. II, стр. 453.

[3]) Литографированныя лекціи по гражд. праву, читанныя въ 1874—1875 г. въ спб. университетѣ, ч. IV, стр. 150—151.

[4]) №№ 50, 185 и 190.

[5]) Тамъ же, № 184.

[6]) Тамъ же, № 181.

[7]) Тамъ же, № 199.

Но о мнѣніи г. А. М. мы говорили уже выше; г. М. Мандельштамъ вполнѣ присоединяется къ соображеніямъ московской судебной палаты по дѣлу Чумакова, которыя нами уже разобраны, а г. П. Александровъ указалъ только на одинъ изъ источниковъ 28 ст. улож., который почти не относится къ нашему вопросу и во всякомъ случаѣ ничего не разъясняетъ и разъяснить не можетъ. Поэтому, мы прямо перейдемъ къ мнѣніямъ, которыя касаются сторонъ вопроса, нами еще не затронутыхъ. Мнѣнія эти высказаны были въ 1871 году въ московскомъ юридическомъ обществѣ и хотя тогда же большинствомъ общества отвергнуты, но въ видахъ всесторонняго разъясненія предмета мы все-таки считаемъ нужнымъ на нихъ остановиться.

Недѣйствительность завѣщаній, о которыхъ идетъ рѣчь— говорилось въ обществѣ — вытекаетъ прежде всего изъ общихъ началъ права, установленныхъ еще римскими юристами и перешедшихъ въ кодексъ Юстиніана, а этотъ кодексъ, какъ извѣстно, имѣлъ громадное вліяніе, чрезъ посредство духовенства, на наше наслѣдственное право. Съ другой стороны, институтъ такъ называемой гражданской смерти мы заимствовали изъ Франціи; по французскому же праву, завѣщанія осужденныхъ къ этому наказанію признаются недѣйствительными независимо отъ времени ихъ составленія. Наконецъ, законъ о лишеніи уголовныхъ преступниковъ правъ собственности на принадлежащее имъ имущество не имѣлъ бы никакой силы, если бы завѣщанія такихъ преступниковъ признавались дѣйствительными; ибо завѣщаніе составляетъ наилучшую возможность для преступника удержать имущество за собою—только именемъ другаго владѣльца.

Разберемъ каждый изъ этихъ доводовъ отдѣльно.

Совершенно вѣрно, что по римскому праву capitis deminutio maxima влекла за собою недѣйствительность завѣщанія осужденнаго, когда бы оно ни было составлено. Это прямо выражено въ институціяхъ Юстиніана [1]. Но изъ этого от-

---

[1]) Кн. II, тит. 2, §§ 4 и 5.

нюдь нельзя выводить ни того, что такое правило необходимо вытекаетъ изъ общихъ началъ права, ни того, что правило это вполнѣ примѣнимо къ нашему быту.

Выше мы видѣли уже, что ни общія начала права, ни въ особенности начала, выработанныя экономическою наукою, ни въ какой мѣрѣ не препятствуютъ признанію дѣйствительными завѣщаній, составленныхъ не только до объявленія осужденному приговора о лишеніи его правъ, но даже и послѣ объявленія приговора. Здѣсь къ сказанному уже прибавимъ только, что рѣчь о непреложности такъ-называемыхъ общихъ началъ права можетъ идти только въ томъ случаѣ, когда начала эти основываются на неизмѣнной природѣ вещей и логически вытекаютъ именно отсюда, а не изъ фикцій болѣе или менѣе удачныхъ. Въ виду этого, о безусловной необходимости примѣнять къ нашему вопросу общія начала права, выработанныя римскими юристами, можно было бы говорить только въ томъ случаѣ, если бы была возможность доказать, что институтъ праволишенія не есть выдумка юристовъ, а такъ-сказать—произведеніе самой природы, или, по крайней мѣрѣ, одно изъ необходимыхъ условій бытія гражданскаго общества. Но доказать такое положеніе, конечно, невозможно. Достаточно замѣтить, что съ половины нынѣшняго столѣтія институтъ этотъ во всей Европѣ началъ очень быстро вымирать и уже большинствомъ положительныхъ кодексовъ признанъ совершенно противнымъ началамъ права. И дѣйствительно, несоотвѣтствіе этого института, въ римскомъ его видѣ, самымъ элементарнымъ началамъ права обнаруживается и въ примѣненіи къ нашему вопросу. Уничтоженіе завѣщательныхъ распоряженій лица, подвергшагося лишенію всѣхъ правъ состоянія, будучи, какъ выше доказано уже, наказаніемъ для преступника, было бы еще бóльшимъ наказаніемъ для указаннаго въ завѣщаніи наслѣдника, который—предполагается—ни въ чемъ не виноватъ. Коренное же правило всѣхъ уголовныхъ законодательствъ заключается въ томъ, чтобы наказаніе поражало только того, кто непосредственно совершилъ преступ-

леніе, а отнюдь не другихъ лицъ, такъ или иначе съ нимъ связанныхъ.

Съ другой стороны, въ высшей степени ошибочно было бы утверждать, будто наше наслѣдственное право, и въ особенности право завѣщательное, основано на римскихъ источникахъ права. Напротивъ, наше завѣщаніе, по самой своей идеѣ, есть нѣчто, рѣзко отличное отъ римскаго testamentum. Въ этомъ согласны всѣ наши лучшіе цивилисты и доказывать это, намъ кажется, нѣтъ никакой надобности. Слѣдовательно, принимать въ данномъ случаѣ постановленія римскаго права, какъ *источникъ* нашего законодательства, также не представляется ни малѣйшаго основанія.

Столь же мало основанія принимать въ руководство при разрѣшеніи нашего вопроса и соотвѣтственныя постановленія французскаго права.

По французскимъ законамъ, — давно уже, впрочемъ, отмѣненнымъ — завѣщанія лицъ, приговоренныхъ къ гражданской смерти, считались недѣйствительными, хотя бы они были составлены даже и до совершенія осужденнымъ преступленія. Но опять-таки не потому, чтобы этого необходимо требовала юридическая логика, не потому, чтобы такая мѣра вытекала изъ самой сущности гражданской смерти, а только потому, что законодатель, по какимъ-либо практическимъ соображеніямъ, призналъ нужнымъ усилить для осужденнаго горечь гражданской смерти еще и этимъ привѣскомъ. Ничтожность завѣщательныхъ распоряженій, сдѣланныхъ осужденнымъ до объявленія ему приговора, точно также «сопровождала» по французскимъ законамъ гражданскую смерть, какъ по нашимъ законамъ до 60-хъ годовъ праволишеніе всегда «сопровождалось» для лицъ непривилегированныхъ сословій бóльшимъ или меньшимъ количествомъ ударовъ плетьми или, по крайней мѣрѣ, розгами. Такое значеніе постановленія французскаго законодательства по этому предмету явствуетъ уже изъ того, что законъ призналъ нужнымъ *именно* указать на ничтожность завѣщаній, составленныхъ ранѣе осужденія, какъ на одно изъ послѣдствій

гражданской смерти. Если-бы послѣдствіе это могло разумѣться само собою, о немъ не было-бы надобности и говорить. Такъ объясняютъ значеніе этого постановленія и французскіе юристы. «C'est pour cause *d'indignité*—говорятъ они—que le testament du mort civil est nul; ce *n'est pas pour cause d'incapacité*, car le testateur est capable au moment où il teste, et au moment où il meurt civilement. L'incapacité ne vient qu'après la mort civile» [1]).

Въ виду того, что въ нашихъ законахъ послѣдствіе праволишенія, о которомъ идетъ рѣчь, прямо не указано, нельзя не признать, что послѣдствіе это и не должно имѣть мѣста.

Но, говорятъ, въ нашихъ законахъ допущена въ этомъ отношеніи только недомолвка, а такъ какъ въ существѣ своемъ они заимствованы изъ французскаго права, то послѣднее и должно быть принято въ соображеніе при разрѣшеніи нашего вопроса. Но согласиться и съ этимъ доводомъ тоже нѣтъ никакой возможности; ибо нѣтъ возможности доказать, что дѣйствующіе законы наши о лишеніи правъ, какъ уголовномъ наказаніи, основаны на французскихъ образцахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ сводѣ уголовныхъ законовъ 1832 г. указаны источники, изъ которыхъ заимствованы постановленія свода какъ о лишеніи правъ, такъ и о послѣдствіяхъ этого наказанія [2]). Подробное же разсмотрѣніе этихъ источниковъ приводитъ къ выводу, что институтъ этотъ *постепенно* вырабатывался на нашей родной почвѣ, и по всей вѣроятности составляетъ осколокъ еще «потока и разграбленія» *русской правды* Ярослава. «Потокъ» со времени Петра Великаго получилъ опредѣленную форму ссылки на каторгу или поселеніе, и существуетъ до нашихъ дней, а «разграбленіе», названное впослѣдствіи конфискаціею, замѣнено отдачею имѣнія осужденнаго «наслѣднику или наслѣдникамъ» его [3]). Никакихъ слѣдовъ иноземнаго вліянія на этотъ институтъ, въ чемъ онъ

---

1) Zachariae, le droit civil français, p. 91.

2) Ст. 19—24 и 154—156.

3) См. 2 примѣч. къ 23 ст. св. зак. угол. 1832 г.

касается имущества осужденнаго, на источникахъ свода не видно.

Эти же и только эти источники послужили основаніемъ и соотвѣтственныхъ постановленій уложенія о наказаніяхъ. «*Уложеніе долженствовало быть и есть*» — говорятъ составители его—«*ничто иное, какъ собраніе* очищенныхъ, приведенныхъ въ порядокъ, дополненныхъ и во многомъ исправленныхъ, но, однако же, въ общемъ составѣ и существѣ своемъ прежнихъ *уголовныхъ нашихъ законовъ...*» «Мы желали и старались, чтобы трудъ нашъ, основанный на источникахъ отечественнаго права, нося на себѣ характеръ своего историческаго, народнаго происхожденія, соединялъ въ себѣ выгоды» [1]) и т. д. Въ примѣчаніи же къ 29 ст. проекта, опредѣляющей послѣдствія уголовныхъ наказаній, они прямо заявляютъ, что постановленія свода уголовныхъ законовъ по этому предмету «остаются безъ измѣненія въ сущности».

Мало этого: есть полная возможность доказать, что законодательные органы наши даже въ тотъ періодъ времени, когда у насъ наиболѣе была развита склонность ко всякаго рода заимствованіямъ изъ запада вообще и изъ Франціи въ особенности, совсѣмъ не были расположены переносить къ намъ постановленія французскаго кодекса о послѣдствіяхъ гражданской смерти во всей ихъ цѣлости. § 12 проекта гражданскаго уложенія Сперанскаго, о которомъ мы уже говорили выше, есть ничто иное, какъ почти буквальный переводъ 25 ст. французскаго гражданскаго кодекса, опредѣляющей послѣдствія гражданской смерти. И однако Сперанскій все-таки счелъ нужнымъ оговорить, вопреки точному постановленію французскаго права, что завѣщанія, составленныя до совершенія преступленія, остаются въ своемъ дѣйствіи. Тоже самое постановлено было и въ проектѣ уголовнаго уложенія [2]). Это потому, конечно, что отечественные источники права не пред-

---

[1]) Проектъ улож. 1845 г., стр. XXXIV—XXXXV.

[2]) §§ 27 и 31 проекта 1814 г.

ставляли ни малѣйшаго повода къ объявленію такихъ завѣщаній недѣйствительными.

Законодательство наше конца прошлаго до начала нынѣшняго столѣтія стремилось къ смягченію суровости прежнихъ законовъ объ имущественныхъ послѣдствіяхъ уголовныхъ наказаній для осужденнаго, и въ отмѣну конфискаціи, какъ уже сказано, установило переходъ имущества къ его наслѣдникамъ. Но при этомъ законодатели не дѣлали никакого различія между наслѣдниками по закону и по завѣщанію. Имъ важно было, какъ сказано въ послѣднемъ изъ указовъ по этому предмету, лишь то, чтобы «доставить каждому званію обывателей государства всѣ возможные способы къ распространенію своего благосостоянія и чтобы казна не пріобрѣтала имѣній *на счетъ или къ стѣсненію частныхъ гражданъ»* [1]).

Что касается, наконецъ, послѣдняго изъ приведенныхъ нами возраженій противъ дѣйствительности завѣщаній, о которыхъ идетъ рѣчь,—возраженія, выходящаго уже не изъ ratio juris, а изъ ratio legis, то противъ него мы считаемъ нужнымъ замѣтить только слѣдующее: осужденный еще за минуту до вступленія приговора въ законную силу вполнѣ правоспособенъ и имѣетъ полную возможность распоряжаться благопріобрѣтеннымъ имуществомъ посредствомъ дара и другихъ способовъ отчужденія, даже посредствомъ выдачи безденежныхъ заемныхъ обязательствъ. Это уже несомнѣнно. Слѣдовательно, признаніе недѣйствительнымъ только одного изъ способъ распоряженія имуществомъ—завѣщанія—поражало бы своею тяжестью только того, кто имѣлъ бы добросовѣстность не пожелать обойти такой законъ. Рискъ же для подсудимаго при всѣхъ видахъ отчужденія одинаковъ. Недобросовѣстный наслѣдникъ по завѣщанію имѣетъ полную возможность удержать исключительно за собою имущество осужденнаго; а съ другой стороны, вполнѣ доброжелательный подсудимому человѣкъ можетъ возвратить ему имущество, отчужденное и всякимъ инымъ способомъ, если подсудимый будетъ оправданъ.

---

1) Именной высоч. указъ 6-го мая 1802 г. (П. С. З. № 20,256).

Въ силу всего вышеизложеннаго мы рѣшительно присоединяемся къ мнѣнію, что, по нашимъ законамъ, духовныя завѣщанія лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, если только завѣщанія эти составлены до вступленія приговора о лишеніи правъ въ законную силу, должны быть признаваемы дѣйствительными.

П. С.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія кодификаціи гражданскаго права. *С. В. Пахмана*, **орд. профессора. Спб. университета. Спб. 1876 г.**

Трудъ профессора Пахмана, по широтѣ задачи и мастерству исполненія, составляетъ такой богатый вкладъ въ нашу науку гражданскаго права, въ сравненіе съ которымъ могъ-бы идти во всей исторіи нашей юридической литературы развѣ трудъ покойнаго Неволина: «Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ». Но, даже сравнительно съ этимъ послѣднимъ трудомъ, книга, о которой мы намѣрены предложить отчетъ читателямъ «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», имѣетъ двойную цѣну. Это потому, во-первыхъ, что не только въ нашей, но и въ иностранной литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ содержался-бы полный обзоръ какъ составленія, такъ и содержанія существующихъ кодексовъ гражданскаго права, и, во-вторыхъ, потому, что трудъ профессора Пахмана явился какъ нельзя болѣе во́-время и кстати.

Пересмотръ гражданскихъ законовъ составляетъ одну изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей нашего юридическаго быта. Она сознана и самимъ правительствомъ. Но многочисленные опыты не только иностранной, но и нашей кодификаціи убѣждаютъ, что для составленія уложенія крайне необходимо близкое ознакомленіе съ предшествующими работами по этой части. Содѣйствовать же, по-крайней-мѣрѣ отчасти, этому ознакомленію и было, по словамъ автора, ближайшею цѣлью его книги.

Но ошибочно было бы думать, что «Исторія кодификаціи гражданскаго права» можетъ служить только этой временной цѣли; что съ окончаніемъ кодификаціонныхъ работъ по гражданскому праву книга эта можетъ утратить значеніе.

Въ трудѣ г. Пахмана изложено довольно подробно содержаніе всѣхъ, сколько-нибудь заслуживающихъ вниманія, гражданскихъ кодексовъ Европы. Здѣсь же указана и литература, въ которой можно найти какъ историческія, такъ и догматическія объясненія важнѣйшихъ постановленій положительныхъ кодексовъ. Мало этого: излагая исторію кодификаціи той или другой страны, профессоръ, обыкновенно, весьма подробно объясняетъ какъ источники, изъ которыхъ сложилось положительное право страны, такъ равно и условія, при которыхъ или подъ вліяніемъ которыхъ оно въ томъ или другомъ отношеніи измѣнялось; такъ что книга его можетъ служить весьма важнымъ подспорьемъ не только для изученія внѣшней исторіи права, но и для изслѣдованій болѣе глубокихъ. Въ ней можетъ найти много полезныхъ указаній какъ тотъ, кто захотѣлъ бы посвятить себя чисто научной разработкѣ исторіи права, въ особенности русскаго, такъ равно и тотъ, кому нужно только догматическое изслѣдованіе того или другаго института гражданскаго права.

Пусть, впрочемъ, содержаніе книги г. Пахмана говоритъ само за себя.

Книга раздѣлена на два тома, изъ которыхъ въ первомъ помѣщенъ историческій обзоръ кодификаціи гражданскаго права— римскаго, романо-германскаго, западно-славянскаго и русскаго до 1826 года; а во-второмъ—общаго русскаго права съ 1826 года и мѣстнаго—остзейскаго, польскаго, малороссійскаго, Бессарабіи, Кавказа, Сибири и Финляндіи. Въ составъ книги входитъ не только общее, но и такъ-называемое особенное гражданское право: торговое и вексельное, такъ какъ это разграниченіе, по мнѣнію профессора, и въ наукѣ и въ кодификаціи представляется несостоятельнымъ.

Первое мѣсто, какъ сказано уже, авторъ отводитъ исторіи кодификаціи римскаго права, не потому только, что она пред-

ставляется первою по времени, но главнымъ образомъ по тому громадному вліянію, какое имѣло римское право на законодательства всѣхъ цивилизованныхъ странъ новаго міра. Не даромъ, говоритъ онъ, римское право называютъ общимъ наслѣдіемъ современной Европы. Но было бы крайностію, еслибы мы видѣли въ немъ всеобщій писанный разумъ (ratio scripta) юридическаго порядка. Не говоря уже о политическихъ формахъ быта, въ самой области частнаго, гражданскаго права не мало можно указать такихъ учрежденій, господствовавшихъ въ римскомъ юридическомъ быту, которыя отжили свой вѣкъ, не оставивъ никакихъ почти слѣдовъ въ позднѣйшей исторіи частноправнаго строя общественной жизни; таковы, въ особенности, тѣ сферы правныхъ отношеній, въ которыхъ наиболѣе раскрывается разнообразіе національности и цивилизаціи. Семья, собственность и наслѣдство были обставлены у римлянъ такими особенностями, какихъ почти не знаетъ міръ новый; даже въ той области частнаго права, которая обнимаетъ собою по преимуществу общечеловѣческія формы отношеній и потому наименѣе національна — въ области обязательствъ—можно встрѣтить въ римскомъ правѣ такія начала, которыя издавна оказались несостоятельными въ примѣненіи къ условіямъ современнаго гражданскаго оборота. Въ виду этого, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе римскаго права, иначе пришлось бы въ немъ видѣть послѣднее слово права и справедливости и отринуть мысль о возможности прогресса. Но, съ другой стороны, нельзя не признавать за нимъ тѣхъ достоинствъ, которыя не подлежатъ никакому сомнѣнію. Значеніе юридическаго строя каждаго народа обусловливается не только тѣми своеобразными особенностями, которыя составляютъ его исключительное національное достояніе, но и тѣми элементами быта, которые ставятъ его въ уровень съ представителями высшей общественной культуры и служатъ образцами для другихъ народовъ. Въ этомъ же отношеніи нѣтъ другаго народа, который, подобно римскому, сохранивъ существенныя особенности своей національности, усвоилъ бы себѣ всѣ лучшіе плоды сближенія съ другими народами, который

бы возвелъ свое родное право на ступень общенароднаго, общечеловѣческаго. Въ этой именно особенности историческаго роста римскаго права и кроется причина могучаго и многовѣковаго его господства въ области юридическихъ понятій. Если со стороны бытовой многія римскія понятія и учрежденія стали чужды новымъ народамъ, то это гораздо въ меньшей степени можно сказать о логической, формальной, судебно-технической сторонѣ римскаго права: юридическая логика, открывшаяся впервые въ римскомъ правѣ, останется еще надолго образцомъ и неисчерпаемымъ источникомъ правильнаго развитія юридическаго мышленія. Въ этой-то чисто формальной сторонѣ началъ римскаго права и заключается по преимуществу его непререкаемое значеніе въ области кодификаціи и юриспруденціи.

Указывая на достоинства римскаго права, какъ исторической основы, безъ знанія которой было бы вовсе непонятно позднѣйшее развитіе юридическаго творчества какъ въ теоріи, такъ и въ кодификаціи, авторъ имѣетъ въ виду римское право въ той его формаціи, какая сложилась уже при Юстиніанѣ. Но само юстиніаново право есть плодъ всей предшествующей исторіи права у римлянъ, которая и сама по себѣ представляетъ интересъ для исторіи кодификаціи. Поэтому, онъ останавливаетъ вниманіе сначала на сборникахъ права до Юстиніана, а потомъ уже разсматриваетъ сборники права, появившіеся при Юстиніанѣ, и указываетъ значеніе ихъ въ дальнѣйшемъ развитіи гражданскаго права какъ въ римской имперіи, такъ и у новыхъ народовъ.

При обозрѣніи исторіи римскаго права у новыхъ народовъ, т.-е. на западѣ Европы, авторъ различаетъ два періода: отъ начала среднихъ вѣковъ до XII вѣка и отъ XII вѣка до настоящаго времени. Основаніе такого раздѣленія онъ видитъ въ томъ, что до XII вѣка римское право сохраняло силу тамъ, гдѣ оно существовало до паденія западной римской имперіи, а именно тамъ, гдѣ оно имѣло силу у самихъ римлянъ, подпавшихъ подъ власть чуждыхъ народовъ. Въ силу принципа личнаго права (jus personale) побѣдители римлянъ оставляли

у нихъ ихъ собственное право, которое потомъ было собираемо въ сборники: Codex или Edictum Theodorici (500 г.), Breviarium Alarici или Lex romana Visigothorum (506 г.) и Lex Romana Burgundium или Gundobada (517 г.). Съ XII же вѣка замѣчается обратное явленіе: тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало римское право, оно, вслѣдствіе смѣшенія съ правомъ германскимъ, приходитъ въ упадокъ и забывается, и, наоборотъ, проникаетъ туда, гдѣ прежде не имѣло силы. Такое явленіе объясняется необходимостью для итальянскихъ городовъ регулировать многія отношенія, для которыхъ право германское не имѣло нормъ, и возродившимся вслѣдствіе этого преподаваніемъ римскаго права въ болонскомъ университетѣ. Предметомъ преподаванія были открытые въ то время юстиніановы сборники, гдѣ римское право классическаго времени сохранилось въ наибольшей чистотѣ. (Въ то время они и получили теперешнее свое названіе Corpus juris civilis). А такъ какъ въ итальянскіе университеты съѣзжались слушать лекціи многія лица, особенно изъ Германіи, и получали тамъ степень доктора правъ, то, по возвращеніи въ отечество, они и распространяли тамъ римское право. Этимъ путемъ оно проникло въ жизнь германцевъ и получило силу дѣйствующаго законодательства съ помощію лицъ, въ рукахъ которыхъ была судебная власть, тѣмъ болѣе, что и германскіе императоры, носившіе титулъ римскихъ императоровъ, видѣли въ своей имперіи какъ бы продолженіе имперіи римской и потому не только не препятствовали водворенію римскаго права, но даже и съ своей стороны этому покровительствовали.

Переходя отъ древняго Рима и Византіи къ тому циклу новыхъ народовъ, которому усвоено общее названіе міра романо-германскаго, авторъ останавливается прежде всего на Франціи, такъ какъ знаменитый гражданскій кодексъ, принадлежащій этой странѣ, болѣе всѣхъ остальныхъ европейскихъ кодексовъ воспроизвелъ начала римскаго права и потому является какъ бы ближайшимъ его преемникомъ. Но одними римскими началами далеко не исчерпывается содержаніе этого кодекса: въ немъ отразились въ значительной степени и тѣ

начала, которыя возникли и развились изъ собственныхъ національныхъ элементовъ французскаго юридическаго быта. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію дѣйствующаго во Франціи кодекса, профессоръ Пахманъ излагаетъ важнѣйшіе факты изъ внѣшней исторіи французскаго права, предшествовавшіе появленію этого законодательнаго сборника, и указываетъ его источники.

Предѣлы дѣйствія французскаго кодекса, какъ извѣстно, не ограничились одною Франціею: онъ переведенъ на всѣ почти европейскіе языки; почти во всѣхъ государствахъ постановленія его, при законодательныхъ работахъ, принимались въ соображеніе, а въ нѣкоторыхъ странахъ code Napoléon получилъ вполнѣ обязательную силу, которую сохраняетъ и до сихъ поръ. Въ виду этого, изслѣдованіе профессора Пахмана объ источникахъ французскаго кодекса и условіяхъ, при которыхъ кодексъ этотъ появился на свѣтъ, представляетъ совершенно особенный интересъ и заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, исключительнаго вниманія и нашихъ юристовъ. Вотъ въ краткихъ словахъ повѣсть знаменитаго code civil, какъ разсказываетъ ее нашъ ученый.

Въ древнюю Галлію, вмѣстѣ съ владычествомъ римлянъ, проникло и римское право, которое не исчезло и послѣ того, какъ господство Рима въ Галліи прекратилось вслѣдствіе нашествія народовъ германскаго происхожденія (франковъ, готовъ, бургундовъ), образовавшихъ отдѣльныя государства. Завоеватели устроили свой бытъ на основаніи своихъ юридическихъ обычаевъ, но въ силу древняго нѣмецкаго принципа— quemlibet sua lege vivere — не препятствовали туземному населенію — римлянамъ и въ особенности духовенству, которое еще долгое время спустя было римскаго происхожденія,—пользоваться римскимъ правомъ. Обычныя юридическія нормы, которыми регулировались юридическія отношенія завоевателей германскаго племени, первоначально, какъ и у всѣхъ народовъ, начинающихъ историческую жизнь, хранились въ народномъ сознаніи; впослѣдствіи же, въ V и VI столѣтіяхъ, они были сводимы въ сборники, извѣстные подъ именемъ

leges barbarorum. Такіе сборники юридическихъ обычаевъ были у франковъ, у бургундовъ, у аллемановъ и у другихъ. Впослѣдствіи всѣ эти народы вошли въ составъ королевства франковъ, но, несмотря на то, въ силу системы личнаго права, у каждаго изъ нихъ сохранили дѣйствіе собственные законы, такъ что, послѣ покоренія Галліи германцами и затѣмъ по образованіи въ ней королевства франковъ, въ ней дѣйствовали двѣ системы гражданскаго законодательства: римское право и національное право завоевателей, которое, будучи сходно въ общихъ началахъ, распадалось на отдѣльныя законодательства по народностямъ.

Ясно, что такое положеніе дѣла должно было причинять на практикѣ множество неудобствъ и затрудненій, въ особенности когда, съ теченіемъ времени, трудно стало отличать римлянина отъ франка, чтобы примѣнить то или другое право, и вотъ тогда-то окончательно опредѣлилось раздѣленіе Франціи, по источникамъ дѣйствовавшаго въ ней права, на двѣ части: страну писаннаго права (pays de droit écrit) и страну обычнаго права (pays de droit coutumier), дѣленіе, продолжавшееся до первой французской революціи. Страною писаннаго права была южная Франція, а страною обычнаго — сѣверная. Демаркаціонную линію между ними составляла Лоара. Дѣленіе это не было искусственнымъ, установленнымъ какою-либо властью: оно установилось само собою, такъ какъ въ южной Франціи, вслѣдствіе ея положенія близъ Италіи и разныхъ другихъ обстоятельствъ, римская культура и римское законодательство получили преобладаніе надъ пришлымъ элементомъ; напротивъ, въ сѣверной Франціи преобладающимъ элементомъ явилось право германскаго происхожденія. Въ южной Франціи римское право имѣло значеніе положительнаго права или ex usu fori, или же на основаніи привилегій королей (lettres patentes). Въ сѣверной половины Франціи съ теченіемъ времени обычное право, корень котораго былъ одинъ и тотъ же, развѣтвилось по національностямъ, такъ что образовалось нѣсколько группъ обычнаго права.

Въ половинѣ XV столѣтія, при Карлѣ VII, послѣдовало

повелѣніе сдѣлать сборники обычнаго права, которые, по утвержденіи ихъ королемъ и сословіями, должны были получить силу закона, каждый въ той мѣстности, изъ обычаевъ которой онъ былъ составленъ. Въ силу этого повелѣнія дѣйствительно стали составляться сборники обычнаго права (coutumes), которые отъ времени до времени были исправляемы и въ исправленномъ видѣ вновь публикуемы. Число этихъ coutumes было весьма значительно. По пространству дѣйствія они раздѣлялись на coutumes générales и coutumes locales; первыхъ насчитываютъ до 60, а вторыхъ до 300.

Рядомъ съ римскимъ правомъ и обычнымъ, при короляхъ третьей династіи, Капетингахъ, когда королевская власть пріобрѣла болѣе значенія, стали дѣйствовать, какъ источникъ права, королевскія постановленія — ordonnances, которыя издавались или подъ этимъ названіемъ, или носили названіе эдиктовъ, декларацій, lettres patentes (названіе зависѣло отъ содержанія закона). Въ этихъ ордонансахъ, имѣвшихъ обязательную силу во всемъ государствѣ, дѣлалось, однако, различіе между pays de droit écrit и pays de droit coutumier: для той и другой въ нѣкоторыхъ изъ нихъ содержались особыя правила.

Въ такомъ положеніи находились источники права во Франціи до временъ революціи. Очевидно, въ нихъ не было единства, необходимость котораго сознавалась, однако, уже во времена довольно отдаленныя, а именно еще при Людовикѣ XI, но въ то время не было сдѣлано для этого почти ничего. Революція же разомъ покончила со старыми порядками. Въ titre préliminaire конституціи 3 сентября 1791 г. составленіе кодекса было указано, какъ одна изъ обязанностей конституціонной законодательной власти. Дѣло составленія кодекса замедлялось, однако, пока первый консулъ Бонапартъ не принялъ въ немъ живаго участія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по установленіи новаго правительства, издано было 24 термидора VIII года распоряженіе (arrêté) консуловъ о назначеніи коммисіи для исполненія указаннаго выше постановленія конституціи 1791 г. Въ составъ этой коммисіи вошли четыре

лица: Тронше (президентъ кассаціоннаго суда) назначенъ былъ президентомъ, Порталисъ (правительственный коммисаръ въ conseil des prives) и Биго-Преамнё (правительственный коммисаръ въ кассаціонномъ судѣ) членами, и Мальвилль (членъ кассаціоннаго суда)—секретаремъ. Эти лица раздѣлили между собой работы по частямъ, которыя прочитывались и обсуждались у Тронше, какъ предсѣдателя, и такимъ образомъ *въ четыре мѣсяца* проектъ былъ окончень и появился въ печати. Онъ былъ посланъ для изслѣдованія въ кассаціонный и апелляціонные суды, которые не замедлили своимъ заключеніемъ, такъ что уже въ слѣдующемъ году разсмотрѣніе проекта начато въ государственномъ совѣтѣ, а въ теченіе XI и XII годовъ (1803—1804) проектъ принятъ по частямъ и законодательнымъ собраніемъ. Закономъ же 30 ventôse XII года отдѣльныя части проекта соединены въ одно цѣлое подъ именемъ code civil des Francais, причемъ отмѣнены всѣ прежніе источники права, какъ-то: законы римскіе, ордонансы, обычаи и проч., по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которыхъ касается кодексъ. Послѣ того, какъ Франція сдѣлалась имперіею, въ кодексѣ сдѣланы были необходимыя исправленія, касающіяся, впрочемъ, не существа дѣла, а только замѣны словъ, сообразно съ перемѣною формы правленія. Законодательному собранію 24 августа 1807 года предложено было правительствомъ новое изданіе кодекса (repetita praelectio), которое и было обнародовано 30 сентября того же года. Вмѣсто прежняго названія кодексъ получилъ другое: code Napoléon. Затѣмъ, во все продолженіе имперіи кодексъ не потерпѣлъ никакихъ существенныхъ измѣненій, и самое число законовъ, посредствомъ которыхъ былъ дополненъ или разъясненъ кодексъ, въ этотъ періодъ было весьма незначительно. Съ перемѣною правительства въ 1814 году, кодексъ остался въ силѣ подъ именемъ code civil; декретомъ же 27 марта 1852 года ему возстановлено названіе code Napoléon, которое удерживается за нимъ и до настоящаго времени. Съ того времени, т.-е. съ 1814 года, кодексъ былъ, однако, во многомъ измѣненъ весьма существенно новыми законами, важ-

нѣйшіе изъ которыхъ суть: законъ 8 мая 1816 года, отмѣнившій разводъ; затѣмъ законъ 17 мая 1816 года о субституціяхъ; законъ 23 марта 1855 года «sur la transcrpition en matiere hypothéquaire», измѣнившій постановленія кодекса объ ипотекахъ, и др.

Не надо, однако, думать, будто съ изданіемъ code civil Франція получила новое право, будто кодексъ ея былъ, такъ сказать, зà-ново *сочиненъ*. Въ основу новаго кодекса легли прежніе источники права, именно: 1) coutumes, особенно города Парижа, въ правѣ наслѣдственномъ и въ опредѣленіи отношеній супруговъ по имуществу; 2) римское право въ постановленіяхъ о собственности и о сервитутахъ, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей этого отдѣла, и затѣмъ преимущественно въ отдѣлѣ законовъ объ обязательствахъ и договорахъ; 3) королевскіе ордонансы — въ законахъ объ актахъ гражданскаго состоянія, о дареніяхъ и завѣщаніяхъ и о субституціяхъ, и, наконецъ, 4) право временъ революціи въ законахъ о бракѣ, родительской власти, привилегіяхъ и ипотекахъ.

Главнымъ источникомъ признавались, однако, coutumes. Вліяніе ихъ, при составленіи кодекса, вообще было таково, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, по отношенію къ которымъ droit coutumier имѣло правило, оно предпочиталось писанному праву. Профессоръ Пахманъ объясняетъ это тѣмъ, что въ составѣ законодательнаго отдѣленія государственнаго совѣта большинство членовъ было родомъ изъ тѣхъ земель, гдѣ имѣло силу droit coutumier. Но объясненіе это едва ли можно признать удовлетворительнымъ уже потому, что проектъ кодекса долженъ былъ переходить и дѣйствительно переходилъ изъ законодательнаго отдѣленія государственнаго совѣта въ общее собраніе его, а затѣмъ и въ законодательное собраніе, гдѣ число членовъ отъ обѣихъ половинъ Франціи (т. е. pays de droit écrit и pays de droit coutumier) было, конечно, одинаково.

Очертивъ, такимъ образомъ, ходъ кодификаціонныхъ работъ во Франціи по гражданскому праву и указавъ источники дѣйствующаго кодекса ея, г. Пахманъ излагаетъ далѣе самое

содержаніе какъ гражданскаго кодекса, такъ и составляющаго какъ бы дополненіе къ нему—кодекса торговаго.

Изслѣдованія самыхъ началъ, содержащихся въ этихъ кодексахъ, въ книгѣ г. Пахмана нѣтъ, кромѣ замѣчанія—къ слову—что «въ нихъ встрѣчаются положенія устарѣлыя, заимствованныя изъ древняго обычнаго права, въ пользу существованія которыхъ въ настоящее время нельзя придумать правильныхъ основаній». Такія изслѣдованія, впрочемъ, не входили и въ программу книги, такъ какъ это, по словамъ предисловія, — задача уже систематическаго курса гражданскаго права. И дѣйствительно, изслѣдованіе самыхъ началъ, содержащихся въ кодексахъ, въ «Исторіи Кодификаціи» было бы, пожалуй, не на мѣстѣ. Но за то въ высшей степени умѣстна была бы здѣсь основательная критика технической части кодекса, т.-е. его системы и редакціи отдѣльныхъ постановленій. Къ сожалѣнію, ученый нашъ поскупился на критику кодекса и въ этомъ отношеніи. Онъ ограничивается лишь замѣчаніемъ, что составители его заимствовали римскую систему, «въ чемъ, конечно, никто не будетъ упрекать ихъ, такъ какъ не только для кодексовъ, но и въ наукѣ не установилось еще и понынѣ вполнѣ опредѣленной системы». Что же касается редакціи code civil, то, не отрицая, конечно, всѣми признанныхъ достоинствъ его, г. Пахманъ указываетъ на слѣдующіе, болѣе или менѣе существенные, его недостатки: «въ немъ встрѣчаются чисто научныя опредѣленія, неумѣстныя въ законѣ, заимствованныя у Потье (Pothier), ошибочная классификація предметовъ, неясность многихъ положеній и неполнота».

Конечно, заявленное въ такой общей формѣ мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ code civil не можетъ ничего прибавить къ тому, что́ мы знали объ этой книгѣ и до появленія въ свѣтъ труда г. Пахмана. Но «на нѣтъ»—давно сказано—«и суда нѣтъ». Можно пожалѣть, что уважаемый профессоръ не украсилъ свою книгу еще нѣсколькими страницами подробнаго разбора системы и редакціи знаменитаго кодекса — разбора, который былъ бы такъ кстати въ виду предстоящихъ у

насъ кодификаціонныхъ работъ. Но корить его за это было бы въ такой же мѣрѣ неосновательно, какъ корить, напримѣръ, и за то, что онъ до сихъ поръ не издаетъ своего курса гражданскаго права, уже много лѣтъ извѣстнаго нашимъ юристамъ по своимъ высокимъ достоинствамъ.

Болѣе всѣхъ другихъ кодексовъ имѣетъ сходство съ французскимъ, какъ по системѣ, такъ и по содержанію — *кодексъ итальянскій*, утвержденный 25 іюня 1865 г. и вступившій въ силу съ 1 января 1866 г. Поэтому профессоръ Пахманъ посвящаетъ этому кодексу вмѣстѣ съ торговымъ уложеніемъ той же страны всего нѣсколько страницъ своей книги, на которыхъ, однако, довольно подробно изложенъ ходъ кодификаціи и въ этой странѣ.

Гражданскій кодексъ Италіи вызванъ былъ тою же потребностью объединенія законодательства въ государствѣ, какъ главнѣйшаго средства достигнуть политическаго единства, которая руководила и составителями французскаго кодекса, и составленъ изъ источниковъ въ существѣ своемъ однородныхъ съ тѣми, которые легли и въ основу code Napoléon. Изъ послѣдняго составители итальянскаго уложенія въ особенности много заимствовали какъ по отношенію къ внѣшней системѣ уложенія, такъ и по отношенію къ сущности самыхъ постановленій. Несмотря на это, итальянское уложеніе, по замѣчанію профессора Пахмана, представляетъ, безъ сомнѣнія, большой прогрессъ сравнительно съ французскимъ, а нѣкоторые отдѣлы его, какъ, напримѣръ, объ ипотекахъ, могутъ служить образцомъ для другихъ законодательствъ.

Отъ Италіи профессоръ Пахманъ переходитъ къ Германіи. Здѣсь на первыхъ страницахъ исторіи замѣчаются тѣ же явленія, о которыхъ упомянуто выше по отношенію къ Франціи. Германскіе народы, населявшіе эту страну, жили по своимъ обычаямъ; по основаніи же королевствъ въ тѣхъ областяхъ, которыя принадлежали прежде римлянамъ, они руководились общимъ въ то время принципомъ, указаннымъ уже по отношенію къ франкамъ, т.-е. не вводили насильно своего права у покоренныхъ народовъ. На этомъ основаніи у послѣднихъ

продолжало дѣйствовать римское право; у германцевъ же дѣйствовало ихъ національное право. Такимъ образомъ развилась система такъ-называемыхъ личныхъ правъ; для каждаго имѣло силу право его племени. Съ пятаго по восьмое столѣтіе являются попытки составленія сборниковъ обычнаго германскаго права (leges Barbarorum); въ нѣкоторыхъ же государствахъ были составлены сборники (для подданныхъ римскаго происхожденія), извѣстные подъ именемъ leges Romanae. Издаваемы были также франкскими королями и писанные законы, которые, однако, мало касались гражданскаго права, и въ теченіе X и XI столѣтія вышли изъ употребленія; а одновременно съ этимъ мало по малу исчезла и система личныхъ правъ, мѣсто которой заступила система правъ территоріальныхъ. Хотя и былъ элементъ для развитія общаго права — власть императора — тѣмъ не менѣе общее право не развилось, такъ какъ законодательная дѣятельность императоровъ была слаба. Право отдѣльныхъ государствъ германскихъ въ средніе вѣка не отличалось, однако, слишкомъ рѣзко одно отъ другаго, такъ какъ оно развивалось изъ однихъ и тѣхъ же началъ. Въ XIII столѣтіи появились сборники этого права (саксонское и швабское зеркала), составленные частными лицами, но получившіе силу и въ судахъ, и не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, для которыхъ они были предназначены, но и за ихъ предѣлами. Рядомъ съ такими сборниками, имѣвшими болѣе общее значеніе, являлись и мѣстные (Landrechte), а также сборники законовъ отдѣльныхъ городовъ (Stadtrechte). Къ этому же періоду времени относится принятіе въ Германіи римскаго права и каноническаго права, которое признано было мало по малу какъ общее нѣмецкое право и принято практикою. Римское право явилось среди полнаго разъединенія законодательствъ германскихъ государствъ, какъ между собою, такъ и внутри ихъ самихъ, элементомъ объединяющимъ, хотя, впрочемъ, полнаго единства права, путемъ введенія римскаго и каноническаго права, достигнуто не было, такъ какъ туземные юридическіе институты и законодательныя правила не были ими совершенно

подавлены: чужеземныя права, т.-е. римское и каноническое, имѣли силу только вспомогательнаго права.

Въ такомъ положеніи находилось гражданское право въ Германіи въ то время, когда началась французская революція. Общими для всей Германіи законами были одни такъ-называемые имперскіе законы (Reichsgesetze), изъ которыхъ, однако, только немногіе относились къ области гражданскаго права, напримѣръ, постановленія о ростовщичествѣ, объ опекѣ и т. п. Но и эти немногія постановленія не имѣли значенія безусловно-обязательнаго закона, а для того, чтобы получить силу въ отдѣльныхъ государствахъ, нуждались въ особой публикаціи, или же получали значеніе субсидіарнаго права, такъ что и они не имѣли значенія общаго источника права въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Во время французской революціи Германія представляла союзъ многихъ государствъ разной величины, изъ большей части которыхъ въ 1815 г. образовался германскій союзъ, но и при этомъ политическомъ устройствѣ не было достигнуто единство въ законодательствѣ, такъ какъ постановленія сейма, на основаніи его учрежденія, должны были быть распубликованы и въ каждомъ отдѣльномъ, входившемъ въ составъ союза, государствѣ, и такимъ образомъ получали силу какъ отдѣльные законы каждаго государства.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ Германіи до самаго послѣдняго времени не было единства въ законодательствѣ по гражданскому и торговому праву. Но какъ законодательство каждаго изъ государствъ, входящихъ въ составъ этой земли, развилось изъ однихъ и тѣхъ же общихъ всему германскому племени началъ, то нѣтъ сомнѣнія, что оно представляетъ полную возможность къ объединенію. Необходимость единства законодательства сознана была уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ той сферѣ гражданскаго права, гдѣ разнообразіе различнаго рода мѣстныхъ особенностей особенно вредно отзывается на гражданскомъ оборотѣ — именно въ сферѣ вексельнаго и торговаго права. Эта потребность была удовлетворена: съ 1848 года въ Германіи дѣйствуетъ общій вексель-

ный уставъ, а съ 1861 года общее торговое уложеніе. Хотя первоначально общегерманскій вексельный уставъ и торговое уложеніе получили силу закона въ отдѣльныхъ государствахъ не иначе, какъ черезъ обнародованіе ихъ въ установленномъ порядкѣ, и, слѣдовательно, въ каждомъ государствѣ имѣли значеніе партикулярнаго, мѣстнаго законодательства, но, тѣмъ не менѣе, изданіемъ ихъ было достигнуто внутреннее объединеніе Германіи въ дѣлѣ торговаго законодательства, а затѣмъ и внѣшнимъ образомъ они были признаны какъ общіе законы, а именно закономъ 5 іюня 1869 г. вексельный уставъ и торговое уложеніе были объявлены общими законами всего сѣверо-германскаго союза, съ чѣмъ вмѣстѣ прекратилась и возможность измѣнять ихъ частными законами, издаваемыми въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ.

На этомъ, однакожъ, дѣло объединенія законодательства въ Германіи не остановилось.

Мысль о необходимости для цѣлой Германіи общаго гражданскаго права была въ ходу еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Ее поднялъ, вскорѣ послѣ сверженія французскаго ига, профессоръ Тибо; но онъ встрѣтилъ возраженіе со стороны знаменитаго Савиньи, и дѣло, въ практическомъ смыслѣ, окончилось на этотъ разъ ничѣмъ. Немедленно же послѣ изданія общегерманскаго торговаго кодекса, именно въ 1862 году, десять германскихъ государствъ—между ними Баварія, Саксонія и Вюртембергъ — заявили союзному собранію предложеніе по вопросу объ общемъ для Германіи законодательствѣ, именно о томъ, желательна ли и насколько выполнима мысль о такомъ объединеніи. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ, но съ тѣмъ, чтобы сначала были обработаны отдѣльныя части гражданскаго права, причемъ было предложено учрежденіе коммисіи въ Дрезденѣ для составленія проекта общаго закона о юридическихъ сдѣлкахъ и обязательствахъ для германскихъ союзныхъ государствъ. Коммисія, несмотря на оппозицію со стороны Пруссіи, дѣйствительно была учреждена въ 1863 году, работала болѣе трехъ лѣтъ и составила проектъ, который, однакожъ, не получилъ никакого движенія по слу-

чаю наступившихъ въ ту пору политическихъ событій. Со времени учрежденія сѣверо-германскаго союза, на основаніи конституціи 25 іюня 1867 г., законодательная компетенція союза обнимала собою право уголовное, судопроизводство, право торговое, право вексельное и изъ общихъ гражданскихъ законовъ право по обязательствамъ. Это постановленіе конституціи осталось и въ конституціи германской имперіи 1871 г. Значеніе помянутой компетенціи заключается въ томъ, что императорскому правительству предоставлено право выработать проекты, касающіеся тѣхъ частей законодательства, о которыхъ упомянуто въ конституціи, и внести ихъ на обсужденіе имперскаго германскаго парламента съ тѣмъ, чтобы по одобреніи ихъ парламентомъ новое общее законодательство получило силу для всѣхъ нѣмецкихъ земель, входящихъ въ составъ германской имперіи. При обсужденіи конституціи сѣверо-германскаго союза, депутатъ Микель сдѣлалъ предложеніе подчинить общему законодательству всѣ части гражданскаго права, но это предложеніе было тогда отклонено. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1871 года, принадлежащій къ національной партіи депутатъ Ласкеръ съ товарищами внесъ въ парламентъ тоже предложеніе, какое было сдѣлано Микелемъ, т.-е. предложеніе измѣнить приведенное выше постановленіе конституціи въ томъ смыслѣ, чтобы императорскому правительству было предоставлено право выработать проекты общаго для всей Германіи гражданскаго кодекса и общаго судоустройства. Предложеніе Ласкера, несмотря на оппозицію со стороны клерикальной партіи, было принято значительнымъ большинствомъ парламента; но союзнымъ совѣтомъ рѣшеніе парламента по этому предмету изъ политическихъ видовъ было отклонено (большинствомъ шести голосовъ противъ четырехъ). Тѣмъ не менѣе, мысль о составленіи общаго для всей Германіи гражданскаго уложенія не исчезла: 20 декабря 1873 г. состоялся имперскій законъ объ измѣненіи конституціи 1871 г. въ томъ самомъ смыслѣ, какъ предлагали Микель и Ласкеръ, и тогда же союзнымъ правительствомъ назначена коммисія кодификаціи общаго гражданскаго права

для Германіи. Коммисія открыта въ Берлинѣ 18 марта 1874 года и работаетъ до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, въ скоромъ времени Германія достигнетъ полнаго объединенія въ законодательствѣ по гражданскому праву. Успѣхъ же составляемаго нынѣ уложенія обезпечивается какъ личнымъ составомъ коммисіи (въ ней состоятъ членами, между прочимъ, знаменитые юристы: Гольдшмидтъ, Ротъ и Виндшейдъ), такъ и тѣмъ живымъ участіемъ, которое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ юридическая литература и берлинское юридическое общество. Послѣднее въ 1874 г. предложило задачу на премію: составить проектъ закона германскаго наслѣдственнаго права, съ мотивами и съ сравнительнымъ обозрѣніемъ постановленій о наслѣдствѣ дѣйствующихъ нынѣ въ Германіи важнѣйшихъ кодексовъ. Премію получилъ Момзенъ, который въ нынѣшнемъ году и издалъ уже свой трудъ.

Мы изложили, такимъ образомъ, ходъ кодификаціи гражданскаго права въ Германіи вообще; но въ трудѣ г. Пахмана читатели найдутъ, кромѣ того, обстоятельный обзоръ какъ составленія, такъ и содержанія прусскаго, австрійскаго и саксонскаго уложенія и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ законоположеній. Останавливаться, однако, на этой части книги мы не будемъ, какъ потому, что этому рѣшительно препятствуютъ предѣлы журнальной статьи, такъ и потому, что сказанное уже считаемъ вполнѣ достаточнымъ для уясненія читателямъ, чего могутъ они ожидать отъ подробнаго ознакомленія съ замѣчательнымъ трудомъ профессора Пахмана.

Что касается Швейцаріи, то здѣсь представляется тоже отсутствіе единства въ законодательствѣ, какое существуетъ и въ Германіи. Швейцарія въ отношеніи законодательства по гражданскому праву распадается на двѣ части: на кантоны французскіе, гдѣ дѣйствуютъ кодексы, составленные на основаніи code Napoléon, и кантоны нѣмецкіе, изъ которыхъ почти въ каждомъ имѣются особые гражданскіе кодексы, составленные по образцу австрійскаго гражданскаго уложенія. Независимо отъ этого раздѣленія кодексовъ, кодексъ каждаго кантона имѣетъ свои особенности сравнительно съ кодексами другихъ

кантоновъ. Неудобства такого состоянія законодательства, особенно въ такой небольшой территоріи, какъ Швейцарія, очевидны. Поэтому, попытки создать здѣсь единое законодательство начались еще въ прошедшемъ столѣтіи. Въ конституціи 12 апрѣля 1798 года уже есть указаніе на необходимость общаго для всей Швейцаріи гражданскаго кодекса, который и былъ изготовляемъ, но отъ него сохранились только три отрывка. Въ новѣйшее время, рядомъ съ предпринятою въ этихъ кантонахъ кодификаціею гражданскаго права, высказывалась мысль о необходимости объединенія швейцарскаго законодательства сперва въ правѣ вексельномъ, а потомъ въ правѣ торговомъ и въ правѣ по обязательствамъ,—мысль, которой дано было движеніе оффиціальнымъ путемъ, но которая, въ дѣлѣ изданія общаго для всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ торговаго кодекса и общаго обязательственнаго права, не получила еще осуществленія. Мысль о кодификаціи общаго вексельнаго права возникла еще въ 1854 году, но тѣмъ не менѣе введенные въ нѣкоторыхъ кантонахъ въ силу конкордата вексельные уставы, заимствованные изъ общаго проекта, суть уставы отдѣльныхъ кантоновъ, которые могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы по усмотрѣнію кантональныхъ правительствъ. Не болѣе удачны и попытки объединенія торговаго законодательства. Еще въ 1862 году швейцарскій національный совѣтъ постановилъ о томъ, чтобы союзный совѣтъ разсмотрѣлъ вопросъ относительно своевременности введенія путемъ конкордата общаго торговаго кодекса, если не во всѣхъ кантонахъ, то по крайней мѣрѣ въ большей ихъ части, и о томъ донесъ бы союзному собранію. Введеніе общаго торговаго законодательства было найдено необходимымъ и составленіе проекта поручено союзнымъ совѣтомъ Мунцингеру въ томъ же 1862 году. Спустя годъ, редакторъ представилъ въ совѣтъ предварительный проектъ, для разсмотрѣнія котораго была образована особая коммисія, которая въ 1864 году дала проекту Мунцингера окончательную редакцію. Проектъ вызвалъ нѣсколько критическихъ статей, которыя вообще были въ пользу его, но тѣмъ не менѣе онъ и до сихъ поръ не получилъ еще силы

закона, такъ какъ на конференціи кантоновъ со стороны кантона Бернъ послѣдовало предложеніе о кодификаціи общаго обязательственнаго права, въ виду того, что въ проектѣ уже кодифицирована значительная его часть. Это предложеніе было принято конференціею (1868 г.), вслѣдствіе чего проектъ Мунцингера оставленъ пока въ сторонѣ, а въ 1869 году онъ же получилъ предложеніе принять на себя редакцію общаго обязательственнаго права. Въ помощь ему дана совѣщательная коммисія экспертовъ. Работы по этому предмету еще продолжаются и въ настоящее время, а между тѣмъ нынѣ уже высказываются въ пользу объединенія, путемъ союзнаго законодательства, всего гражданскаго права, и не только матеріальнаго права, но и процессуальнаго.

Объ англійскомъ и сѣверо-американскомъ законодательствахъ г. Пахманъ говоритъ весьма немного, такъ какъ и въ той и въ другой странѣ въ области кодификаціи дѣйствующаго права не сдѣлано почти ничего. Въ Англіи и до сихъ поръ, какъ извѣстно, рядомъ существуютъ два права: общее, т. е. обычное (common law) и такъ называемое *статутное* (statute law), подъ которымъ разумѣются утвержденныя королемъ постановленія парламента. Отношеніе между статутнымъ и общимъ правомъ таково, что изъ нихъ первое подчиняется послѣднему и не можетъ противорѣчить ни ему, ни magna charta. Какъ изъ статутовъ, такъ равно и изъ обычаевъ въ разное время составлялись оффиціальные и частные сборники. Но само собою разумѣется, — говоритъ г. Пахманъ, — что существованіе рядомъ двухъ правъ, не сведенныхъ въ систему, изданныхъ въ многотомныхъ сборникахъ, оффиціальныхъ и частныхъ, должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что примѣненіе ихъ сдѣлалось въ высшей степени затруднительнымъ и отдало, въ нѣкоторой степени, интересы частныхъ лицъ судейскому произволу, такъ что стала чувствоваться потребность въ сводѣ дѣйствующаго права.

Первая мысль о кодификаціи относится еще къ XVI столѣтію, но съ того времени и по настоящее она не привела еще ни къ какимъ особеннымъ результатамъ. Въ 1866 году,

однако, учреждена кодификаціонная коммисія для приведенія всего англійскаго права въ систему, и изъ доклада этой коммисіи видно, что ею предположено составить сводъ въ родѣ дигестовъ, принявъ во вниманіе и иностранные кодексы. Съ этою цѣлію въ 1868 году сдѣланъ переводъ и русскаго свода законовъ на англійскій языкъ. Но къ какимъ результатамъ приведетъ эта коммисія,—предугадать, по словамъ г. Пахмана, трудно, такъ какъ въ англійской наукѣ права не только не выработано основное на континентѣ дѣленіе права на публичное и частное, но и не опредѣлена область этого послѣдняго. При такомъ же состояніи науки права въ Англіи если и возможна кодификація, то едва ли можетъ сложиться, по крайней мѣрѣ по отношенію къ гражданскому праву, такой сборникъ, который по объему предмета могъ бы стать на одну доску съ кодексами континента.

Для полноты обзора романо-германскаго права, г. Пахманъ даетъ свѣдѣнія о кодексахъ Швеціи, Норвегіи и Даніи. Въ Норвегіи до сихъ поръ дѣйствуетъ кодексъ 14 апрѣля 1688 года; въ Швеціи—кодексъ 23 февраля 1736 года, а основаніемъ датскаго права считается и теперь кодексъ 15 апрѣля 1683 года.

Вступая въ юридическій міръ славянъ и выдѣляя на время Россію, профессоръ Пахманъ прежде всего замѣчаетъ, что большая часть народовъ славянскихъ не успѣла еще выработать такихъ кодексовъ, какими могутъ похвалиться другіе народы. Причины этого явленія скрываются, по мнѣнію автора, несомнѣнно какъ въ отсутствіи единства между народами славянскаго происхожденія, въ ихъ разъединенности, такъ и въ отсутствіи политической самостоятельности. Быть можетъ, по тѣмъ же причинамъ, у славянъ болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ сохранило свою силу обычное право. У другихъ народовъ, благодаря условіямъ политическаго развитія, обычное право бо́льшею частью вытѣснено законами писанными, такъ что даже примѣненіе его въ судахъ допускается въ видѣ исключенія, между тѣмъ какъ у славянъ обычаи сохраняютъ во многомъ ту же силу, какую они имѣли еще въ средніе вѣка.

Изданіемъ сборниковъ права эта живучесть обычая не подавлялась, такъ какъ и въ самыхъ сборникахъ получали письменное выраженіе преимущественно тѣ же начала, которыя признавались въ народномъ быту въ силу обычая. Такая стойкость обычно-славянскаго права замѣчается особенно въ быту славянъ южныхъ: достаточно указать на систему славянскихъ общинъ, которыя и нынѣ сохраняются почти въ первобытномъ ихъ видѣ. Въ виду этого нельзя не признать, что изученіе южно-славянскаго права, преимущественно древняго, для русскихъ юристовъ имѣетъ въ высшей степени важное значеніе, такъ какъ полное раскрытіе и разъясненіе началъ древняго нашего права невозможно безъ сравнительнаго ознакомленія съ тѣми началами права, которыя выработались въ жизни другихъ славянскихъ народовъ еще въ то время, когда эти народы могли жить самостоятельною политическою и юридическою жизнью.

Обзоръ сборниковъ славянскаго права профессоръ Пахманъ начинаетъ съ славянъ сѣверо-западныхъ, именно съ Чехіи; затѣмъ переходитъ къ Сербіи, причемъ особенно подробно останавливается на знаменитомъ сборникѣ Стефана Душана. Изъ хорвато-далматскихъ сборниковъ останавливается на винодѣльскихъ законахъ, законахъ города Загреба и полицкомъ статутѣ. Въ заключеніе же говоритъ о законодательствѣ Черногоріи, древне-польскомъ правѣ и литовскомъ статутѣ.

Эта часть труда профессора Пахмана представляется въ высшей степени интересною. Авторъ не ограничивается здѣсь однимъ внѣшнимъ обзоромъ составленія и содержанія славянскихъ сборниковъ, а передаетъ и самое существо важнѣйшихъ постановленій, заключающихся въ этихъ сборникахъ. Въ особенности интересны сообщаемыя имъ свѣдѣнія объ обычаяхъ, которыми регулируется у славянъ семья и община. Обычаи эти, какъ и право наслѣдованія, во многомъ весьма сильно напоминаютъ наше русское древнее право и потому свѣдѣнія о нихъ для знающихъ цѣну исторіи права представляютъ громадный интересъ.

Приступая къ исторіи кодификаціи русскаго граждан-

скаго права, г. Пахманъ замѣчаетъ, что непосредственною основою нынѣ дѣйствующаго права служатъ кодификаціонныя работы, начавшіяся у насъ съ 1826 года; во всѣхъ же предшествующихъ трудахъ имѣютъ мѣсто явленія, не представляющія уже нынѣ прямаго практическаго интереса. Этимъ ясно опредѣляется грань, которою новая кодификація отдѣляется отъ опытовъ, предшествовавшихъ первой четверти XIX вѣка. Но, ставя такую грань, авторъ, по его словамъ, далекъ отъ мысли отрицать тѣсную связь новой кодификаціи отъ тѣхъ работъ, которыя ей предшествовали; онъ вполнѣ признаетъ, напротивъ, что новая кодификація во многомъ обязана предшествующимъ работамъ, какъ вѣковымъ урокамъ опыта, и потому включаетъ въ свой очеркъ и обзоръ древнѣйшихъ русскихъ законодательныхъ сборниковъ.

Постановленія, относящіяся къ гражданскому праву, встрѣчаются уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ русскаго законодательства. Прежде всего мы находимъ ихъ въ договорахъ великихъ князей Олега и Игоря съ греками. Но на этихъ договорахъ г. Пахманъ не останавливается, такъ какъ, составляя акты международныхъ отношеній, они не могутъ быть причислены къ разряду сборниковъ дѣйствующаго внутри страны права. Онъ начинаетъ свой обзоръ съ русской правды, предупреждая, что и по отношенію къ памятникамъ внутренняго законодательства онъ не намѣренъ усвоивать своему обзору ту полноту, какая умѣстна во внѣшней исторіи русскаго права вообще, считая возможнымъ ограничиться обзоромъ важнѣйшихъ сборниковъ или кодексовъ, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о самыхъ существенныхъ началахъ древняго русскаго гражданскаго права. Къ такимъ памятникамъ онъ относитъ, кромѣ русской правды, сборники XV и XVI столѣтій, въ особенности судебники, и, наконецъ, уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Давая въ этомъ отдѣлѣ своей книги весьма краткій обзоръ древнихъ памятниковъ, г. Пахманъ дополняетъ его впослѣдствіи, при обозрѣніи свода законовъ гражданскихъ, подробнымъ разсмотрѣніемъ содержанія тѣхъ постановленій соборнаго уложенія, которыя и въ настоящее время

имѣютъ важность, какъ основаніе дѣйствующаго закона. Но и независимо отъ этого дополненія, сдѣланный имъ очеркъ древняго законодательства представляется вполнѣ достаточнымъ для перехода къ обзору кодификаціи XVIII столѣтія.

Обращаясь къ этому послѣднему періоду кодификаціонныхъ работъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что въ теченіе всего XVIII вѣка у насъ дѣлаются попытки одной, такъ-сказать, генеральной кодификаціи, безъ особенной спеціализаціи права по отраслямъ. Можно представить себѣ, поэтому, какой громадный трудъ выпалъ на долю профессора Пахмана, чтобы только выбрать изъ безконечнаго числа «трудовъ» всевозможныхъ коммисій то, что непосредственно относится къ его спеціальной задачѣ, т.-е. собственно къ гражданскому праву. Трудность этой задачи была тѣмъ болѣе, что у г. Пахмана не было подъ руками никакихъ пособій, кромѣ сыраго, не тронутаго еще рукою историковъ, матеріала, да и то не всегда полнаго. Тѣмъ не менѣе, мы получили въ книгѣ почтеннаго профессора весьма обстоятельный очеркъ не только всѣхъ кодификаціонныхъ работъ XVIII вѣка, но и преобладающихъ идей этого вѣка въ отношеніи разныхъ частей гражданскаго и торговаго права.

Вѣкъ этотъ, въ отношеніи кодификаціонныхъ работъ, профессоръ Пахмамъ, совершенно основательно, дѣлитъ на два періода, которые обозначаются именами Петра Великаго и Екатерины II. Въ теченіе перваго періода, обнимающаго собою слишкомъ 60 лѣтъ, наряжено было шесть спеціальныхъ коммисій, которымъ попеременно поручалось то составленіе свода существующихъ законовъ, то «сочиненіе» законовъ новыхъ,—«ясныхъ, всѣмъ понятныхъ и времени приличныхъ», но ни того, ни другаго не состоялось, и отъ всѣхъ кодификаціонныхъ попытокъ этого времени до насъ дошло только нѣсколько отрывковъ. Гораздо болѣе богатую результатами дѣятельность представляетъ второй періодъ, т.-е. екатерининскій. Къ нему, какъ извѣстно, относится знаменитая «коммисія о сочиненіи проекта новаго уложенія» 1766 года и «наказъ» императрицы, въ которомъ были изложены руково-

дящія начала для коммисіи. Хотя занятія и этой коммисіи въ окончательномъ результатѣ также не увѣнчались успѣхомъ, но сама по себѣ эта законодательная попытка въ высшей степени замѣчательна какъ по обширности плана, такъ и по характеру тѣхъ идей и предположеній, которыя были высказаны различными органами правительства и общества и не остались безъ вліянія, по крайней мѣрѣ на частныя измѣненія въ различныхъ частяхъ нашего законодательства. Въ виду этого г. Пахманъ весьма подробно излагаетъ важнѣйшіе факты, относящіеся къ екатерининской коммисіи, тѣмъ болѣе, что для этого обзора существуютъ хотя и неполные, но довольно обильные матеріалы, обнародованные въ послѣднее время. Для болѣе наглядной группировки этого матеріала, авторъ останавливается сначала на внѣшней сторонѣ учрежденія коммисіи и ходѣ ея дѣятельности вообще; затѣмъ излагаетъ содержаніе тѣхъ руководящихъ мыслей, которыя были начертаны въ большомъ наказѣ императрицы, въ «начертаніи о приведеніи къ окончанію коммисіи проекта новаго уложенія» и въ наказѣ, данномъ генералъ-прокурору 3 іюля 1768 года, и, наконецъ, содержаніе наказовъ, данныхъ депутатамъ, и личныхъ заявленій этихъ депутатовъ въ коммисіи, обращая при этомъ особенное, конечно, вниманіе на тѣ предположенія, которыя относятся къ области гражданскаго права, какъ-то: права семейственнаго, права наслѣдственнаго, права торговли и промышленности и права вексельнаго. Обзоръ всего этого матеріала въ совокупности приводитъ г. Пахмана къ выводу, что въ самомъ направленіи идей того времени, даже въ скромной области гражданскаго права, слишкомъ мало было единства для того, чтобы коммисія о сочиненіи новаго уложенія могла придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ результатамъ. Отсюда нельзя, однакожъ, дѣлать вывода — говоритъ онъ — будто задуманное Екатериною II дѣло было совершенно безплодно; напротивъ, многое изъ того, что̀ было высказано въ отдѣльныхъ наказахъ и предположеніяхъ самой коммисіи вошло не только въ законодательные акты XVIII столѣтія, но и въ нынѣ дѣйствующіе законы; благодаря коммисіи, за-

конодательство наше усилилось и освѣжилось новыми элементами, почерпнутыми изъ народнаго источника.

Въ заключеніе обзора кодификаціонныхъ усилій XVIII вѣка, г. Пахманъ говоритъ еще нѣсколько словъ о коммисіи 1797 года, учрежденной уже съ новою цѣлью—собрать существующія узаконенія и составить изъ нихъ систематическій сводъ. Но результаты и этой (по счету восьмой въ XVIII вѣкѣ) коммисіи были почти ничтожны. Она составила: 17 главъ о судопроизводствѣ, 9 главъ о дѣлахъ вотчинныхъ и 13 главъ изъ законовъ уголовныхъ. Но такъ какъ всѣ эти работы были одни лишь начатки и не представляли ничего цѣлаго, то остались безъ разсмотрѣнія.

Почти столь же безрезультатны были и кодификаціонныя работы первой четверти XIX вѣка. Важную услугу онѣ оказали развѣ въ томъ отношеніи, что выдѣлили гражданское право, какъ предметъ особаго кодекса. Такое выдѣленіе совершилось впервые въ составленныхъ послѣдовательно двухъ проектахъ гражданскаго уложенія — 1809 и 1814 года. Изъ нихъ послѣдній является почти одновременно съ проектомъ и торговаго уложенія. Содержаніе этихъ проектовъ г. Пахманъ передаетъ весьма подробно, съ необходимыми историческими разъясненіями и указаніями на то, въ чемъ они сходны съ французскими кодексами и чѣмъ отъ нихъ отличаются. Послѣднія указанія сдѣланы въ виду того, небезосновательнаго и по мнѣнію г. Пахмана, упрека, который дѣлаютъ редактору коммисіи составленія законовъ, Сперанскому, въ заимствованіяхъ изъ французскаго code civil. Послѣднимъ разсмотрѣнъ проектъ торговаго уложенія, которымъ и заканчивается первый томъ «Исторіи кодификаціи гражданскаго права».

Второй томъ открывается общимъ обзоромъ кодификаціи гражданскихъ законовъ съ 1826 года. Но на этомъ предметѣ, достаточно уже, впрочемъ, разработанномъ, г. Пахманъ останавливается не долго. Главное же вниманіе его сосредоточено на обзорѣ содержанія нашего X тома. При этомъ обзорѣ, авторъ указываетъ на важнѣйшіе источники, лежащіе въ основаніи дѣйствующихъ узаконеній, а также на предложенія или

проекты измѣненій по тому или другому отдѣлу или вопросу законодательства и, наконецъ, на важнѣйшія литературныя пособія, въ которыхъ можно найти разъясненія относительно происхожденія и смысла дѣйствующихъ постановленій по гражданскому праву. Указанія послѣдняго рода въ особенности драгоцѣнны для лицъ, занимающихся догматическою разработкою нашихъ гражданскихъ законовъ, такъ какъ до сихъ поръ у насъ не было ни одного сочиненія, въ которомъ литература гражданскаго права была бы подробно и систематически изложена; трудъ же г. Пахмана восполняетъ этотъ пробѣлъ, и восполняетъ весьма удачно. Вообще, глава, посвященная обзору содержанія дѣйствующихъ законовъ гражданскихъ, по основательному отзыву г. Ев. Корша, одна изъ лучшихъ въ трудѣ г. Пахмана. Мы къ этому прибавили бы только, что глава эта и наиболѣе интересна для тѣхъ изъ юристовъ, которые занимаются исключительно догматикою дѣйствующаго права, т.-е. для юристовъ-практиковъ.

Послѣдній отдѣлъ сочиненія г. Пахмана заключаетъ въ себѣ исторію кодификаціи мѣстнаго права въ Россію. Во главѣ обзора мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ различныхъ областяхъ Россіи, авторъ ставитъ законодательство остзейскаго края, потому что, въ отличіе отъ другихъ областей, здѣсь составился и изданъ обширный гражданскій кодексъ подъ названіемъ свода, могущій стать въ ряду самыхъ полныхъ и разработанныхъ изданій подобнаго рода. Но въ виду того, что изученіе этого кодекса было бы затруднительно безъ предварительнаго ознакомленія съ тѣми разнородными элементами, изъ которыхъ сложилось нынѣ дѣйствующее въ остзейскомъ краѣ законодательство, г. Пахманъ, прежде чѣмъ обратиться къ обзору самаго содержанія кодекса, указываетъ и на источники права, дѣйствовавшіе въ этомъ краѣ въ прежнія времена. Сообразно съ этимъ, изложеніе его раздѣляется на общій обзоръ кодификаціи въ остзейскомъ краѣ и на обзоръ свода мѣстныхъ законовъ этого края. Въ отношеніи послѣдняго г. Пахманъ замѣчаетъ, въ заключеніе обзора, что, несмотря на свое недавнее появленіе, сводъ этотъ представ-

ляетъ столько устарѣлыхъ, отжившихъ свой вѣкъ началъ, что въ этомъ отношеніи онъ представляется даже анахронизмомъ въ сравненіи съ тѣми кодексами, которые могли служить для него образцомъ, и съ тѣми началами, которыя издавна выработались и признаны въ наукѣ гражданскаго права. Но само собою разумѣется, что этимъ вовсе не ослабляются тѣ несомнѣнныя достоинства остзейскаго гражданскаго кодекса, въ силу которыхъ, по сдѣланному уже выше замѣчанію, онъ долженъ быть поставленъ въ ряду самыхъ полныхъ и разработанныхъ изданій этого рода, и во многихъ отношеніяхъ можетъ служить пособіемъ при разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ гражданскаго уложенія.

Очеркъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ царствѣ польскомъ, обнимаетъ гражданское уложеніе 1825 года, законы о брачномъ союзѣ 1836 года, ипотечныя узаконенія, изданныя въ дополненіе и измѣненіе гражданскаго кодекса, предположенія о новомъ гражданскомъ уложеніи для польскаго края и отношеніе судебныхъ уставовъ къ гражданскому кодексу.

Между русскими юристами установилось убѣжденіе, что въ царствѣ польскомъ и по-нынѣ дѣйствуетъ code civil, съ незначительными лишь перемѣнами. Но, зная всѣ обстоятельства, имѣвшія вліяніе на составъ дѣйствующихъ въ этомъ краѣ гражданскихъ законовъ, нельзя не признать, говоритъ г. Пахманъ, что отъ знаменитаго кодекса здѣсь сохранили силу лишь осколки; большая же часть его постановленій или отмѣнена или измѣнена. Отсюда само собою слѣдуетъ, что пересмотръ дѣйствующихъ тамъ гражданскихъ законовъ представляется одною изъ настоятельныхъ потребностей, которой всего лучше было бы удовлетворить въ связи съ предположеніями о пересмотрѣ общаго гражданскаго законодательства имперіи.

Обзоръ мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Россіи, заканчивается обзоромъ законовъ губерній черниговской и полтавской, Бессарабіи, Кавказа, Сибири и Финляндіи. Въ послѣдней до сихъ поръ дѣйствуетъ «уложеніе Швеціи» 1734 года.

Таково богатое содержаніе книги г. Пахмана, какъ юриста-историка.

Но въ книгѣ есть еще 10 страницъ, посвященныхъ, такъ сказать, «злобѣ дня» въ области кодификаціи нашего гражданскаго права. Изложивъ ходъ работъ по этому предмету вплоть до того времени, когда появился на свѣтъ дѣйствующій нынѣ сводъ гражданскихъ законовъ, г. Пахманъ останавливается, далѣе, и на предположеніяхъ о пересмотрѣ этого свода.

Выше мы видѣли уже, что правительство наше со временъ Петра Великаго и до 1826 года попеременно испытывало оба направленія въ кодификаціи — составленіе свода и сочиненіе уложенія, причемъ первою мыслію каждаго изъ законодателей было сочиненіе уложенія, и только неудача попытки этого рода приводила къ мысли о необходимости «предварительно» свести во-едино существующіе уже законы. Главный редакторъ свода, Сперанскій, также думалъ, какъ уже сказано, объ уложеніи и даже представлялъ проектъ его; на сводъ же смотрѣлъ, какъ на необходимое для гражданскаго уложенія пособіе, въ тѣхъ видахъ, что уложеніе не можетъ быть составлено на основаніи однихъ умозрительныхъ началъ, а должно стоять на почвѣ дѣйствующаго закона, пополняя его сообразно съ потребностями практической жизни, сглаживая противорѣчія и облекая отдѣльныя казуистическія положенія въ форму общихъ началъ. Затѣмъ со времени изданія свода и до настоящаго времени, говоритъ г. Пахманъ, мысль объ уложеніи не была оставлена; напротивъ, весьма много юридическихъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, откладывалось до того времени, когда будетъ составляться уложеніе. Такъ, напримѣръ, въ 1842 году было съ вопросомъ о наслѣдованіи единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ въ боковыхъ линіяхъ; въ 1845 году съ вопросомъ о давности, и проч. Считая, поэтому, вопросъ объ уложеніи въ правительственныхъ сферахъ окончательно уже рѣшеннымъ, авторъ считаетъ излишнимъ высказываться относительно того, есть ли на самомъ дѣлѣ необхо-

димость въ гражданскомъ уложеніи или нѣтъ, а прямо переходитъ къ вопросамъ, которые необходимо должны представиться при самомъ составленіи уложенія. Но и этихъ послѣднихъ вопросовъ онъ касается лишь слегка, потому что «не имѣлъ въ виду предлагать какія-либо соображенія въ смыслѣ проекта основныхъ началъ будущей работы, а желалъ только представить въ бѣгломъ очеркѣ высказанныя по этому предмету оффиціальныя и частныя предположенія, какъ одинъ изъ важныхъ фактовъ въ современномъ движеніи нашей кодификаціи».

Такихъ вопросовъ проф. Пахманъ намѣчаетъ пять: первый изъ нихъ—*вопросъ о формѣ уложенія*, т.-е. о способѣ редактированія статей и о системѣ расположенія въ самомъ уложеніи матеріала. Разрѣшеніе этого вопроса не представляетъ, по замѣчанію профессора, никакихъ трудностей. Редакція статей уложенія должна отличаться отъ существующей редакціи статей гражданскихъ законовъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ по преимуществу должно быть обращено вниманіе на установленіе правилъ въ формѣ общихъ началъ, а не въ формѣ казуистической, преобладающей въ сводѣ; но при этомъ не должно быть упущено изъ виду, что уложеніе есть законъ, а не учебникъ, и что потому въ немъ не должны имѣть мѣста такія положенія, которыя не составляютъ положительнаго закона, а содержатъ въ себѣ отвлеченное, научное обобщеніе или опредѣленіе, умѣстное въ учебникѣ. Но само собою разумѣется, что сказанное не относится къ такимъ опредѣленіямъ, въ которыхъ законодатель установляетъ понятіе института, отличное въ чемъ-либо отъ общепринятаго въ наукѣ или въ другихъ законодательствахъ. Что же касается системы уложенія, то здѣсь—говоритъ авторъ—не должно увлекаться тою или другою, принятою въ наукѣ права, системою, установленіе которой есть дѣло чисто научное, а слѣдуетъ держаться болѣе практическихъ воззрѣній на дѣло и расположить матеріалъ въ такой системѣ, какая наиболѣе удобна для практики. Задача кодекса—служить удобствамъ чисто практической жизни, но при этомъ разумѣется само собою, что и практи-

ческая группировка законовъ, чтобы не быть случайнымъ аггрегатомъ статей, не можетъ быть чужда общихъ логическихъ условій стройнаго уложенія.

Спорить противъ приведеннаго сейчасъ замѣчанія проф. Пахмана по вопросу о системѣ уложенія не представляется основанія, но лишь потому, что въ замѣчаніи этомъ никакого рѣшенія вопроса о системѣ будущаго уложенія не содержится; ибо сказать только, что система уложенія должна удовлетворять потребностямъ практики, значитъ, въ сущности, ничего не сказать. Всѣ уложенія на свѣтѣ написаны единственно для того, чтобы «служить удобствамъ чисто практической жизни», и всѣ системы существующихъ уложеній, т.-е. всѣ способы распредѣленія матеріала въ книгахъ законовъ, избирались единственно на основаніи соображеній объ этихъ удобствахъ практики. Между тѣмъ, несомнѣнно, что достоинство системъ, избранныхъ *на этомъ основаніи* составителями различныхъ кодексовъ, весьма различно. Самъ же проф. Пахманъ, обозрѣвая гражданскіе кодексы различныхъ странъ Европы, постоянно останавливается на вопросѣ о достоинствахъ системы этихъ кодексовъ и дѣлаетъ имъ сравнительную оцѣнку въ этомъ отношеніи. Можно и нужно, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ выбрать изъ всѣхъ существующихъ системъ наилучшую, т.-е. наиболѣе отвѣчающую потребностямъ нашей практической жизни. Правда, категорическое рѣшеніе этого вопроса не входило непосредственно въ задачу, избранную ученымъ авторомъ разбираемой книги; но разъ г. Пахманъ призналъ нужнымъ поставить этотъ вопросъ, то слѣдовало уже предложить и рѣшеніе его, хотя бы и не подробно мотивированное, хотя бы только въ общихъ чертахъ; нужно это было тѣмъ болѣе, что вопросъ о системѣ уложенія, какъ и проф. Пахманъ полагаетъ, одинъ изъ первыхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію будущихъ кодификаторовъ нашего гражданскаго права. Можно догадываться, однако, по отзывамъ г. Пахмана объ иностранныхъ кодексахъ, сдѣланнымъ въ I т. его труда, что въ отношеніи системы онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе передъ другими кодексами—саксонскому гражданскому уложенію. Если

предположеніе наше вѣрно, то намъ остается только присоединиться къ мнѣнію почтеннаго профессора, такъ какъ система этого уложенія [1]) дѣйствительно представляется наиболѣе удобною и для изученія кодекса, и для практическаго пользованія имъ.

Второй вопросъ, который возникаетъ при составленіи гражданскаго уложенія, есть вопросъ о порядкѣ пересмотра того матеріала, который долженъ лечь въ основу уложенія. Этотъ матеріалъ, говоритъ авторъ, извѣстенъ и опредѣленъ уже, какъ таковой, еще Сперанскимъ,—именно сводъ законовъ, построенный на исторической почвѣ, и затѣмъ насущныя требованія дѣйствительной жизни, по крайней мѣрѣ настолько, насколько онѣ успѣли уже заявить о себѣ въ нашей судебной практикѣ. Что же касается вопроса о томъ, какъ далеко въ глубь исторіи нужно вдаваться для того, чтобы уяснить себѣ историческія основы дѣйствующаго закона, то вопросъ этотъ проф. Пахманъ разрѣшаетъ слѣдующимъ, безусловно основательнымъ, замѣчаніемъ: «предѣлъ этотъ,—говоритъ онъ,—должно составлять уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Далѣе этого идти не слѣдуетъ уже потому, что въ новоуказныхъ статьяхъ мы не видимъ потребности возстановлять тѣ юридическія понятія, которыя сохранились въ старыхъ памятникахъ,—доказательство, что уже сама жизнь опредѣлила эти понятія, какъ отжившія свой вѣкъ и уже болѣе ненужныя». И дѣйствительно, всѣ древнѣйшіе источники права, каковы — грамоты, судебники, кормчія, русская правда—нашли свое конечное выраженіе въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича и уже съ этого времени утратили свою практическую важность. Все, что́ было опредѣлено въ этихъ источникахъ, вошло въ уложеніе, или признано несостоятельнымъ еще во время составленія этого по-

[1]) Уложеніе это распадается на пять составныхъ частей: 1) часть общую, въ которой сосредоточены основные элементы, общіе всѣмъ институтамъ гражданскаго права, напримѣръ, понятіе о субъектѣ и объектѣ права, понятіе о правѣ гражданскомъ и т. п., и тѣ начала, которыя имѣютъ общее вліяніе на возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе юридическихъ отношеній, каковы, напримѣръ, понятія о срокѣ, объ условіи, ошибкѣ и проч.; 2) право вещное; 3) право по обязательствамъ; 4) право семейное, и 5) право наслѣдственное.

слѣдняго памятника нашего законодательства. Притомъ, говоритъ авторъ, всѣ древнѣйшіе памятники болѣе или менѣе изслѣдованы и потому не нуждаются въ новой разработкѣ, которая, быть можетъ, въ большинствѣ случаевъ привела бы къ чисто-отрицательнымъ результатамъ, а между тѣмъ отдалила бы на неопредѣленное время появленіе въ свѣтъ уложенія, которое, исходя изъ понятій дѣйствующаго законодательства, должно согласоваться съ потребностями настоящаго, а не благоговѣть передъ давно отжившимъ юридическимъ строемъ, который отдѣляетъ отъ насъ густая завѣса временъ и событій.

Нельзя не согласиться, далѣе, съ мнѣніемъ проф. Пахмана и по третьему вопросу, долженствующему возникнуть при составленіи уложенія,—по вопросу о томъ, должно ли уложеніе черпать матеріалъ изъ однихъ писанныхъ законовъ или же при его составленіи должно быть принято во вниманіе также и обычное право. Этотъ вопросъ авторъ разрѣшаетъ въ пользу принятія во вниманіе и обычнаго права, нѣкоторыя начала котораго, какъ, напримѣръ, правило «грѣхъ пополамъ», съ пользою могли бы быть приняты и въ новое уложеніе. Свѣдѣній по этой части для указанной цѣли, по мнѣнію автора, уже достаточно собрано даже въ однихъ трудахъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ. «Останавливаться же составленіемъ уложенія впредь до того времени, когда народные юридическіе обычаи будутъ вполнѣ собраны и изслѣдованы, было бы равносильно отклоненію подъ благовиднымъ предлогомъ и самой мысли объ уложеніи». И въ самомъ дѣлѣ, важную особенность нашего обычнаго права составляетъ то обстоятельство, что оно, какъ замѣчали уже многіе юристы, есть продуктъ творческаго народа въ тѣсномъ смыслѣ и стоитъ совершенно особнякомъ отъ оффиціальной, государственной жизни страны съ ея законодательствомъ; особенныя же условія, въ которыхъ находился нашъ народъ, и преимущество крѣпостное право, были причиною, что юридическіе обычаи въ однѣхъ мѣстностяхъ крайне слабо развивались, а въ другихъ, подъ вліяніемъ помѣщичьей и чиновничьей власти, и вовсе выходили изъ употребленія, забывались.

Поэтому самое тщательное изслѣдованіе въ этомъ отношеніи можетъ привести въ громадномъ большинствѣ мѣстностей лишь къ отрицательныхъ результатамъ въ родѣ тѣхъ, къ которымъ приводило коммисію о преобразованіи волостныхъ судовъ. «Мѣстныхъ обычаевъ не знаемъ» — говорили крестьяне коммисіи — «судимъ по закону и по справедливости» (т. 1, стр. 12, 21, 36, 38, 59). «Нѣтъ обычаевъ о порядкѣ наслѣдованія, а все мѣняется, смотря по человѣку» (II, 24 и 25). «Нѣтъ постоянно соблюдаемыхъ обычаевъ» (II, 24, 25). «Обычаи бываютъ разные, всѣхъ не перечтешь, но волостной судъ старается, чтобы никому не было обидно» (VI, 744) и т. д. Откладывать же составленіе уложенія до тѣхъ поръ, пока будутъ получены такія же свѣдѣнія изъ мѣстностей, еще не обслѣдованныхъ, конечно было-бы неосновательно.

Четвертый вопросъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли издать гражданское уложеніе только для Россіи, исключивъ такимъ образомъ мѣстности, гдѣ дѣйствуютъ мѣстные законы, или же оно должно обнять и эти послѣдніе. Этотъ вопросъ профессоръ Пахманъ разрѣшаетъ съ тою же чисто-ученою осторожностію, съ какою онъ отнесся и къ вопросу о системѣ уложенія. «Нельзя, конечно» — говоритъ онъ — «не сознавать всей важности общаго для имперіи законодательства въ области гражданскаго юридическаго оборота, совершенно независимо отъ какихъ-либо по этому вопросу соображеній неюридическаго характера. Но переводить мысль о такомъ объединеніи прямо на практическую почву едва ли возможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ установлены и выяснены у насъ основныя начала гражданскаго уложенія, и мало того, пока не будетъ у насъ осязательной увѣренности въ томъ, что предполагаемая работа станетъ выше тѣхъ кодексовъ, которые дѣйствуютъ въ нашихъ окраинахъ. До того времени вопросъ о полномъ сліяніи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ съ общими представляется преждевременнымъ». Другими словами: профессоръ Пахманъ полагаетъ, что уложеніе должно быть первоначально разсчитано только на имперію въ тѣсномъ смыслѣ, а уже потомъ можно будетъ возбудить вопросъ о примѣненіи

уложенія къ окраинамъ. Но съ такимъ рѣшеніемъ этого вопроса едва ли можно согласиться. Распространяться здѣсь о необходимости и возможности объединенія гражданскаго законодательства для всѣхъ частей Россіи—намъ не представляется основанія, какъ потому, что профессоръ Пахманъ признаетъ необходимость такого объединенія, такъ и потому, что вопросъ этотъ весьма подробно разработанъ и, по нашему мнѣнію, совершенно правильно разрѣшенъ въ «Журн. Гражд. и Угол. Права» еще въ 1873 г. (№ 5, стр. 219 и слѣд.). Да и само правительство наше, повидимому, рѣшило этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, въ смыслѣ утвердительномъ. Но мы полагаемъ, что объединеніе это должно и можетъ совершиться именно при предстоящемъ пересмотрѣ общаго гражданскаго законодательства имперіи, и вотъ почему.

Во-первыхъ, ни одна изъ нашихъ окраинъ не обладаетъ такимъ гражданскимъ кодексомъ, который могъ бы быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ и не требовалъ бы коренныхъ перемѣнъ. О гражданскомъ уложеніи, дѣйствующемъ въ царствѣ польскомъ, уже произнесенъ приговоръ юридическою коммисіею 1865 года. Коммисія признала, что положенія дѣйствующаго въ этомъ краѣ гражданскаго права выходятъ изъ совершенно различныхъ, несогласованныхъ между собою принциповъ; что въ краѣ существуетъ много такихъ гражданскихъ отношеній, для регулированія которыхъ ни въ кодексѣ Наполеона, ни въ изданныхъ впослѣдствіи, въ дополненіе и измѣненіе этого кодекса, положеніяхъ — вовсе нѣтъ постановленій; не регулированы, напримѣръ, право эмфитевтическое и право суперфиціарное и что, поэтому, пересмотръ гражданскаго уложенія этого края во всемъ его объемѣ представляется одною изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ края. Въ такомъ же почти положеніи находится гражданское право и остзейскихъ губерній. По отзыву самаго г. Пахмана, сводъ гражданскихъ законовъ этого края, при всѣхъ его достоинствахъ, заключаетъ въ себѣ множество устарѣлыхъ, отжившихъ свой вѣкъ началъ, и представляется въ этомъ отношеніи даже анахроническимъ въ сравненіи съ тѣми кодексами, которые могли служить для

него образцомъ, и съ тѣми началами, которыя издавна выработались и признаны въ наукѣ гражданскаго права. Слѣдовательно, пересмотръ и этого свода представляется также необходимымъ. О достоинствахъ же остальныхъ мѣстныхъ узаконеній нечего говорить: здѣсь уже рѣчь можетъ идти только о бо́льшей или меньшей возможности еще терпѣть ихъ недостатки. Такимъ образомъ, правительству нашему, съ принятіемъ того рѣшенія по данному вопросу, какое предлагаетъ г. Пахманъ, предстояло бы одно изъ двухъ: или заняться составленіемъ нѣсколькихъ кодексовъ одновременно, или же заботиться только о Россіи въ тѣсномъ смыслѣ, а окраины на весьма продолжительное время оставить въ томъ положеніи, ненормальность котораго уже вполнѣ констатирована. Но очевидно, что и тотъ и другой исходъ были бы одинаково неудобны.

Во-вторыхъ, при составленіи гражданскаго уложенія для одной только Россіи, въ немъ, конечно, могутъ найти себѣ мѣсто опредѣленія только такихъ юридическихъ отношеній, какія дѣйствительно существуютъ въ жизни страны, такъ какъ уложеніе — не учебникъ и не должно касаться вопросовъ, не вытекающихъ прямо изъ жизни. Между тѣмъ, на окраинахъ существуетъ множество такихъ, въ особенности поземельныхъ, отношеній, которыхъ Россія въ собственномъ смыслѣ пока еще не знаетъ; для примѣра можно указать на отношенія сервитутныя, вѣчной аренды и т. п. Слѣдовательно, уложеніе, разсчитанное на одну только Россію, какъ бы хорошо оно ни было составлено, при введеніи его въ дѣйствіе въ каждой изъ окраинъ, необходимо окажется неполнымъ и потребуетъ такихъ передѣлокъ, которыя могутъ сдѣлать его опять-таки практически непригоднымъ, какъ со стороны единства началъ, такъ и со стороны единообразія въ выраженіи этихъ началъ, т.-е. со стороны чисто технической.

Въ третьихъ, наконецъ, объединеніе гражданскаго законодательства во всѣхъ частяхъ Россіи, при томъ разрѣшеніи вопроса, какое предлагаетъ г. Пахманъ, откладывается на неопредѣленное время и ставится, притомъ, въ зависимость отъ

условія, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя признать опредѣленнымъ. Осуществленіе этой мысли, говоритъ авторъ, возможно лишь тогда, когда у насъ будетъ «осязательная увѣренность, что предполагаемая работа станетъ выше тѣхъ кодексовъ, которые дѣйствуютъ въ нашихъ окраинахъ». Но кто будутъ судьи новаго и стараго кодексовъ? Гдѣ масштабъ для опредѣленія относительныхъ достоинствъ ихъ? Какъ поступить въ томъ случаѣ, если новое уложеніе будетъ только не хуже мѣстныхъ кодексовъ? Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, еслибы они дѣйствительно перешли на практическую почву, вызоветъ, разумѣется, безконечные споры и повлечетъ за собою столь продолжительную отсрочку въ объединеніи законодательства, что объединенія этого не увидать не только намъ, но и ближайшему нашему потомству. А между тѣмъ, объединеніе это несомнѣнно составляетъ одну изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей, удовлетворить которой надо во что бы то ни стало, и притомъ, по возможности, въ непродолжительномъ времени. Не касаясь здѣсь соображеній чисто политическаго характера, нельзя не замѣтить, что существующій партикуляризмъ въ гражданскомъ правѣ можетъ привести насъ къ полнѣйшей несостоятельности и въ отношеніи юридическомъ. Въ самомъ дѣлѣ, правительство уже рѣшило распространить судебную реформу 64 года на всѣ части Россіи, не исключая и окраинъ, живущихъ по мѣстнымъ гражданскимъ кодексамъ, и реформа дѣйствительно распространена уже на нѣкоторыя изъ такихъ окраинъ: закавказскій край, Бессарабію и Польшу. Вслѣдствіе этого, высшій надзоръ за дѣятельностью судебныхъ учрежденій и правильнымъ примѣненіемъ законовъ въ этихъ окраинахъ долженъ сосредоточиться въ одномъ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената; а при такомъ положеніи дѣла личному составу сената, т.-е. сенаторамъ и чинамъ оберъ-прокурорскаго надзора, для удовлетворительнаго исполненія своихъ обязанностей, приходится изучать не только коренные отечественные законы, но и мѣстные кодексы, — да изучать не поверхностно, не въ общихъ чертахъ, а во всей подробности, не исключая и источниковъ, на кото-

рыхъ тѣ кодексы основаны; иначе рѣшенія сената не будутъ имѣть никакого авторитета на окраинахъ и не только не установятъ тамъ единообразія въ толкованіи и примѣненіи законовъ, а, пожалуй, приведутъ мѣстную практику къ результатамъ какъ разъ противоположнымъ. Между тѣмъ, нечего и говорить, что такое изученіе нѣсколькихъ кодексовъ представляетъ трудъ, едва ли посильный для большинства членовъ сената. Независимо отъ этого, съ улучшеніемъ путей сообщенія, юридическія и въ особенности торговыя сношенія между людьми, живущими въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, значительно развились и усложнились; при такомъ же положеніи, разнообразіе въ законодательствѣ разныхъ мѣстностей одного и того же государства представляется явленіемъ въ высшей степени ненормальнымъ и нежелательнымъ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что актъ, дѣйствительный въ мѣстѣ жительства одного контрагента, можетъ оказаться недѣйствительнымъ въ мѣстѣ жительства другаго, тогда какъ оба они живутъ въ одномъ и томъ же государствѣ?

Въ виду всего сказаннаго мы позволяемъ себѣ высказать надежду, что новое гражданское уложеніе, какъ и уложеніе торговое, будетъ издано для всей имперіи, не исключая прибалтійскихъ губерній и царства польскаго.

Послѣдній, наконецъ, изъ намѣченныхъ пр. Пахманомъ вопросовъ заключается въ томъ, должно ли уложеніе оставаться въ предѣлахъ тѣхъ вопросовъ, которые разрѣшены въ сводѣ гражданскихъ законовъ (т. X ч. 1), или же оно должно вмѣстить въ себѣ, кромѣ общихъ, и особенные гражданскіе законы, т.-е. право торговое и вексельное. Вопросъ этотъ пр. Пахманъ разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: «если держаться примѣра иностранныхъ уложеній, говоритъ онъ, то придется законы торговые выдѣлить изъ обще-гражданскаго кодекса. Но если принять во вниманіе, что, напримѣръ, торговый кодексъ Германіи есть продуктъ того порядка вещей, когда трудно и даже невозможно было и помышлять о единствѣ права въ Германіи во всей его совокупности, то не трудно устранить примѣръ запада для насъ, какъ находящихся въ иныхъ условіяхъ;

съ другой же стороны, въ послѣднее время торговое право получило новую основу, переставъ быть правомъ отдѣльнаго класса лицъ, вслѣдствіе чего его институты, сходные въ коренныхъ основахъ съ институтами гражданскаго права, сдѣлались учрежденіями общаго гражданскаго оборота, напр., вексель, и потому, какъ намъ кажется, открывается полная возможность соединить въ одно уложеніе и общіе гражданскіе законы, и такъ-называемые особенные, имѣющіе чисто юридическій характеръ (напр., торговые договоры и т. п.)».

Согласиться съ этимъ мнѣніемъ едвали возможно.

Напомнимъ, прежде всего, ту безусловно вѣрную мысль, весьма часто повторяемую и пр. Пахманомъ, что въ дѣлѣ кодификаціи законовъ меньше всего нужно гоняться за научною систематизаціею предметовъ, а нужно распредѣлять ихъ такъ, какъ оказывается наиболѣе удобнымъ для практики. Мысль эта, повторяемъ, безусловно вѣрна и ее постоянно нужно имѣть въ виду при раздѣленіи законовъ на отдѣльныя книги. Съ этой же точки зрѣнія оказывается, что законы нужно дѣлить на отдѣльные кодексы, уставы, уложенія и т. п. прежде всего съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая изъ этихъ книгъ содержала въ себѣ, по возможности, все, что нужно для руководства въ своей дѣятельности данной — болѣе или менѣе крупной, разумѣется, — группѣ людей и тѣмъ правительственнымъ или общественнымъ учрежденіямъ, которыя вѣдаютъ дѣла, свойственныя спеціально этой группѣ. Правильно или неправильно, съ теоретической точки зрѣнія, но законодательство наше, въ принципѣ, рѣшило уже выдѣлить дѣла, свойственныя исключительно торговому классу, въ особую группу и подчинить эти дѣла вѣдомству спеціальныхъ коммерческихъ судовъ. Понятно, что и торговымъ людямъ и коммерческимъ судамъ гораздо удобнѣе руководствоваться книгою, посвященною исключительно тѣмъ предметамъ, которые спеціально ихъ касаются, чѣмъ книгою, въ которой эти предметы будутъ перемѣшаны съ другими, не имѣющими къ торговымъ дѣламъ никакого отношенія: изученіе законовъ и подыскиваніе ихъ для примѣненія къ дѣламъ въ первомъ случаѣ гораздо удобнѣе, чѣмъ во вто-

ромъ. Въ виду этого, вопросъ долженъ быть поставленъ не о томъ, можно ли соединить общіе и спеціальные гражданскіе законы въ одну книгу, а о томъ, можно ли ихъ не соединять? Въ случаѣ же утвердительнаго отвѣта на этотъ послѣдній вопросъ, мысль о соединеніи, по указаннымъ соображеніямъ практической сподручности, конечно, должна быть устранена. Вопросъ же этотъ уже разрѣшенъ самою жизнію: на континентѣ Европы нѣтъ, кажется, ни одного государства, въ которомъ бы торговые законы не были изложены отдѣльно отъ общихъ гражданскихъ законовъ, и никакихъ практическихъ неудобствъ отъ такого раздѣленія нѣтъ. Слѣдовательно, уже по однимъ практическимъ соображеніямъ мысль о соединеніи общихъ гражданскихъ и торговыхъ законовъ въ одно уложеніе должна быть отвергнута и у насъ.

Но, независимо отъ этого, мы полагаемъ, что такое соединеніе невозможно и по другому основанію. Не подлежитъ сомнѣнію, что торговое право есть только составная часть общаго гражданскаго права и что основныя начала этого послѣдняго должны быть приняты въ разсчетъ и при кодификаціи перваго. Но есть между ними и существенная разница. Общее гражданское право должно утверждаться по преимуществу на такихъ началахъ, которыя выработаны въ данной мѣстности, среди даннаго народа и чѣмъ ближе они къ мѣстнымъ особенностямъ—тѣмъ лучше, тѣмъ дѣйствительнѣе. Поэтому, въ основаніе гражданскаго уложенія, какъ совершенно справедливо полагаетъ и пр. Пахманъ, должны лечь дѣйствующіе законы наши, построенные на исторической почвѣ, и затѣмъ насущныя потребности жизни, насколько онѣ заявили о себѣ въ нашей судебной практикѣ. О заимствованіяхъ тутъ рѣчь можетъ идти только въ томъ случаѣ, если для данной группы отношеній, уже сложившихся въ жизни, у насъ дома не окажется готовыхъ нормъ. Совсѣмъ другое дѣло — право торговое. Характеристическая особенность этого послѣдняго заключается въ его всемірности, въ его космополитизмѣ. Торговля и вексель, какъ главное орудіе ея, распространяется на всю землю, не обращая вниманія на границы различныхъ

странъ и особенности мѣстныхъ условій. Отсюда всеобщее стремленіе къ созданію общаго, единаго законодательства по вексельному и торговому праву и, можетъ быть, дѣйствительно недалеко уже то время, когда важнѣйшіе законы, относящіеся къ этой области права, будутъ обсуждаться на международныхъ конгрессахъ изъ представителей независимыхъ государствъ. Вслѣдствіе этого и при составленіи нашего торговаго уложенія должно быть обращено самое серьёзное вниманіе на такія же иностранныя уложенія и преимущественно на уложенія тѣхъ государствъ, съ подданными которыхъ наши торговые люди наиболѣе имѣютъ сношеній; ибо только уложеніе, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ сходное съ иностранными кодексами, можетъ дѣйствительно помогать нашимъ торговымъ сношеніямъ съ иностранцами. Такимъ образомъ, составители общаго гражданскаго и торговаго уложеній, по самому существу дѣла, должны будутъ выходить изъ совершенно различныхъ началъ и поэтому соединеніе ихъ въ одну коммисію было бы и съ этой точки зрѣнія неудобно.

На этомъ мы оканчиваемъ разборъ замѣчательнаго труда почтеннаго профессора. Намъ остается только пожелать, въ заключеніе, чтобы первое слово талантливаго ученаго въ исторіи кодификаціи не осталось и послѣднимъ словомъ по этому предмету въ нашей юридической литературѣ. Пр. Пахманъ, если и не сдѣлалъ всего, что̀ можно бы сдѣлать по этой части, то по крайней мѣрѣ вполнѣ удачно поставилъ путеводные столбы, по которымъ могутъ уже идти и второстепенные юристы.

С. Платоновъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ**.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Вслѣдствіе оказавшихся неисправностей въ доставкѣ журнала гг. иногороднымъ подписчикамъ, редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе на нижеслѣдующія правила:

1) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣч. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 70 к., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к.

2) **Жалоба** на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы, редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде снослться съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ **не позже** полученія слѣдующей книжки журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

3) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ и подписныя суммы которыхъ часто передаются въ редакцію несвоевременно. Въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

4) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. подписчиковъ редакція признаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Объ изданіи въ 1877 году

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить по прежнему шесть разъ въ годъ книжками около 20 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . . . **8** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . . . **8** р. **50** к.
съ пересылкой въ другіе города . . . . **9** р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . . . **13** р.
съ пересылкой въ другіе города . . . . **13** р. **50** к.

РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА разсылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой, а въ Москвѣ—на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 2 линія, домъ № 7.

Подписчики, желающіе получить оставшіеся экземпляры журнала за прежніе годы, платятъ за „Журн. Гражд. и Торг. Пр." за 1871 г. 3 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к.; и за „Журн. Гражд. и Угол. Пр." за 1873 г. 7 р., и за всѣ 3 года 15 р. вмѣсто прежней цѣны 22 р. 70 к. Цѣна „Журн. Гражд. и Угол. Пр." за 1874, 1875 и 1876 г. таже какъ и подписная цѣна на 1877 г.

Подписка на 1876 г. продолжается.

Редакторы издатели: **А. Книримъ.** **Н. Таганцевъ.**